

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Постникова Алёна Александровна

**РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА:
ИСТОРИЯ «ЕВРОПЕЙСКОГО МИФА»**

5.6.2. Всеобщая история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научный консультант
Доктор исторических наук, профессор
Земцов Владимир Николаевич

Екатеринбург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ.....	35
1.1. Мемориальные исследования между памятью и забвением: многообразие интерпретаций или кризис постмодернистской парадигмы?.....	35
1.2. Историческая память о наполеоновской эпохе в современной европейской историографии.....	47
ГЛАВА 2. РУССКАЯ КАМПАНИЯ: РОЖДЕНИЕ «ФРАНЦУЗСКОГО МИФА».....	59
2.1. От Немана до Смоленска: начало русской кампании в представлении солдат Великой армии Наполеона.....	59
2.2. Москва в 1812 г.: «прощание с иллюзией» непобедимости Великой армии.....	77
2.3. Оккупация как «преломление» представлений о Другом: Минск и Смоленск в 1812 году.....	94
2.4. Солдаты Великой армии в период отступления из России: формирование «коллективной иллюзии» о русской кампании.....	121
2.5. Русская кампания в мемуарах французских солдат: между «коллективной иллюзией» и индивидуальными воспоминаниями.....	151
ГЛАВА 3. РУССКАЯ КАМПАНИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	196
3.1. Русская кампания в памяти Франции в первой половине XIX в.: между «наполеоновской легендой» и исторической наукой.....	197
3.2. Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX в.: между «памятью-победой» и «памятью-травмой».....	217

3.3. Русская кампания в исторической памяти Франции в XX в.:	
беспомощность или слава?.....	231
3.4. Русская кампания в современной Франции: преодоление прошлого?...244	
ГЛАВА 4. РАСКОЛОТЫЙ ОБРАЗ ВОЙНЫ: РУССКАЯ КАМПАНИЯ В	
ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ–СОЮЗНИКОВ НАПОЛЕОНА.....	265
4.1. «Швейцарский миф» о войне: память, воспевающая славу.....	265
4.2. «Польская» война: между Францией и Россией.....	279
4.3. «Немецкая» память: «чужая» война или европейская победа?.....	297
4.4. «Итальянская» война: память-трагедия.....	323
ГЛАВА 5. РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА: ИСТОРИЯ	
«БРИТАНСКОГО МИФА»	333
5.1. Русская кампания 1812 г.: взгляд из Лондона.....	333
5.2. Русская кампания: между памятью и историографией	351
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	370
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	378

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблематика исторической памяти и исторической политики приобрела в последние годы актуальность на всех уровнях – личностном, семейном, групповом, национальном, государственном и межгосударственном. При этом особую роль в плане формирования и поддержания национальной идентичности традиционно играл и играет дискурс войны. Так, для европейских наций, принявших участие в наполеоновских войнах, на протяжении многих лет память об этих событиях зримо служила (а, возможно, и продолжает служить) ключевым фактором процесса национальной консолидации.

Центральное место в этой героической, но и трагической эпопее занимает война 1812 года, или, как ее называют в Европе, русская кампания Наполеона. Претерпев моменты «забвения» и «вспоминания» в памяти европейцев, сегодня, в связи с недавно отгремевшими юбилеями событий Первой империи, эта война стала объектом особенно пристального внимания и предметом оживленных дискуссий. В сущности, юбилейные мероприятия только оживили в сознании европейских наций давно уже сконструированные мифы, став своеобразным индикатором живучести национальных традиций и показав одновременно всю сложность, а иногда и невозможность достижения научного и общественного компромисса.

Современные образы прошлого тесно связаны с теми представлениями, которые запечатлели участники событий на страницах дневников и воспоминаний. С течением времени произошла определенная дифференциация элементов когда-то единого образа, балансирующего между «розовой» и «черной» легендой о Наполеоне и его эпохе. В моменты, когда связь с прошлым ослабевала или настоящее не отвечало ожиданиям общества, возникала необходимость вернуться в то, что мы называем

историей для обретения более устойчивой перспективы на будущее. В этой связи представляется, что выявление особенностей трансформации образа русской кампании в восприятии участников тех событий и в ходе последующего формирования исторической памяти европейцев на протяжении двухсот лет является чрезвычайно важной задачей.

Используя уже принятые в науке понятия «историческая антропология», «историческая политика», «политика памяти», «историческая память», мы исходим из того, что образы прошлого эволюционировали в разных формах, проявляя себя в письмах, дневниках, мемуарах участников событий, в исторических исследованиях, в периодической печати, художественных произведениях, в музейных выставках и экспозициях.

Принципиальным методологическим моментом является принятие того факта, что память о прошлом не следует рассматривать как абсолютно цельную. Скорее, можно говорить о поколенческих и национальных памятях, в рамках которых существовали и существуют параллельные, нередко противостоящие друг другу образы. На современном этапе развития методологии исторической памяти представляется необходимым использовать накопленный научный инструментарий применительно к конкретным историческим сюжетам, в частности, к образам национальных трагедий. Так, в центре внимания нашего исследования находится образ (образы) русской кампании Наполеона, ставшей поражением для европейцев, но все же сыгравшей одну из решающих ролей в формировании национальной идентичности многих наций.

Учитывая тот факт, что представление о прошлом, как правило, связано с теми эмоциями и чувствами, которые пережили сами участники, первую часть исследования мы посвятили анализу интерпретации событий кампании в личной переписке, дневниках и мемуарах солдат Великой армии. Во второй части работы проанализирована двухсотлетняя история формирования исторической памяти европейцев о походе 1812 года. Мы акцентировали внимание на сложившихся национальных традициях:

французской, британской, немецкой, польской и швейцарской. Что касается отечественной исторической памяти о войне 1812 г., то ее особенности уже достаточно полно нашли отражение во многих исследованиях, согласно которым российскую традицию отличает доминирование методов исторической политики и явный акцент на памяти-победе¹.

В более широкой перспективе изучение образа русской кампании позволит приблизиться к пониманию общих закономерностей трансформации траекторий памяти о войнах в целом в разных национальных традициях.

Объектом исследования является Отечественная война 1812 г. (для европейской традиции – русская кампания Наполеона).

В качестве **предмета исследования** выступает процесс формирования образа войны 1812 г. в европейских мемориальных практиках.

Территориальные рамки охватывают район боевых действий в период войны 1812 г. Во второй части исследования объект перемещается на страны Западной и Центральной Европы.

Хронологические рамки исследования находятся во временных границах военных действий (с июня по декабрь 1812 г.) и двухсотлетнего периода формирования исторической памяти европейцев о русской кампании Наполеона.

Степень разработанности темы. Проблематика настоящего исследования находится на стыке двух больших областей исторического знания: военно-исторической антропологии и исторической памяти о войне 1812 г.² Отдельные аспекты, связанные с осмыслением событий русскими

---

¹ См., напр.: Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1995–1996 гг. Бородино, 1997. С. 190–197; Малышкин С. А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839 – 1911 гг. Главный монумент // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Бородино, 2000. С. 168–174; и др.

² Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Яуза, 2018. 658 с.; Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М.: Евразия, 2020. 220 с.; Чудинов А. В. 200-ие Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018; Промыслов Н. В. Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода. Размышления над новыми книгами// Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Постникова А.А. Великая армия Наполеона на

участниками и современниками, достаточно исследованы отечественными историками³. Обращались ученые и к анализу юбилейных мемориальных практик⁴.

Важным вкладом в изучение проблем российской памяти стала коллективная монография «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России». Авторы работы, сделав акцент на разных формах транслирования нарративов памяти, обратились к процессам вспоминания, сохранения и забвения образов прошлого⁵. Подобная исследовательская тенденция проявилась также в публикациях по итогам международной конференции «После грозы. 1812 год в исторической памяти Европы», прошедшей в Германском историческом институте в Москве 28–30 мая 2012 г.⁶ Авторы обратились к трансформации образа 1812 г. в переломные моменты отечественной и зарубежной истории.

Процесс формирования исторической памяти о войне 1812 г. нашел отражение и в публикациях В.Н. Земцова⁷. Историк удалось провести убедительный сравнительный анализ мемориальных практик в России и Франции применительно к войне 1812 г., в которых, по его мнению, отразились смысловые противоречия в восприятии этого события рядом наций. Проанализировав отечественную историческую память, он отметил,

---

Березине: событие-память. М.: Гуманитарная академия, 2014. 210 с.; Форрест А. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Jourdan A. Mythes et légendes de Napoléon. Toulouse: Privat, 2004. 229 p.; Hazareesingh S. La légende de Napoléon. P.: Tallandier, 2005. 414 p.; Boudon J. O. Les habits neufs de Napoléon. P.: Bourin Editeur, 2009. 180 p.; Largeaud J. M. Napoléon et Waterloo: La défaite glorieuse de 1815 à nos jours. P.: La Boutique de l'Histoire, 2015. 462 p.; Hartley J. The patriotism of the Russian army in the “patriotic” or “fatherland” war of 1812 // Popular Resistance in the French Wars: Patriots, Partisans and Land Pirates. N.Y., 2005.

³ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47; № 4. С. 42–55; Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: научн. – полит. кн., 2013. 262 с.; Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году?: образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 336–365; Ивченко Л. Л. Бородинское сражение: история русской версии событий. М.: Квадрига, 2009. 382 с.

⁴ См., напр.: Болдина Е. Г. Указ. соч.; Малышкин С. А. Указ. соч.; Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой, Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 535 с.

⁵ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.

⁶ После грозы. 1812 год в исторической памяти России и Европы / под ред. Д. А. Сдвижкова. М.: Кучково поле, 2015. 384 с.

⁷ Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. С. 188 – 223.

что она, в значительной степени, развивалась «под воздействием Власти, хотя и опиралась на то ощущение великой победы и чудесного спасения, которое испытали самые разные группы российского общества»⁸.

В целом, отечественная наука прошла значительный путь в изучении феномена памяти о войне 1812 г. в различные периоды российской истории. Ученые проанализировали истоки и последующую трансформацию памяти об этом эпохальном событии.

Среди зарубежных исследователей, обратившихся к образам наполеоновских войн в исторической памяти, особое внимание привлекает исследование историка Ж.М. Ларжо, который представил наиболее детальный анализ специфики французского восприятия образа Ватерлоо. Во введении к монографии, специально посвященной этой проблеме, он объяснил отличия французской памяти о Ватерлоо от британской памяти тем, что «для Франции это сражение стало трагическим концом мечтам о великой империи, в то время как британская память изначально нашла свое воплощение лишь в мемориальной культуре»⁹. По мнению автора, поражение заставляет нацию на протяжении многих лет искать причины совершенных ошибок и не позволяет забывать о них¹⁰. Определив факторы трансформации этого образа в представлении французов на протяжении двух столетий, Ларжо пришел к выводу, что Ватерлоо как «разрушающая победа» в кризисные периоды французской истории способствовало национальной консолидации. Подобные выводы представляют интерес в контексте нашего исследования, поскольку связаны с анализом особенностей трансформации памяти-трагедии, которой и стала для европейцев русская кампания.

В современной историографии наполеоновской эпохи активно развивается сфера военно-исторической антропологии¹¹. Как отметила

---

⁸ Там же. С. 189.

⁹ Largeaud J. M. Op. cit. P. 11.

¹⁰ Ibid. P. 12.

¹¹ Forrest A. *Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire*. New York: Gardners Books, 1989. 320 p.; Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. L.: Hambledon and London Ltd, 2006. 268 p.; Petiteau N. *Napoléon, de la mythologie à l'histoire*, P.: Editions du Seuil,

французский историк Н. Петито, «весьма интересны те новации, которые произошли в историографии под влиянием исторической антропологии войны применительно к изучению этого первого конфликта мирового масштаба»¹².

Применительно к исследованию войны 1812 г. заметный вклад в развитие военно-исторической антропологии внес В.Н. Земцов на материалах пребывания Великой армии в Москве¹³. Он воссоздал убедительную картину межнационального взаимодействия, отражения произошедших событий в сознании участников, представил этот конфликт как столкновение разных культурных ориентиров.

Обратился к войне 1812 г. как к конфликту «социокультурных смыслов» украинский историк В. Ададунов¹⁴. На основе внушительного объема опубликованных и неопубликованных материалов автор пришел к выводу, что «поход Наполеона в Россию не являлся столкновением различных цивилизаций, а лишь конфликтом двух вариантов единой европейской культуры – современной (парижской) и традиционной, более того он знаменовался глубокими мировоззренческими расхождениями между представителями ученой и народной культур»¹⁵.

В последнее десятилетие в рамках имагологических исследований популярным стало изучение представлений европейских народов друг о друге в наполеоновскую эпоху¹⁶. Наиболее основательно проблему формирования образа России в сознании французов в 1812 г. осветил

1999. 432 p.; Petiteau N. *Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire*. P.: Les Indes Savantes, 2012. 312 p.

¹² Цит. по.: А. В. Гладышев Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. №59. С. 142.

¹³ Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. М.: ООО «Книга», 2010. 138 с.; Его же. Наполеон в России. Социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.

¹⁴ Ададунов В. Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона. Киев: Laurus, 2017. 393 с.

¹⁵ Там же. С. 337.

¹⁶ Гладышев А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 405 с.; Peudon J. L. *La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire: Le jugement de Clausewitz*. P.: BOD, 2014. 350 p.; Norris S. M. *A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812—1945*. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2006. 320 p.; Goubina M. *La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812-1827*. P.: PUPS, 2007. 192 p.

российский историк Н.В. Промыслов¹⁷. Проанализировав французские сочинения, посвященные России и опубликованные перед русской кампанией, автор пришел к выводу, что эти труды оказали влияние, главным образом, только на сознание интеллектуальной и политической элиты французского общества¹⁸. Историк, обратившись к документам личного происхождения, акцентировал особое внимание на роли войны 1812 г. в преломлении представлений французов о России.

Военно-историческое направление в его более традиционном варианте как изучение хода военных действий в период русской кампании Наполеона представлено работами известных российских историков В.М. Безотосного, А.И. Попова, Л.Л. Ивченко, В.Н. Земцова и А.А. Орлова¹⁹. Важное место в данном направлении занимают исследования, посвященные военнопленным Великой армии в России²⁰.

Таким образом, интерес современной науки к предложенной проблеме очевиден. Ученые проанализировали истоки и, в значительной степени, последующую трансформацию российской памяти о войне 1812 г., акцентируя особое внимание на юбилейных коммеморативных практиках. Однако перспективы исследования, сориентированные на сферу военно-исторической антропологии и исторической памяти применительно к русской кампании Наполеона, все еще все еще представляются чрезвычайно значительными.

---

¹⁷ Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 251 с.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805 – 1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.; Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. 439 с.; Ивченко Л. Л. Кутузов. М.: Молодая гвардия, 2012. 494 с.; Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении; Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс – Традиция, 2009. 367 с.

²⁰ Бессонов В. Л. Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000; Гладышев А. В. Тотфалушин В.П. Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену 1812-1814 гг. // Россия и Франция XVIII - XX века. Вып. 7. М., 2006; Миловидов Б. П., Попов А. И., Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в России: 1806 – 1814. Мемуары. Исследования. СПб.: Крига, 2012. 608 с.

Цель работы: выявить особенности формирования образа русской кампании в европейских мемориальных практиках.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить основные проблемы, существующие в историографии и методологии исследования данной темы.
2. Раскрыть особенности трансформации образа русской кампании в представлении чинов Великой армии в период войны 1812 г.
3. Выявить особенности интерпретации событий войны в европейской мемуаристике.
4. Прояснить основные закономерности формирования исторической памяти о войне 1812 в европейских национальных традициях.
5. Сравнить процессы трансформации европейских мемориальных практик применительно к русской кампании Наполеона с целью выявления факторов формирования образов прошлого.
6. Выявить особенности «периформатирования» индивидуальной памяти участников события в социальный и государственный нарратив в контексте национальных мемориальных традиций европейских народов.
7. Определить роль историописания в формировании национальных традиций памяти европейских народов о русской кампании Наполеона.
8. Выявить наиболее «идеальные модели»²¹ коммеморативных практик русской кампании.
9. Определить актуальность современных методологических новаций применительно к образу войны в исторической памяти европейцев.

Методология и методы диссертационного исследования предопределены результатами широких методологических дискуссий, имевших место в последние десятилетия. Они отразили постепенный перенос внимания исследователей с так называемых «социальных структур» на внутренние, ментальные процессы. Вследствие этого в поле зрения

---

²¹ Мы приняли понятие «идеальная модель» памяти, предложенное А. Ассман. Для нее, как и для нас, критериями подобных моделей памяти является естественный процесс трансформации образа прошлого и отсутствие границы между историей и памятью.

историков оказались индивидуальное и коллективное сознание, ментальность, а пространственные рамки сузились до уровня микропроцессов. Обратившись к сфере сознания, идей, ментальности, историки оказываются в мире духовных феноменов, явлений культуры, идеологии, изучение которых требует новых методологических подходов и инструментария.

Наиболее последовательные методологические подходы в рамках междисциплинарных подходов применительно к ментальным структурам предложила французская школа «Анналов»²². Постмодернистская программа историков-анналистов в конечном итоге заставила сосредоточить внимание на изменчивости представлений о прошлом, сделав объектом исследования ментальные стереотипы, исторические мифы, процессы их трансформации и формирования. Для рассмотрения механизмов создания образа русской кампании в разных национальных традициях мы использовали методологические подходы, зародившиеся, в основном, в рамках французского видения постмодернизма, такие как «историческая память», «историческая политика», «интеллектуальная история», «историческая антропология».

Проблема памяти, как в теоретическом аспекте, так и в конкретно-историческом, стала в последние десятилетия предметом активного обсуждения в различных гуманитарных науках. Как известно, дискуссии продолжают вызывать и сами понятия «коллективная память», «культурная память», «историческая память», «историческая политика», а также возможности и характер их использования. В своем восприятии этих

---

²² Bloch M. *Apologie pour L'Histoire ou Métier d'Historien*. P.: Armand Colin, 1949. 115 p. (рус. пер. – Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. М.: Наука, 1986. 178 с.); Le Goff J. *L'Imaginaire medieval*. P.: Gallimard, 1985. 392 p. (рус. пер. – Ле Гофф Ж. *Средневековый мир воображаемого*. М.: Издательская группа «Прогресс». 2001. 448 с.); Le Goff J. *Saint Louis*. P.: Gallimard, 1996. 976 p. (рус. пер. – Ле Гофф Ж. *Людовик IX Святой*. М.: Ладомир, 2002. 800 с.); Le Roy Ladurie E. *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. P.: Gallimard, 1975. 642 p. (рус. пер. – Ле Руа Ладюри Э. *Монтайю, окситанская деревня*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 539 с.); Febvre L. *Combats pour l'histoire*. P.: Armand Colin, 1953. 456 p. (рус. пер. – Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. 635 с.); и др.

терминов мы принимаем, прежде всего, подходы, предложенные одним из представителей «Новой исторической науки» П. Нора²³.

В 2010 г. П. Нора, осмысливая влияние своей концепции на французскую науку, пришел к выводу, что все образы исторической памяти, созданные историками, можно включить в «мгновения памяти»: «Мгновения памяти – кристаллизация прошлого в индивидуальном или коллективном творчестве»²⁴. В произведении «Переосмысление Франции, места памяти» Нора обратился и к теме архивов, сделав вывод об их особой значимости в формировании памяти: «Архивные документы – это точное воплощение памяти, а все остальные источники – лишь виртуальная память»²⁵.

Концепция П. Нора предоставляет возможность рассмотреть, как участники оценивали событие, интерпретируя пережитое, каким образом хранилась и передавалась информация последующими поколениями. В целом, говоря словами П. Нора, историк должен проследить механизм перехода «точной памяти», запечатленной в архивных документах, в «виртуальную память». Нам представляется, что данный методологический посыл может быть полезен при анализе истоков формирования памяти, уходящих во времена происходивших событий.

Возможность познания многоуровневого, глубинного смысла памяти позволяет концепция немецкого историка Я. Ассмана²⁶. Он ввел в научный оборот понятия «культурная память» (символическая память, которая сохраняет лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю) и «коммуникативная память» (живые образы). Идеи Ассмана и Нора в единстве позволяют рассмотреть соотношение «коммуникативной» и «культурной» памяти в рамках того или иного промежутка времени.

---

²³ Nora P. *Les lieux de mémoire*. P.: Gallimard, 1984–1992. Т. 1 – 7.

²⁴ Nora P. *Rethinking France: les lieux de mémoire*. L.: Universite of Chichago, 2010. P. X. 239 p.

²⁵ Ibid. P. 36. На необходимость соединения «точной памяти» и «виртуальной памяти» особенно последовательно указывал французский историк-анналист Ж. Дюби (См. например: Nora P. «L'Autre bataille de Bouvines». P.: Gallimard, 2005. 250 p.)

²⁶ Ассман Я. *Культурная память*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Ключевым понятием нашего исследования является термин «миф», который на протяжении многих лет рассматривается в гуманитарных науках как символическая интерпретация прошлого и социального бытия человека²⁷. В данном исследовании, вслед за историком А. Ассман, мы стремимся постигнуть процесс перехода «ментальных образов в мифы» как важнейший элемент функционирования исторической памяти²⁸.

Исторические мифы создаются и поддерживаются «коллективным воображаемым» (коллективной иллюзией) – «набором символов, обычаев или воспоминаний, которые имеют конкретное и общее значение для сообщества»²⁹. Рассматривая русскую кампанию в ключе европейской памяти, нам не обойтись без понятия «историческая травма, трагедия», которое в последние годы приобрело популярность в гуманитарных исследованиях применительно к событиям Второй мировой войны как «нарратив, нуждающийся в социальном признании»³⁰. В контексте данного исследования «травма» будет использоваться для противопоставления образа «победы-триумфа» с целью более глубокого анализа механизмов «преодоления прошлого».

В современной науке нет единого подхода к определению терминов «историческая память», «историческая политика», «политика памяти». Наиболее часто под «исторической памятью» понимаются опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти. При анализе особенностей формирования мемориальных процессов мы будем опираться на подход Дж. Уинтера, который отводил определяющую роль в конструировании

---

²⁷ Леви Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.; Лосев А.А. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.; Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 444 с. и т.д.

²⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 325 с. С. 38.

²⁹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Логос, 2003. 480 с.

³⁰ Rigney A. Transforming Memory and the European Project // *New Literary History*. 2012. Vol. 43; Chakrabarty D. *History and the Politics of Recognition*. New York, 2007. P. 77—87.

исторической памяти, прежде всего, социальным акторам³¹. При анализе процесса трансформации индивидуальной памяти в социальные мемориальные практики и при выявлении особенностей обращения с травматическим прошлым мы будем руководствоваться концепцией А. Ассман³².

В контексте данного исследования под термином политика памяти мы понимаем целенаправленный процесс конструирования образа прошлого со стороны мнемонических акторов³³. В качестве отдельного элемента политики памяти мы выделяем историческую политику как сознательное конструирование образа прошлого со стороны властных структур³⁴. К этой сфере в контексте данного исследования относятся юбилейные коммеморативные практики, образовательная политика и проправительственные СМИ.

Мы также не исключаем того факта, что историческая политика способна воздействовать на историческую память, создавая версии, которые в дальнейшем нашли отражение в научном и общественном дискурсе. По мнению российского историка О.С. Поршневой, на современном этапе развития методологии исторической науки необходимо соединение «двух перспектив, показа того, как происходит “наделение смыслом” и символизация национального прошлого в процессе взаимодействия акторов памяти, реализующих мемориальные проекты и транслирующих мемориальные нарративы»³⁵. Солидаризируясь с данной позицией, мы в рамках предложенного исследования стремимся определить взаимосвязь между государственными и социальными мемориальными практиками в процессе формирования нарративов памяти.

---

³¹ Winter J. *Remembering War*. L.: Yale University Press, 2006. 352 p.

³² Ассман. А. *Длинная тень прошлого...*

³³ Миллер А. *Россия: власть и история // Pro et Contra*. 2009. №3-4. С. 7.

³⁴ Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера // URL: <http://gefter.ru/archive/author/miller>.

³⁵ Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. С. 20.

Методологические подходы к изучению политики памяти о трагедиях войны в современной науке развиваются в рамках понятия «культура поражения». Одним из ярких представителей данного направления является немецкий историк В. Шивельбуш, который использовал термин «культура поражения» для названия своей монографии, посвященной теоретическим аспектам исторической памяти о войнах. Он утверждает, что переживание нацией травмы поражения приводит к «стремлению помнить»³⁶. Однако автор отметил, что эта форма памяти не связана с «установлением справедливости», а с «изобретением новой альтернативной реальности», оправдывающей ожидания нации. Однако Шивельбуш выразил мысль о том, что этот процесс «изобретения мифа» становится основой переосмысления пути развития государства и оказывает более консолидирующее влияние на нацию, чем память о победах: «Поражение очищает нацию, в то время как победа ослепляет победителя, приводит в действие противостоящие силы и готовит его падение»³⁷.

В связи с тем, что основными материалами для второй части нашего исследования, посвященной формированию и трансформации памяти о русской кампании, являются произведения писателей, историков и художников, мы сочли приемлемым рассматривать их в рамках «интеллектуальной истории». Мы взяли за основу трактовку этой теории современными французскими историками. По их мнению, «интеллектуальная история» – это понятие, отражающее то, как «были выработаны конкретные идеологические системы»³⁸. Исходя из этих теоретических положений, мы полагаем возможным воссоздание того

---

³⁶ Schivelbusch W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery. N. Y.: Metropolitan books, 2013. 403 p.

³⁷ Ibid. P. 52.

³⁸ Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Журнальный зал. 2004. №66. С. 10 – 16; Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005. 328 с. В последнее время «интеллектуальную историю», объединив с «исторической памятью», стали обозначать понятием «историческая культура» (Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей – 1996. М.: Наука, 1996. 356 с.; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания. М.: Круг, 1993. 402 с.; Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей – 2001. М., 2001. 508 с.).

интеллектуального поля, в котором сохранялся и воспроизводился образ войны.

Таким образом, объектом «исторической памяти» становится сотканная из различных исторических сведений картина прошлого, которую исследователь пытается увидеть глазами людей избранной эпохи. Переходя от одного источника к другому, мы наблюдаем как изменения, так и постоянство этой картины, стремимся уловить и сформулировать закономерности этих перемен.

Однако изучение «образов» вспоминаемого прошлого, отраженных в тех или иных источниках, было бы бессмысленным без представлений о событии его участниками, которые (представления) стали основой для дальнейшего формирования социального нарратива. Тем самым, помимо исторической памяти мы обратились к последним достижениям военно-исторической антропологии.

В зарубежной и отечественной военной истории наблюдается отход от чистого описания операций, действий армий и обращение к внутреннему состоянию человека «воюющего». Истоки этого «психологического поворота» в описании военных действий наполеоновской эпохи многие видят в произведениях Стендаля (особенно, в его романе «Пармская обитель») и Л.Н. Толстого («Война и мир»). О необходимости ввести описание «внутренней стороны» боя в научное историческое исследование ратовал выдающийся военный социолог Н.Н. Головин³⁹. Эти опыты стали основой для ряда современных работ, посвященных военно-исторической проблематике⁴⁰.

---

³⁹ Головин Н. Н. Наука о войне. М.: Астрель, 2008. 1010 с.

⁴⁰ Человек и война: Сб. статей // Под. ред. И. В. Нарочницкого, О. Ю. Никоновой. М., 2001; Военно-историческая антропология // Под. ред. Е. С. Сенявской. М.: Росспен, 2002 – 2010.; Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург: Урал. гос. пед. уни-т, 2001. 565 с.; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: Росспен, 1999. 383 с.; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Российская политическая энциклопедия, 2004; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.; Ратьковский И. С., Разиньков М. Е., Пахалюк К. А. Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX в. М.: Яуза, 2021. 656 с.

В работе с военно-оперативной документацией и личной перепиской, историческими, художественными произведениями, интерпретируя тексты для воссоздания образа войны, мы использовали семиотику и герменевтику, основываясь на трудах Ф. Соссюра, Ю.М. Лотмана, Г.Г. Гадамера, У. Эко и др.⁴¹

В исследовании активно использовались общеисторические методы. Нашел отражение историко-генетический метод, который позволил выявить закономерности формирования представлений о русской кампании среди европейских наций, принимавших участие в войне. На основе этого метода сделаны попытки выяснить, какие именно обстоятельства повлияли на формирование образов рассматриваемого нами исторического события, и как изменялась его интерпретация во временном пространстве. Историко-сравнительный метод был использован при анализе представлений о событиях в сознании разных наций. В результате мы получили возможность сравнить восприятие хода кампании глазами солдат, историков, писателей, художников, режиссеров, журналистов. Историко-типологический метод использован в ходе группировки источников по национальному принципу.

Источниковая база диссертационного исследования основана, главным образом, на документах иностранного происхождения. Классифицируя источники на письменные, изобразительные, фонетические, устные, вещественные⁴², центральное место мы отдели письменным источникам, в которых наиболее полно и последовательно отразились события русской кампании и последующая трансформация образов этих событий в сознании европейских наций.

Для анализа писем и дневников участников войны 1812 г. были использованы документы из фондов Российского государственного архива

---

⁴¹ Барт Р. Мифологии. М., 2000; Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 525 с.; Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 580 с.; Гринев С. В. Основы семиотики. М., 2000. 47 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 700 с.; Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 369 с.; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 650 с.

⁴² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 122.

древних актов (РГАДА)⁴³, благодаря которым удалось познакомиться с письмами солдат Великой армии; Российского государственного исторического архива (РГИА)⁴⁴; Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ ОР)⁴⁵; Национального архива Франции (AN)⁴⁶; Архива исторической службы Министерства обороны Франции (SHD)⁴⁷; Национального архива Великобритании (NA)⁴⁸.

Благодаря официальной и личной документации, хранящейся в этих архивах, мы проанализировали трансформацию представлений о событиях русской кампании чинов Великой армии в ходе боевых действий в 1812 г. Огромную ценность для разрешения поставленных задач имели письма солдат Наполеона, перехваченные русской армией. В 1913 г. коллектив французских и российских ученых опубликовал в Париже часть этих писем⁴⁹.

В нашем исследовании была использована публикация материалов из личных фондов Архива исторической службы Министерства обороны Франции, выполненная французскими историками М. Руко и Ф. Удесеком⁵⁰. Прежде всего, письма капитана А. Дюпана, отправленные отцу из России. В целом, материалы этой публикации отразили представления младшего офицерского состава Великой армии на характер и события кампании.

К публикации писем французских солдат обратился и историк Ж.О. Будон, представив ценный материал из центральных и региональных архивов Франции⁵¹. В нашем исследовании использовалась опубликованная личная

⁴³ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1.

⁴⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942. Наибольшую ценность среди фондов этого архива для нас представляют документы, относящиеся к периоду оккупации французами Смоленска в 1812 г.

⁴⁵ РНБ ОР. Ф. 542. Д. 692.

⁴⁶ AN. AF IV. 1644, 1645, 1646. В фондах Национального архива Франции хранится Журнал 9-го линейного полка 4-го армейского корпуса Е. Богарне.

⁴⁷ SHD. 2 С 128, 290, 131, 132, 133, 134. Особую ценность для нас представляют личные фонды дневников и писем чинов Великой армии – SHD. 1 К 196, 1 К 11, GR 1. К 111, 1 М 673, а также французские документы, относящиеся к описанию губерний Российской империи – 1 М 1489. 1М. 2138.

⁴⁸ NA. FO 65/77/ 78/ 80/ 90, FO 95/ 229 /228. В фондах архива находится дипломатическая переписка британского правительства, отражающая настроения Лондона в отношении войны 1812 г., идущей в России.

⁴⁹ *Lettres interceptées par les Russes Durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P.: La Sabretache, 1913. 440 p.*

⁵⁰ Roucaud M., Houdecek F. *Du Niemen à la Bèrèzina. P.: SHD, 2012. 289 p.*

⁵¹ Boudon J.O. *Lettres de la campagne de Russie. P.: Pierre de Taillac, 2012. 352 p.*

переписка отдельных участников кампании⁵² и официальная переписка командования Великой армии⁵³.

Помимо обширного комплекса писем нами были широко использованы и иные опубликованные источники личного происхождения – дневники и мемуары. Мы не исключаем того факта, что авторы дневниковых записей могли включить в них некоторые сюжеты и значительно позже⁵⁴. Однако факт публикации данного источника сам по себе может рассматриваться как элемент исторической памяти.

Новый этап интерпретации событий войны 1812 г. оказался связан с написанием мемуаров ее участниками⁵⁵. При анализе данного источника, по

---

⁵² Puibusque L.V. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. P.: Anselin et Pochard, 1816. 264 p.; Lettre d'un capitain Jean Breaut. P.: Poitiers, 1885. 70 p.; Peyrusse M. 1809-1815, mémorial et archives de M. le baron Peyrusse. P.: P. Labau et Lajoux, 1869. 544 p.; Stendhal. Correspondance. T. IV. P.: Le Divan, 1937. 414 p.; D'aupias. Mémoire historique de la campagne de 1812 (1813) // *Napoleonica. La Revue*, 2009. 82 p. Novembre; Lettres sur l'incendie de Moscou. P.: Plancher, 1823. 56 p.; Partonneaux L. Lettre du lieutenant-général Cte Partouneaux sur le compte rendu de l'affaire du 27 au 28 novembre 1812. P.: Impr. de Vve Agasse, 1817. 12 p.; Chuquet A. Lettres 1812. P.: Fontemoing, 1911. 350 p.

⁵³ Mémoires et correspondance politique du Prince Eugène. P.: P. Dupont, 1867. 428 p.; Correspondance de Napoléon. Paris: H. Plon, J. Dumaine, 1868. T. 23. 369 p.; Napoléon Bonaparte. Correspondance générale / Publiée par Fondation Napoléon. P.: Fayard, 2012. T. 12; Fabry G. La campagne de Russie: documents relatifs à l'aile droite. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 271 p.; Fabry G. La campagne de Russie: mémoires relatifs à l'aile droite. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 109 p.; Fabry G. La campagne de Russie: documents relatifs à l'aile gauche. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 255 p.

⁵⁴ Bonnet G. Journal du capitaine // *Carnet de la Sabretache*. 1912. Sér. 2. 150 – 176 p.; François C. Journal du capitaine François. P.: Société d'éditions littéraire et artistiques, 1904. T. 2. 280 p.; Fezensac M. Journal de la campagne de Russie en 1812. P.: L'Académie française. 1850. 560 p.; Castellane E.V. Journal. P.: Charles Carrington, 1895. T. 1. P. 250–268; Fantin des Odoards L.F. Journal. Étapes d'un officier de la Grande Armée. P.: H. Le Soudier, 1895. 230 p.; Pion des Loches A.F. Mes campagnes 1792-1815. P.: Firmin-Didot, 1889. 520 p.; Gardier L. Journal de la campagne de Russie en 1812. P.: Librairie Historique F. Teissèdre, 1999. 108 p.; Ternaux-Compans H. Le général Compans d'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812 – 1813. P.: Plon-Nourrit, 1912. 390 p.; Stendhal. Journal. (1811–1823). T. V. P.: Le Divan, 1937. 369 p.; Tascher M. Le journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806-1813). P.: Plon, 1869. 342 p.; Journal de marche du grenadier Pils. P.: P. Ollendorf, 1895. 419 p.; Cornereau A. Relation de la campagne de Russie (1812-1813). P.: Librairie Historique F. Teissèdre, 2003. 37 p.; Попов А.И., Хомченко С.Н. Дневник и письма голландского капитана К.А. Гайзвайт ван дер Неттена о плене в России // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Биография*. Выпуск XIV. Сборник материалов. М., 2016. С. 333-345.

⁵⁵ Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812 P.: French edition, 1815. 380 p.; Vaudoncourt F.G. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. P.: Chez Barrois l'ainé, 1817. 359 p.; Segur F. Histoire de Napoléon et de la Grande armée. P.: Imprimerie de Fain. 1825. 424 p.; Dumas M. Souvenirs. P.: Société typographique belge, 1839. 316 p.; Berthezène P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P.: Berger-Levrault., 1855. T. 2. 280 p.; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. P.: A. de Vresse, 1857. 320 p.; Marbot B. Mémoires. P.: Ancienne librairie Germer Baillièrre, 1892. 750 p. (русское издание: Мемуары генерала барона де Марбо. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 736 с.); Boulart F. Mémoires militaires. P.: Librairie illustrée. 1894. 52 p.; Maringoné L. S. La campagne de Russie. P.: Librairie illustrée. 1899. 428 p.; Griois L. Mémoires. P.: Plon-Nourrit. 1909. T. 2. 220 p.; Pelet. Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney // *Carnet de la sabretache*. 1906. Sér. 2. № 157. P. 210 – 250; Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles: Bripols, T. 2. 855 p.; Coignet J.R. Les cahiers du capitaine Coignet. P.: Hachette, 1888. 394 p.; Montigny L.G. Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée. P.: C. Gosselin, 1833. 395 p.; Réguinot S. Le Sergent isolé. Histoire d'un soldat pendant la campagne de Russie en 1812. P.: Au bureau de l'état-major de la 6e légion de la garde nationale, 1831. 120 p.; Rigau D. Souvenirs des guerres de l'empire: réflexions, pensées, maximes, anecdotes, lettres diverses,

мере возможности, мы старались учитывать факты биографии и период написания воспоминаний. Наибольший объем мемуарной литературы вышел из-под пера французских солдат Великой армии, которые, как правило, воспроизводили схожие сюжеты войны. Первые мемуаристы преследовали цель оправдать или же наоборот – подвергнуть критике действия Наполеона в ходе военной операции, зачастую не считая нужным подробно описывать сам ход военных действий. Французские участники, обратившиеся к написанию мемуаров во 2-ой половине XIX в., представили весьма сжатую схему событий кампании, акцентируя внимание на своем личном в них участии.

Научную ценность, близкую к ценности первоисточников, представляют для нас исследования участников войны 1812 г. В 1822 г. был опубликован труд полковника Ж. де Шамбре «История экспедиции в России»⁵⁶. Он в чине капитана гвардейской пешей артиллерии принял участие в войне 1812 г. В дальнейшем, получив доступ к архивным документам кампании, он впервые представил достаточно полную на тот период картину военных действий.

---

testament philosophique. P.: A. Poilleux, 1846. 328 p.; Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire. P.: J. Smith, 1817. T. 4. 534 p.; Raymond F. Souvenirs du Nord , ou La guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. P.: Pélicier et Mongie, 1821. 321 p.; Lorencez G. Souvenirs militaires du général Lorencez. P.: Émile-Paul, 1902. 117 p.; Bertrand V. Mémoires du Capitaine Bertrand. P.: Augers, 1971. 182 p.; Curély J.N. Itinéraire d'un cavalier léger de la Grande-Armée. P.: E. Dubois, 1887. 233 p.; Noël J.N. Souvenirs Militaires d'un Officier Du Premier Empire // Carnet de la Sabrenach. 1895. № 3; Griois Ch.P. Mémoires du général Griois. P.: Plon-Nourrit, 1909. T. 2. 430 p.; Rapp. J. Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon. P.: Garnier Frères, 1823. 374 p.; Combe M. Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie, 1812, de Saxe, 1813, de France, 1814 et 1815. P.: Librairie militaire de Blot, 1853. 338 p.; Saint Chamans A. Mémoires du général Cte de Saint Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult, 1802-1832. P.: E. Plon, Nourrit et Cie, 1896. 576 p.; Thirion A. Souvenirs militaires. P.: Berger-Levrault et cie, 1892. 359 p.; Sérurier T. Mémoires militaires du baron Sérurier, colonel d'artillerie légère. P.: Anselin et Pochard, 1894. 359 p.; Baudus G. Études sur Napoléon. P.: Librairie-Éditeur, 1841. V. 1. 414 p.; Merme J. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier. P.: Moûtiers, 2011. 144 p.; Everts H.P. Campagne et captivité de Russie // Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective. 1901. № 9; Bailly J. Souvenirs et anecdotes // Revue des Études historigues. 1904; Bro L. Mémoires du général Bro. P.: HACHETTE, 1914. 316 p.; Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P.: Henri Vivien, 1901. 554 p.; Cheron A. Memoires inedites sur la campagne de Russie. P.: Editions Historiques Teissèdre, 2001. 80 p.; Girod de l'Ain J.M. Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 a 1815. P.: J. Dumaine, 1873. 412 p.; Lecoq G. Journal d'un grenadier de la Garde // La Revue de Paris. 1911. T. 5; Lejeune L.F. Mémoires du générale Lejeune. P.: Firmin-Didot, 1895. 385 p.; Pele J. Le Combat de Krasnoë et la Retraite de Ney sur le Dniéper // Carnet de la Sabretache: revue militaire rétropective. P., 1906; Lassus-Marcilly. Notes sur ma campagne de Russie // Carnet de la Sabretache. 1914; Chapuis F.C. Bérézina: campagne de 1812 en Russie. P.: Corréard, 1857. 172 p.

⁵⁶ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P.: Imprimeur libraire. 1838. T. 3. 518 p.

После Шамбре практику научного осмысления событий войны продолжили А.Ж.Ф. Фэн и А.Г. Жомини. Секретарь-архивист Наполеона барон Фэн опубликовал в 1827 г. «Рукопись 1812 г.»⁵⁷ Воспользовавшись источниками, не введенными до него в научный оборот, он попытался объективно оценить действия Наполеона. В том же году вышла книга «Военная и политическая жизнь Наполеона» знаменитого военного теоретика А. Жомини⁵⁸. В русскую кампанию 1812 г. он занимал должность губернатора Вильно, а потом – Смоленска. В целом, всех этих авторов объединило стремление представить по возможности объективный взгляд на события в России.

Особое восхищение Наполеоном и действиями Великой армии оказалось свойственно швейцарским мемуаристам. До нас дошли воспоминания адъютанта Л. Бего, лейтенанта Т. Леглера, служивших во 2-м швейцарском полку, и А. Муралта⁵⁹, обер-лейтенанта 5-го шеволежерского полка. В своих мемуарах эти авторы выступили как борцы за восстановление справедливости по отношению к памяти о швейцарцах, служивших Франции. Описание событий войны в мемуарах Бего и Леглера было пронизано восхищением героизмом, который был проявлен их соотечественниками. Однако пафосность задачи, стоявшей перед мемуаристами, заставила их уклониться от подробного описания сражений кампании.

Бывшие польские солдаты Наполеона также акцентировали внимание на том, как сражались именно их соотечественники в войне 1812 г.⁶⁰ Совершенно иной образ кампании, войны как трагедии, был представлен

⁵⁷ Fain J. F. Manuscrit de 1812. P: Libraire de son altesse royale madame la duchesse d'Orleans, 1827. T. 2. 496 p.

⁵⁸ Jomini A.H. Vie politique et militaire de Napoléon. P.: Anselin et Pouchard, 1827. 712 p. (русское издание: Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб.: Типография Штаба Отдел. корпуса внутр. стражи, 1840. 516 с.)

⁵⁹ Muralt A., Legler T. Beresina. Bern: Verlag Hallwag, 1942. 231 p.

⁶⁰ Chlapowski D. Lettre du général Chlapowski sur les événements militaires en Pologne. P., 1831. 400 Str.; Soltyk R. Napoléon en 1812. P.: Arthus Bertrand, 1836. 464 p.; Ostrowski A. Żywot Tomasza Ostrowskiego, ministra Rzeczypospolitej. Paryż, 1840. T. 2. 245 Str.; Zaluski J. Wspomnienia o pulku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona. Kraków: Nakładem drukarzu Czasu, 1865. 364 Str.; Krasiński J.I. Pamiętniki. Poznań: Spółka Wydawnicza Polska, 1871. 220 Str.; Chlapowski D. Mémoires sur les guerres de Napoléon 1806 – 1813. P.: Nakładem synów, 1889. 165 Str.; Kolaczkowski K. Wspomnienia. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1898. 285 Str.

немецкими и итальянскими мемуаристами⁶¹. Авторы этих воспоминаний сделали акцент на бессмысленности жертв, принесенных на алтарь тщеславным целям Наполеона.

Подводя итоги анализу зарубежной мемуаристики, можно сделать вывод, что французские, швейцарские и польские солдаты стремились, прежде всего, к созданию героической легенды об участии своих соотечественников в этом великом событии. В описании картин военных действий авторы неоднократно прибегали к воспроизведению информации, ранее уже отмеченной в мемуарах их предшественников. Таким образом, очевидно, что воспоминания, являясь продуктом своего времени, в большей степени дают не объективный (в традиционном смысле этого слова) анализ событий, но, прежде всего, отражают механизм формирования исторической памяти о нем.

Мемуары воздействовали на представления историков, писателей, которые сформировали образ русской кампании в общественном сознании. Каждый из авторов опирался на те источники, которые были ему доступны, и стремился своей работой удовлетворить как свое собственное любопытство, так и определенные запросы общества. Следовательно, на взгляды историков, писавших о событиях русской кампании, повлияли, прежде всего, воспоминания участников войны, а, во-вторых, современная им

---

⁶¹ Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. № 11. С. 467 – 479; Bomsdorff R. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig: W. Engelmann, 1816. 154 s.; Liebenstein L.A. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt, 1819. 340 p.; Roos H.U.L., von. Ein Jahr aus meinem Leben. St. Petersburg, 1832. 355 s. (русское издание: Роос Г. С Наполеоном в Россию. М.: Наследие, 2003. 208 с.); Clausewitz C. Der Feldzug von 1812. Berlin: Verlag von Wilhelm Scholz, 1834. 480 p.; Клаузевиц К. 1812 г. М.: Захаров, 2004. 258 с.; Burkersroda. Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Feldzugs im Jahre 1812, besonders im Bezug auf das Schicksal der königl. sächsischen Truppen-Abtheilung bei der grossen französischen Armee. Naumburg: M. Weber, 1846. 64 s.; Lossberg F.W., von. Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Russland. Cassel, 1844. 132 s.; Лоссберг Ф.В. Письма вестфальского штаб-офицера. М.: Наследие, 2003. 250 с.; Röder F. Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812. Leipzig: Teubner, 1848. 560 s.; Wolzogen L.F. Memoiren. Leipzig: O. Wigand, 1851. 310 s.; Suckow K., von. Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart: A. Krabbe, 1862. 365 s.; Schehl. Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Armee von 1812. Krefeld, 1862; Martens C., von. Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart: Verlag von Aug. Schaber, 1862. 200 s.; Venturini J. L.A. Carnets d'un Italien au service de la France // Nouvelle Revue Retrospective. P., 1904; Canfalonieri F. Memoire. Milano: U. Hoepli, 1890. 320 p.; Baggi F. Memorie. Bologna: Edite da C. Ricci, 1898. 268 p.; Colosso J.T. Mémoires d'un vieux soldat. Nice: Société Typographique, 1857. 307 p.; Ложье Ч.Б. Дневник офицера Великой армии. М.: Пресс, 1912. 282 с.

общественно-политическая обстановка. Именно эти факторы предопределили характер национальных нарративов о войне.

Исторические исследования рассматриваются нами не только в традиционном историографическом аспекте, но и как отражение процесса последующей трансформации первоначальных впечатлений участников и современников. С помощью выявления особенностей траектории формирования памяти, мы пытаемся определить тенденции развития национальных версий русской кампании.

Так, французские историки в поисках героической составляющей войны интерпретировали сражения кампании как «моральную» или военно-стратегическую победу Великой армии, подтверждая свои выводы документами исключительно французского происхождения. Вследствие столь узкой источниковой базы описание военных действий во французских исследованиях оказались представлены достаточно схематично⁶². Эта традиция историописания фактически без изменений перешла в исторические труды XX-XXI вв.⁶³

Аналогичная национальная ограниченность оказалась характерна и для других историографических нарративов. Швейцарская традиция историописания войны 1812 г. представлена немногочисленными трудами, главным достижением которых стало освещение роли швейцарских солдат в спасении Великой армии на Березине⁶⁴. Благодаря усилиям этих историков, «Березина» стала символом бесспорной швейцарской победы, возведенной в ранг чего-то совершенно сакрального. В XX и XXI вв. историки этой страны

⁶² Guillaume de Vaudoncourt F. Relation impartiale du passage de la Berezina en 1812. P., 1815; Thiers A. Histoire du Consulat et de L'Empire. Bruxelles: Paulin, libraire – éditeur, 1856. T. 14. 686 p.; Assolant A. Campagne de Russie. P., 1866; Lanfrey P. Histoire de Napoléon I. 2-ème éd. P., 1875.

Thiry J. La campagne de Russie. P.: Berger-Levrault, 1969. 371 p.; Dufour B.P. Mémoires de Napoléon. P.: Chevalier de la Legion d'Honneur, 1830. T. 8. P. 330 p.; Mémoires pour servir a l'histoire de France. P.: Imprimerie de H. Fournier, 1830. 560 p.; Mortonval M. Histoire de la Guerre de Russie en 1812. P.: Ambroise Dupont, libraries, 1831. 466 p.

⁶³ Grünwald C. La campagne de Russie. P.: Julliard, 1963. 380 p.; Thiry J. Op. cit. P.: Berger-levrault, 1969. 374 p.; Dufraisie R. Napoléon. P.: PUF, 1987. 125 p.; Тюлар Ж. Мюрат или пробуждение нации. М.: Терра, 1993. 384 с.; Budon G. Napoléon et l'Europe. P.: Armand Colin. 2006, 343 p.; Fillion A. La Bérézina racontée par ceux qui l'ont vécue. P.: éd. France-Empire, 2005. 184 p.; Rey M.P. Op. cit.; Beaucour F.E. Op. cit.

⁶⁴ Shaller H. Histoire des troupes suisses au service de France. Lausanne: Imer & Payot., 1883. 336 p.; Maag A. Die schicksale der Schweizer-Regimenter in Napoleons. Biel: Ernst Kuhn, 1890. 413 S. Vallotton G. Les suisses à la Bérézina. Lausanne: Helvétique, 1942. 290 p.

уже не проявляли интереса к научному подтверждению устоявшегося образа войны.

Польская историография долгие годы находилась под воздействием французской литературы и без устали предавалась восхищению действиями Наполеона в России⁶⁵. Вписав русскую кампанию в летопись национальной истории Польши, историки создали эпопею самоотверженной борьбы польских солдат в составе Великой армии, ставшей примером их сопричастности к истории памятного европейского конфликта.

Попытки предложить объективный анализ действий Великой армии были предприняты в немецкой историографии XIX в.⁶⁶ Но эта традиция надолго оказалась утраченной в связи с событиями истории Германии XX в. Немецкий историографический нарратив русской кампании вновь возродился только в начале XXI в. как сюжет участия немцев в войнах в составе общеевропейской армии⁶⁷.

Британская историографическая традиция, изначально складывавшаяся под влиянием французской науки, оказалась основана на идее героизации действий Великой армии в войне 1812 г. Только в ранних английских трудах восхищение мужеством французского солдата сопровождалось критикой действий Наполеона⁶⁸. С конца XIX в. английская версия русской кампании, дошедшая до современности, окончательно переняла черты французской традиции⁶⁹.

---

⁶⁵ Sokolnicki M. Generał Michał Sokolnicki. Warszawa: Viator, 1912. 218 Str.; Jezierski E. Napoleon zdobywca świata. Warszawa: Świata, 1913. 313 Str.; Handelsman M. Francja – Polska 1807 – 1813. Warszawa, 1914. 230 Str. Chelminski J.V., Malibran A. L'Armée du Duché de Varsovie. P.: SKU, 1913. 358 p.; Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków: Polska Akademia Umiejetnosci, 1937. T. 2. 420 Str.; Askenazy S. Książę Józef Poniatowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. 305 Str.; Halecki O. A history of Poland. L.: Roy Publishers, 1978. 305 p.; Przewalski S. General Maciej Rybiński. Wrocław: Wrocław. Tow. Nauk., 1949. 271 Str. Zych G. Armia Księstwa Warszawskiego 1807-1812. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961. 380 Str.

⁶⁶ Osten-Sacken F. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901. 343 S.; Bliedtrey C. Die Grosse Armee. Stuttgart: Süddeutsche Monatshefte, 1908. 350 S.; Lindenau V.A. Der Berezina. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, königliche Hofbuchhandlung, 1896. 185 S.

⁶⁷ Baumgart A. Rußlandknigge. Oldenbourg, 2005. 275 S.; Ruge G. Russland. Berlin, 2008. 250 S.; Töppel R. Die Sachsen und Napoleon. Berlin, 2009. 340 S.

⁶⁸ MacQueen J. The campaigns of 1812, 1813, 1814. Glasgow: Printed by Edward Khull for W. Sommerville, A. Fullarton, J. Blackie, 1814. 230 p.; Cathcart G. Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813. L.: J. Murray, 1850. 381 p.

⁶⁹ O'Connor T.P. Napoleon. L.: H. S. Nichols, 1896. 250 p.; Hutchinson H.D. The story of 1812. L.: William Durell, 1897. 450 p.; Rosebery A. Ph. Napoleon: the last phase. L.: Kessinger Publishing, 1900. 288 p.; Delderfield R.F.

Таким образом, все историографические традиции европейских участников войны 1812 г. (за исключением немецкой традиции), сформировавшиеся под воздействием поиска национальной самоидентичности, представили широкий спектр разнообразных, но, в сущности, одинаковых героических нарративов о событиях войны.

Не меньшее, а нередко и более значительное воздействие на формирование исторической памяти по сравнению с традиционной историографией оказали произведения искусства, печать, беллетристика и кино. Ценным видом изобразительного источника, формирующим массовые представления, стала сатирическая карикатура на Великую армию. Этот вид источника получил распространение в ходе и сразу после войны 1812 г. во Франции и Англии. Карикатура в руках противников Наполеона стала серьезным оружием борьбы с ним и, одновременно, мощным фактором формирования исторической памяти⁷⁰.

Излюбленной темой для художников было отступление Великой армии, которые увидели в нем великую человеческую трагедию. К примеру, картина «Россия» французского художника-романтика Т. Жерико и «Переправа через Березину» художника Ж.Ш. Ланглуа. Писателей, так же как и художников, привлекала трагедия войны, которая, как правило, воспринималась через призму проявленного человеком мужества⁷¹. О. де

The retreat from Moscow. L.: Hodder & Stoughton, 1967. 256 p.; Palmer A. Napoleon in Russia. L.: Carroll & Graf, 1967. 320 p.; Chandler D.G. The campaigns of Napoleon. L.: Scribner. 1995. 506 p.; Britt A.S. The wars of Napoleon. L.: Square One Publishers, 2003. 208 p.; Zamoyski A. 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. L.: Harper Perennial, 2004. 644 p.; Connelly O. Blundering to glory Napoleon's military campaigns. L., 2006. 250 p.; Lieven D. Russia against Napoleon. L.: Allen Lane, 2010. 600 p.; Greentree D. Napoleon's swiss troops. L., 2012. 400 p.

⁷⁰ The murmur of the French Grand Armee in their Retreat through Russia [estampe] // URL: gallica.bnf.fr/images&q=Berezina; Bataille de la Bérésina [estampe] // URL: http://gallica.bnf.fr/images&q=Berezina.

⁷¹ Balzac O. Berezina. P.: Librairie Germer Baillière, 1830. 40 p.; La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérésina. P., 1840; Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P.: J. Hetzel, A. Quantin, 1855. 12 p.; Ponson du Terrail A. Le Trompette de la Bérésina. P., 1946. 150 p.; Boulabert J. La femme bandit. P., 1875. 30 p.; Massè P. Au drapeau // Carnet de la sabretache. 1937. P. 126 – 130; Rambaud P. Il neigeait. P.: Grasset., 2000. 300 p.; Le Tellier H. Je m'attache très facilement. P., 2007. 130 p.; Damamme J.C. Les aigles en hiver Russie 1812. P.: Plon, 2009. 817 p.; Michon P.: "Le plus beau détail est dans Stendhal" // L'histoire. Mars 2012. №343. P. 24 – 30; Emile L., Reynold G. La gloire qui chante: chants de soldats suisses à travers les ages: poème dramatique. Lausanne, 1918. 120 p.; Scott W. The life of Napoleon Buonaparte. L.: Cadell & Co., 1834. T. 2. 623 p.; Henty G. A. Through Russian Snows. A Story of Napoleon's Retreat from Moscow. L.: Book Society & Bazaar, 1896. 172 p.; Lee A. The Emperor's Trumpeter. L.: Oliphant & Co, 1907. 205 p.; Pollard E. F. For the Emperor. L.: J. Nisbet & Co, 1909. 235 p.; Stowell S. H. Barlasch of the Guard. L.: Constable & Co, 1903. 360 p.; Teegan T. H. With the Grand Army

Бальзак, В. Гюго, В. Скотт, П. Рамбо и др. обращались к этому событию как к символу ушедшей эпохи рыцарства, когда военная честь и верность императору были превыше самой жизни.

Особую ценность в плане анализа формирования исторической памяти имеет для нас сфера массовой информации. Печать и кино в особенности формировали и формируют коллективные представления об исторических событиях 1812 г. Характерной чертой периодической печати является доступность и разнообразие информации. В то время как исторические и художественные журналы публиковали на протяжении двухсот лет, главным образом, научные статьи, рассказы и отрывки из мемуаров, газеты использовали и используют упоминание о русской кампании, в основном, в метафорическом смысле как кризис и катастрофу. В любом случае, все эти публикации отражают разные стороны того, что мы называем политикой памяти⁷².

Важным источником формирования коллективных представлений являются кинодокументы, которые как источник стали привлекать внимание историков совсем недавно⁷³. Анализируя этот вид источника, исследователи,

to Moscow. An historical Novel. L.: Cassell & Co, 1900. 345 p.; Whishaw F. J. Moscow. A Story of the French Invasion 1812. L.: Blackie & Son, 1905. 420 p.; Doyle A. C. Adventures of Gerard. Tales of the Napoleonic Soldier. L.: G. Newnes, 1904. 195 p.; Pemberton M. The great white Army. L.: S. W. Partridge, 1915. 220 p.; Townsend B.C. The Sword Hand of Napoleon. A Romance of Russia and the Great Retreat. N.Y.: J. Nisbet & Co, 1915. 360 p.; Brooks E. S. A Boy of the first Empire. N.Y.: Blackie & Son, 1913. 265 p.

⁷² Journal de L'Empire. 1813. Janvier; Journal des artistes. 1828. №13; France militaire: histoire des armées francaises. P., 1838; Le Temps. 1887. Octobre; Notes et documents des Archives du général baron A.J. Ameil // Carnet de la sabretache. 1907. Ser 2. № 169; Le Temps. 1912. Avril; Rey M.P. Pourquoi les russes ont gagné // L'histoire. Mars 2012. №343; Les leçons de Bérézina // URL: <http://french.ruvr.ru>; Napoléon, future mascotte d'un parc d'attraction ? // URL: [www. lemonde. fr](http://www.lemonde.fr) ; L'école ? La "bérézina" de Sarkozy selon Christine Boutin // URL: <http://you.leparisien.fr>; Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny // URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions->; Die Neutralitaet der Schweiz // URL: http://www.cosmopolis.ch/cosmo34/schweiz_uno.htm; Путешествия. Швейцария // URL: <http://www.tury.ru/otzyv/id/144507>; Beresina. Die Schweizer in Napoleons Russlandfeldzug 1812 // URL: http://www.historischesmuseum.lu.ch/index/sonderausstellung/aktuelle_sonderausstellung.htm; «Бережина» в Люцерне // URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/13182>;

Napoleon a sprawa polska // URL: <http://www.polskiedzieje.pl>; Wielkie słowa w polskim Sejmie // URL: [www. rp. pl.](http://www.rp.pl); Grzegorz Łyś. Rzeka bez powrotu // URL: [www. rp. pl.](http://www.rp.pl); Małkowska M. Berezyna oficjalnie i prywatnie // URL: [www. rp. pl.](http://www.rp.pl); «Le Monde»: Traktat Lizboński zwycięstwem obowiązku nad demokracją // URL: [www. rp. pl.](http://www.rp.pl)

⁷³ Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: Российс. гос. гуманит. ун-т, 2005; Мазур Л.Н. Художественное кино как текст // Историк, текст, эпоха: Материалы научно практической конференции Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 45 – 57; «Наполеон: зима в России», Великобритания, 2001 г.; «Трубач Березины» режиссера Ж.П. Каррера, Франция, 1966 г.; фильм «Бережина»

как правило, наряду с субъективностью кино, выделяют его характерную особенность как носителя господствующей идеологии и как одно из средств воздействия на массовое сознание общества. Несомненно, кинодокументы сегодня являются важнейшим отражением исторической памяти общества.

Политике, войнам и жизни великого французского императора Наполеона посвящено огромное количество художественных и документальных фильмов. Образ Наполеона, запечатленный в кино, на протяжении XX в. менялся от деспота до великого демократа. Эта трансформация оказывала воздействие и на трактовку русской кампании, образ которой воплотил в себе как ощущение трагедии, так и победы.

Таким образом, представленный комплекс источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, отражает истоки и дальнейший процесс трансформации европейских мемориальных практик о русской кампании 1812 г.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором проведен комплексный анализ процесса формирования исторической памяти европейцев о русской кампании Наполеона, выявлены особенности трансформации индивидуальной памяти в социальный и государственный нарратив европейских наций, предложены «идеальные модели» трансформации исторической памяти о русской кампании 1812 г., а также методологические рекомендации применительно к исследованию данной эпохи. В диссертации впервые отмечены отличия в интерпретации событий войны в письмах, дневниках участников и выявлены особенности дальнейшего формирования образов войны, созданных на страницах мемуаров солдат Великой армии.

Создано первое комплексное исследование по исторической памяти европейцев о войне 1812 г. Диссертация вводит в научный оборот большие

комплексы неопубликованных и опубликованных исторических источников по представленной теме.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Основные положения диссертационного исследования могут быть применены при подготовке лекций и практических занятий по дисциплинам «Новая история стран Запада», «Историческая память и историческая политика», при разработке учебных пособий по данным курсам. Материалы работы могут быть использованы для изучения вопросов, связанных с исследованием событий прошлого в исторической памяти. Выводы, сделанные в результате исследования, могут быть востребованы государственными органами власти при совершенствовании механизмов исторической политики. Теоретическая значимость исследования связана с апробацией концепции исторической памяти применительно к войне 1812 г. Автор выделила «идеальные модели» трансформации образа события, предложила методологические рекомендации к исследованию «памяти-трагедии».

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ русской кампании в представлении французских солдат трансформировался под воздействием событий войны, способствуя созданию «героического нарратива» о действиях Великой армии в России.
2. В период пребывания Великой армии в Москве и в условиях отступления у французских солдат создается «коллективная иллюзия» о их моральной победе и о русской зиме как причине поражения Наполеона в России.
3. Если во время кампании все понесенные жертвы казались солдатам Великой армии оправданными, а «коллективная иллюзия» одержанных побед объединяла солдат перед лицом опасности, то годы спустя большинство участников представили на страницах мемуаров, главным образом, трагический образ русского похода.
4. Именно французские участники кампании и стали создателями противоречивой картины событий 1812 года, обозначив на будущее ту

многовекторную траекторию развития памяти, которая на протяжении двух столетий балансирует между «коллективной героической иллюзией» и критикой Наполеона. Единственным сюжетом, объединяющим версии, созданные французскими участниками похода, стал образ отступления Великой армии как ее «моральной победы».

5. Противоречивость интерпретаций событий русской кампании способствовала актуализации памяти о ней в течение двух столетий при всех режимах во Франции, актуализируя необходимые образы исходя из запросов времени.

6. Важным этапом конденсации образов русской кампании как военно-стратегической и «моральной» победы французской нации стал XX в. В этот период усилия всех французских акторов памяти соединились с целью консолидации общества вокруг героического прошлого ради «преодоления травмы» Второй мировой войны.

7. Развитие исторической памяти о русской кампании во Франции предстает в виде своего рода естественного процесса преодоления обществом «травматического прошлого» и является неким «идеальным образцом» формирования национальной идентичности.

8. Швейцарская версия, подобно французской, продемонстрировала естественный процесс конденсации памяти под воздействием таких факторов, как мемуарной традиции, политической и научной изолированности страны, что в совокупности предопределило устойчивость «героического мифа».

9. Исследование показало, что противостояние разных акторов памяти на протяжении двух столетий применительно к образу войны оказалось характерным только для французского нарратива, что было вызвано неоднозначностью результатов кампании для Великой армии, предопределив тем самым формирование многовекторной памяти. Иные национальные традиции развивались в границах единого нарратива. Так, немцы и итальянцы, со временем утратив эмоциональную связь с историей событий

1812 г., стали представлять эту войну исключительно как трагедию. В свою очередь, у поляков и швейцарцев, для которых образ Наполеона на протяжении двух столетий являлся важным элементом процесса формирования национальной идентичности, оказался сконструированным единый героический нарратива.

10. Установлено, что факторы воздействия инструментов исторической политики в определенные временные периоды оказались наиболее ярко выраженными в немецком, итальянском и британском нарративах.

11. Представления участников кампании формировали основу для появления последующих интерпретаций событий. Очевидно, что героический нарратив в течение почти двух столетий оказался характерен для польской, швейцарской и французской версии, поскольку солдаты именно этих наций в рамках эпистолярного наследия изначально зафиксировали победу Великой армии в сражениях войны 1812 г. Однако героическая традиция этих наций конструировалась, в основном, вокруг образа отступления, в отличие от символа русской памяти – Бородинского сражения как победы.

12. Первоначальные представления немецких и итальянских участников войны были связаны с воспоминаниями о трагедии и бессмысленности самого открытия русской кампании. Поэтому в итоге именно эти образы стали основой их национальных нарративов памяти.

13. Истоки британской версии 1812 г. изначально оказались связаны со стремлением умалить военно-стратегические успехи как французов, так и русских. После «переформатирования» образа Наполеона из неприятеля в героя британцы признали факт военно-стратегических успехов Великой армии в войне 1812 г., а представления о России и о причинах поражения французов остались в «ловушке» изначальных стереотипов.

14. Исследование показало, что сохранение эмоциональной составляющей, регулярное воспроизведение национальной традиции

способствует формированию коммуникативной, «ритуальной» памяти о прошлом. Подобные коммеморативные практики продемонстрировали французская, швейцарская и польская версии событий. В свою очередь, немецкая, итальянская и британская траектории памяти, утратив связь с национальной традицией, «переформатировались» в историографические версии прошлого.

15. Очевидно, что устойчивость национальных моделей прошлого определяется естественным процессом трансформации в пространстве исторической памяти и регулярным воспроизведением мемориальных практик. Как правило, эти тенденции связаны с образом героического прошлого или трагедии, которая на протяжении многих лет становилась объектом дискуссий и процесса «преодоления прошлого».

16. Образы прошлого в разных национальных традициях подчинялись своим собственным, особенным механизмам трансформации, что, по нашему убеждению, исключает возможность использования какого-либо универсального методологического инструментария.

17. Исследование подтвердило существование таких черт «идеальной модели» трансформации памяти, которые выявила А. Ассман. Они сводятся к двум моментам – к естественному процессу формирования образа прошлого и к отсутствию четкого противостояния истории и памяти. В соответствии с этой концепцией мы выделили три идеальные варианта коммеморативных практик, которые соотносятся с французской, швейцарской и польской традициями.

18. Очевидно, что конкретный исторический материал (но не умозрительные, оторванные от исторической почвы умозаключения) и должен с неизбежностью определять методологические подходы исследователя в плане постижения прошлого и образов его отражения в коммеморативных практиках.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается использованием разнообразных исторических источников, применением адекватных поставленным задачам методов и принципов научно-исследовательской работы. Автор использовала все существующие на данный момент опубликованные и неопубликованные исторические источники по теме диссертации. Исследование находится на стыке разных методологических подходов: военно-исторической антропологии и исторической памяти, что обеспечило более глубокий анализ коммеморативных процессов. Положения диссертации отражены в 40 публикациях, в том числе в 25 статьях из перечня ВАК, в 3 монографиях (2 – в соавторстве). Материалы диссертации прошли апробацию в рамках реализации учебных курсов «Историческая память и историческая политика» и «Новая история зарубежных стран» в УрГПУ с 2013–2021 гг. Материалы диссертации были подготовлены в рамках реализации грантов: РФФ «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (2016–2018 гг.); РФФ «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях» (2017–2020 гг.); РФФИ «Образ войны в коллективной памяти молодежи России и Европы: коммеморативные практики и механизмы формирования гражданской идентичности» (2019–2020 гг.); РФФ «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» (с 2019 г.).

Основные положения исследования были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях:

1. Международная научно-практическая конференция «Колодеевские чтения» (Борисов, Беларусь, 27-28 ноября 2010 г.);
2. Международная научная конференции «1812 г.: люди и события великой эпохи» (г. Москва, Музей-панорама «Бородинская битва», 21. 04. 2011 г.);

3. Международная научная конференция «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы» (г. Москва, РГГУ, 22-23 сентября 2011 г.);
4. Международная научная конференция «Война 1812 г. в контексте мировой истории» (Институт всеобщей истории, РГГУ, г. Москва, 8-13 июля 2012 г.);
5. Международная научная конференция «Россия и Наполеоновские войны», (Межотне, Латвия, 15 – 19 мая 2014 г.);
6. Международная научная конференция «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.» (ФГБУК «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», 4-6 сентября 2017 г.);
7. Международная научная конференция «Антропологическое измерение наполеоновских войн: оккупация в истории и исторической памяти европейцев» (Екатеринбург, УрГПУ, 15-16 октября 2018 г.);
8. Международная научная конференция «Наполеон и Европа: XIX в.» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 20 мая 2019);
9. Международная научная конференция «Наполеон и Революция» (Екатеринбург, УрГПУ, 25 октября 2019).
10. Международная научная конференция «Историописание в контексте политической культуры» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 25 мая 2021).

Глава 1. Наполеоновская эпоха в исторической памяти: методология и историография

Мировое пространство последних лет оказалось заполнено непрекращающимися столкновениями многочисленных и разнообразных носителей исторической памяти, что обусловило кризис традиционной модели национальной идентичности. В центре этих столкновений оказался образ войны, превратившийся в главный инструмент конструирования настоящего и будущего. Именно дискурс войны для многих государств и народов стал основой формирования и упрочения национальной идентичности. В этой связи в рамках методологических исследований, посвященных исторической памяти, все большую актуальность приобретает вопрос о закономерностях и формах «преодоления травматического прошлого». Эта проблема и оказалась в центре внимания французской науки в контексте осмысления событий наполеоновской эпохи.

1.1. Мемориальные исследования между памятью и забвением: многообразие интерпретаций или кризис постмодернистской парадигмы?

На протяжении многих лет в гуманитарных науках не умолкает спор вокруг проблем интерпретации образов войны в национальной и транснациональной памяти, что с неизбежностью порождает многообразные варианты транслирования прошлого. Полагаем необходимым осветить современные методологические дискуссии в изучении военных конфликтов для дальнейшего определения роли истории наполеоновской эпохи в европейских исследованиях.

На современном этапе мемориальные исследования в связи с формированием транснациональных рамок памяти в виде «политики покаяния» приобрели новое звучание, актуализировав тем самым вопросы противопоставления триумфа и трагедии, забвения и вспоминания.

В начале XXI в. эти методологические дискуссии стали неотъемлемой частью исторических, социологических и психологических исследований, породив и продолжая порождать вопросы, сомнения и многообразные подходы к их разрешению. Один из основателей теории исторической памяти П. Нора отметил, «что концепцию, которую я создал в 70-е годы для истории Франции, начали использовать в исторических исследованиях во всем мире, стало для меня неожиданностью. Я на это никак не рассчитывал»⁷⁴. Через несколько лет, в очередной раз обратившись к влиянию собственной концепции на мировую науку, он призвал историков «вернуться в архивы»⁷⁵.

Так называемый «бум памяти», кризис которого на современном этапе становится все более очевидным, начал зарождаться в рамках методологических экспериментов «Школы Анналов». Представители данного направления, французские историки, впервые обратились к проблеме изменчивости представлений о прошлом, сделав объектом своих исследований ментальные стереотипы, исторические мифы, процессы их трансформации и формирования. Так, зарождавшиеся в 1970-е гг. идеи «исторической памяти» к событиям прошлого применил тогда представитель третьего поколения школы Анналов Ж. Дюби, опубликовав монографию «Бувинское воскресенье», выход которой ознаменовал рождение новой методологии исторического познания⁷⁶. Историк соединил событийную историю и память о сражении, уделив особое внимание тому, как современники интерпретировали событие, порождая мифы, ставшие основой национальной памяти. Дюби в своем исследовании очень тонко

---

⁷⁴ Нора П. «Историки поняли, что законы - опасная вещь» // Новое литературное обозрение. 2002. № 3.

⁷⁵ Nora P. «L'Autre bataille de Bouvines».

⁷⁶ Duby G. Le Dimanche de Bouvines. P.: Gallimard, 1973. 284 p.

продемонстрировал, что история события – это иллюзия, а историк исследует только память.

Идея ученого, сформулированная на основе исторических источников, в итоге привела к созданию новой методологии, названной «исторической памятью». Впервые попытался осмыслить базовые основы данного направления П. Нора, создав концепцию «Мест памяти», в рамках которой он провел четкую границу между историей и памятью⁷⁷. Вдохновляясь исследованием Дюби, Нора заявил, что воспоминания современников, участников события, создают память, а последующие поколения конструируют историю о нем. Когда событие утрачивает свое влияние на общество, «внутренне им не переживается», оно переформатируется в «место памяти», превращаясь в некий «символический ритуал», зависимый от внешней поддержки со стороны государства. Каждый этап трансформации, по мнению историка, от «памяти» к «истории», а затем к «месту памяти» сопровождается кризисом национальной идентичности, который вытесняет одно событие и возводит на пьедестал другое.

Концепция П. Нора вызвала оживленную дискуссию во французской науке по поводу соотношения истории и памяти. К слову сказать, Дюби, который невольно запустил этот процесс, в этом споре не принял участия, он просто продолжал «наслаждаться историей».

Не устоял от вмешательства в методологические споры другой представитель «Школы Анналов» Ж. Ле Гофф: «Историков сегодня все больше интересует связь между историей и памятью», – заявил он⁷⁸. Вступив в дискуссию с Нора, ученый предположил, что невозможно определить границу между историей и памятью, так как современность влияет на интерпретацию прошлого: «Историк – это субъект времени, в котором он живет. Интерес к прошлому – это иллюзия настоящего»⁷⁹. Ле Гофф отрицал

---

⁷⁷ Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Memory and Counter-Memory*. 1989. 7-24 p.

⁷⁸ Le Goff J. *History and memory*. New York: Columbia University Press, 1992. 265 p. P. 13.

⁷⁹ *Ibidem*.

объективность прошлого, характеризуя его как «сумрачное, независимое от нас», считая, что память, даже неосознанно, воздействует на историю.

Помимо дискуссии о соотношении истории и памяти эпоха постмодерна поставила еще ряд важных вопросов применительно к проблеме интерпретации прошлого: роль забвения в трансформации памяти, соотношение трагедии и триумфа в национальном и транснациональном пространстве. На постановку этих вопросов повлияла не только деятельность французских историков, но и осмысление травматического опыта Второй мировой войны. Трагедия как элемент памяти и забвения стала популярной темой в дискурсе коммеморативных практик, затмив образ триумфа и проблему соотношения истории и памяти.

Одну из главных ролей в осмыслении культа трагедии сыграли философ Х. Арендт и историк Р. Козеллек, современники Второй мировой войны. Арендт, будучи еврейкой, была вынуждена эмигрировать из Германии, став «жертвой нацистского режима», а Козеллек служил в немецкой армии в годы войны. Удивительно, что, несмотря на различия в их судьбах, им оказались присущи схожие размышления о памяти-трагедии. Арендт в своем освещении судебного процесса в Иерусалиме над сотрудником гестапо А. Эйхманом обратила внимание на субъективное использование памяти о Холокосте в политике конструирования национальной идентичности молодого государства, предрекая опасность инструментализации истории и «банальности зла»⁸⁰. Арендт, в то время подвергшаяся критике за подобные идеи, призывала не к политике «покаяния», а к «прощению» как форме «преодоления травмы».

Несколько лет спустя Козеллек во многом разделял взгляды Арендт на процесс виктимизации. После окончания войны он тяжело переживал «травму», в причинении которой принял непосредственное участие. В итоге размышления о «негативной памяти», тесно связанные с его жизненным

---

⁸⁰ Арендт Х. Банальность зла. М.: Европа, 2008. 424 с.

опытом, стали основой исследований ученого по методологии исторической науки⁸¹.

Ключевым лейтмотивом его теории стал процесс «забывания» событий, которые невозможно оправдать с точки зрения законов справедливости. В итоге, по мнению ученого, главным элементом коллективной памяти становится виктимизация как способ самооправдания и забывания иных аспектов прошлого. Так, Козеллек выражал возмущение меморализацией жертв Холокоста, считая, что «траур не делится» и «всегда нужно помнить о всех жертвах и не забывать об убийцах». «Изобретение ритуалов, церемоний» как способа самооправдания он считал попыткой вытеснения события из пространства памяти. Тем самым, по мнению историка, культ жертв, выраженный в «местах памяти», это инструмент государственной политики по самооправданию, который в итоге убивает память. В то же время Козеллек придавал огромное значение процессу коллективного «преодоления травмы» без государственного вмешательства как формирующего национальную идентичность в большей степени, чем память о победе.

Исследования историка предопределили последующие дискуссии в гуманитарных науках, связанные с проблемой забвения, вспоминания, памятью о трагедии и победе. Важной вехой стало исследование философа П. Рикёра «Память, история, забвение», в котором он во многом подтвердил размышления Козеллека, противопоставив память и забвение⁸². По мнению философа, память – «живая система», а превращение образа прошлого в «ритуалы» приводит к забвению. Рикёр определил переходный этап между забвением и памятью, который он обозначил термином «горизонт», своего рода умиротворенной памятью, моментом, когда стихают дискуссии, проходит «боль», и образ события перевоплощается в «символические ритуалы». Так, то, что П. Нора назвал «местом памяти», Козеллек и Рикёр

---

⁸¹ Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge: MIT press, 1988. 204 p.

⁸² Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

обозначили как забвение. В отличие от предыдущих теорий, Рикёр представил процесс перехода от памяти к забвению закономерным, а не целенаправленным актом коллективного забывания или кризисом идентичности.

Подверг критики концепцию П. Рикёра антрополог М. Оже, заявив, что забвение – это необходимый этап функционирования памяти⁸³. Ученый выделил несколько форм забывания: «возвращение», «пауза», «новое начало». В итоге, после прохождения «событием» этих этапов создается «новый ритуал», который в большей степени связан с настоящим, чем с прошлым. Однако, по мнению Оже, тесная идеологическая связь с современностью позволяет событиям сохранять актуальность, быть памятными для общества.

Именно дискуссия о соотношении памяти и забывания стала важным элементом в дальнейшем развитии мемориальных исследований⁸⁴. Значимый вклад в осмысление забывания как сложного феномена трансформации памяти внесли социолог П. Коннертон и историк А. Ассман. Их внимание притягивает процесс сосуществования образа прошлого в категории памяти и забывания, в национальном и транснациональном пространствах. Ученые отвергли дихотомию между памятью и забвением, продемонстрировав динамику этих процессов с их различными институциями и фазами.

Основываясь на предположении, что забывание не является противоположностью вспоминания или празднования, П. Коннертон выделил семь форм забывания: стирание, предписанное упущение, структурная амнезия, аннулирование, устаревание, оскорбленная тишина⁸⁵. Автор отметил разные факторы, под воздействием которых забвение переходит из одной формы в другую, сделав вывод, что этот процесс не влечет за собой абсолютную потерю памяти. Однако Коннертон отрицает

---

⁸³ Augé M. Pour une anthropologie des mondes contemporains. P.: Flammarion, 1997. 195 p.

⁸⁴ См.: Brockmeier J. Remembering and Forgetting: Narrative as Cultural Memory // Culture & Psychology. 2002. 8(1).

⁸⁵ Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. (стирание – самая жестокая форма, свойственная тоталитарным режимам; предписанное забвение отличается от стирания тем, что совершается в интересах всего общества; структурная амнезия – дефицит информации; устаревание – отсутствие необходимости в актуализации прошлого; униженное молчание – вина, стыд).

существование категорий «истории» и «памяти», считая, что коммеморативные практики могут существовать лишь в формах забвения, либо же в церемониях как явлениях «социально-традиционной» памяти⁸⁶.

Исследование разных форм забвения продолжила А. Ассман в работе «Забвение истории – одержимость историей»⁸⁷. В отличие от Коннертона, она считает, что функциональная память общества освобождена от забвения и включает гораздо больше форм выражения, а не только церемонии: «Канон является функциональной памятью общества, которая должна осваиваться каждым поколением заново. Канон присваивает определенным артефактам, личностям или историческим событиям особую ценность и ориентирующую значимость для будущего»⁸⁸. Предполагая, что событие переходит из памяти в забвение, она выделяет особый уровень, в котором происходит фильтрация общественных представлений, назвав его «архивом».

Учитывая, что забывание лишь временно стирает событие из памяти, Ассман так же, как и Коннертон выделяет несколько форм забвения. Однако по сравнению со своим предшественником ученый считает, что процесс забывания может привести к зарождению новой формы памяти об историческом событии.

Дискурсивный поворот в направлении изучения забвения вызвал интерес в науке к проблеме травмы в исторической памяти. Еще Козеллек отметил, что в современную эпоху индивидуальная память стремится предать травму забвению, а коллективная – возводит ее на пьедестал⁸⁹. Так, одним из первых обратился к процессу перехода травмы в коллективную транснациональную память историк Д. Уинтер на примере образа Великой войны. Автор неоднократно выражал свою солидарность с процессом конструирования общеевропейской памяти о жертвах как инструментом

---

⁸⁶ Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон+, 2011. 303 с.

⁸⁷ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019. 610 с.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Koselleck R. Op. cit.

формирования пацифистского мышления⁹⁰. В свою очередь, А. Ассман на примере памяти о Холокосте отметила разрушительность виктимизации на транснациональном уровне как процесса вытеснения иных аспектов событий Второй мировой войны и размывания национальной идентичности⁹¹.

Культ «травмы» в методологических исследованиях актуализировал образ поражения как процесса «примирения с прошлым» на национальном и общеевропейском уровне в трудах историков. Историк Ф. Кардини, обратившись к «культуре поражения», проанализировал «травму» как основной мотив в необходимости установления справедливости, которая (травма), в свою очередь, становится инструментом национальной консолидации⁹². Кардини во многом подтвердил, что образ трагедии существует в коллективной памяти намного дольше, чем победа, которая переходит в «символические церемонии», подвергаясь забвению.

После данного исследования понятие «культура поражения» стало общепринятым в исторической науке. Немецкий историк В. Шивельбуш использовал этот термин для названия своей монографии, посвященной теоретическим аспектам исторической памяти о войнах. Будучи солидарным с Кардини, он утверждает, что переживание нацией травмы поражения приводит к «стремлению помнить»⁹³. Однако автор отметил, что эта форма памяти не связана с «установлением справедливости», а с «изобретением новой альтернативной реальности», оправдывающей ожидания нации.

Шивельбуш выразил мысль о том, что этот процесс «изобретения мифа» становится основой переосмысления пути развития государства и оказывает более консолидирующее влияние на нацию, чем память о победах: «Поражение очищает нацию, в то время как победа ослепляет победителя,

---

⁹⁰ Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 310 p.

⁹¹ Ассман А. *Длинная тень прошлого*.

⁹² Cardini F. *La Culture de la guerre*. P.: Gallimard, 1992. 492 p.

⁹³ Schivelbusch W. *Op. cit.*

приводит в действие противостоящие силы и готовит его падение»⁹⁴. Однако, по мнению историка, траектория развития памяти о травме может также создать некую «ловушку» для общества и государства, так как чувство вины постоянно требует компенсации в виде проведения церемоний или в развязывании очередной войны.

Дискурс травмы привел к необходимости исследовать процесс памяти и забвения в сознании людей, ставших жертвами войны и террора. Социологи, заинтересовавшись подобным научным аспектом, на основе эмпирических исследований проанализировали представления участников недавних трагических событий⁹⁵. Ученые пришли к выводу о сложности и индивидуальности процесса забвения травматических событий в сознании жертв. В своем стремлении пережить травму или чувство вины они, как правило, неосознанно создают миф, содержащий элементы «воображаемого». Во многом эти исследования подтвердили утверждение предыдущих ученых о том, что воспоминания жертв войны еще более мифологичны, чем труды историков.

Очевидно, что исследования механизмов «забвения» в науке сводятся к процессу трансформации «индивидуальной скорби в публичную» и, как правило, противопоставляются триумфу. Попытка объединить две парадигмы «победы» и «поражения» была сделана британскими историками на примере памяти о Великой войне и Второй мировой войне⁹⁶.

Историки проанализировали разные формы памяти на конкретном историческом материале, начиная от общественных торжеств, организуемых государствами, личных воспоминаний переживших войну, и заканчивая образом, который транслируется в коллективной памяти. Совершенно справедливо авторы отметили, что процесс виктимизации привел к тому, что «социальные группы, пережившие травму, стали требовать публичного

---

⁹⁴ Ibid. P. 52.

⁹⁵ Rogers K., Leydesdorff S., Dawson G. Trauma: Life Stories of Survivors. L.: Routledge, 2004. 262 p.; Dawson G. Making Peace with the Past? Memories, Trauma and the Irish Troubles. L.: Manchester University Press, 2007. 392 p.

⁹⁶ Commemorating War: The Politics of Memory. L.: Transaction Publishers, 2004. 282 p.

признания за собой статуса жертвы»⁹⁷. В связи с чем, по мнению авторов, церемонии, посвященные войнам, превратились также в акт «коллективного покаяния».

В свою очередь, на примере Великобритании историки пришли к выводу, что образ победы продолжает существовать в национальной коллективной памяти, а культ траура – всего лишь иллюзия европейской политики⁹⁸. В связи с этим, обратившись к концепции Уинтера, историки не приняли его отрицания национальной специфики памяти, считая, что образ прошлого – это результат более сложного процесса, происходящего между национальной и транснациональной памятью⁹⁹. Так, на примере Великобритании они продемонстрировали вариант «компромиссной памяти», существующей между общеевропейскими и национальными коммеморативными практиками. В свою очередь, вслед за А. Ассман, процесс общеевропейской виктимизации прошлого эти историки сочли разрушительным для исторической политики.

В последние годы в науке усиленно подвергается критике процесс конструирования транснациональной общеевропейской памяти на основе травмы¹⁰⁰. Исследователи рассматривают его не только как разрушительное действие исторической политики, но и как стремление некоторых государств, используя культ жертв, «расширить мнемоническое видение Единой Европы»¹⁰¹. В итоге, по мнению социолога М. Малксоу, в коллективной памяти, которая не стремится к глубокому осмыслению процесса виктимизации, сформировалась аксиома: «Быть европейцем – значит быть жертвой войны, тоталитарного режима»¹⁰². Транснациональную память о травме историк считает не явлением «коллективного покаяния», а

---

⁹⁷ Ibid. P. 3.

⁹⁸ Ibid. P. 7.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ См.: Nascimento Araújo M., Sepúlveda dos Santos M. History, Memory and Forgetting: Political Implications // Revista Critica de Ciencias Sociales. 2009.

¹⁰¹ Malksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009.

¹⁰² Ibid. P. 32.

«мнемонической безопасностью», вызванной необходимостью поддерживать дипломатические отношения между государствами Евросоюза¹⁰³.

По мнению ученого, «мнемоническая безопасность», существующая только в интересах государства, а не общества, таит в себе опасные предзнаменования национализма: «Попытки изобрести общее прошлое, как правило, только провоцируют появление более жестоких различий между нациями»¹⁰⁴. Выход из «методологической и исторической ловушки памяти» она видит в исследовании трансформации образов исторических событий в представлении различных наций, заявляя, что транснациональная память – это политический миф.

Интересно, что концепция транснациональной памяти появилась в британской науке, когда Великобритания находилась в поиске своего пути в рамках процесса европейской интеграции, и ее отказ от этой концепции на современном этапе также оказался связан с изменением европейского вектора в политике этого государства. Возможно, что сегодня отказ принять общеевропейскую память связан со стремлением британцев в очередной раз подчеркнуть своеобразие своего движения, отличного от направленности развития иных стран Евросоюза, и вернуться к изучению национальной памяти. В этом случае мы вновь встречаем осознанное или неосознанное воздействие государства уже на сферу методологических поисков.

В целом, на современном этапе сама концепция исторической памяти подвергается критике и серьезным сомнениям в ее обоснованности. Все большее число ученых заявляет, что мы недостаточно глубоко проанализировали процессы трансформации этого феномена применительно к отдельным событиям и нациям, чтобы быть готовыми выйти на уровень методологического осмысления общеевропейской памяти¹⁰⁵. Очевидно, что

---

¹⁰³ Malksoo M. Memory must be defended: Beyond the politics of mnemonical security // Security dialogue. 2015. Vol. 46. N 3. P. 221–237.

¹⁰⁴ Ibid. P. 34.

¹⁰⁵ Канштайнер В. Поиск смысла в воспоминаниях: методологическая критика исследований коллективной памяти // URL: <https://urokiistorii.ru/article/52227>; Gilbert A., Bock M. Entre lieux et memoire. Ottawa: University of Ottawa Press, 2009. 372 p.

исследование теоретических аспектов мемориальной культуры в последние годы значительно опережало их апробирование применительно к анализу исторических событий, породив тем самым определенный диссонанс в научно обоснованных выводах. В связи с этим все большую актуальность приобретает призыв П. Нора «обратиться к архивам» и вернуться к «простоте методологических законов» Ж. Дюби. Возможно, пройденный постмодернистский цикл осмысления феномена исторической памяти подтверждает, что методология, сформированная на конкретном историческом материале, обладает большей устойчивостью, чем та, которая рождена в оторванных от конкретной реальности прошлого дискуссиях.

Как бы то ни было, рождение многих концепций в гуманитарных науках в последние десятилетия, несмотря на всю их спорность, поставили перед будущими поколениями исследователей ряд вопросов, решение которых обусловит продолжение научных дискуссий и, возможно, будет способствовать осмыслению их применительно к конкретным событиям. Отметим некоторые из возможных вариантов этих вопросов: каково соотношение памяти и забвения?; в чем заключается роль «символических ритуалов и церемоний» в коммеморативных практиках общества и государства?; является ли трансформация памяти закономерным процессом или же целенаправленным актом исторической политики?; каковы главные факторы, влияющие на переформатирование образа прошлого?

На фоне великого многообразия терминов и подходов, предложенных в рамках дискуссий об исторической памяти, нельзя не заметить некоторое сходство в высказанных мнениях применительно к отдельным методологическим проблемам. Как уже отмечалось, историки постепенно пришли к согласию, что транснациональная память – это иллюзия, созданная в рамках исторической политики, это акт неприятия ответственности за прошлое, рожденный исключительно в целях «мнемонической

безопасности». Очевидно также, что большинство историков склоняются к мнению о том, что память о трагедии в большей степени оказывает объединяющее влияние на общество, чем память о триумфе. Наконец, сам процесс формирования многообразных концепций исторической памяти, факторы, влияющие на его трансформацию, сами по себе уже становятся мемориальной культурой европейского общества.

Так, процесс конструирования «транснациональной памяти» во многом обусловил актуальность образов трагедии наполеоновской эпохи во французских историко-антропологических исследованиях, о чем и пойдет речь далее.

1.2. Историческая память о наполеоновской эпохе в современной европейской историографии

Историческая наука и образ Наполеона в Европе на протяжении многих лет определяют вектор национального развития, являясь неотъемлемой частью политического пространства¹⁰⁶. Бум интереса к мемориальным и коммеморативным исследованиям в европейской науке стал проявляться только к рубежу XX–XXI вв. Однако концепция исторической памяти применительно к исследованиям событий прошлого развивается во французской науке с 70-х гг. XX в.¹⁰⁷ Интерес же исследователей к проблематике образов наполеоновской эпохи, в значительной степени, стал определяться конфликтом национальных и транснациональных тенденций в исторической политике государства.

¹⁰⁶ Чудинов А.В. 200-ие Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018; Промыслов Н.В. Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода. Размышления над новыми книгами // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Форрест А. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020.

¹⁰⁷ Уваров П.Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. №5; Duby G. Op.cit.; Vovelle M. L'image de la Révolution. P.: Gallimard, 1989. 290 p.; Le Goff J. Saint Louis. P.: Gallimard, 1995. 965 p.

Стремление историков сохранить память о Наполеоне как национальном символе привело к известному конфликту французского правительства и ученых в 2005 г. В год юбилея Аустерлица президент Ж. Ширак, руководствуясь политикой мультикультурализма, решил отказаться от юбилейных церемоний, посвященных французской победе. В результате действия правительства были подвергнуты критике со стороны историков, от лица которых выступили П. Нора и Э. Ле Руа Ладюри. «Забытый Наполеон – ампутированная история»¹⁰⁸, – провозгласили в своем обращении к правительству ученые. Этот сюжет ярко продемонстрировал, что во Франции к началу XXI в. наполеоновская эпоха еще не подверглась процессу кристаллизации в «места памяти», вызывая и двести лет спустя неоднозначные и противоречивые оценки. Эта дискуссия актуализировала необходимость антропологических исследований применительно к событиям империи Наполеона.

Первые исследования в сфере военно-исторической антропологии были связаны с осмыслением образа Наполеона в рамках политического дискурса. Французские исследователи в своих методологических экспериментах связывали интерпретацию войн и внутренней политики с трансформацией образа самого императора во времени.

Одним из главных основоположников направления исторической антропологии применительно к наполеоновской эпохе считается Н. Петито. В 1999 г. она опубликовала книгу «Мифологизация Наполеона в истории», в которой проанализировала трансформацию «наполеоновской легенды» в памяти французов¹⁰⁹. Солидаризируясь с исследовательской концепцией Ж. Дюби, сформулированной им в монографии «Бувинское воскресенье», историк проанализировала механизмы формирования образа императора в представлении его современников. Автор пришла к выводу, что формирование легенды об императоре и его победах стало результатом

---

¹⁰⁸ Polémique autour des célébrations du bicentenaire de la bataille d'Austerlitz // Le Monde. 03 décembre 2005.

¹⁰⁹ Petiteau N. Napoléon de la mythologie à l'histoire. P.: Éditions du Seuil, 1999. 444 p.

целенаправленной пропаганды самого Наполеона, отголоски которой еще долгое время определяли сознание поколения, вдохновленного его образом.

По сути, именно эти носители памяти об императоре и заложили основу своеобразного процесса «обратимости» героизации наполеоновской эпохи в период Июльской монархии и в годы Второй империи. По мнению автора, поражение во франко-прусской войне не привело к забвению образа Наполеона в представлении французов, породив множество аналогий Седана с Ватерлоо. Получалось, что именно трагическое настоящее в наибольшей степени способствовало романтизации ушедшей эпохи европейской гегемонии Франции. В завершающей главе своего исследования историк обратилась к образу Наполеона в представлении современных ей французов, придя к выводу, что в начале XXI в. император в большей степени стал памятен как инициатор процессов европейской интеграции, а его сражения, связанные с войной в Европе, оказались в тени коллективной памяти.

Исследование Н. Петито открыло совершенно новый подход к изучению Первой империи. Вслед за ней А. Журдан проанализировала процесс конструирования образа императора в сознании его современников¹¹⁰. На основе глубокого анализа официальной пропаганды, периодической печати и карикатур она раскрыла механизмы и методы создания «имиджа» власти. Однако, в отличие от Петито, Журдан считает, что целенаправленное формирование лидером своего собственного образа в глазах современников приводит при смене власти к сокрушительному обрушению созданных им идеалов и конструированию «анти-мифа».

В начале XXI в. внимание французских историков оказалось привлечено к истокам формирования современной «наполеоновской легенды». Этому, в частности, была посвящена монография С. Азарезинга¹¹¹. Опираясь не только на исторические исследования, воспоминания участников, периодическую печать, но и на элементы повседневной жизни

---

¹¹⁰ Jourdan A. *Mythes et légendes de Napoléon*. Toulouse: Privat, 2004. 229 p.

¹¹¹ Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. P.: Seuil, 2008. 414 p.

французов, автор проследил формирование «наполеоновского мифа» и его превращение в мощную основу всей политической культуры XIX в. Историк, установив взаимосвязь между целенаправленным конструированием образа политической власти и его репрезентацией в общественном сознании, постарался ответить на вопрос, почему увлечение французами Наполеоном оказалось настолько устойчивым.

Процесс поиска истоков в конструировании образа императора связан также и с появлением многочисленных трудов, связанных с изучением репрезентации его образа в искусстве Империи. Именно этой проблеме посвятил свою монографию «Империя муз. Наполеон, искусство и литература» Ж. К. Бонне¹¹². Автор, проанализировав политику Наполеона в области живописи, музыки и театров, убедительно обозначил роль искусства в конструировании культа императора. Кроме того, историк рассмотрел проблему взаимовлияния власти и творчества в процессе конструирования идеологии империи. Этот труд отразил общий рост интереса науки к культурным аспектам формирования образа власти.

Продолжил исследование тематики искусства Первой империи Д. Шалу¹¹³. Автор, рассмотрев историю оперы в период правления Наполеона на примере Королевской академии музыки, продемонстрировал, каким образом музыкальное творчество способствовало репрезентации власти Наполеона. По мнению историка, эта цель достигалась путем установления жесткой цензуры над репертуаром оперы, а также с помощью назначения доверенных лиц на ключевые посты театральной администрации. В целом, как пишет Шалу, музыкальное искусство было призвано вызывать в общественном сознании некие аналогии образа Наполеона с императорами Древнего Рима.

Продолжая тематику развития военно-исторической антропологии наполеоновской эпохи во французской историографии, невозможно не

---

¹¹² Bonnet J.C. L'Empire des Muses. Napoléon, les Arts et les Lettres. P.: Bellin, 2004. 484 p.

¹¹³ Chaillou D. Napoléon et l'Opéra. La politique sur scène – 1810–1815. P.: Fayard, 2004. 542 p.

упомянуть книгу «Наполеон на экране» Д. Шантеранна¹¹⁴. Автор проанализировал 700 художественных фильмов и 300 документальных передач, которые внушают зрителям чувство зачарованности императором. Монография интересна тем, что помимо характеристики черт образа Наполеона в художественном кино, автор рассмотрел жизнь режиссеров и актеров этих лент и отметил причины, которые побудили их представить «императора на экране». Историк, в сущности, продемонстрировал, каким образом эпоха повлияла на особенности конструирования образа Наполеона.

В преддверии юбилея провозглашения Первой империи в Музее Армии в Париже прошел colloquium под названием «Наполеон, Стендаль и романтики: армия, война, победа». Главная тема, обсуждавшаяся на встрече историков, была посвящена интерпретации наполеоновской легенды в творчестве писателей, современников империи – О. де Бальзака, Стендаля, Ш. Нодье и др. Подводя итоги конференции, докладчики отметили решающую роль художественной литературы в трансформации наполеоновской легенды в сознании французского общества.

Некоторые итоги исследования проблем символики власти и исторической антропологии наполеоновской эпохи были подведены на конференции «Наполеон и Европа» в 2005 г.¹¹⁵ Историки в рамках докладов обратились к сопоставлению образа Наполеона с образами предшествовавших ему и следовавших за ним правителей Франции. В результате исследователи провели определенные аналогии между образом Наполеона I и образами Карла Великого, Людовика XIV, Наполеона III и, наконец, Ш. де Голля.

Интересным исследовательским опытом стала попытка Ж. Будона вписать образ Наполеона в символику политической власти современной Франции в монографии с оригинальным названием «Новые одежды

---

¹¹⁴ Chanteranne D. *Napoleon à l'écran*. P.: Nouveau Monde éditions, 2003. 240 p.

¹¹⁵ *Napoléon et l'Europe* / ed. par T. Lentz. P.: Fayard, 2005. 445 p.

императора»¹¹⁶. Это исследование вновь продемонстрировало значимость образа Наполеона в рамках национальной памяти французов. Будон начал свое повествование с описания торжеств по случаю юбилея со дня рождения императора в период правления президента Ж. Помпиду. Эти мероприятия, по мнению историка, в очередной раз оживили героический образ Наполеона в памяти французов. С этого времени, как пишет автор, правители Франции вслед за Помпиду начинают отождествлять свои действия с политикой императора, что стало считаться многими французскими политиками залогом успеха и что, в свою очередь, обеспечило долговечность мифа о Наполеоне.

Как видим, в большинстве названных исследований основной акцент был сделан на анализе методов исторической антропологии, влиявших на формирование образа Наполеона. Может даже создаться впечатление, что трансформация образа императора напрямую воздействовала на изменение представлений и о его битвах. Однако ряд трудов современных французских историков продемонстрировал, что в определенные моменты истории эти процессы не пересекались, а иногда даже противостояли друг другу.

В преддверии 200-летних юбилеев военных кампаний Наполеона французская наука проявила заметный интерес к осмыслению образов этих битв в представлении нации. Так, в 2012 г. французские ученые сосредоточились на изучении событий русского похода, который во Франции продолжают помнить как о героическом и в то же время трагическом событии. Во французской исторической науке появились в это время достаточно заметные исследования, посвященные и русской кампании в целом. Так, Будон обратился к исследованию этой войны, как с событийной стороны, так и в рамках военно-исторической антропологии¹¹⁷. Остановившись на описании главных сражений 1812 г., историк пришел к выводу, что основой для формирования французской версии русской

---

¹¹⁶ Boudon J.O. Les habits neufs de Napoléon.

¹¹⁷ Boudon J.O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. P.: Armand Colin, 2012. 334 p. P. 5.

кампании как «моральной победы» стали изначальные интерпретации самих участников событий¹¹⁸.

В этом же году к проблематике исторической антропологии применительно к русской кампании обратилась и М. П. Рей. Свою монографию «Невероятная трагедия» она как раз и начала с описания образов французской памяти этой войны, убедительно заявляя, что для французов наиболее вспоминаемым событием стало полное трагизма «Великое отступление», в то время как для русских – Бородино, символ защиты национальной чести¹¹⁹. Однако на причинах столь разных вариантов формирования «мемориальной культуры» двух стран автор решила не останавливаться.

В последнее время французскую науку в рамках исследования проблем исторической памяти особенно стал привлекать феномен восприятия военных поражений. Так, в 2014 г. историк Ж. Л. Педон посвятил свое исследование кампании 1814 года, результатом которой стала оккупация Франции¹²⁰. Обратившись к причинам, вызвавшим его интерес к подобному сюжету, автор пояснил: «Несмотря на то, что кампания 1814 года связана с трагической для Франции оккупацией, она интересна тем, что привела к формированию устной традиции, мест памяти, разнообразных представлений об иной культуре, возникших в результате межнационального диалога»¹²¹. Исследование стало отличаться тем, что автор соединил событийную историю, сюжеты межкультурного взаимодействия в период оккупации и образы памяти, которые способствовали формированию устоявшихся стереотипов о кампании. В целом, Педон с точки зрения тотальной истории попытался проанализировать процесс формирования мемориальной культуры Франции применительно к событиям 1814 г.

---

¹¹⁸ Ibid. P. 215.

¹¹⁹ Rey M. P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 395 p. P. 143.

¹²⁰ Peudon J.L. Op. cit.

¹²¹ Ibid. P. 8.

В 2015 г., в продолжение исследования памяти о травмах военного прошлого, французские ученые сосредоточили внимание на интерпретации образа Ватерлоо в общественном сознании. «Фонд Наполеона» организовал представительный международный семинар, в рамках которого историки обсудили особенности формирования британской и французской традиций в восприятии и интерпретации этой битвы¹²².

Обратившись к французской версии сражения, они отметили, что с самого начала, под влиянием общественного дискурса, стремящегося преодолеть травму поражения, образ битвы стал интерпретироваться не только как трагедия, но и как событие, связанное с проявлением высочайшего героизма французских солдат¹²³. По мнению многих авторов, формированию образа Ватерлоо как героического эпизода в истории Франции во многом способствовал тот факт, что в политическом дискурсе периода Реставрации поражение целиком оказалось связано с авантюризмом Наполеона, но, ни в коей мере, не с отсутствием боевого духа французских солдат. Обратившись к последующим этапам трансформации образа сражения, историки отметили значительную роль сферы искусства в его мифологизации, в которой культ жертвенности был предпочтительнее, нежели культ победы. В итоге, к концу XIX в. состоялась кристаллизация образа сражения, воплотившись в своеобразном символе – «слове Камброна», олицетворяющего героизм и чувство чести французского солдата. «Ватерлоо стало мифом, существующим между победой и поражением»¹²⁴.

Участники семинара обратились также и к особенностям формирования образа Ватерлоо в британской памяти, что, по их мнению, несмотря на одержанную победу, происходило в более, чем у французов,

---

¹²² La bataille de Waterloo: symbole de victoire, de défait et lieu de mémoire. P.: Editions de la Belle Alliance, 2015. 144 p.

¹²³ Ibid. P. 11.

¹²⁴ Ibid. P. 13.

противоречивой атмосфере¹²⁵. Так, лояльная к партии консерваторов пресса попыталась закрепить в сознании британского общества восприятие Ватерлоо как величайшей национальной победы. Однако либеральная оппозиционная публицистика стремилась к тому, чтобы максимально преуменьшить роль правящих кругов в победе над Наполеоном. Кроме того, сказывалась и весьма неблагоприятная социальная и экономическая обстановка, сложившаяся ко времени завершения наполеоновских войн, что, конечно, не могло располагать к восприятию британским обществом Ватерлоо как победы. Один из наиболее масштабных беспорядков того времени, закончившийся кровавой бойней в Манчестере в 1819 г. на площади Св. Петра, получил название «Питерлоо». Для многих британцев Ватерлоо стало ассоциироваться с тяжелыми последствиями войны. Создаваемые по инициативе правительства выставки, музеи и монументы, посвященные сражению, далеко не сразу находили ожидавшийся отклик в обществе.

После заметного улучшения социально-экономической ситуации в Великобритании, завершения дискуссий о последствиях войн, образ Ватерлоо под влиянием литературы постепенно становится национальным «местом памяти», включающим в себя чувство уважения и к неприятелю. Так, «британская победа» со временем трансформировалась в культ жертвенности. На основе сопоставления динамики формирования образа Ватерлоо в памяти Франции и Великобритании участники семинара пришли к выводу, что Ватерлоо для французов оказалось событием более памятным, чем для англичан.

Наиболее детальный анализ специфики французского восприятия образа Ватерлоо предпринял историк Ж. М. Ларжо. Во введении к монографии, специально посвященной этой проблеме, он объяснил отличия французской памяти о Ватерлоо от британской тем, что «для Франции это сражение стало трагическим концом мечтам о великой империи, в то время как британская память изначально нашла свое воплощение лишь в

---

¹²⁵ Ibid. P. 14.

мемориальной культуре»¹²⁶. По мнению автора, поражение заставляет нацию на протяжении многих лет искать причины совершенных ошибок и не позволяет забывать о них¹²⁷. Определив факторы трансформации этого образа в представлении французов на протяжении двух столетий, Ларжо пришел к выводу, что Ватерлоо как «разрушительная победа» в кризисные периоды французской истории способствовала национальной консолидации.

В своем заключении Ларжо, обратившись к концепции исторической памяти П. Нора, заявил, что история формирования образа Ватерлоо эту концепцию не подтверждает: «Процесс формирования памяти является более сложным, чем конструкция, предлагаемая П. Нора. Механизмы коммеморации представляют собой смешение позитивных и негативных факторов, так как разрушение – это трагедия, но в то же время и победа»¹²⁸. По мнению историка, концепция Нора в большей степени подходит для характеристики победы, когда устойчивые элементы образа со временем трансформируются в «места памяти», в то время как трагедия представляет собой более противоречивый вариант конструирования «культуры поражения».

Становится очевидным, что развитие исторической памяти о наполеоновской эпохе в современной французской науке развивается в двух направлениях. Во-первых, в плане изучения образа императора как инструмента формирования политической символики. Во-вторых, через изучение проблемы конструирования памяти о трагедиях в рамках национальной консолидации.

Совершенно иной аспект исследования исторической памяти о наполеоновской эпохе продемонстрировала британская наука, сосредоточив внимание на образе национальных побед. Так, в период юбилеев сражений наполеоновской эпохи исследователи обратились к разным аспектам памяти

---

¹²⁶ Largeaud J.M. Op. cit. P. 11.

¹²⁷ Ibid. P. 12.

¹²⁸ Ibid. P. 386.

о Трафальгаре и Ватерлоо¹²⁹. Особую популярность среди британских изданий, опубликованных в эти годы, приобрела коллективная монография «Войны памяти: Революция и Наполеоновские войны в современной Европе»¹³⁰.

Авторы издания обратились к «местам памяти» Первой империи, ставшим для европейских наций способом формирования национальной идентичности. Историки определили наиболее значимые события наполеоновских войн, оставшиеся в памяти отдельных наций. Так, по их мнению, Бородино стало центром внимания русских, Аустерлиц – французов, Лейпциг – немцев, а Ватерлоо – наиболее памятной победой для британцев.

Историк А. Форрест, выступивший главным редактором представленной монографии, в 2015 г. опубликовал исследование, посвященное британской памяти о Ватерлоо¹³¹. Автор отметил, что, по прошествии времени под воздействием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов европейская память об этом событии оказалась расколотовой. Сравнив разные траектории формирования мемориальных практик, автор пришел к выводу, что частью национальных нарративов, как правило, становятся образы побед или «славных поражений».

Память о последнем сражении Наполеона стала объектом исследования и американского историка Т. Фицпатрика, которое оказало значительное воздействие на британскую науку¹³². Сравнив французский и британский вариант коммемораций, автор пришел к выводу, что в

---

¹²⁹ Czisnik M. *Horatio Nelson: A controversial Hero*. L.: Bloomsbury, 2005. 240 p.; *Admiral Lord Nelson: Context and Legacy* / ed. by D. Cannadine. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 201 p.; Wilson K. How Nelson became a Hero // *The Historian*. 2005. № 87. P. 6–17; Shaw P. *Waterloo and the Romantic Imagination*. Basingstoke: Springer, 2002. 260 p.; Pearce S. *The material of War: Waterloo and its Culture* // *Conflicting visions: War and Visual Culture in Britain and France, 1799–1830* / ed. by J. Bonehill, J. Quilley. Guildford, 2005; Forrest A. *Napoleon's Men: the Soldiers of the Revolution and Empire*. L.: Hambledon and London Ltd, 2002. 268 p.

¹³⁰ *War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture* / ed. by A. Forrest, É. François, K. Hagemann. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 440 p.

¹³¹ Forrest A. *Waterloo*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 260 p.

¹³² Fitzpatrick T. *The Long Shadow of Waterloo. Myths, Memories and Debates*. Oxford: Casemate, 2019. 240 p.

пространстве памяти об этом событии имела место борьба за героический нарратив между Францией и Великобританией.

Немецкая историографическая версия исторической памяти о наполеоновской эпохе связана с исследованием этого периода как национальной и народной войны¹³³. Очевидно, что из всех сражений наполеоновской эпохи немецкие исследователи чаще всего концентрируют внимание на формировании и трансформации памяти о битве под Лейпцигом как значимом национальном героическом нарративе¹³⁴, а также на анализе процесса своего рода европейской интеграции в годы Первой империи¹³⁵.

В целом, можно отметить, что современная европейская историография обращается к широкому кругу проблем, связанных с исторической памятью о наполеоновских войнах, начиная с образов сражений и заканчивая осмыслением проблем специфики национальных нарративов. Однако исследователи, как правило, сосредотачивают внимание на проблемах узконационального характера, освещая памятные события только применительно к своей собственной национальной традиции.

Подведем итоги. Сопоставление современных методологических подходов в изучении образа войн с научными достижениями европейских историков применительно к исследованию исторической памяти о наполеоновской эпохе показало, что, в значительной степени, только британские и немецкие исследователи обращались к феномену «транснациональной» памяти и к проблеме соотношения «триумфа» и «трагедии» в национальных нарративах. Французская наука в изучении

---

¹³³ Война, политика, память... С. 50.

¹³⁴ Thamer H.U. Die Völkerschlacht bei Leipzig. Berlin: C.H. Beck, 2013. 320 p.; Gschweng A. Ideen und Entwürfe von 1813 bis 1870 für ein Monument in Erinnerung an die Völkerschlacht bei Leipzig. Hausarbeit, 2019; Rink M. Die Völkerschlacht bei Leipzig. Berlin: Oldenbourg, 2016. 262 p.

¹³⁵ Nützenadel A. Zeitgeschichte als Problem nationale Traditionen und Perspektiven der Forschung in Europa. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 349 p.; Duchhardt H. Jahrbuch für Europäische Geschichte. Berlin: Gruyter, 2013. 270 p.; Klausning C. Die Napoleonischen Kriege in der europäischen Erinnerung. Berlin: Verlag, 2017. 320 p.

исторической памяти продолжает руководствоваться лишь концепцией П. Нора. Очевидно, что исследования, посвященные наполеоновской эпохе, демонстрируют национальную замкнутость, препятствующую методологическому и историографическому осмыслению траекторий формирования нарративов памяти.

Глава 2. Русская кампания: рождение «французского мифа»

Изучение проблем исторической памяти открывает в последние годы все более неожиданные аспекты в интерпретации событий прошлого. Так, обращение к одной из новых книг А. Ассман, в которой был поставлен вопрос о возможном «кризисе мемориальной культуры» в современной Европе, когда стремление создать единую память на основе образов военных конфликтов приводит к обратному процессу – процессу разъединения общества¹³⁶, привело нас к поиску истоков той самой единой памяти и прояснению условий, в которых эта память формировалась. Это поможет, как мы полагаем, более ясно выявить функциональные возможности памяти для современного общества, либо же, что не исключаем, потенциальный вред для него.

2.1. От Немана до Смоленска: начало русской кампании в представлении солдат Великой армии Наполеона

Единой мемориальной европейской версии русской кампании Наполеона на сегодняшний день не существует. Она представлена отдельными национальными традициями, которые, тем не менее, неоднократно, во многом искусственно, пытались соединить в ходе процессов евроинтеграции. В результате подобных попыток все более

---

¹³⁶ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой.

становилось очевидным, что главными потенциальными носителями единой европейской памяти тогда, в 1812 г., были солдаты армии Наполеона. При этом восприятие солдатами происходивших событий во многом зависело от их личного опыта. Но не только. Не последнюю роль в этом играли стереотипы, сложившиеся еще до начала кампании. Ряд исследователей обращались к проблеме формирования образа России в представлении французов в интересующий нас период. Как правило, они приходили к выводу о том, что под влиянием событий Французской революции и Наполеоновской эпохи складывается представление о цивилизованной Европе и варварской России¹³⁷.

Более подробно вопрос о представлениях французов о России в 1812 г. осветил современный российский историк Н.В. Промыслов¹³⁸. Проанализировав сочинения, посвященные России и опубликованные перед русской кампанией, автор пришел к выводу, что эти труды, во многом, влияли только на сознание интеллектуальной и политической элиты французского общества¹³⁹.

Следует отметить еще одно значимое исследование, ориентированное на проблему восприятия образа другого в наполеоновскую эпоху, которое принадлежит перу российского историка А.В. Гладышева¹⁴⁰. Рассмотрев в своем исследовании проблему восприятия образа казака в представлении французского общества, он выявил этнические архетипы, стереотипы, которые воздействовали на восприятие «другого» французами. Обратившись к вопросу конструирования образа России в представлениях европейцев до кампании 1814 г., он особо отметил роль войны 1812 г. в формировании стереотипов, которые повлияли на восприятие жителей уже при встрече с

¹³⁷ Летчфорд С.Е. Французская революция конца XVIII века и формирование образа России в общественном мнении Западной Европы // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001; Митрофанов А.А. Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры // Россия и Франция XVIII–XX века. 2009. № 9.

¹³⁸ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 251 с.

¹³⁹ Там же. С. 3.

¹⁴⁰ Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М.: РОССПЭН, 2019. 405 с.

«другим»: «Может быть, действительно, принципиально новых черт к образу казака не добавилось: варвары остались варварами, но все же поход в Россию 1812 года дал новую пищу для развития образа казака, а сам исход кампании 1812 года сделал русских главными виновниками неудач французского императора»¹⁴¹.

В данном параграфе на основе дневников и писем мы обратились к анализу процесса воздействия сложившихся до русской кампании стереотипов на представления чинов Великой армии о неприятеле и к особенностям конструирования новых элементов образа «другого» в условиях соприкосновения солдат Наполеона с русской действительностью в начальный период военных действий. Предполагаем, что этот опыт участников кампании в значительной степени мог предопределить дальнейший процесс формирования и конденсации европейской памяти о 1812 году.

Вполне логично допустить, что к началу кампании в сознании многих солдат армии Наполеона уже существовал сформированный, прежде всего, официальной пропагандой, набор стереотипов о России и о причинах конфликта с ней. Диалектика войны в любые времена диктовала необходимость конструирования образа врага как ключевого элемента пропаганды. Так, русская кампания 1812 г. сопровождалась не только боевыми действиями, но и борьбой на страницах периодической печати. В то же время в период мирного сосуществования России и Франции, обусловленного подписанием Тильзитского мира в 1807 г., в публицистике создавался позитивный образ вчерашнего противника, а теперь ключевого внешнеполитического партнера. В связи с этим во французской публицистике неоднократно отмечался факт стремления Британии разрушить этот союз: «Английские газеты пишут, что англичане скоро заключат мир с

---

¹⁴¹Там же. С. 22.

Россией, что в очередной раз убеждает нас в сумасшествии их правительства»¹⁴².

С началом вторжения Наполеона в Россию под воздействием инструментов информационной войны образ надежного партнера, господствовавший в публицистике, достаточно быстро «перезаформатировался» в образ агрессивного врага. Учитывая тот факт, что периодическая печать была единственным источником информации о ходе войны и военных действий, на ее основе мы можем представить те образы событий, которые формировались в сознании большинства читающей публики. Так, именно публицистика, как основной элемент информационной войны в те годы, последовательно подготавливала общество к мысли о том, что Франция планирует справедливую войну против «варваров», которая впишет еще одну строку в героическую историю страны¹⁴³.

В ходе подготовки войны с Россией французские военные и правительственные аналитики готовили многочисленные обзоры регионов России, выявляя их специфические национальные особенности. Сохранившаяся во французских архивах подобная документация определенно свидетельствует о тщательной подготовке военного и политического руководства к предстоящей военной операции¹⁴⁴. Вместе с тем, личная переписка чинов Великой армии открывает для нас совершенно иной аспект данной проблемы. По всей видимости, для основной части участников похода русская кампания вплоть до июня 1812 г. не была заранее предопределенным событием.

Солдаты оставались в неведении о направлении движения Великой армии, предполагая всевозможные версии. Так, капитан гвардейской артиллерии А.О.Ф. Пьон де Лош в письме к отцу от 22 марта 1812 г. не смог сдержать своего недоумения, граничащего с возмущением, тем, что армия,

---

¹⁴² Le Journal de l'Empire. 1810. 11 avril.

¹⁴³ Le Moniteur universel. 1812. Juillet.

¹⁴⁴ См.: Service historique de la Défense (SHD). 1M 1487, 1 M 1489.

как он полагал, идет по Пруссии без определенного направления и цели¹⁴⁵. Только позже, 28 марта, дойдя до Майнца, он наконец-то высказал предположение, основанное на слухах, что, возможно, армия идет в Россию. Размышляя по поводу возможных причин конфликта, он написал следующее: «... Император России старался ориентироваться на сохранение хороших отношений с нами, но его Сенат, напротив, хочет восстановить торговые отношения с Англией»¹⁴⁶. Свои размышления он закончил саркастичным замечанием в адрес командования Великой армии, предложив пойти в Индию, чтобы тем самым нанести сокрушительный удар по Англии.

Полковник Л.Ж. Мажу, адъютант генерала О.Д. Бельяра, начальника штаба кавалерии Мюрата, обладавший тонким эстетическим чувством, на страницах своего дневника, не акцентируя внимания на конечной цели военного похода, оставил прекрасные зарисовки тех городов, которые он проходил по пути в Россию. Мы узнаем из дневниковых записей, что 7 апреля 1812 г. перед выходом из Парижа он посмотрел спектакль «Мещанин во дворянстве», вероятно, в Комеди Франсез. По-видимому, он не был доволен игрой известного Ф.Ж. Тальма, о чем написал на страницах дневника так: «Считаю, что этот театр для хорошей игры актеров уже выродился. Комедийная игра Тальма ниже его репутации; из достоинств отметил бы только красивые костюмы»¹⁴⁷. С такими впечатлениями полковник и начал свое путешествие, которое нашло отражение в его дневнике. Проезжая немецкие города, он с удивлением видел «грязных и отвратительных местных жителей». Особое возмущение вызвали у него немецкие женщины: «Их тело без элегантности, ноги большие и сильные, белая и тонкая кожа»¹⁴⁸. Единственное восхищение Германией у Мажу

---

¹⁴⁵ Pion des Loches A.F. Op. cit. P. 534.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Journal du colonel Majou L. J. // Revue des études historiques. P., 1899. P. 179.

¹⁴⁸ Ibid. P. 182.

вызвало посещение Лейпцигского университета, «известного на протяжении веков великими людьми»¹⁴⁹.

По-видимому, информация о возможности войны с Россией все же проникала в офицерскую среду и, ожидая конфликта, чины Великой армии пытались представить образ будущего неприятеля. К примеру, капитан А.М. Дюпан 10 апреля 1812 г. написал отцу: «Русские жестокий и твердый народ»¹⁵⁰. Но он, как и многие другие чины, так и не мог понять смысл данной войны: «Что нас ждет этой зимой, если мы съедим все наши запасы? Что мы ожидаем в войне с русскими? Зная уже эту страну, [можно предположить, что] мы потратим гораздо больше ресурсов, чем приобретем»¹⁵¹. Следующее письмо отцу капитан написал только 26 декабря 1812 г. Его ожидания отчасти оправдались. «Я наконец покинул Россию, – написал он, – это варварское место; бедные крестьяне, их не щадит собственная власть. Один крестьянин сделал мне ботинки из овчины и отдал часть своей одежды. Все это мне очень помогло, но я не мог никак отблагодарить его»¹⁵².

Подобные настроения о бессмысленности начинавшейся войны разделял и военный комиссар Л.Г. Пюибюск: «Мне хочется верить, что мы не станем жертвовать последними человеческими ресурсами ради удовлетворения политических амбиций»¹⁵³.

В начале русского похода французская пресса целенаправленно проводила аналогии походов Наполеона с войнами великих правителей прошлого. В течение июля 1812 г. на страницах газеты «Монитор универсель» публиковались отрывки из книги «Карл Великий, или разгром ломбардцев», повествовавшей о справедливой войне против варваров во имя создания цивилизованной Империи. В это же время был опубликован очередной перевод «Илиады» о подвигах древних героев, с которыми

---

¹⁴⁹ Ibid. P. 183.

¹⁵⁰ Roucaud M., Houdecek F. Op. cit. P. 57.

¹⁵¹ Ibid. P. 59.

¹⁵² Ibid. P.62.

¹⁵³ Puibusque L.V. Op. cit. P. 6.

отождествляли себя солдаты Наполеона¹⁵⁴. Тем самым, публицистика, участвуя в информационной войне, сознательно готовила общество к мысли о том, что Франция ведет справедливую войну против «варваров», и эта война впишет еще одну строку в героическую историю.

Во французской публицистике в начале кампании в качестве причин войны называлось несоблюдение Россией Тильзитского мира: «Когда наш правитель после славной победы заключил Тильзитский мир, русский двор обещал присоединиться к условиям блокады против Англии, но нарушил это обещание»¹⁵⁵. Поэтому заявлялось, что Наполеон не хочет затяжной войны и планирует лишь подойти к границам России и заставить Александра I объяснить причины нарушения Тильзитского договора. Позже, в июле 1812 г., из второго бюллетеня Великой армии французы узнали, что Россия отказалась от объяснения причин нарушения ею условий договора, заявив тем самым, что не намерена идти на компромиссы.

Как писали газеты, именно в связи с этим французы для защиты своей чести вынуждены пойти на более решительные меры: «Любое средство договориться между двумя императорами стало невозможным: абсурдность, которая управляет русским кабинетом, вовлекла его в войну»¹⁵⁶.

Однако в конце июля в связи с очевидностью затягивания войны французская публицистика начала искать более значимые причины, обусловившие начало кампании. Необходимость заставить Россию соблюдать Тильзитский мир уже не укладывалась в общую картину происходивших действий. Периодическая печать стала акцентировать внимание на миротворческих целях Наполеона, а именно на том, что он призван наказать Россию за агрессию по отношению к соседним странам, в частности, по отношению к Польше. Так, 21 июля французская публика увидела в газетах обращение Наполеона к полякам, в котором император убеждал их поддержать Великую армию, поскольку война затеяна ради

---

¹⁵⁴ Le Moniteur universel. 1812. Juillet.

¹⁵⁵ Le Journal de l'Empire. 1812. 5 juillet.

¹⁵⁶ Ibid. 21 juillet.

восстановления их независимости: «Эта война вернет вам Родину, которой у вас не было в течение многих лет. Именно ради независимости Польши мы вступили в этот бой. Франция поможет восстановить статус вашего государства, которое было несправедливо уничтожено»¹⁵⁷.

Польский вопрос стал основным аргументом во французской публицистике, подтверждающим справедливость и благородство намерений французского императора. Именно к этому факту апеллировали политические памфлеты, выходившие в течение июля и августа 1812 г., воздействуя на представления французского общества. В этом плане представляет интерес произведение «Вторая польская война»¹⁵⁸ агента французской секретной службы Ж.М. Року. Автор попытался подтвердить факт агрессивного характера политики России по отношению к Польше и призвал защитить соседние страны от территориальных притязаний Александра I. В целом, французская публицистика, представляя русскую кампанию как справедливую со стороны Наполеона, делала акценты на том, что Великая армия призвана защитить Европу от агрессии России. В сущности, уже в течение июля во французской публицистике произошла трансформация в оценках смысла русской кампании – от утверждений о нарушении Тильзитского мира Россией до акцентирования внимания на освободительном характере войны во имя «будущего» Польши.

Подобные представления об освободительной миссии кампании через бюллетени Великой армии целенаправленно транслировались в солдатскую среду. Так, под влиянием полученной информации в начале войны, чины наполеоновской армии успокаивали себя мыслью о скором завершении конфликта Франции с Россией¹⁵⁹. Ориентируясь на правительственную прессу, они были уверены, что война закончится в «русской Польше». К примеру, «Журналь д'Амбир», цитируя бюллетень Великой армии, писал 5

---

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Rocques J.G. *Seconde guerre de Pologne*. P.: Good Press, 1812. 354 p.

¹⁵⁹ «Я надеюсь, что император нанесет удар в самом начале кампании, и восстановление Польши будет не долгим». Пьон де Лош, 26 мая // Pion des Loche. Op.cit. P. 282.

июля: «Солдаты, мы начинаем вторую польскую войну. Первая закончилась в Тильзите, где Россия поклялась в вечном союзе с Францией против Англии. Она нарушила договор и не дает никаких объяснений такому странному поведению. Она поставила нас перед выбором позора или войны. Для Франции выбор очевиден, мы пойдем вперед и принесем войну на территорию этой страны»¹⁶⁰.

В начале войны французская публицистика продолжала создавать в умах читателей образ угнетаемых поляков, жаждущих свободы. Без устали приводились примеры жестокого обращения русских властей с поляками, говорилось о негативном влиянии политики Петербурга на экономическое и политическое развитие польских территорий¹⁶¹. Мысли о спасительной миссии вдохновляли французов, и столь благородная цель – освобождение угнетенного народа – становилась для них смыслом войны. Пьен де Лош, к примеру, в одном из писем отметил, что Великая армия призвана положить предел устрашающей агрессии со стороны русского императора по отношению к полякам¹⁶².

По-видимому, подобное мнение разделяли и некоторые солдаты, но большинство просто выполняли приказ, не задумываясь о смысле своих действий. Однако были и такие участники похода, интеллектуальный уровень которых позволял им критически оценивать ситуацию. В этом плане интересны размышления полковника Мажу, считавшего начавшуюся кампанию всего лишь очередным эпизодом удовлетворения амбиций Наполеона: «Император стремится умиротворить континент и создать новый политический баланс в Европе. Отличная идея! Все страны будут восхищаться гением Наполеона. Этот новый порядок поставит его над всеми правителями»¹⁶³.

---

¹⁶⁰ Le Journal de l'Empire. 1812. 5 juillet.

¹⁶¹ Ibidem.

¹⁶² Pion des Loches. Op.cit. P. 284.

¹⁶³ Majou L. Op.cit. P. 186.

Первые впечатления при вступлении на территорию «русской Польши», казалось, убеждали чинов Великой армии в справедливости их благородных намерений. Оказавшись в Вильно, солдаты были поражены энтузиазмом, с которым поляки встретили Наполеона. И это, помимо прочего, заставляло их верить в скорое окончание кампании. Генерал-адъютант императора Ж. Мутон так описал вступление армии в Вильно: «Мы прибыли в столицу Литвы. Поляки кажутся очень восторженными, они демонстрируют высокую степень жертвенности по отношению к императору. Эта война при такой расстановке сил, ко всеобщему счастью, не будет долгой. Мы за эти несколько дней очень сильно устали. Все, что у нас осталось, – вера в нашего императора»¹⁶⁴. Предполагаем, что большинство солдат, погружаясь в «иную цивилизацию», не задумывались о глубоком смысле этой войны. Так, старший адъютант 3-го батальона 3-го линейного полка Л. Гардые в ярких образах описал в дневнике свое знакомство с польской культурой: «К счастью, мы нашли подвал с продовольствием. Я отказался от местных напитков и предпочел наше вино. Мы продолжаем движение на Вильно при плохой погоде, изучаем особенности страны: торговля, университеты, азиатские костюмы евреев, дома, которые очень богаты, по сравнению с нашими [домами]»¹⁶⁵.

По мере захвата территорий французы стали формировать в крупных городах органы местной администрации, что помогало им до известной степени решать проблемы с продовольствием и размещением раненых¹⁶⁶. На западных территориях Российской империи делались систематические попытки установить тесные отношения с польским населением. Когда 1-й армейский корпус занял Минск, маршал Л.Н. Даву в своем обращении к жителям подчеркнул, что французская армия стремится к освобождению польского Отечества. И эта идея стала фигурировать почти в каждом выпуске

¹⁶⁴ Цит. по: Boudon J.O. *Lettres de la campagne de Russie*. P. 31.

¹⁶⁵ Gardier L. *Journal de la campagne de Russie en 1812*. P.: Librairie Historique F. Teissèdre, 1999. 108 p. P. 28.

¹⁶⁶ К примеру, обер-шталмейстер императора А.О.Л. Коленкур сообщал Наполеону из Витебска: «Были учреждены больницы для раненных французов и русских. Мертвые люди и лошади захоронены. Крестьяне отказываются повиноваться своим сеньорам» (Fabry G. *Campagne de Russie 1 aout – 10 aout*. P. 8).

«Минской газеты», которую стала выпускать новая профранцузская администрация. Вступление Великой армии в Минск газета описала так: «Этот исторический день освободил нашу провинцию от невольничьего ярма и возвратил нас Отчизне»¹⁶⁷. Однако иллюзии, которыми тешили себя французы на счет энтузиазма польского населения, вскоре стали развеиваться по мере более глубокого знакомства с социальными реалиями «освобожденных» территорий. Французские солдаты стали приходить к пониманию того, что только часть местного населения была готова встретить французов как «освободителей», другая же часть жителей воспринимала их как захватчиков. Солдаты с удивлением обнаружили, что местные крестьяне, по всей видимости, вполне довольны своим «рабским положением»¹⁶⁸.

Так, при погружении в социальную реальность «русской Польши» у французских солдат стали зарождаться сомнения в «благородстве» целей начавшейся войны. Наибольшее недоумение вызывал тот факт, что польские аристократы, которых они пришли «освободить», живут вполне достойно и свободно, в то время как местные крестьяне пребывают в рабстве, страдая от гнета своих сеньоров¹⁶⁹. Генерал Ж.Д. Компан следующим образом описал подобный факт социального расслоения: «Основная часть жителей, как и их

¹⁶⁷ Tycmcz. Gaz. Mińska. Mińsk. 1812. № 1. P. 10.

¹⁶⁸ «Местные жители постоянно угрожают нам, они все еще привержены своему новому государству. Наш разум сопротивляется идее их освобождения». Неизвестный – неизвестному. Вильно, 16 июля 1812 г. // SHD. 2 С 128).

¹⁶⁹ «Мы прибыли в несчастную страну Польшу, в которой умираем от голода. Давайте оставим наши иллюзии и реально посмотрим на жителей этой страны. Их привычки очень странные, несмотря на то, что они признают католическую религию, и их дома заполнены изображениями святых. Между тем, эти люди способны причинить вред, они находятся в постоянном рабстве у барона. Он их кормит и дает им жилище» (Ж. Бро – сестре. Хильдесхайм, 1813 г. // Lettre d'un capitain Jean Breaut. P., 1885. P. 12); «28-го мы вошли в Вильно, это большая красивая столица Литвы. Русские жгли продовольствие и вынуждали жителей уходить из селений в поисках пропитания. Несколько дней мы формировали администрацию на территории старой Польши. Мы наблюдали любопытную картину: сочетание дворцов дворян с их живописностью и бедных лачуг крестьян. Среди населения нам встретилось много бедных евреев, на общем облике и лицах которых лежало клеймо отверженности» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1К 196). «Мы сейчас без хлеба, мы давно не видели мяса, и мы проводим ночи на земле; эти проклятые русские убегают от нас столь быстро. Мы еще не сражались, но думаю, что этот счастливый момент настанет. Русская Польша – дикость. Они все ходят почти голыми, их одежда из звериной кожи. Их дома – это несчастные халупы, у которых нет ни дверей, ни окон» (Ж. Бро – сестре. Хильдесхайм, 1813 г. // Op. cit. P. 14); «Поляки нас ожидают с симпатией в надежде на восстановление своей независимости и свободы. Им все равно, сколько будет для нас стоить их освобождение» (Puibusque L.V. Op. cit. P. 18).

дома, действительно некрасивые и грязные. Каменные дворцы встречаются реже, чем в городах Франции»¹⁷⁰.

Под впечатлением от увиденного у солдат возник вполне закономерный вопрос: кого они пришли освободить в Польше? Их первоначальные представления о собственной освободительной миссии, сформированные прежними стереотипами и подкрепленными официальной пропагандой, развеялись от соприкосновения с действительностью.

Несмотря на разочарования подобного рода уже в начале кампании, основная часть участников похода все же тешила себя надеждой на скорое заключение мира¹⁷¹. Полковник Мажу выразил мысль о том, что, несмотря «на всю хитрость императора Александра, он все же должен осознавать необходимость скорейшего завершения войны»¹⁷². Эти надежды подкреплялись сообщениями об отступлении русской армии¹⁷³. Генерал О.Ф.Б. Себастьяни отмечал в те дни: «Мы не видим врага вблизи и находимся в ожидании. Мы добились цели, которую перед собой ставили, и это замечательный результат кампании. Вся вражеская армия отступает»¹⁷⁴. Подобные настроения разделяла фактически вся армия.

Однако спустя несколько недель, проведенных в ожидании решающего сражения и заключения мира, солдаты начали осторожно допускать мысль о возможности затяжной войны. Это вызывало чувство раздражения и даже

¹⁷⁰Ternaux-Compans H. Op. cit. P. 152.

¹⁷¹ «Мы скоро заключим мир с русскими. Русские войска не смогли собрать силы и беспорядочно отступили к Вильно» (Наполеон – маршалу Л.А. Бертье. Гумбинен, 20 июня 1812 г. // *Correspondance générale de Napoléon Bonaparte*. P., 2012. Т. 12. P. 752). «Монсеньер, мой брат, я получил письмо от Вашего Высочества. Война, которая разделила наши государства, продолжается с Тильзитского мира. Я вижу, что главным выходом из ситуации может быть заключение мира. Слово вашего Величества все изменит; Война стала следствием нарушения Тильзитского договора» (Наполеон – Александру, русскому императору. Вильно, 1 июля // *Ibid*. P. 787).

¹⁷² Majou L. Op. cit. P. 188.

¹⁷³ «Хочу сообщить хорошие новости военному министру. Первые столкновения с неприятелем привели к положительным результатам. Мы взяли очень много военнопленных» (SHD. 2 С 128). «Все солдаты сообщают хорошие новости своим родственникам, чтобы они не беспокоились; эта война скоро завершится. Русские решили, наконец, уклониться от сражений» (Капитан П. Далжей – своему другу. 11 июля 1812// Boudon J. Op.cit. P. 36). «Россия – лесная страна, это способствует тому, что казаки быстро скрываются, их тактика состоит в том, чтобы изводить армию Наполеона без фронтальной атаки. Они представляют опасность для одиночных людей, небольших групп солдат. В лесах очень сложно установить сообщение между армейскими частями» (Генерал Э. Груши – маршалу Л.А. Бертье. По дороге в Витебск, 30 июля 1812 г. // *Fabry*. Op. cit. P. 50).

¹⁷⁴Генерал О.Ф.Б. Себастьяни – генералу Л.П. Монбреню. 17 июля 1812 г. // Boudon J. Op.cit. P. 42.

негодование по поводу действий русской армии, а это, в свою очередь, усиливало представления о «варварстве» противника. «Русские не ожидали нас возле Немана, они сконцентрировались в Вильно. Они сожгли продовольствие и отступили. Трудно планировать сражение, когда эти господа предпочитают отступать», – так выразил свое возмущение действиями противника генерал Компан¹⁷⁵. Тактика отступления русских привела к появлению среди чинов Великой армии мнения о том, что они изначально серьезно переоценили боеспособность русской армии, «увидев великанов в этих пигмеях»¹⁷⁶. Конечно, высказывались и иные предположения по поводу возможных причин отступления противника. Некоторые из чинов даже допускали мысль, что подобное поведение было связано с заранее продуманным ожиданием со стороны русских гибели Великой армии от голода и холода¹⁷⁷.

На страницах периодической печати затяжной характер войны объяснялся трусостью русской армии. Так, ее отступление в начале войны обосновывалось не каким-то заранее составленным планом, а трусостью русских и варварским отношением к своей же собственной земле: «Русские сожгли значительные продовольственные запасы в своих селениях, что привело к огромным потерям не только для их финансов, но и в целом для существования народа»¹⁷⁸.

Сложившиеся обстоятельства заставили многих солдат в очередной раз усомниться в необходимости начала этой войны и задаться вопросом: неужели они вступили в Россию только для того, чтобы следовать за отступающей армией, которая разоряет свою собственную территорию?¹⁷⁹

¹⁷⁵ Ternaux-Compans. Op. cit. P. 153.

¹⁷⁶ «Конечно, война на этом не закончится. Я проявил робость, увидев великанов в этих пигмеях» (Генерал Ж.Л. Жили – герцогу Падуанскому Ж.Т. Арриги де Казанова. Флиссинген, 16 июля 1812 г. // SHD. 2 C 128)

¹⁷⁷ «Я думаю, что враг ждет, что мы умрем от голода и холода» (Pion des Loches. Op. cit. P. 287).

¹⁷⁸ Le Journal de l'Empire. 1812. 19 juillet.

¹⁷⁹ «Казачи, отступая, сжигали деревянные мосты. Видимо, смысл этой кампании в следовании за отступающими казаками. Неприятель не пользуется своим очевидным преимуществом» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196). «Вильно – красивый город, столица Литвы. Мы могли бы найти значительные ресурсы, если бы русские не сожгли свои магазины. Враг разбегается по окрестностям, по возможности, сжигая ресурсы» (Roucaud, Houdecek. Op. cit. P. 61).

Все чаще приходила мысль о том, что эта война есть ни что иное, как бесполезная «игра» с Россией, в то время как следует воевать с Англией¹⁸⁰. Подобные настроения усугублялись серьезными проблемами с продовольствием, возникшими уже в начале кампании¹⁸¹.

На территории Белоруссии солдаты продолжили свое знакомство с российской действительностью. По сравнению с территорией «русской Польши», теперь их еще в большей степени поразила бедность, опустошенность городов, множество евреев, умирающих и уже умерших от голода¹⁸². Под впечатлением подобных картин су-лейтенант Дюке написал так: «Мы стали понимать, что движемся к катастрофе. Мы не знаем, что ожидать от этой войны в сравнении с другими войнами. Я удивляюсь, что русский император не замечает бедность своего народа»¹⁸³.

В этой, все более усугублявшейся ситуации неопределенности будущего, солдаты стали утешать себя мыслями о вере в императора, надеждами успешного окончания военной операции, размышлениями о направлении дальнейшего движения армии (высказывались предположения о движении на Москву, либо на Санкт-Петербург)¹⁸⁴. Своеобразным терапевтическим средством, хотя бы частично снимающим раздраженность и недовольство ходом начавшейся кампании, стало все чаще встречающееся в письмах французов проявление ненависти по отношению к неприятелю. Образ неприятеля приобретал все более варварские черты.

Теперь чины Великой армии обращают внимание в своих письмах не на освободительную составляющую войны, а на то, как русская армия

---

¹⁸⁰ Puibusque L. Op. cit. P. 13.

¹⁸¹ «Солдаты являют храбрость во время движения по этой стране, в которой нам пришлось преодолеть значительные препятствия. Неприятель уничтожает все возможные ресурсы. Самые худшие впечатления оставляют встречи с местным населением, которое сбегает в леса» (Неизвестный – генералу Буто, командующему 34-й дивизии. 16 июля 1812 г. // SHD. 2 С 128). «Мы испытываем ужасные трудности, артиллерия движется с трудом, мы потеряли много лошадей. Мы не теряем надежду найти хотя бы немного хлеба для людей» (Генерал Э.М.А. Нансути – маршалу Л.А. Бертье. 30 июня 1812 г. // Ibidem).

¹⁸² Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1К 196.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ «В сложившихся обстоятельствах мы, видимо, пойдем на Москву или на Санкт-Петербург, но возможно враг все же решится на активные действия» (Неизвестный – генералу Ж.Л.Э. Ренье. Глубокое, 22 июля 1812 г. // SHD. 2 С 128); «Русские генералы бросают в опасности собственных жителей. Необходимо верить, что великая операция завершится успехом» (Ренье – неизвестному. 24 июля 1812 г. // Ibidem).

опустошает собственную территорию, и в сколь рабском положении находится местное население¹⁸⁵. Так, генерал Компан написал в конце июля своей жене следующее: «Если бы, дорогая Луиза, ты увидела страну, по которой мы бродим, ты бы удивилась тому, насколько здесь все отвратительно, даже звезды. В основном, мы встречаем несчастных крестьян, которые намного грязнее, чем свиньи Франции, но они довольны своим положением»¹⁸⁶.

Надежды на завершение этой кампании солдаты связывали со сражением под Смоленском: «Мы еще не участвовали в крупных сражениях. Но надеемся, что со дня на день произойдет большое сражение: мы движемся по России, и мы сейчас под стенами Смоленска. С нами Бог!» – написал полковник А. Друо¹⁸⁷. Судя по всему, смоленское сражение оставило в памяти большинства французских солдат, главным образом, воспоминания о проявленном под стенами этого города героизме их армии¹⁸⁸. Во всяком случае, они были несколько вознаграждены найденными в городе продовольственными запасами¹⁸⁹.

Затем они обозрели окрестности и запечатлели свои впечатления от увиденного в письмах и дневниках. Воспоминания основной части участников похода свелись к видам опустошенного и горящего города¹⁹⁰. Конечно, исход большинства жителей не мог не поразить солдат: «Все

¹⁸⁵ «Все церкви и магазины были разграблены. Все вокруг в руинах» (Неизвестный – генералу Э.Ж.Ж.А. Макдональду. 2 августа 1812 г. // SHD. 2 С 129); «Крестьяне деревень нападают на нашу армию, разрушая собственные дома и уничтожая ресурсы. Все вокруг в руинах» (Неизвестный – Макдональду. 3 августа 1812 г. // Ibidem).

¹⁸⁶ Ternaux-Compans. Op. cit. P. 160.

¹⁸⁷ Boudon. Op. cit. P. 56.

¹⁸⁸ Например, см.: Ibid. P. 58–60.

¹⁸⁹ Шеф батальона 15-го полка лёгкой пехоты А. Кудро – брату. Смоленск, 25 августа 1812 г. // SHD. 2 С 129.

¹⁹⁰ «Этот город был разрушен русскими, все было обращено в руины. Никогда мы не видели ничего более грустного, чем эта ужасная картина. Меланхолия охватила солдат всех чинов. Мы разбили бивак недалеко. Маленькая группа офицеров начала сооружать шалаш. Один из их слуг нашел дверь и половицы от пола. Солдаты очень устали» (Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1 К 196). «В особенно мрачном и страшном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видели таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. ... Город кажется покинутым» (Ц. Ложье // Наполеон в России глазами иностранцев. М., 2004. С. 144)

буржуа покинули город вместе со своими повозками, в ближайших окрестностях остались только крестьяне, скрывшиеся в лесах»¹⁹¹.

Обозреть город внутри солдатам не удалось, так как в соответствии с приказом они были вынуждены расположиться у стен Смоленска, на открытом пространстве. Устраиваясь на ночлег, они стали сооружать шалаши¹⁹². Восторг от победы быстро покинул солдат, теперь они думали о насущных проблемах – о своем ночлеге и пропитании. Тем более, что уже в первый день найденные в городе продовольственные запасы были съедены. Л.Г. Пюибюск написал: «Несколько дней раздача провианта становится весьма беспорядочной: сухари все вышли, вина и водки нет ни капли, люди питаются одной говядиной за счет скота, отнятого у жителей города и окрестных деревень. Но и мясо надолго не хватит, так как жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять и скрываются в густых, почти неприступных, лесах»¹⁹³. Под впечатлением от вида совершенно измотанной армии, Пюибюск написал: «Именно в таком виде явился перед нами фатум, который мы ощутили в ходе этой войны; зачем мы пришли на край Европы? Может, это просто мания завоевания, ненасытная жажда господства?»¹⁹⁴. По словам участников событий, уже осознавших на тот момент, что в Смоленске война не завершится, армия погрузилась в «глубокую меланхолию и молчание», которые обычно не были свойственны победителям¹⁹⁵.

Теперь идея о бессмысленности войны прочно завладела головами многих участников похода, в особенности тех, кто покинул Смоленск и продолжил движение вместе с Наполеоном далее на восток. Капитан Ж. Бро следующим образом подытожил ход событий: «Мы наивно полагали, что

---

¹⁹¹ Неизвестный – неизвестному. Б.м., б.д.// AN. AF IV 1645.

¹⁹³ Puibusque L. Op. cit. P. 12.

¹⁹⁴ Ibid. P. 59.

¹⁹⁵ «Русские разрушают свои города, это ужасное зрелище. Никогда мы еще не видели столь страшных разрушений. Охватившее нас чувство меланхолии проявляется во всеобщей молчаливости. Эта война уже принесла много горя для нашей армии» (Генерал Б.Э. Деруа – королю Баварии. 11 августа 1812 г.// SHD. 2 С 128).

сражение под Смоленском наконец-то завершит кампанию. Русские теперь скажут, что их покинул Бог, так как они очень его почитают. Однако мы продолжили движение вглубь России»¹⁹⁶.

Между тем, периодическая печать продолжала внушать французскому обществу мысль о том, что Великая армия в скором времени вернется домой с новой победой. Так, 5 августа был опубликован следующий сюжет, связанный со сражением под Смоленском: «Жители Смоленска встревожены внезапным появлением неприятеля. Все важные объекты были эвакуированы в Москву. Офицер, посланный императорам для эвакуации магазинов в Орше, был удивлен тем, что город уже находится во власти французов»¹⁹⁷.

Французская периодика, несмотря на стремление уничижительно отзываться о неприятеле, все же демонстрировала некоторую объективность. В «Журналь де Л'Амбир» было опубликовано воззвание якобы русских солдат к французам, в котором утверждалось, что Россия воюет не с Францией, но с тщеславием Наполеона: «Французские солдаты! Вас вновь вынуждают идти на новую войну. Вы считаете, что русские к вам несправедливы, вы в этом ошибаетесь. Россия воюет только против тщеславия Наполеона. Вы полагаете, что русская армия слаба. Нет, она может принять бой, тогда вы окажетесь в трудном положении»¹⁹⁸.

В этом же номере газеты был опубликован ответ якобы солдат Великой армии, в котором отмечалось, что главное преимущество французского народа перед русским заключается в осознании принципов свободы и чести. Упоминалось, что Александр I из-за тщеславия сам спровоцировал Францию на войну, подвергнув опасности свой народ. Очевидно, что после знакомства с подобным, у французской публики не оставалось сомнений в том, что их правитель принял верное решение, развязав с Россией войну.

---

¹⁹⁶ Lettre d'un capitain Jean Breaut. P. 538.

¹⁹⁷ Le Journal de l'Empire 1812. 5 août.

¹⁹⁸ Ibid. 6 août.

Вера французов в своего императора постоянно подкреплялась информацией о военных успехах Наполеона в России. 5 августа французы получили одно из таких сообщений: «Успехи французской армии описаны в последнем бюллетене. Когда анализируешь карту военных действий, впечатляешься результатами действий Наполеона, которые предвещают победу в этой кампании. Французские войска находятся на русской территории недалеко от Санкт-Петербурга, Киева и Москвы, трех главных городов России. В течение 15 дней позиции русской армии стали еще более уязвимыми»¹⁹⁹.

Солдаты же Великой армии, разочаровавшись в идее скорого окончания войны, вновь пытаются связать свои надежды с ожиданием крупного сражения, которым в конечном итоге станет битва при Москве-реке. 3 сентября генерал Ф.Р. Ледрю дес Эссарт пишет своему брату из Гжатска: «Русские готовы принять сражение; они заняли боевую позицию; через два или три дня у нас будет очередной Аустерлиц»²⁰⁰. Столь же решительно был настроен в тот день и генерал Компан. «Мой долг сделать все, что в моих силах для защиты моего вождя и моей страны», – написал он своей жене²⁰¹.

Таким образом, формирование относительно единой памяти солдат Великой армии о русском походе диктовалось несколькими факторами. Так, еще до начала открытия военных действий большую роль сыграла официальная пропаганда, которая способствовала созданию идейной стереотипности представлений французских солдат о неприятеле. Однако погружение солдат Великой армии в российскую действительность стало менять их изначальные представления. Если в самом начале кампании солдаты верили в идею спасения поляков, стонущих под гнетом русского царя, то вскоре благодаря начавшимся контактам с населением «русской Польши» они быстро разочаровались в благородстве своей миссии. Теперь

---

¹⁹⁹ Ibid. 5 août.

²⁰⁰ Boudon J. Op. cit. P. 64.

²⁰¹ Ternaux-Compans. Op. cit. P. 171.

война, которая явно затягивалась благодаря «скифской» тактике русских, становилась для наполеоновских солдат символом борьбы с варварством. Для большинства чинов, не посвященных в планы и подробности действий Великой армии, единственным, что вскоре осталось, оказался вера в гений своего императора.

2.2. Москва в 1812 г.: «прощание с иллюзией» непобедимости Великой армии

Пребывание армии Наполеона в Москве ярко продемонстрировало столкновение разных «культур войны», предопределившее мощное воздействие «коллективного воображаемого» на процесс формирования исторической памяти. В сущности, данная проблема носит одновременно конкретно-исторический, историко-теоретический и междисциплинарный характер, и разрешение ее требует обращения к методам имагологии, исторической памяти и военно-исторической антропологии. Комплекс вышеперечисленных методологических направлений применительно к анализу пребывания Великой армии в Москве использовал российский историк В.Н. Земцов²⁰². Он воссоздал убедительную картину межнационального взаимодействия, отражения произошедших событий в сознании участников, представив этот конфликт как столкновение разных культурных ориентиров. Мы в данном параграфе акцентируем внимание, в значительной степени, на процессе трансформации событий войны и образа неприятеля в представлении французских солдат, сопоставляя эти аспекты с восприятием военных действий чинами армии на начальном этапе кампании.

Впечатления французских солдат этого периода, как правило, стали основой формирования коллективных представлений европейцев о тех событиях, которые произошли в Москве в 1812 г. В рамках исследования

---

²⁰² Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы; Его же. Наполеон в России. Социокультурная история войны и оккупации. М.: РОССПЭН, 2018. 431 с.

процесса формирования памяти о русской кампании представляют интерес факторы, повлиявшие на интерпретацию французскими солдатами событий войны. Не менее важно также выявить время и особенности момента перехода индивидуальных представлений в «коллективное воображаемое». «Прошлое – это продукт интерпретаций, наделяющих его смыслами»²⁰³, – справедливо отметил историк Х. Вельцер.

Комплекс исторических источников о событиях, развернувшихся в Москве в 1812 г., предлагает исследователю значительный материал для понимания особенностей трансформации образа войны в представлении чинов Великой армии, механизмов преломления «воображаемых структур» в результате взаимодействия с эмпирическим опытом и, наконец, процесса конструирования коллективной памяти на основе индивидуальных представлений и целенаправленных действий со стороны властных структур.

После длительного периода ожидания генерального сражения французские солдаты, наконец, встретились с русской армией на Бородинском поле. Ощущение триумфа, которое они испытали к концу битвы, первоначально способствовало восприятию сражения как ключевого этапа войны и как, своего рода, предзнаменования победоносного для французов окончания кампании. Французы спешили зафиксировать в письмах и дневниках свои восторженные впечатления о сражении. Так, капитан Э.Б. Кастелян в своем журнале лаконично отметил: «Мы выиграли это сражение»²⁰⁴. Он, как и многие другие солдаты, был восхищен героизмом армии и мудростью французского императора: «Наша армия сражалась с энтузиазмом, с криками “Да здравствует, император”!»²⁰⁵

Французы были уверены, что миг окончательно триумфа был уже близок, и они выиграли «второй Аустерлиц»²⁰⁶. «Вера в императора и

²⁰³ Вельцер Х. История, память и современность прошлого //Неприкосновенный запас. 2005. № 2.

²⁰⁴ Journal du maréchal de Castellane. P. 148.

²⁰⁵ Ibid. P. 151.

²⁰⁶ Генерал Ледрю де Эссарт – брату. Возле Гжатска, 3 сентября 1812 г.// Boudon J. Op. cit. P. 64; Ж.Б. Леушер, адъютант 57 полка 5 дивизии 1 корпуса – жене. Москва, 16 сентября 1812 г.// Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 72.

храбрость нашей армии обеспечили нам победу», – заключил полковник Л.Г. Пюибюск²⁰⁷. Г.Ж.Р. Пейрус, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, в свою очередь, заметил, что русские «пришли в бешенство и отступили»²⁰⁸. Следует отметить, что некоторые из солдат уже встречались с русской армией под Аустерлицем и не удержались от того, чтобы провести аналогию между двумя битвами. В частности, капитан 2-го полка пеших гренадеров императорской гвардии Л.Ф. Фантен дез Одар, тогда, в 1805 г. написал в дневнике о своих впечатлениях от действий неприятеля: «Русская гвардия отличилась в сражении. Но, к своему несчастью, она получила отпор. Несмотря на проявленную русскими смелость, они все же отступили»²⁰⁹. Чувство уважения к неприятелю оказалось свойственно Фантен дез Одару и в описании битвы при Москве-реке: «Следует отметить, что люди, которых мы называем варварами, позаботились о захоронении своих товарищей»²¹⁰. Но Москва вскоре многое изменит...

В тот момент, когда Великая армия восторгалась очередным триумфом, в Париже получили новости о победе под Смоленском²¹¹. В это же время в газетах был представлен публике новый труд историка П. Левека, посвященный борьбе поляков за независимость от Российской империи²¹². Заметки, подобные этой, убеждали французскую общественность в необходимости происходившей войны и оправдывали действия Наполеона.

О битве при Москве-реке парижане узнали из газет 23 сентября, прочитав радостное известие: «Противник полностью разбит»²¹³. В последующих выпусках газет публиковались письма французских солдат, принявших участие в сражении, в которых подтверждался факт победы Великой армии и неоднократно упоминалось, что неприятель понес

²⁰⁷ Полковник Л.Г. Пюибюск – неизвестному. Можайск, 7 сентября // Boudon J. Op. cit. P. 66.

²⁰⁸ Peyrusse M. Op.cit. P. 89.

²⁰⁹ Fantin Des Odoards L.F. Op.cit. P.71.

²¹⁰ Ibid. P. 329.

²¹¹ Journal de l'Empire. 1812. 1 septembre.

²¹² Ibid. 5 septembre.

²¹³ Ibid. 23 septembre.

значительные потери. В свою очередь, в российских газетах также отмечалось, что французы отступили перед мощью русской армии²¹⁴. Так, благодаря периодической печати, в сознании двух народов прочно укоренились, казалось бы, взаимоисключающие представления, ставшие основой для формирования памяти о событии.

В то время, когда в Париже читали сообщения о Бородинской битве, Великая армия уже расположилась в Москве, находясь в предвкушении очередного триумфа империи и императора²¹⁵. Исходя из собственных представлений и опыта предыдущих кампаний, они ожидали, что противник подпишет мирный договор, и на этом война завершится. Воспользовавшись возможностью, солдаты обзревала Москву, описывая в дневниках и письмах ее красоты. Очевидно, что европейский миф о России не был устойчивой системой; в нем удивительным образом присутствовало чувство взаимного притягивания и отталкивания Запада и Востока. Это хорошо видно в текстах солдат Наполеона. Так, некоторые солдаты увидели в Москве азиатскую экзотику, другие были удивлены, встретив в городе элементы европейскости²¹⁶.

К примеру, Фантен дез Одар почувствовал в городе дух Азии, который навеял ему образы сказочного Востока из далекого детства²¹⁷. Кастеляна удивили каменные постройки и красивые дворцы: «Этот город огромен; вокруг – богатые дворцы»²¹⁸. Однако активное каменное строительство он

---

²¹⁴ М.И. Кутузов писал 29 августа императору: «Баталия, от 26 августа бывшая, была самая кровопролитная из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель тогда ретировался в ту позицию, с которой пришел нас атаковать; но чрезвычайная потеря с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре, и должен отступить еще на встречу к войскам, идущим ко мне из Москвы на подкрепление. Пленные сказывают, что неприятельская потеря чрезвычайно велика, и что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми 40 тыс. чел. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Даву ранен» (Северная почта. 1812. С. 309).

²¹⁵ Более подробно о пребывании французов в Москве см. Земцов В.Н. Наполеон в Москве.

²¹⁶ См.: «Я не могу передать всю красоту этого города; он намного больше, чем Париж, и более прекрасен. Я надеюсь, что мир скоро будет подписан. Жители Москвы, видимо, очень гостеприимны, так как оставили в наше распоряжение все дома. Мы смогли найти здесь вино, ветчину и другое продовольствие. Несмотря на все эти удовольствия, я никогда не участвовал в более суровой кампании» (Даншель, служащий почты Великой армии – родителям. Москва, 15 октября 1812 г. // SHD. GR 1. K 111.

²¹⁷ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 14.

²¹⁸ Journal du maréchal de Castellane. P. 154.

объяснил себе не приобщением русских к европейской культуре, а результатом использования рабского труда: «Великолепие дворцов демонстрирует богатство русских сеньоров и объясняет легкость, с которой они используют труд своих рабов»²¹⁹. Главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей также восхитился городом: «Я только что приехал в этот город, один из наиболее отдаленных городов земного шара, самый большой из всех городов, виденных мною, а также и самый красивый; но он пустынен, все жители, за исключением некоторых несчастных из простонародья, оставили его»²²⁰.

Основная же часть солдат, далекая от размышлений о литературе и искусстве, акцентировала внимание на всеобщей усталости²²¹ и тешила себя воспоминаниями о героической битве при Москве-реке²²². Солдаты воспроизводили в письмах одни и те же сюжеты: русские понесли значительные потери²²³, французы бросались в атаки с криками: «Да здравствует, император!»²²⁴ Вспомнил о блестящей битве при Москве-реке, в которой французские солдаты «покрыли себя славой», и маршал Даву в письме к министру иностранных дел Ю.Б. Маре, герцогу Бассано²²⁵.

На фоне всеобщей героизации представлений о сражении в письмах участников чувствуется стремление преуменьшить боевые достоинства неприятеля. К примеру, адъютант Ж.А. Леушер 16 сентября не без юмора написал своей жене, что русские несколько раз пытались его убить, но «они оказались слишком неловкими, чтобы решить эту задачу»²²⁶. Возможно, конечно, солдаты, упоминая о фактах слабости русских солдат, стремились

²¹⁹ Ibidem.

²²⁰ Цит. по Земцов В.Н. Наполеон в Москве. С. 54.

²²¹ Например, лейтенант А. Бафремон написал своему отцу 28 сентября: «Чрезвычайная усталость, отсутствие времени – причина моего долгого молчания. Меня произвели в лейтенанты после большого сражения» // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 11.

²²² «В сражении мы отбили много русских атак. В результате захватили Москву» (сержант Ж.Ф. Фуке – барону Л.Ж. Амелю. Москва, 19 сентября 1812 г. // Ibid. P. 13); «Эта кампания превосходна для нашего полка. Мы испытали ощущение триумфа в сражении» (Ж.А. Леушер – мадам Анриет. Москва, 16 сентября 1812 г. // Ibid. P. 14).

²²³ Лейтенант П.Л. Паради – отцу. Москва, 25 сентября 1812 г. // Ibid. P. 19.

²²⁴ Лейтенант Л.Ф. Куантин – мадам Куантин. Москва, 20 сентября 1812 г. // Ibid. P. 20.

²²⁵ Даву – Бассано. Москва, 24 сентября 1812 г. // SHD. 2С 290.

²²⁶ Ж.А. Леушер – мадам Анриет. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 16.

тем самым вселить в своих родственников уверенность в скором окончании кампании.

Единственным, кто воздержался от упоминаний о героизме Великой армии, был А. Бейль (Стендаль). Он не вспоминал о битвах, не восхищался красотой русских дворцов, но он был впечатлен образованностью русской элиты. Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина с обширной библиотекой позволил А. Бейлю на мгновение опять закрыться в своем мире книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер»²²⁷. Судя по словам писателя, в Москве он занимался не только литературой, но и находил время принять участие в грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами»²²⁸.

Через несколько дней пребывания в Москве восторженные разговоры о выигранном сражении и восторги от вида города закончились. Солдаты постепенно осознавали, что обречены на неизбежное длительное ожидание мира и на затяжную войну. Они оказались в ситуации неопределенности, особенно остро ощутимой после того, как испытали славу победителей. Так, с конца сентября солдаты в своих письмах стали проявлять недовольство тем, как развиваются события: «Я не берусь говорить, что впереди – мир или война; ничто не исправит ситуации, в результате которой мы вынуждены оставаться в Москве в ожидании дальнейших событий. Между тем, мы начинаем терять надежду»²²⁹.

Единственное, что интересовало солдат в тот момент, – это скорейшее завершение кампании²³⁰ и возвращение на родину, чувство ностальгии по

²²⁷ Stendhal. Journal. (1811–1823). P. 106.

²²⁸ Ibid. P. 110.

²²⁹ Н. Витас, шеф батальона – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 28.

²³⁰ «Я полагаю, что император России будет просить мир» (лейтенант Ф.Ш. Лист – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // Ibid. P. 25).

которой они все чаще проявляли в своих письмах²³¹. Солдаты испытывали первые сомнения в отношении своей победы над Россией и убежденности в вечности своей империи. Чувство неуверенности они проецировали и на действия Наполеона: «Император, видимо, уповает на Провидение, не предпринимая никаких действий, ожидает мира»²³². «Пожар заставил нас задуматься о том, что ожидание в городе было фатальным решением. Однако мир всегда подписывается в столице. Наши надежды на мир развеялись. Мы были далеки от понимания этого акта варварства и вандализма»²³³, – отметил в своем журнале су-лейтенант Дюке, связывая воедино варварство и пожар Москвы.

Получая подобные письма, французское общество, со своей стороны, с еще большим нетерпением, чем ранее, ожидало новостей о завершении кампании. «Мы верим в мир и в твое скорое возвращение»²³⁴, – написала графиня М.Э. Бараге д'Ильер своему мужу генералу Л. Бараге д'Ильеру. Очевидно, что подобные слова родных и сама ситуация неопределенности усугубляли уныние, воцарившееся в армии. «Мы стараемся не говорить ни о мире, ни о войне»²³⁵, – охарактеризовал внутреннее состояние солдат лейтенант П. Бернар.

Вполне очевидно, что в это время солдаты недоумевали по поводу происходящего. Они не понимали причин, по которым откладывается подписание мира, почему загорелся город, и зачем русским надо было уничтожать запасы продовольствия.

Наконец, из 19 бюллетеня Великой армии, опубликованного 16 сентября, солдаты узнали официальную версию командования²³⁶. Они прочитали, что поджог города был организован русскими под руководством

²³¹ Генерал Ф.А. Тест – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // Ibid. P. 27; «Мы испытываем много трудностей в этой ужасной стране» (Ф. Шартон, военный комиссар. Москва, 27 сентября 1812 г. // Ibid. P. 48).

²³² Майор Д. Стружевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // Ibid. P. 50.

²³³ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

²³⁴ Графиня М.Э. Бараге Д'Ильер – генералу Л. Д'Ильеру. 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 55.

²³⁵ П. Бернар, лейтенант – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // Ibid. P. 29.

²³⁶ *Correspondance générale de Napoléon Bonaparte*. T. 12. P. 1101.

губернатора Ф.В. Ростопчина. По-видимому, не допуская мысли, что русский император мог быть связан с организацией этого пожара и в надежде на установление контактов с ним Наполеон 20 сентября обратился к Александру I со следующими словами: «Прекрасного и великого города Москвы более не существует: Ростопчин его сжег»²³⁷.

Наполеон также сообщил в Париж о пожаре, но отметил, что, несмотря на случившееся, армия нашла необходимое продовольствие в городе²³⁸. Свое негодование по поводу действий русских он смог воткрытую выразить только жене Марии-Луизе в письме от 18 сентября: «Это губернатор и русские, которые в ярости от того, что побеждены, подожгли этот прекрасный город»²³⁹. Командованию Великой армии также была предложена эта версия случившегося. К примеру, Ю.Б. Маре, министр иностранных дел, отписал маршалу Ж. Макдональду следующее: «Пожар, который произошел в этой великой столице, есть катастрофа, которая случилась в результате действий русских по приказу Ростопчина. Это ужасно, когда действуют подобными методами. Местные жители находятся в состоянии дикости»²⁴⁰.

Так формировалась официальная французская версия о событиях в Москве, которая в дальнейшем станет элементом коллективной памяти французов в отношении всей русской кампании. Солдаты, получив объяснение, подтверждающее варварское поведение неприятеля, ухватились за подобное суждение, ставшее для них спасительным, чтобы не предаться полному отчаянию. Эта версия в очередной раз убедила их в справедливости действий Наполеона и объединила против общего «врага цивилизации».

В результате тема пожара стала центральным сюжетом писем солдат, отодвинув в тень все прочие события кампании; солдаты фактически лишились способности к индивидуальному восприятию происходящего.

---

²³⁷Ibid. P. 1103.

²³⁸Ibid. P. 1100.

²³⁹Ibid. P. 1101.

²⁴⁰ Бассано – Макдональду. 21 сентября, 1812 г. // SHD. 2C 131.

Описанием варварского поведения неприятеля солдаты пытались обосновать в письмах к родственникам длительное ожидание подписания мирного договора. Они возмущались тому, что неприятель решил уничтожить «такой красивый город»²⁴¹, называя пожар Москвы «самым красивым ужасом в своей жизни»²⁴². В этот момент происходит преломление в сознании французов представлений о неприятеле; отныне солдаты характеризуют русских не иначе как варваров: «Москва – это древняя резиденция всех русских царей. Она была объята огнем, в котором эти варвары выразили свою ярость»²⁴³, – отметил полковник Ж.П. Баррие. Кастеллян в это время уже не писал восторженных строк о прекрасных дворцах Москвы, а, как и большинство, соратников возмущался коварством русских: «Мы собираем силы для того, чтобы покинуть эту резиденцию, мы не хотим стать жертвой еще большей небрежности и коварства. Русские сожгли собственный город. Что можно еще от них ожидать?»²⁴⁴ «Русские со своим адским разумом подожгли свою столицу; жители, естественно, убежали»²⁴⁵, – отметил Ж. Эйшнер, музыкант 35-го линейного полка. «Москва, этот красивый и большой город, сожжен этими варварами. Огромные магазины с товарами и дворцы уничтожены»²⁴⁶, – описывал масштабы бедствий капитан Ван Боккоп.

Теперь мы уже более не встречаем в письмах восхищения образованностью русской элиты и красотой ее дворцов. Солдаты концентрируют внимание на рабском положении и дикости русского народа²⁴⁷. «Они имеют вид настоящих дикарей; нет ни одной приятной

²⁴¹ «Мы с 14 сентября в Москве, это прекрасный город. Император России приказал его сжечь» (лейтенант П. Бернар. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 29); «Русские проявили варварство в уничтожении гордости своей страны – этого большого города» (генерал Ж.Л. Шаррье – жене. Москва, 20 сентября // *Ibid.* P. 37); «Русские сожгли этот богатый город» (генерал Л.Ж. Грандо – полковнику Ж.Ф. Ну. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 38).

²⁴² Бурво – жене. Москва, 29 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 58.

²⁴³ Ж.П. Баррие – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 32; «Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы, те, кто сжег Москву», – написал 21 сентября Фантен дез Одар (Fantin des Odoards. Op. cit. P. 330).

²⁴⁴ *Journal du maréchal de Castellane.* P. 91.

²⁴⁵ Ж. Эйшнер, музыкант 35-го линейного полка – неизвестному. Москва, 25 сентября // *Lettres interceptées...* P. 36.

²⁴⁶ Ван Боккоп, капитан – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 49.

²⁴⁷ Генерал Ж.Л. Шаррье – неизвестному. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 37.

фигуры»²⁴⁸, — отметил почтовый чиновник, служивший при Великой армии, Итасс. Солдаты начинают связывать разрушение города не только с действиями русской армии, но и с инициативой простых москвичей. «Все жители оставляют свои дома. Их рабское поведение обусловлено тиранией их правительства. Эти варвары разрушают собственные здания»²⁴⁹, — написал генерал Ж.Л. Шаррьер.

Обозревая горящую Москву, ненавистью к организаторам пожара проникся и А. Бейль: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин»²⁵⁰. Прежнее ироничное описание войны исчезло из его писем. Опасность заставила Стендаля задуматься о смерти и это, как полагаем, помогло ему сохранить память о своем пребывании в Москве. Возможно, именно поэтому он решил когда-нибудь отправить своему другу Ф. Фору дневник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий»²⁵¹.

Вполне очевидно, что основная часть солдат вслед за 19-м бюллетенем возлагала ответственность за организацию пожара на Ростопчина. Лишь немногие (среди них был и Фантен дез Одар) понимали, что Европа может связать пожар с действиями французов: «Пускай Европа думает, — записал в дневнике Фантен дез Одар, — что французы сожгли Москву, может быть, история воздаст должное этому варварскому действию»²⁵². Осознавая, что русское правительство попытается представить этот акт как проявление чувства патриотизма, он отметил: уничтожение собственного города и любовь к Родине — взаимоисключающие проявления гражданской позиции.

Немногие из солдат решились обвинить в пожаре российского императора. Среди них был капитан Л.Н. Плана де Файе, который в письме от 15 октября написал так: «Я проклинаю войну и суверена, который таким образом играет счастьем, судьбой и жизнью людей». Фантен дез Одар также

²⁴⁸ Итасс — кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. P. 109.

²⁴⁹ Генерал Ж.Л. Шаррье — неизвестному. Москва, 27 сентября 1812 г. // Ibid. P. 37.

²⁵⁰ Stendhal. Op. cit. P. 114.

²⁵¹ Ibid. P. 115.

²⁵² Fantin des Odoards. Op. cit. P. 336.

отметил, что император Александр должен разделить ответственность за содеянное с городом и его жителями²⁵³. В этот же день он предположил, что причина, по которой французы оказались в столь сложной ситуации, – это изначально неверные представления о русской цивилизации. Вполне очевидно, что подобные действия возмущали французов и выходили, по их мнению, за рамки европейских представлений о войне.

В свою очередь, русская пресса сводила пребывание французских солдат в Москве к сюжетам разгрома европейскими варварами прекрасного города: «Некоторые жители, которые не успели покинуть Москву, рассказывали, что французы грабят дома, ломают ненужную им мебель. Во многих улицах Москвы пожары не перестают, и столица курится непрерывно дымом, который свидетельствуя варварство врагов наших, кажется, призывает из окрестностей храбрый Христолюбивый народ Российский на отмщение врагам Отечества»²⁵⁴.

Французская пресса, стремясь не допустить появления каких-либо сомнений в обществе относительно действий своего императора, представляла пребывание Наполеона в Москве как вершину триумфа, торжества цивилизации над варварством. В честь этой победы была поставлена опера «Освобожденный Иерусалим», символизирующая победу Запада над Востоком во времена крестовых походов. Не случайно премьера этой оперы состоялась в период пребывания французов в Москве. Реплики, фразы, которые звучали со сцены, были более чем актуальны. Слова одного из героев, к примеру, явно вызвали ассоциации с тем, что Россия отказывается подписывать мир, и французы вынуждены вести затяжную войну до полной победы:

Итак! Вы отклоняете мир!

Вы отказываетесь от моих условий!

Тогда я должен объявить вечную войну!

---

²⁵³ Ibid. P. 333.

²⁵⁴ Северная почта. 1812. С. 319.

Звучала мысль и о нарушении неприятелем обычаев войны, почему крестоносцы и были вынуждены сражаться с особой жестокостью:

Давайте предадимся справедливой мести!

Давайте накажем подлых сарацин за наглость!

Пусть стены этого города станут нашим триумфом!

Да, диалектика войны в любые времена диктует необходимость конструирования образа врага в информационном пространстве как ключевого элемента пропаганды. В связи с этим интересно размышление кюре французской католической церкви в Москве аббата А. Сюрюга, жизненный опыт которого позволял достаточно критически подойти к оценке действий, как русской армии, так и французской²⁵⁵. Он, будучи французом, уже много лет жил в России.

19 октября, осмысливая произошедшие события, Сюрюг в письме аббату П. Буве, представил французскую армию как армию грабителей, уничтожающих все на своем пути, даже церкви. Он допустил мысль о том, что французы своими неосторожными действиями могли способствовать началу и распространению пожара²⁵⁶. Однако, несмотря на столь суровое замечание в адрес французов, основным виновником произошедшего аббат все же называет русское правительство, «которое подвергло собственных мирных граждан страшной опасности»²⁵⁷. «Что Россия доказала этим пожаром?», – выразил свое негодование Сюрюг, – «она только превратила в пепел свои прекрасные здания»²⁵⁸. «Пусть этот поступок будет вынесен на суд будущих поколений»²⁵⁹, – подводил он итог произошедшему, не делая скоропалительных выводов. Его небольшая книга будет опубликована во Франции в 1823 г. Она внесет некоторую ясность или, возможно, всего лишь

²⁵⁵Более подробно см. Земцов В.Н. Аббат Сюрюг и французский «миф» о московском пожаре 1812 года // *Imagines mundi: Альманах исследований по всеобщей истории XVI-XX вв.* №4. 2006.

²⁵⁶ *Lettres sur l'incendie de Moscou.* P.: Plancher, 1823. 56 p. P. 12.

²⁵⁷ *Ibid.* P. 16.

²⁵⁸ *Ibid.* P. 39.

²⁵⁹ *Ibid.* P. 40.

подтвердит существовавшую на тот момент версию о событиях, случившихся в Москве в 1812 г.

Страшное разрушение города, свидетелями которого оказались солдаты Великой армии, повлияло не только на трансформацию образа неприятеля, но и на переиначивание смысла этой войны в их сознании. Они уже не надеялись на победоносное окончание кампании. Они утешали себя тем, что делились размышлениями по поводу дальнейших предполагаемых планов императора²⁶⁰. «Император, видимо, хочет остаться в Москве, не делится никакими новостями, и мы всегда ожидаем “Монитор”, чтобы их узнать»²⁶¹, – написал генерал Ж. Жюно своей жене.

Страх не вернуться домой, беспокойство за будущее, потеря надежды на заключение мирного договора как будто парализовали армию, день за днем способствуя ее разложению. Ситуацию, в которой оказались солдаты, довольно точно и образно описал Фантен дез Одар: «Мы поражены похоронной тишиной, не слышно шума на улице, звона колоколов церквей. Все умерло. Эти прекрасные дворцы стали для нас пустой мебелью. Создается впечатление, что Геркуланум и Помпеи вышли на поверхность»²⁶².

Однако многие солдаты в этой «похоронной тишине» находили способ занять себя. Так, М. Ташер гулял по городу в поисках красивых мест, о чем он написал в своем дневнике: «Посещал церковь в городе, много встретил интересных памятников архитектуры, наблюдал живописные картины»²⁶³. Майор Д. Стружевский получал удовольствие от спектаклей, которые давались в Москве французскими актерами: «Вчера я смотрел спектакль, в котором играли актеры французского театра. Игру устроили в одном из спасенных от пожара домов, так как здание театра сгорело. Я был восхищен всем, что я увидел»²⁶⁴. Кастеллян прогуливался по городу и был доволен тем,

²⁶⁰ Кудер – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 51; Полковник Ж.П. Баррие - неизвестному. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 32.

²⁶¹ Генерал Ж. Жюно – жене. Москва, 13 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 83.

²⁶² *Fantin des Odoards*. Op. cit. P. 341.

²⁶³ *Tascher M. Le journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806-1813)*. P., 1869. P. 310.

²⁶⁴ Майор Д. Стружевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 92.

что расположился в чудесном дворце: «Я расположился в прекрасном дворце принца Куракина. Моя квартира очаровательна: у нее есть даже камин и портрет принца в моей спальне»²⁶⁵. Кастелян, понимая, что «такое хождение от дворца к дворцу» разобщает армию, заметит чуть позже, что ему не хватает войны и службы²⁶⁶.

Французское общество, не получая никакой информации о передвижении армии в этот период, в основном тешило себя иллюзиями, рождавшимися прессой. Публицисты все чаще стали упоминать об отсталости русских по сравнению с европейцами. В момент, когда чины Великой армии испытали серьезные разочарования в самом смысле этой кампании, в Париже вышел специальный номер журнала «Французский зритель», в котором акцентировалось внимание на том, что только благодаря влиянию западной культуры Россия смогла приобщиться к цивилизации. В журнале особо была отмечена деятельность императора Петра Великого, который осознавал факт отсталости России по сравнению с европейскими странами и понимал необходимость сотрудничества с Западом²⁶⁷. В сознании общества должно было создаться представление о том, что посланники Запада и на этот раз принесли в Россию цивилизацию.

В свою очередь, русская публицистика описывала пребывание французов в древней столице как пример, который бесчестит Францию: «Каждый выходец из Москвы подтверждает, что французы производят там непрерывные грабежи, и неистовства их превосходят всякое воображение»²⁶⁸. Так, события в Москве в 1812 г. стали для обеих сторон примером варварского поведения друг друга.

В то время как в Париже публика наслаждалась известиями о захвате Москвы, французских солдат, оказавшихся там, постепенно покидало чувство готовности к продолжению борьбы. Основная часть чинов армии

---

²⁶⁵ Journal du maréchal de Castellane. P. 167.

²⁶⁶ Ibid. P. 169.

²⁶⁷ Le Spectateur français au XIXme siècle. P., 1812. P. 381.

²⁶⁸ Северная почта. 1812. С. 328.

предалась безудержному веселью. «Комично наблюдать, как все веселятся, целуются, чтобы показать свою радость. Я пришел к выводу, что люди большие безумцы», – зафиксировал 4 октября в дневнике Каstellян всю нелепость поведения солдат в создавшихся обстоятельствах.

Чувство опасности, обострившееся во время пожаров, угасло, и большинство солдат решили не возвращаться в своих письмах и дневниках к этим событиям. Среди этих людей был и А. Бейль. Мы узнаем из его писем, что дни с 16 сентября по 2 октября он провел в одиночестве, наслаждаясь сочинением пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание “Летелье”. Это у меня вызывает сладкие воспоминания»²⁶⁹.

Возможно, главный герой его произведения напомнил ему тщеславного юношу, который отправился в «дикую» Россию за баронским титулом и жестоко разочаровался в своих надеждах. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнит о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни»²⁷⁰. Конечно, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он посчитал пребывание в русской столице бесполезным.

Вопреки всей сложившейся в Москве ситуации Бейль подбадривал себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты». В этой фразе чувствуется спокойствие, но, возможно, это было лишь стремлением Бейля скрыть свой страх перед неизвестностью²⁷¹. Конечно, в очередной раз писатель не избежал возможности охарактеризовать свое окружение: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве»²⁷².

²⁶⁹ Stendhal. Correspondance. P. 67.

²⁷⁰ Stendhal. Théâtre. P., 1931. 60 p. P. 14.

²⁷¹ Stendhal. Correspondance. P. 69.

²⁷² Ibid. P. 69.

Запечатлев в письмах и дневниках напряженные, полные драматизма обстоятельства своего пребывания в Москве, выплеснув на бумагу свое презрение по отношению к «варварам», французы обратились к своему внутреннему миру и повседневным заботам. Это уже были не прежние солдаты, упоенные своей победой под Москвой. Они были готовы смириться даже с возможным поражением.

Бессмысленное «сидение в Москве» заставило солдат вспомнить о самых счастливых моментах жизни на родине и переосмыслить многие ценности. «Достаточно говорить о войне, я теперь хочу, моя дорогая, сказать, что я люблю тебя все больше и больше, я скучаю так, словно я умер. Я уже не желаю ничего, кроме того, чтобы тебя снова увидеть»²⁷³, – так выразил свои чувства в письме генерал Ж. Жюно своей возлюбленной Елизавете-Августе. Генерал Ж.Д. Компан в эти дни сообщил жене, что постарается выжить для того, чтобы вновь ее увидеть²⁷⁴.

В те дни даже Стендаля охватили воспоминания о Франции, в чем он признался в письме 16 октября графине А. Дарю, где в шуточной форме описал свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно дал понять графине цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции»²⁷⁵. Вполне искренне и, как кажется, достаточно точно, он описывал те события, которые изменили его жизнь и взгляд на свое собственное призвание. «Я, к сожалению, – читаем мы в его записной книжке, – далеко не тот человек, каким был в 1811 г. Вернувшись из Москвы, я не нашел в себе больше тех страстей, которые нарушали однообразие моей жизни»²⁷⁶.

Вполне очевидно, что каждый в глубине души вынужден был признать, что, может быть, находится на пороге смерти. Кастеллян в своем журнале выразил опасения по поводу будущего, которое их ожидает так: «Мы будем

²⁷³ Жюно – Елизавете-Августе. Можайск, 13 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 84.

²⁷⁴ Ternaux-Compans H. Op. cit. P. 161.

²⁷⁵ Stendhal. *Correspondance*. P. 70.

²⁷⁶ Stendhal. *Journal*. P. 117.

вынуждены пересечь страну, занятую врагом. Мой добрый товарищ Мортемар попрощался со мной, так как не уверен, что мы снова увидимся»²⁷⁷. В создавшемся положении солдаты подбадривали себя единственной оставшейся надеждой – верой в гений Наполеона. «Император выглядит так, как во время кампании при Аустерлице»²⁷⁸, – заметил Кастеллян, видимо, надеясь на положительный исход событий, как было в 1805 г. «Я готов служить во имя будущего»²⁷⁹, – написал 18 октября Фантен дез Одар, понимая, что для Великой армии приближается момент истины.

По-видимому, те чины, которые оставили после себя письменные свидетельства, осознавали, что худшее, что с ними могло произойти еще впереди, и что им предстоит «посмотреть в глаза смерти» в ходе отступления. М. Ташер в эти дни перестал вести свой дневник. Вернувшись к нему уже после завершения кампании, он написал, что «с 18 октября началось самое ужасное отступление из России»²⁸⁰. Вполне очевидно, что пребывание в Москве трансформировало в сознании солдат образы тех побед, которые были одержаны в ходе кампании ранее. Так, капитан Ж. Бро в 1813 г., будучи в русском плену, решил написать о наиболее памятных для него событиях. Сражение при Москве-реке он назвал «самым ужасным, которое когда-либо видел»²⁸¹. «Москва была большим и красивым городом, не единообразно построенная, как Париж, но намного больше, имея, по крайней мере, на пятьсот дворцов больше, чем Париж; многочисленные магазины могли бы кормить армию в течение двух лет, если бы русские не сожгли собственную столицу»²⁸², – такими словами он вспоминал о своей бытности в Москве спустя три месяца.

---

²⁷⁷ Journal du maréchal de Castellane. P. 174.

²⁷⁸ Ibidem.

²⁷⁹ Fantin des Odoards. Op. cit. P. 342.

²⁸⁰ Tascher M. Op. cit. P. 314.

²⁸¹ Lettre d'un capitain Jean Breaut. P. 16.

²⁸² Ibid. P. 26.

Итак, пребывание в Москве стало чрезвычайно драматическим этапом жизни для всех участников похода; самым важным в тот момент оказались уже не награды и победы, а стремление сохранить человеческий облик, сохранить верность дружбе и верность императору. В экстремальной ситуации, сложившейся в Москве, чуть ли не единственное, что могло еще поддерживать дух французских солдат – это вера в императора. Чувствуя страх, ощущая опасность, значительная часть солдат вынуждена была довериться официальной пропаганде, стирая из своей памяти проникнутые индивидуальностью образы событий, тем самым способствуя формированию «коллективного воображаемого». Более того, тягостное пребывание в Москве способствовало формированию негативного образа не только неприятеля, но и самой русской цивилизации. Принимая во внимание, что французские солдаты играли роль своеобразных посредников в диалоге между культурами, мы полагаем, что «сидение в Москве» серьезно повлияло на закрепление представления об этой войне как о жестокой борьбе цивилизаций не только в умах чинов Великой армии, но и в целом всего западноевропейского общества.

2.3. Оккупация как «преломление» представлений о Другом: Минск и Смоленск в 1812 году

События, разыгравшиеся в 1812 г. на оккупированных территориях, сыграли важную роль в процессе трансформации исторической памяти французов о русской кампании Наполеона. Непосредственные межкультурные контакты с местным населением способствовали либо подтверждению сложившихся стереотипов, либо конструированию новых. В данном параграфе процесс создания представлений о Другом рассматривается на примере оккупации Минска и Смоленска Великой армией. Микро-исторический анализ этих сюжетов позволит нам выявить

факторы, способствующие преломлению изначально сформированного образа Другого, и их воздействие на дальнейшую траекторию формирования памяти. В начальный период войны французы рассматривали Минск как некий «европейский город», часть Польши, которую они стремились освободить. В свою очередь, Смоленск представлялся им своеобразным «мостом» перехода из ареала «европейскости» в русское пространство и русскую действительность.

Как уже было отмечено выше, в начале русской кампании французское руководство придерживалось иллюзии, считая, что поляки готовы пойти на любые жертвы ради свободы своего Отечества. На этом основывалась вся политика французо-польской администрации. Несмотря на то, что в действиях Минской комиссии проявилось стремление заручиться поддержкой местного польского населения, оно, в свою очередь, рассчитывало на более спокойную жизнь без налогов и жертв во имя Наполеона. Французо-польское руководство, ориентируясь исключительно на интересы Великой армии и поляков, не предполагало, насколько глубокими были межкультурные и социальные противоречия в белорусском обществе.

Минский департамент в период русской кампании 1812 года играл одну из ключевых ролей в планах Наполеона. Французы полагали, что местные жители, жаждущие освобождения от гнета русских, поддержат Великую армию. Подобные представления в начале русской кампании подкреплялись разнообразными описаниями западных губерний Российской империи. Основная часть этих описаний отразила тот факт, что французы представляли Белоруссию как территорию, населенную исключительно польским населением, которое тяготится навязыванием им православной религии²⁸³. Подобные представления, во многом, объясняют последующие

---

²⁸³ «Белая Русь, составная часть Польши, является провинцией России. Русское правительство коварно злоупотребляет своими полномочиями, что для поляков нетерпимо. Русское правительство пытается покорить их национальный дух, что противоречит представлениям о свободе» (Описание Белоруссии //SHD. 1М 1487); «Главное занятие жителей – сельское хозяйство. Минская губерния входит в состав Литвы под названием Белая Русь» (Ibidem.).

действия французов в данном регионе, ориентированные на поддержку исключительно польского населения и католической церкви.

В начале войны периодическая печать продолжала утверждать в сознании французской публики образ угнетенных поляков, жаждущих свободы. Приводились примеры жестокого обращения русских властей с поляками, негативного влияния правительства Санкт-Петербурга на экономическое и политическое развитие этой территории²⁸⁴. Так, в 6 бюллетене Великой армии в очередной раз была высказана мысль о том, что жители Литвы, проявляющие ненависть к русским, объята желанием возродить свое независимое государство: «Народ Польши возмущен ограничениями русского правительства. Все общество желает независимости страны»²⁸⁵.

Первые события войны на западной территории Российской империи отчасти оправдали ожидания французов. С началом военных действий местное польское население активно оказывало помощь французским войскам. Командование Великой армии в своих рапортах неоднократно отмечало, что именно поляки предоставляют информацию о позициях и передвижениях русских войск²⁸⁶. Известны многочисленные случаи, когда поляки стремились проявить солидарность и по отношению к французским властям. Один из таких примеров, который позже «Минская газета» назовет «подвигом обывателя Мозырскаго уезда», свидетельствует о том, что поляки при приближении французов отказывались подчиняться российской администрации. Так, два польских помещика Богуш и Митарновский, назначенные для сопровождения русского транспорта, состоявшего из 72 волов и 30 бочек водки, узнав о приближении французского отряда недалеко от Слуцка, доставили свой груз французам²⁸⁷.

---

²⁸⁴ Le Journal de l'Empire. 1812. 2 juillet.

²⁸⁵ Le Journal de l'Empire. 1812. 5 août.

²⁸⁶ Fabry G. Campagne de Russie (24 juin – 10 aout). P. 138, 208.

²⁸⁷ Тумч. Газ. Миńska. Ми́нск. 1812. №1.

Подобные настроения могли свидетельствовать о том, что поляки готовы идти на контакт с Великой армией. Поэтому не случайно, что первые действия французов в Минске преследовали цель установить тесные отношения с польским населением. Когда маршал Л.Н. Даву занял Минск, он в своем обращении к жителям подчеркнул, что французская армия стремится к освобождению Отечества поляков. Эта идея фигурировала почти в каждом выпуске «Минской газеты», которая предоставляла жителям профранцузскую версию событий русской кампании. День вхождения Великой армии в Минск в газете был описан в следующих строках: «Этот исторический день освободил нашу провинцию от невольничьего ярма и возвратил нас Отчизне»²⁸⁸.

Первые действия французов создавали впечатление у местных жителей, будто политика Наполеона действительно направлена на возрождение Польши. Так, структуры управления Минском и его окрестностями были укомплектованы преимущественно поляками. Губернатором города был назначен генерал Н. Брониковский. Об этом событии «Минская газета» написала: «Сего числа прибыл в наш город известный своей доблестью, дарованиями и любовью к Отечеству генерал французской службы и губернатор Минской провинции Брониковский. Сердца поляков преисполнены радостью, слыша, что их правитель говорит на родном им языке, которого они не слыхали около двадцати лет»²⁸⁹.

«Минская газета» почти в каждом выпуске отмечала вклад французов в восстановление экономики, культуры поляков: «Французские войска в провинции наладили сельское хозяйство. Урожай ожидается чрезвычайный. Помещики, хуторяне и рабочие благословляют Провидение, которое, как бы ради наших избавителей, послало такое изобилие на нашу землю, истощенную прошлогодним неурожаем и опустошениями, произведенными

---

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. № 2.

москалями»²⁹⁰. Французское руководство, стремясь продемонстрировать солидарность с местными жителями, давало понять, что оно будет строго наказывать зачинателей беспорядков.

Главную проблему профранцузскому правительству создавали крестьяне, воспользовавшиеся сменой власти для демонстрации неповиновения польским помещикам. С первых же дней существования Минская комиссия активно взялась за решение данного вопроса. Так, 17 июля вышел приказ о содействии местным жителям в случае неповиновения крестьян²⁹¹. По всей видимости, в первые два месяца оккупации произошло множество подобных случаев, и по Минску и его окрестностям прокатилась волна арестов крестьян. К примеру, 18 июля крестьяне деревни Кузевич отказались работать на помещика Янковского; они были арестованы²⁹².

Французско-польское правительство использовало разные способы демонстрации своей солидарности с польским населением. Но, стремясь защитить поляков, оно явно ожидало от них ответных жестов, убеждающих в верности их Великой армии. На страницах «Минской газеты» публицисты, пытаясь создать иллюзию эффективности франко-польского союза, в течение июля приводили примеры того, как все поляки активно вносят пожертвования и вступают в ряды Великой армии. Неоднократное упоминание в газете об участии поляков в русской кампании и о том, что Наполеон освободил их Отечество, по всей видимости, преследовало цель вызвать у местных жителей чувство сопричастности с судьбами солдат Великой армии. В связи с этим, в обращениях к местным жителям, опубликованным на страницах газеты, слова об освобождении поляков сопровождались просьбами о пожертвовании: «Французские войска освободили вашу землю от русской армии благодаря гению великого Наполеона. Главная задача заключается в необходимости материального

---

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна: Коммиссия высочайше учрежденная для разбора древних актов в Вильне. Вильно, 1912. Т. 37. 560 с. С. 204.

²⁹² Там же.

обеспечения армии освободителей. Поляки! Орлы великого императора Наполеона пришли в нашу провинцию. Это эпоха нашего расцвета. Объявляется сбор во французские магазины продовольствия, французы гарантируют сопровождение от дома до магазина»²⁹³.

Политика нового правительства, стремящегося завоевать расположение поляков, в течение июля создавала атмосферу спокойствия и «вечного праздника». 19 июля в местном Кафедральном костеле было отправлено богослужение. Губернатор генерал Брониковский присутствовал на нем со всем своим штабом и Временной Правительственной Комиссией²⁹⁴. Конечно, богослужение было устроено для того, чтобы обеспечить поддержку местного католического населения. По поручению губернатора минский епископ Я. Дедерко после богослужения произнес краткую речь, прославляя власть Наполеона: «Уже порваны московские цепи, мы вступаем под власть императора Наполеона»²⁹⁵.

Помимо слов о возрождении Польши, в речах официальных лиц также звучал призыв защитить национальные интересы поляков, выступив под знаменами Великой армии против России. Однако в течение июля и августа эти призывы со стороны нового правительства были связаны лишь со стремлением обострить чувства ненависти к русским. Так, в одном из воззваний комиссии Временного правительства Великого княжества Литовского к гражданам Белой Руси ярко прослеживается цель поднять национальный дух именно поляков: «Все поляки – белорусские и литовские граждане – родственники и должны быть воодушевлены одними и теми же благородными и высокими чувствами. Надеемся вскоре увидеть Вас достойными ваших предков»²⁹⁶.

---

²⁹³ Беларусь и война 1812 года // Сборник документов под ред. А.М. Лукашевича, Д.Л. Яцкевича. Минск, 2011. С. 201.

²⁹⁴ *Tumcz. Gaz. Mińska. Mińsk*, 1812. № 2.

²⁹⁵ Краснянский В.Г. Минский департамент Великого княжества Литовского. СПб.: Сенат. тип., 1902. 72 с. С. 10.

²⁹⁶ Беларусь и война 1812 года. С. 107.

Идея национального возрождения поляков была ярко выражена в мероприятиях, проведенных 15 августа в честь Дня рождения Наполеона. Особо стоит упомянуть спектакль, поставленный по пьесе писателя Яна Ходзько: «Освобождение Литвы, или переправа через Неман 23 июня». Основная идея произведения сводилась к тому, что это событие стало поворотным в истории Польши, открыло значимый этап в истории свободного государства. Спектакль был наполнен множеством символов: эпоха нахождения поляков в составе России изображалась в виде гроба, Польша представлялась в образе женщины, ожидавшей освобождения, Наполеон – это Гений разума, который вызволил женщину из оков мрака. Заключительная сцена спектакля символизировала франко-польскую дружбу: «Под солнцем, в белоснежных облаках уносятся два орла, Французский и Польский; в клювах они держат свиток с надписью “Polonia restaurata”²⁹⁷; ниже их – густые тучи, из которых блистают молнии». На фоне этой торжественной сцены виднелись трупы русских вместе с азиатами. По всей видимости, спектакль предлагал обратить внимание на цивилизационные отличия русских и поляков, что имело целью утвердить в сознании местных жителей мысль о том, что Польша благодаря своим историческим корням должна продолжить свое движение под эгидой Запада. Заключительные слова спектакля, обращенные к Наполеону, должны были стать символом верности поляков Франции:

Ты, осененный золотыми орлами,
 Возвращаешь нам родные стены.
 Поляки стремятся за твоими орлами туда,
 Где тобою назначен им предел...²⁹⁸

В организации спектакля активное участие приняли польские аристократы, явно стремившиеся убедить общественность Минска в необходимости пойти за Наполеоном и, если будет необходимо, отдать за

²⁹⁷ Польша восстановлена (лат.).

²⁹⁸ Tycmz. Gaz. Mińska. Mińsk, 1812. № 2.

него свои жизни. Вняли ли местные жители призыву «Родины» со сцены, и насколько искренне звучали слова «поляки стремятся за твоими орлами...»? Ответы на эти вопросы дают многочисленные примеры из жизни Минска в последующие месяцы французской оккупации.

На первый взгляд кажется, что эта идиллия, эти восторги поляков по поводу возрождения Отечества давали основание профранцузскому правительству считать, что жители Минска примут активное участие в военных действиях и в обеспечении армии продовольствием. Однако после празднований Дня рождения Наполеона период восторгов и празднеств подошел к своему завершению. 17 августа Временное правительство выпустило распоряжение о наборе рекрутов: «Виленский департамент – 3 тыс. рекрутов, Минский – 3 тыс. рекрутов, Гродненский – 2.500, Белостокский – 1.500. Небольшие имения, не имеющие того количества душ, с которого должен быть представлен рекрут, обязаны внести денежную плату в 1000 польских золотых. Евреи, которые не подлежат рекрутскому набору, должны платить 2000»²⁹⁹.

Следующим был указ о сборе налогов; 24 комиссара из поляков должны были собирать налоги с населения: «Жители Минской губернии, кроме всех сделанных ими поставок в натуре, обязаны были уплатить по 9,5 злотых (1 р. 42 коп.) с души, что составило около 539 тысяч рублей серебром, и внести в течение семи дней все недоимки, должные ими русскому правительству». Все подати и долги русскому правительству необходимо было выплатить до 15 августа, в противном случае должники оказались бы под арестом³⁰⁰.

По всей видимости, местные жители стремились найти возможность не выполнять эти требования. Довольно точно поведение поляков на территории Белоруссии в период французской оккупации охарактеризовал витебский интендант Пасторе: «Нельзя было не заметить резкого

---

²⁹⁹ Беларусь и война 1812 года. С. 213.

³⁰⁰ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. С. 217.

противоречия между их речами и поступками. Стоило заговорить с ними о причинах и событиях войны, слова: победа, возрождение, свобода, самопожертвование не сходили с их уст. Но как только доходило дело до того, чтобы действительно принести какую-либо жертву, эти недавно еще столь пылкие люди оказывались глухи на все просьбы или отвечали извинениями, так как просто отказать у них не хватало смелости... исполняли только тогда, когда к этому их принуждали силою оружия»³⁰¹.

С одной стороны, французское командование рассчитывало на готовность поляков внести свой вклад в победу Великой армии. С другой стороны, поляки рассчитывали на бескровное возрождение своего Отечества. Данное противоречие в восприятии смысла французской оккупации прекрасно проявилось в истории Минской гимназии в 1812 г. Педагогический персонал учебного заведения возлагал определенные надежды на установление власти французов. Основная часть из них принимала активное участие в деятельности франко-польской администрации, надеясь, что тяготы войны их не затронут. Однако вскоре им пришлось разочароваться в своих надеждах.

Несмотря на изначальные уверения профранцузского правительства в том, что обучение будет продолжено, в середине июля в гимназию был назначен постой в количестве 600-700 солдат. «Все классы, залы, лестницы были переполнены солдатами и их вещами». От военного поста гимназии удалось освободиться лишь в конце июля. Солдаты были переведены в помещение доминиканского костела. Однако 23 августа поступило следующее предписание: «Здание гимназии необходимо очистить от лиц, там проживающих в 24 часа»³⁰². Более того, учителям предписывалось покинуть свои квартиры.

Педагогический коллектив, возмущенный действиями профранцузского руководства, направил в разные инстанции просьбы о

³⁰¹ Pastoret A.D. de. Mémoires sur la Russie // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным. Ч. 5. М., 1900. С. 232.

³⁰² Краснянский В.Г. Указ. соч. С. 56.

сохранении здания за гимназией. В итоге, учебное заведение открыли только 5 октября в здании более тесном, в отличие от прежнего. Этот факт возмутил педагогический коллектив. На страницах «Минской газеты» открытие гимназии было представлено как результат действий профранцузского правительства: «Хотя регулярные занятия начались в местной гимназии 20-го сентября сего года, сегодня, согласно академическим обычаям, состоялся публичный акт. В три часа пополудни, в здание гимназии прибыли все военные и гражданские власти, губернатор, интендант, депутаты от Минского департамента Ходзько и Петерсен, члены Административной Комиссии и многие горожане со своими женами. Префект гимназии Бродовский в соответствующей обстоятельствам речи обратился к учащейся молодежи, призывая к любви к возрожденному Отечеству и благодарности нашему избавителю Великому Наполеону»³⁰³.

Публицисты «Минской газеты», описывая разные стороны жизни населения в этот период, создавали идиллическую картину франко-польского союза. Неоднократно отмечалось, что общество принимает активное участие в решении продовольственной проблемы и в устройении магазинов³⁰⁴. Однако многочисленные документы подтверждают, что местные жители без особого энтузиазма жертвовали на нужды армии. В связи с этим, в округе Минска возникли серьезные проблемы с продовольствием.

Во время сбора продовольствия в Борисове уже в конце июля местные жители отказались принять участие в устройстве магазинов. Минская комиссия 25 июля направила настоятельное требование руководству Борисова использовать все возможные методы для того, чтобы обеспечить армию продовольствием³⁰⁵. Ответственность за неисполнение данного

---

³⁰³ Tyczez. Gaz. Mińska. Mińsk, 1812.

³⁰⁴ «Его Императорское Величество очень доволен Администрацией Минского Департамента в виду того, что она, несмотря на прохождение многочисленных корпусов армии, сумела изыскать способы устроить магазины и снабдить их всем необходимым для армии и главной квартиры» // Tyczez. Gaz. Mińska. Mińsk, 1812.

³⁰⁵ Документ гласит: «Отдел рекомендует Борисовской комиссии, чтобы в подобной ситуации она должна использовать все справедливые и законные методы для того, чтобы обеспечить армию продуктами питания» // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. С. 225.

требования всецело возлагалась на комиссаров. В связи с невозможностью справиться с ситуацией многие комиссары направили в Минскую комиссию просьбы сложить с них полномочия. Поначалу Минская комиссия пыталась убедить их в том, что необходимо проявить верность «защитнику поляков Наполеону»³⁰⁶. Однако слова о величии гения французского императора и о его заслугах в возрождении Польши не вразумили комиссаров; в начале августа они забросали Минскую комиссию решениями о сложении полномочий.

Наиболее сложная ситуация сложилась в Смоленевичах. Комиссар города Плевака 7 августа направил заявление об увольнении³⁰⁷. Человека, который смог бы взять на себя такие функции, комиссии найти не удалось, поэтому все распоряжения она стала направлять напрямую подкомиссару М. Яновскому. В ответ на это он 9 августа отправил письмо, в котором возмущенно заявил о полной невозможности исполнять возложенные на него обязанности: «...Разве можно на меня одного возлагать такие трудные обязанности по сбору продовольствия, когда местные жители отказываются принимать участие в этом действии»³⁰⁸. В подобной ситуации достаточно явно проявились настроения поляков по отношению к нуждам Великой армии. Были случаи, когда человек давал согласие возложить на себя обязанности комиссара на определенных условиях. В основном, они сводились к обеспечению жильем и продовольствием всей его семьи³⁰⁹. Как здесь не вспомнить о тех восторженных речах верности Наполеону, которые произносили поляки в первые дни формирования франко-польского правительства...

Минская комиссия продовольственную проблему пыталась решить не только настоятельными требованиями и угрозами ареста, но и способом изъятия всех бывших королевских и иезуитских поместий, если у нынешних

---

³⁰⁶ Там же. С. 233.

³⁰⁷ Там же. С. 271.

³⁰⁸ Там же. С. 277.

³⁰⁹ Там же. С. 276.

владельцев не имелось подтверждений права собственности, зафиксированного в законах Речи Посполитой до ее разделов. В противном случае эти имения раздавались крестьянам-арендаторам, а за право пользоваться этой землей они должны были платить продовольственный налог³¹⁰. Комиссия так и не успела реализовать это распоряжение, остановившись на уровне составления списка владений.

Каждое распоряжение Минской комиссии вызывало сопротивление местных жителей и усугубляло социальные и культурные противоречия внутри общества. Так, указ о наборе трех тысяч рекрут в Минском департаменте от 4 августа вызвал массовые отказы платить налоги и отдавать продовольствие для нужд армии³¹¹. Особое возмущение выражали польские помещики, которым приходилось не только снабжать рекрутов, но еще и платить налоги за своих крепостных крестьян³¹².

Смена власти в Минском департаменте обострила многие социальные противоречия внутри разнородного белорусского общества. Одна из этих острых проблем была связана с религиозным вопросом. Как уже выше отмечалось, франко-польское правительство проводило прокатолическую политику, руководствуясь интересами поляков. В связи с этим минского католического епископа Я. Дедерку разместили в резиденции православного епископа. Однако когда Дедерка переселился в этот дом, основная часть ценностей была уже разграблена французами, которые размещались там до конца июля³¹³. Православные священники, которые сопротивлялись новой

---

³¹⁰ 25 июля вышло распоряжение о немедленной переписи все королевских, иезуитский и других имений, доставшихся России после разделов Польши: «Необходимо описать все королевские, иезуитские и другие имения, установить основания для владения землей. Если основания отсутствуют, либо земли свободные, то передавать их крестьянам-арендаторам...» // Там же. С. 277.

³¹¹ Там же. С. 259.

³¹² Там же. С. 267.

³¹³ После переезда Дедерки в дом, он пользовался оставшимся имуществом и после восстановления русской власти в Минске, не спешил его возвращать. В связи с этим было открыто официальное дело «о расхищении во время неприятельского нашествия разными лицами имущества Минского архиерейского дома», а также второе дело «об отыскании трех архиерейских шапок, находящихся у бискупа Дедерки». Из дел минской духовной консистории видно, что всего Дедеркою было присвоено имущество на сумму 5364 рубля. Дедерка не покинул архиерейский дом после занятия Минска русскими. Более того, в сентябре 1813 года он обратился с просьбой к русским властям предоставить архиерейский дом для постоянного места жительства минского католического епископа. Это ходатайство было отклонено. Дедерко утверждал, что, заняв архиерейский дом, он лишь оберегал его и домовую церковь от поругания: устройства там офицерского

религиозной политике, оказались в тюрьмах. К примеру, священник местечка Озаричи Бобруйского повета Николай Борзаковский был захвачен в плен французами и заточен в тюрьму, где он находился в течение двух месяцев³¹⁴.

Многие из священников для того, чтобы избежать подобной судьбы при приближении французов брили себе бороды, стригли волосы на голове и снимали сутану. Во время следствия после возвращения русского правительства они утверждали, что «сие ими учинено для неприятельского поругания» над внешним видом православных священников; а некоторые заявляли, что их к этому принудили французы³¹⁵.

Оккупация Минского департамента обострила взаимоотношения крестьян с польскими помещиками. Воспользовавшись периодом междувластия, крестьяне начали громить дома своих господ³¹⁶. Так, крестьяне нескольких деревень Борисовского повета организовали отряды для нападений на хлебные магазины, помещичьи дома. Перепуганные помещики обратились за помощью к военному губернатору г. Борисова генералу Ж. Барбанегру. Он в конце июля направил отряд для усмирения крестьян. Подобная политика франко-польского правительства вызывала еще большее сопротивление со стороны крестьян.

Наибольший резонанс в обществе вызвало убийство крестьянами деревни Тростян Игуменского повета всего семейства помещика Гласко, состоявшего из 12 человек. В соответствии с документами судебного процесса, дело обстояло следующим образом. С приближением французской армии крестьяне скрылись в лесу. Гласко со всей семьей также бежал в лес, где он по-прежнему обременял крестьян непосильной работой. В дальнейшем крестьяне на допросе уже в русском суде заявили, что насилие со стороны помещика заставило их пойти на убийство. Массовые побег

лазарета или театра. Он затягивал судебное дело. Это дело тянулось 25 лет. Лишь в 1837 году с него были взяты денежные взыскания за имущество архиерейского дома // Там же. С. 9.

³¹⁴ Краснянский В.Г. Указ. соч. С. 9.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Тумcz. Gaz. Mińska. Mińsk, 1812.

крестьян в лес начались в связи с указом Временного правительства о поставке рекрут от 1 августа³¹⁷.

Действия крестьян трудно объяснить идеологическими или политическими интересами, скорее всего, они руководствовались необходимостью выжить. Антифранцузские настроения крестьян также были вызваны разнузданным поведением солдат Великой армии, которые не проявляли снисходительности ни по отношению к полякам, ни по отношению к крестьянам, не останавливались перед грабежами поместий и крестьянских домов³¹⁸. В документах Виленской комиссии содержится множество примеров того, как французы отбирали продовольствие у местных жителей³¹⁹. В соответствии с судебными документами того времени, в большинстве случаев местная администрация наказывала грабителей.

Помимо грабежей местного населения, встречались случаи, когда французские солдаты забирали продовольствие из магазинов, предназначенных для пользования Великой армией. Большинство документов по подобным делам относится к грабежам Докшицкого магазина солдатами под командованием лейтенанта Фонтана. 21 июля комиссар полиции Стефан Ванькович отправил в Минскую комиссию первый рапорт о действиях лейтенанта, отметив, что он взял часть продовольствия для якобы больных, не предоставив никаких документов, «просто силой изъясл»³²⁰.

Однако данная жалоба не повлияла на поведение лейтенанта, и уже 25 июля в Докшицах произошел еще один подобный случай³²¹. Фонтан вместе с

³¹⁷ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. С. 245.

³¹⁸ Рапорт Витебскому губернскому прокурору от Динабургского уездного стряпчего, 27 июня 1812: «Казенные крестьяне староства Динабургского донесли мне, что проходящие разные полки делают нападения на крестьянские дома, разграбливают все пожитки крестьянские» // Беларусь и война 1812 года. С. 52.

³¹⁹ 26 июля об отнятии французами провианта у местного жителя; солдаты были взяты под стражу // Там же. С. 206; 20 июля жалоба еврея Вульфа Дворкинда, у которого французы забрали 26 лошадей // Там же. С. 211.

³²⁰ Там же. С. 216.

³²¹ «При приближении французов крестьяне покидали свои дома, а те в свою очередь бесчеловечно грабили их имущество и истязали оставшихся крестьян, жители не возвращаются в свои дома» // Там же. С. 220, 231; 27 июля о грабежах и насилиях, причиняемых французами крестьянам Борисовского повета // Там же. С. 232; 3 августа о разорении войсками вице-короля Евгения помещиков и крестьян Березинского кантона // Там же. С. 254; 4 августа заявление Блажевича об опустошении его имений французскими войсками // Там же. С. 263.

французскими солдатами насильно изъял все запасы зерна у местных жителей, в том числе у больных. 3 августа вновь поступила жалоба о притеснениях докшицких мещан Фонтаном³²². В этот же день в Минскую комиссию было направлено сообщение об отказе жителей Докшиц поставлять провиант, вследствие разорения их прежними поборами и французскими войсками. От грабежей французов в большей степени страдали помещики. Наиболее показательным в этом плане является заявление владельца имения Бересневки Гуторовича о разграблении его имущества французами: «Французские солдаты ежедневно посещают двор и деревни моего поместья, насильно изымают продовольствие. Это повторялось в течение нескольких дней, их грабежи довели меня до нищеты»³²³. Следует отметить, что основная часть подобных жалоб относится к концу июля и началу августа, что свидетельствует о неустойчивом положении нового правительства на оккупированной территории.

Местные власти стремились решать подобные проблемы. 2 августа вышел указ, в котором было обещано повсюду поставить стражу для защиты неприкосновенности личности и собственности каждого жителя. В этот же день комиссия предписала всем землевладельцам вернуть своих крестьян для продолжения занятий земледелием³²⁴. Солдат Великой армии, на которых поступали жалобы от местных жителей, допрашивали и, если их вина была доказана, то подвергали аресту. К примеру, 3 августа состоялся допрос Фонтана, на которого поступало множество жалоб от местных жителей в грабеже и незаконном сборе налогов. В итоге он был арестован, так как не смог объяснить, на какие нужды изымал продовольствие и деньги³²⁵.

Тем самым, Минская комиссия довольно эффективно для военного времени справлялась со своими функциями по наведению порядка, ожидая ответной реакции от польского населения. В свою очередь, местные жители в

---

³²² Там же. С. 255.

³²³ Там же. С. 240.

³²⁴ Там же. С. 249.

³²⁵ Там же. С. 273.

начале оккупации уповали на то, что их жизнь станет намного лучше, чем при русском правительстве. Однако многочисленные указы Минской комиссии заставляли их жертвовать на нужды войны, что вызвало разочарование общества в политике французов. В то же время, некоторые жители хотели воспользоваться сменой власти в своих корыстных целях, надеясь, что новое правительство заинтересовано в установлении «социальной справедливости». В этом плане, очень много поступало в комиссию доносов на евреев. Так, 3 августа поступила жалоба на еврея квартирмейстера Абрама Замоского от одного из его подчиненных: «Я всегда готов служить власти императора Наполеона. Однако Замоский использует насильственные методы, унижает меня. Когда я ему сделал замечание по этому поводу, то он ответил, что так унижать меня будет всегда»³²⁶. Антисемитизм польского общества наиболее остро проявился в вопросе винного откупа, который чаще всего применительно к данной территории принадлежал евреям. Так, массово стали поступать жалобы польских аристократов на незаконную узурпацию права сбора налогов со стороны отдельных купцов³²⁷.

Минская комиссия пыталась разрешить конфликтные ситуации, даже наказывала французских солдат за грабежи. Однако решить все проблемы, возникающие в процессе межкультурных контактов, не удалось, поэтому правительство на разных уровнях с середины октября перешло к настоятельным директивным методам руководства. В районе Минска устанавливались патрули, которые арестовывали бродяг и мародеров³²⁸. В целях избегания конфликтов французских солдат и евреев торговля между ними была запрещена.

Многочисленные меры, предпринятые франко-польским правительством по наведению порядка, по всей видимости, не достигли

---

³²⁶ Там же. С. 358.

³²⁷ 31 июля ходатайство борисовского откупщика об уничтожении контракта, минские купцы взяли у него пива для реализации, но денег не вернули, обосновав это тем, что всю продукцию пришлось отдать французским войскам // Там же. С. 360.

³²⁸ *Tymcz. Gaz. Mińska. Mińsk*, 1812.

намеченной цели – склонить местных жителей к поддержке французов не только речами, но и конкретными действиями. Так, в конце октября Брониковский выразил сожаление о том, что жители не готовы жертвовать ради победы французов: «С грустью усматриваю, что жители Минской провинции, вверенной моему попечению Его Императорским и Королевским Величеством, запаздывают с доставкой того, что приходится на их долю для армии нашего Избавителя. Подпрефект, князь Пузына, представил мне список лиц которые еще должны доставить в Минский магазин скот, сено и солому. Поэтому я прошу, и как поляк, советую, чтобы все вышеуказанное было доставлено в течение трех дней, для блага самих же обывателей; в противном случае я буду вынужден послать команды солдат за провиантом в те места, где подати еще не внесены. Тогда я не ручаюсь за беспорядок и неурядицы, которые могут произойти от этого, потому что солдат, хотя бы он и вел себя самым спокойным образом, может иногда учинит какую-нибудь неприятность»³²⁹. Таким образом, Брониковский своим обращением продемонстрировал намерение руководства не оказывать поддержки местным жителям, если они, в свою очередь, не проявят чувства сопричастности к нуждам Великой армии.

С середины октября правительство Минска начало активную деятельность по сбору продовольствия для отступающей армии. Все постановления за этот период, в основном, сводятся к проблемам поставки снабжения и к грабежам в армии³³⁰.

Таким образом, французы не смогли установить крепкого союза с местными жителями на территории Минского департамента. Намерения обеих сторон противоречили потребностям друг друга. В начале русской кампании французское руководство ориентировалось на некую иллюзию, считая, что поляки готовы пойти на все ради свободы своего Отечества. Именно на данном представлении основывалась вся политика франко-

---

³²⁹ Объявление губернатора, генерала Брониковского о неаккуратной доставке продовольствия // Беларусь и война 1812 года. С. 360.

³³⁰ Там же. С. 399 – 430.

польского правительства. Несмотря на то, что в действиях Минской комиссии проявилось стремление заручиться поддержкой местного польского населения, оно, в свою очередь, рассчитывало на более спокойную жизнь без налогов и жертв во имя Наполеона. Франко-польское правительство, ориентируясь исключительно на интересы поляков, не предполагало, насколько глубокими были межкультурные и социальные противоречия в белорусском обществе. Тем самым, своими политическими мерами оно вызвало сопротивление большей части населения. Руководство Минским департаментом, демонстрируя честность и эффективность в установлении порядка на территории, столкнулось с множеством препятствий, которые, несмотря на все усилия, ему не удалось преодолеть. Так, опыт межкультурной коммуникации привел к разочарованию французов, оказавшихся в оккупированном Минске, в своей освободительной миссии, как и тех, кто принял участие в последующих военных действиях.

Совершенно иной опыт межкультурной коммуникации французы приобрели в Смоленске. Накануне открытия военных действий против России французское командование постаралось аккумулировать все возможные сведения о городах и территориях Российской империи. Эти материалы наполеоновскими аналитиками, как правило, составлялись по «национальному» принципу для быстрейшего постижения особенностей того или иного региона. В соответствии с этой классификацией, Смоленск попал в категорию «преимущественно русских» городов: «Основная часть жителей – русские, но много приезжих немцев. Жители, как и во всей Империи, делятся на дворян, торговцев и крестьян. Благодаря тесным связям с Польшей здесь развивается торговля и либеральные идеи», – отмечалось в одном из аналитических обзоров³³¹. Такой вариант восприятия Смоленска предопределил тот факт, что захват этого города стал восприниматься солдатами Великой армии и французской общественностью как важнейший

---

³³¹ SHD. 1 M 1489.

рубеж героического покорения всей России³³². Помимо этого, радость наполеоновских солдат в связи с захватом города была обусловлена и длительным периодом тщетного ожидания большого сражения³³³. Во всяком случае, они были вознаграждены за длительный период тяжелейших и бесплодных маршей найденным в городе продовольствием³³⁴.

Подкрепившись обнаруженными продовольственными запасами, впрочем, оказавшимися на поверку достаточно скудными, наполеоновские солдаты стали обзирать окрестности, отразив свои впечатления от увиденного в письмах и дневниках. Воспоминания многих участников похода свелись к образам опустошенного и горящего города³³⁵.

Постепенно восторг от победы солдат сменился заботой о насущных проблемах – ночлеге и пропитании. Военный комиссар Л.Г. Пюибюск в те дни записал: «Несколько дней раздача провианта становится весьма беспорядочной: сухари все вышли, вина и водки нет ни капли, люди питаются одной говядиной, забивая скот, отнятый у жителей и крестьян окрестных деревень. Но и мясо надолго не хватит, так как жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою все, что только могут взять и скрываются в густых, почти неприступных, лесах»³³⁶.

Проблема нехватки продовольствия оказалась для армии в тот момент наиболее важной. Первым же своим указом, отданном в Смоленске, Наполеон распорядился устроить для солдат магазины: «Дан приказ соорудить в Смоленске два склада для товаров. Необходимо запастись водой

³³²См., например: Barjaud J.B. *La Conquête de Moscou*. P.: impr. de Brasseur aîné, 1812. 14 p.

³³³Boudon J.O. *Op. cit.* P. 56.

³³⁴Кудро – брату. Смоленск, 25 августа 1812 г. // SHD. 2 C 129.

³³⁵«Этот город был разрушен русскими, все было обращено в руины. Никогда мы не видели ничего более грустного, чем это ужасное представление. Меланхолия охватила солдат всех чинов без разбора (Походный журнал су-лейтенанта Дюке) // SHD. 1 K 196). «В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренность этого несчастного города (то есть внутри городских стен – А.П.). Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видели таких картин; мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходим мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью. ... Город кажется покинутым». (Ц. Ложье) // Наполеон в России глазами иностранцев. М., 2004. С. 144).

³³⁶Puibusque L.V. *Op. cit.* P. 12.

в местах, которые будут служить магазинами»³³⁷. Наполеон был серьезно озадачен и проблемой размещения раненых: «Мой кузен, - писал он начальнику Главного штаба маршалу А. Бертье, – отдайте приказ, чтобы ни конвой, ни какие-либо части армии в город не входили <...> Конвой с ранеными и повозки, которые обслуживают генералитет и Главную квартиру – единственные, которые могут войти в город». И далее: «Напишите генерал-интенданту (М. Дюма – А.П.), что медицинская служба очень плоха...»³³⁸. О слабой организации медицинской помощи, отсутствии самых необходимых ресурсов для лечения солдат писал и главный хирург Великой армии Ж.-Д. Ларрей. Особенно он был огорчен отсутствием перевязочных средств, вместо которых приходилось использовать старые бумаги, найденные в архивах³³⁹. Очевидцы оставили описания удручающего состояния не только госпиталей, но и армейских подразделений, оказавшихся в те дни в Смоленске. В одном из своих писем Пюибюск отметил, что солдаты из-за отсутствия пищи превратились в мародеров, и они «разбредаются в поисках пищи; русские мужики, встречая их поодиночке или по несколько человек, убивают их дубьем, копьями и из ружей»³⁴⁰.

Под впечатление от вида изнуренной армии Пюибюск написал так: «Именно таков фатум, с которым мы столкнулись в этой войне; зачем мы пришли на край Европы? Может, нами просто движет мания завоевания, ненасытная жажда господства?»³⁴¹. Идея о бессмысленности войны посетила в те дни умы многих участников кампании, в особенности тех, кто покинул Смоленск и продолжил движение с Наполеоном дальше, к Москве. Те же чины Великой армии, которые остались в городе, вынуждены были теперь решать задачи по устройству быта, лечению раненых и установлению контактов с местным населением.

³³⁷ «Отдайте приказ построить в Смоленске две пекарни на 12 печей каждая», – писал Наполеон командиру 4-го армейского корпуса Е. Богарне 19 августа (н. ст.), распорядившись одновременно о б учреждении магазинов для продовольствия армии (*Correspondance générale de Napoléon Bonaparte*. P., 2012. Т. 12. P. 1016)

³³⁸ Наполеон – Бертье. Смоленск, 20 октября 1812 г. (н. ст.) // *Ibid*. P. 1017.

³³⁹ Наполеон в России глазами иностранцев. С. 147.

³⁴⁰ Puiibusque L.V. Op. cit. P. 37.

³⁴¹ *Ibid*. P. 59.

В конце августа интендантом Смоленской (провинции) губернии был назначен военный комиссар 2-го класса Виллебранш, который начал формирование Муниципального совета из тех русских чиновников, которые проявили готовность к сотрудничеству с новыми властями. Так, мэром города был назначен М. Ярославцев. Как известно, именно он рекомендовал Виллебраншу людей в «правительство» и рассылал потенциальным кандидатам письма следующего содержания: «Имею честь препроводить, государь мой, к вам приобщенное при сем определение, назначающее вас членом Муниципального совета г. Смоленска. Почему вас и приглашаю в завтрашний день, т. е. 16 текущего месяца, прибыть в дом интенданта для введения вас в новую должность. Поздравляем себя отношением, каковое между нами поставлено. Прошу вас принять уверение в отличном к вам уважении. Государственного совета аудитор, Смоленской губернии интендант, Виллебранш»³⁴². Большинство из тех, кто получил подобное приглашение, дали свое согласие, «проявив уважение» к французам. Заметное влияние на их выбор оказал тот факт, что всем членам совета была обещана заработная плата³⁴³. По мере необходимости в течение всего пребывания французов в Смоленске количество чиновников, особенно комиссаров, постоянно увеличивалось.

В первый же день деятельности «правительства» Виллебранш выпустил обращение к местным жителям, которое было распространено по всей Смоленской губернии. В этом обращении он постарался уверить население в дружеских намерениях со стороны французского императора, пригласил помещиков в новое «правительство», поспешил успокоить крестьян, заявив, что французы не будут предпринимать насильственных

---

³⁴² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942 а. Л. 22.

³⁴³ 26 сентября Виллебранш писал главе муниципалитета Ярославцеву: «Господин Мэр, никому не выдавать денег, только по моей подписке. Господину Рудковскому поручаются общие дела совета, который будет решать и подписывать в ваше отсутствие. Господину Карлу Бруну поручена мельница и пожизненное право владеть ею. Господину Узелкову поручено [заботиться] о пользе поселения и снабдить правительство нужными людьми. Господину Федору Рогулину поручена городская полиция, очищение улиц и погребение мертвых тел» (Там же. Л. 23).

действий ни по отношению к ним лично, ни по отношению к их собственности³⁴⁴.

Стремясь к тому, чтобы заручиться поддержкой крестьян и помещиков, совет рассчитывал оживить сельское хозяйство, пополнить продовольственные запасы, и тем самым избежать оттока населения из города. В связи с этим было выпущено обращение к жителям, в котором объявлялось о возможности производить земледельческие работы на брошенных землях³⁴⁵. В той же прокламации сообщалось, что каждый житель может продавать представителям новых властей продовольствие: «Французское правительство ожидает от вас привоза в город по-прежнему хлеба и прочих жизненных продуктов, за которые вы будете получать выгодную плату и большие деньги от самого французского императора; он в настоящее время пребывает в ожидании от вас повиновения и покорности»³⁴⁶. Сохранились квитанции, свидетельствующие о том, что местные жители активно привозили продовольственные припасы в магазины и получали за это либо деньги (не исключено, что это были большей частью фальшивые ассигнации), либо «боны», которые в перспективе, как объяснялось, можно будет обменивать на деньги. Большинство из тех, кто начал поставлять продовольствие, были крестьянами и священниками³⁴⁷.

По всей видимости, первые меры «правительства» по сбору продовольствия привели к весомым результатам. Так, 10 сентября (н. ст.) Пюибюск в одном из своих писем не сдержал восторга по поводу огромных продовольственных складов, которые муниципалитету удалось наполнить в

---

³⁴⁴ 28 августа 1812 г. Виллебланш обнаружил следующий приказ: «Смоленским городским и сельским жителям. Необходимо сохранить дома в целости, сохранности поля. Господа помещики, у которых есть имения, явитеесь участвовать во французском управлении, вы будите способствовать, в чем уверяет вас французский император. Император французский все восстановит. Император французский принимает в свое правительство. Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь своими работами. Французская армия вам мешать не будет. Все, кто осмелится вас обокрасть, будут наказаны» (Там же. Л. 52).

³⁴⁵ «Смоленские обыватели! Французское войско и гражданское правление употребляет все способы, дабы предоставить вам спокойствие, защиту и покровительство. Приходите и приезжайте в г. Смоленск, где открывается новое присутствие под названием „муниципалитет“, т. е. гражданский правительственный совет. Здесь будут разбираться всякие дела с участием вас, русских граждан» (Там же. Л. 54).

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. Л. 463.

короткий срок: «Очень трудно даже вообразить, в сколь превосходном состоянии сейчас находятся продовольственные склады в Смоленске, после того как город покинула французская армия. Сегодня магазины полны муки, водки, риса, так что здесь можно было бы кормить в течение пятнадцати дней армию в сто тысяч человек»³⁴⁸.

Французский интендант активно занимался и восстановлением торговли, создавая благоприятные условия для купцов. Приказом от 29 августа (ст. ст.) он дал разрешение купцам занимать свободные лавки³⁴⁹. Пустующих лавок оказалось немало, так как при приближении французов многие купцы покинули город. Судя по всему, желающих воспользоваться подобной возможностью не нашлось. Поэтому 6 ноября (ст. ст.) Виллебланш издал еще один приказ, которым позволялось представителям вообще всех сословий арендовать торговые лавки: «Совет слушал распоряжение губернатора о том, чтобы сдать торговые лавки в аренду и брать плату»³⁵⁰.

Следующей важной проблемой, которую пытался разрешить муниципалитет – это создание условий для относительно комфортной – насколько это было возможно в условиях войны – жизни для местных жителей и солдат Великой армии. Уже 28 августа (ст. ст.) муниципалитет организовал с использованием сил военнопленных уборку улиц и подсчет домов для размещения армии: «Отправить людей для починки иностранцу мельницы, отправить людей для очистки улиц, приступить к подсчету домов в городе, для осуществления этого использовать людей из военнопленных. Необходимо 30 женщин, желающих стирать белье»³⁵¹. 2 сентября подсчет домов был завершен, и Виллебланш отдал приказ о запрете самовольного занятия жилья; это разрешалось делать только с разрешения муниципалитета³⁵².

---

³⁴⁸Puibusque L.V. Op. Cit. P. 74.

³⁴⁹РГИА Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942 а. Л. 120.

³⁵⁰Там же. Л. 121.

³⁵¹Там же. Л. 57.

³⁵²Там же. Л. 97.

Важно отметить: несмотря на то, что основную часть проблем «правительство» пыталось решить за счет местных жителей (да и могло ли быть иначе!), Виллебланш своими действиями все же стремился не создавать конфликтных ситуаций. Так, к примеру, 9 сентября (ст. ст.) он отправил двух французских солдат на поиски 800 повозок для раненых, уточнив, что «при этом необходимо не утруждать жителей»³⁵³. Однако эти идиллические расчеты французского интенданта достаточно быстро натолкнулись на непреодолимые преграды, связанные как с противоречиями межкультурного характера, так и с вполне естественным желанием каждого местного жителя сохранить и свою жизнь, и свою собственность.

19 сентября (ст. ст.) вышло постановление об обязанностях комиссара и его помощника, в котором были обозначены две основные функции чиновников: «доставлять припасы и охранять обывателей от нанесения обид»³⁵⁴. Но как выполнить первое требование и не нарушить второго? Комиссары оказались перед трудным выбором: выполнить приказ о доставлении продовольственных припасов без применения насилия по отношению к своим соотечественникам они вряд ли могли.

Ситуация в этой связи стала особенно острой в октябре, когда начался ускоренный сбор продовольствия для отступающей армии. Именно в этот период приказы Виллебланша о доставке хлеба в Смоленск стали как никогда очень настойчивыми. В своем стремлении выполнить приказ французского интенданта комиссары стали все чаще встречать сопротивление со стороны местных жителей. В этой ситуации Виллебланш, отказавшись от своей прежней дружелюбности, начал выделять для каждого комиссара по восемь солдат «для наведения порядка между жителями и сбора продовольствия»³⁵⁵. Причем местные жители по большей части не винили в подобных насилиях собственно французов, считая, что

---

³⁵³ Там же. Л. 103.

³⁵⁴ Там же. Л. 109.

³⁵⁵ 28 сентября 1812 г. Виллебланш распорядился в отношении губернского комиссара Бугайского сделать следующее: «Выделить ему 8 человек солдат и 1 комиссара для наведения порядка между жителями и сбора продовольствия – доставить хлеб в Смоленск» (Там же. Л. 111).

насильственный сбор продовольствия инициирован русскими комиссарами. Более того, с конца сентября в муниципалитет посыпались жалобы на комиссаров, которые пытались «незаконно» изъять продовольствие и «пугали французскими войсками» жителей³⁵⁶.

Если и поступали в «правительство» жалобы на поведение солдат Великой армии, то, как правило, упоминались немецкие, прусские, польские, но не французские солдаты. К примеру, 22 сентября (ст. ст.) комиссар Щербаков направил рапорт в муниципалитет, в котором пожаловался на поведение пруссаков, которые незаконным образом поселились в крестьянских домах, устраивали грабежи и нападения на охранные команды, состоявшие из французских солдат³⁵⁷. Сохранились также жалобы комиссаров: они обвиняли друг на друга в грабежах! Возможно, это был своеобразный способ указать на трудности, с которыми они сталкивались при выполнении поставленной Виллебланшем задачи осуществить сбор продовольствия³⁵⁸.

По всей видимости, местные жители воспринимали муниципалитет как реальное правительство и обращались к нему за помощью при решении возникавших проблем. Жалобы на грабежи со стороны солдат и комиссаров, как правило, сопровождались просьбами возместить понесенные убытки³⁵⁹. К примеру, 7 сентября (ст. ст.) помещик Г. Булвинов написал в совет, что солдаты разграбили его дом, забрали весь скот, а крестьяне попросту разбежались. Помещик предлагал возратить силами муниципалитета крестьян и заставить их восстановить его дом и хозяйство³⁶⁰. Вообще же, в

³⁵⁶Сохранилось множество записок из «Верховной комиссии по Смоленской губернии» комиссарам Ругайскому, Бугацкому, Гебелькову и др. о необходимости сбора продовольствия и присылке крестьян «с ведрами, топорами, мешками». Во многих записках содержатся угрозы присылки войск в случае неповиновения (Там же. Л. 113–129).

³⁵⁷ Щербаков, губернский комиссар, писал в своем рапорте смоленскому коменданту Ж. Барбанегру 22 сентября 1812 г.: «Разные военные люди, а особливо из прусской армии человек по 50, наезжая на селения и крестьянские дома, расселялись в них квартирами суток по двое и по трое, занимаясь грабежами, забирая хлеб и лошадей, возят сено, не оставляя в селениях ничего. Охранные команды кое-кого задерживают, отправляют в Смоленск, но их отбивают» (РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942 б).

³⁵⁸ Там же. Л. 154–185 (Жалобы муниципалитету на действия польских и прусских солдат).

³⁵⁹ РГИА Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942 а. Л. 82 – 115 (Просьбы о возвращении крестьян).

³⁶⁰ Там же. Л. 112.

первые две недели своей деятельности муниципалитет рассмотрел множество просьб о возвращении сбежавших крестьян³⁶¹. Жалобы, в основном, были связаны с тем, что крестьяне, воспользовавшись сменой власти, обокрали своих хозяев и сбежали. В некоторых сообщениях отмечалось, что крестьяне были убеждены, что получат, если уже не получили, свободу от французского правительства³⁶².

Проблема отношения крестьян к новой власти и к своим помещикам косвенно затрагивалась почти в каждой жалобе, направленной на рассмотрение муниципалитета. Однако наиболее ярко поведение крестьян описал помещик В.И. Бельский в письмах, отправленных, по всей видимости, своему соседу. В первом письме от 4 сентября (ст. ст.) он пожаловался на отсутствие каких-либо законов, чем и воспользовались крестьяне, начав захват чужой собственности: «Я живу и сам не понимаю как, в 20 верстах от моего двора закон гражданский не существует; всяк сам себе закон; как можно жить? У меня начали панинские крестьяне стали рубить лес; стали крестьяне говорить теперь де все общее французское. Хлеб и пожитки господские и скот крестьяне поделили в Вяземском во всем уезде, а я живу на самой границе и у нас в Бельском уже началась дележка. Лыкошина Павла Андреевича тоже поделили да и самого убили ... Вкруг моего дома все взбунтовались»³⁶³.

Весьма интересными были размышления помещика по поводу причин войны. Эти причины он связывает с франкофильством молодого русского дворянства: «Бог велел видеть падение части Отечества. Слезы сами катятся. Во время оно было в старые годы назад тому месяца два Василий Иванович Бельский почитался за чуду юду морскую гадину с российским натуральным

³⁶¹ Там же. Л. 82 – 115.

³⁶² «Бригадный подпоручик» Козьма писал 30 августа 1812 г.; в Смоленский муниципалитет следующее: «Крестьяне одной помещицы надеялись на мнимую вольность, ее разорили, ограбили ее беременную. Прошу совет снабдить ее имуществом» (Там же. Л. 123). 11 сентября в Совет Муниципалитета писал староста Алексей Осипов: «Помещик Владимир Храповицкий находится в армии. Имение было разграблено русскими войсками. Нет пропитания. Прошу защитить, чтобы французская армия не грабила. Посмотреть, чтобы крестьяне моих деревень не противились по случаю распространения о вольности» (Там же. Л. 124).

³⁶³ Выписка из письма «одного» Смоленского помещика от 4 сентября 1812 г. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ ОР). Ф. 542. Д. 692.

языком; где сберется кампанейка полсотни и сотня. Хотя и не отставал, но французский язык не давал и слова сказать, а ныне дождавшись учителей и наставников все попрятались»³⁶⁴. Видимо, помещика тревожило не только бегство крестьян, но и бездействие русского дворянства, позволившего неприятелю оккупировать часть страны.

Получая ежедневно множество жалоб, муниципалитет принял решение назначить комиссаров, которые бы непосредственно занимались возвращением крестьян и разрешением конфликтов между местным населением³⁶⁵. Разумеется, крестьянскую проблему муниципалитету решить так и не удалось. Поэтому французский интендант, в очередной раз, уже более настойчиво, заявляет 16 октября о своем намерении вернуть крестьян и заставить их продолжать земледельческие работы³⁶⁶.

В конце октября Виллебланш предпринял ряд решительных шагов с целью обеспечить отступающую из Москвы Великую армию всем необходимым. На протяжении двух последних недель октября он издал несколько приказов о сборе продовольствия³⁶⁷. Комиссары стали получать в те дни от французского интенданта множество писем с угрозами наказания в случае невыполнения приказов. Чиновники, в свою очередь, бросились писать Виллебланшу, что население стало встречать их чрезвычайно агрессивно и на этом основании потребовали присылки к ним охранных команд³⁶⁸. Интендант внял их призывам и при каждой посылке комиссаров за продовольствием выделял команды солдат. Подобные меры возымели свое действие и склады начали заполняться; эти запасы продовольствия спасли

³⁶⁴ Выписка из письма одного Смоленского помещика от 12 сентября 1812 г. // Там же.

³⁶⁵ В Совете неоднократно обсуждались вопросы о том, что делать с крестьянскими жалобами, как заставить крестьян работать. Отмечалось, что поля не обрабатываются. В конечном итоге, были учреждены должности комиссаров, в обязанность которых входило бы возвращение крестьян на места их прежнего проживания (РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942 а. Л 124).

³⁶⁶ Приказ Виллебланша от 16 октября 1812 г.: «Привести крестьян и заставить их выполнять работы, в том числе тех крестьян, которые оставили своих помещиков» (Там же. Л. 126).

³⁶⁷ Приказ Виллебланша от 20 октября: «Каждый из 12 округов Смоленской губернии должны прислать продовольствие. Помещики и прочие жители обязуются к выполнению сих мер, в противном случае, будут направлены к ним большие отряды для изыскания этих запасов, которые жители доставить обязаны» (РГИА. Ф. 1345, оп. 98. Д. 942 б. Л. 140).

³⁶⁸ Там же. Л 135 – 144 (Сохранилось множество записок от первых чисел октября для комиссаров с требованием сбора продовольствия).

жизни тем солдатам Великой армии, которые смогли добраться из Москвы до Смоленска.

Таким образом, открывая военные действия против России, командование Великой армии исходило из возможности создания на захваченных территориях эффективной администрации из местных чиновников, что способствовало бы налаживанию тесного контакта с жителями. Однако возникшие профранцузские муниципалитеты оказались не столь эффективны, как на то рассчитывал Наполеон и командование Великой армии. Столкнувшись с противоречиями внутри российского общества, французы быстро начали разочароваться в том, что оправдывало их вторжение – в своей «цивилизационной» миссии.

2.4. Солдаты Великой армии в период отступления из России: формирование «коллективной иллюзии»

«Мы сдавали экзамен, вопросы которого вряд ли станут основой для достоверного описания произошедшего», – эти строки были записаны в дневнике су-лейтенанта Великой армии Дюке во время отступления из России в 1812 г. Приведенные слова оказались, на удивление, пророческими, так как в течение двух столетий в памяти Европы и России продолжают воспроизводиться типичные стереотипы, став уже основательно утвердившимися представлениями о завершении русской кампании Наполеона. Если для отечественной историографии отступление французов долгое время считалось свидетельством абсолютной деморализации Великой армии³⁶⁹, то для европейской исторической науки – примером проявления военной доблести и стойкости солдат³⁷⁰.

Коллективные представления, которые уже стали формироваться во время событий войны и нашли свое отражение в письмах и дневниках

---

³⁶⁹ Например: Васютинский А. М. Наполеоновский солдат // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3.; Верещагин В. В. Наполеон в России. Тверь, 1993. С. 68–75.

³⁷⁰ Например: Morvan J. Le soldat imperial. P.: Plon, 1904. Т. 1–2. 542 p.; Thiers A. Op. cit.

участников, как правило, вряд ли стоит подвергать сомнению в поисках исторической «объективности». Превратившись в идеал, в своего рода, героический нарратив, эти представления стали своеобразной «истиной» для участников кампании и последующих поколений европейцев. Однако созданный французами образ оказался не лишен значимости и для исторической науки, так как стал для участников своеобразным способом познания собственной идентичности и на долгие годы сформировал стереотипы о России и русской кампании Наполеона.

В сущности, письменные свидетельства, которые оставили французские солдаты о России, нередко разочаровывали историков, искавших в них отголоски военных действий, изложение возвышенных и глубоких мыслей. Однако уникальность этих источников в том и состояла, что они показывают, как события отражаются в сознании участников, как война становится личной трагедией каждого.

Именно условия, в которых оказались солдаты Великой армии, предопределили особенности интерпретации ими хода кампании и образа неприятеля. Исходя из собственных нравственных представлений о законах войны, они и от русских требовали их соблюдения. Однако, к удивлению французов, русские отказались от подписания мирного договора в Москве. Мысль о продолжении войны удручала умы солдат и вызывала чувство ненависти по отношению к главным виновникам создавшейся ситуации – русским. «Мы были далеки от понимания этого акта варварства и вандализма», – написал су-лейтенант Дюке³⁷¹. «Эта дикая страна наводит на меня грусть»³⁷², – поделился своими впечатлениями с директором почты С.М. Толотзо почтовый чиновник, служивший при Великой армии, Итас.

Заметно обострились дремавшие до этого времени национальные противоречия внутри Великой армии. Так, прусский офицер, интендант Великой армии написал в письме своему другу, что французские солдаты

³⁷¹ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

³⁷² Итас – кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 109.

обеспечены продовольствием, в отличие от прусских, и только подписание мира может их спасти от голода³⁷³. Чувство единства армии рассеялось под воздействием трудностей и лишений. Некоторые чины зафиксировали в дневниках мысль о том, что именно Наполеон виновен в создавшейся ситуации. Одним из них был су-лейтенант Дюке, написавший о действиях императора так: «Это разрушение нашего общества и наших стремлений. В результате сидения в Москве император потерял несколько дней»³⁷⁴.

Воодушевляя себя героическим прошлым Франции, некоторые чины демонстрировали в письмах стремление продолжать борьбу до окончательной победы. Так, генерал Ж.Д. Компан перед выходом из Москвы вспоминает о подвиге его дивизии при взятии Шевардинского редута³⁷⁵. Б. де Кастеллан, адъютант генерал-адъютанта Л. Нарбонна, после очередного разочарования в надежде заключить мир написал: «Мы собираемся двигаться вперед»³⁷⁶. Итас зафиксировал: «Мы пойдем на Калугу»³⁷⁷. Дивизионный генерал Г.Ф. Делаборд писал жене: «Я счастлив, я скоро начну движение с моей дивизией»³⁷⁸.

И все же в этих строках не чувствуется жажды сражений, которая была так характерна для солдат Наполеона ранее. Теперь для них каждое движение было сопряжено с окончанием войны, а победный ее результат был уже не так важен. Итас заканчивает письмо следующими словами: «Если в конце концов мы всё же вернемся, то я буду счастлив от того, что участвовал в русской кампании»³⁷⁹. В некоторых случаях вспышки подобной готовности сражаться можно объяснить ненавистью к врагу, затронувшего честь французов. Дивизионный генерал Р. Ж. Эксельманс напишет в те дни: «Если русские не подпишут мира, они пожалеют об этом»³⁸⁰.

³⁷³ Интендант Великой армии, прусский офицер – неизвестному. Москва, 19 октября // Ibid. P. 175.

³⁷⁴ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

³⁷⁵ Ж.Д. Компан – графине Л. Компан. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 97.

³⁷⁶ Б. де Кастеллан – отцу. Москва, 14 октября // Ibid. P. 341.

³⁷⁷ Итас – директору почты С.М. Толотзо // Ibid. P. 103.

³⁷⁸ Г.Ф. Делаборд – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. 104-105.

³⁷⁹ Итас – кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. P. 109.

³⁸⁰ Р. Ж. Эксельманс – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. P. 110-111.

Затянувшийся ужас русской кампании становится личной трагедией многих, если не каждого. А. Коленкур скорбит по погибшему брату: «Я потерял своего брата, моего лучшего друга, время не сотрет такого несчастья»³⁸¹. Компан не скрывает в письме к жене своих личных переживаний. Он пишет о страданиях, которые доставляет ему рана, полученная в Бородинском сражении, размышляет о смерти Огюста Коленкура и других боевых соратников³⁸².

Соприкосновение со смертью заставило французов задуматься о нравственных ценностях жизни, проявить особую нежность и любовь по отношению к близким. Капитан А.Ф. Карбонель писал 15 октября из Москвы: «Продолжение войны открыло для меня новый взгляд; увидев людские лишения, я понял необходимость заботиться о человеке»³⁸³. Зрелище войны, невысказанное количество жертв породило страх, предопределивший доминирование в сознании участников инстинкта самосохранения³⁸⁴. Военный су-интендант Ф. М. Пенжулли-Ларидон писал своей жене: «Все, чего я хочу в свои тридцать лет – это вернуться и отдохнуть»³⁸⁵. Дыхание смерти и чувство одиночества тянули французов на Родину, к семье.

Кампания притупляла чувства любви и сострадания до тех пор, пока она несла с собой ощущение героизма и надежду на продвижение и награды. Но катастрофические условия похода развеяли этот героическо-романтический ореол войны. Горечь неудач и неопределенность будущего раскалывали единый образ войны. В этих осколках, запечатленных в письмах, можно разглядеть и разочарование в смысле войны, и ненависть к неприятелю, и попытки поведать о примерах героизма.

Важным фактором, способствовавшим героизации образа Великой армии, в письмах, относящихся к началу отступления, стало описание

³⁸¹ А.Л. Коленкур – графу А. Нансути. Москва, 15 октября 1812 г. // Ibid. P. 152.

³⁸² Ж.Д. Компан – жене. Москва, 15 октября 1812 г. // Ibid. P. 123.

³⁸³ А.Ф. Карбонель – графине Груши. Москва, 15 октября 1812 г. // Ibid. P. 133.

³⁸⁴ Бараге Д'Ильер – неизвестному. Москва, 11 октября // SHD. 2 С 132.

³⁸⁵ Ф. М. П. Пенжулли-Ларидон – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // Ibid. P. 106-107.

сражения при Малоярославце, которое еще могло свидетельствовать о боеспособности армии, несмотря на холод, голод и отсутствие сна³⁸⁶. «Поляки и их достойный вождь показали ценность мужества и военного опыта в этой суровой кампании»³⁸⁷, – подвел итог этому сражению в своем дневнике Фантен дез Одар.

После Малоярославца начинается весь ужас отступления, когда становится уже трудно сохранять человеческий облик. Особое впечатление оказал на солдат вид Бородинского поля, покрытого трупами погибших. То были печальные результаты великой победы. Поле стало своего рода могилой несбывшимся надеждам, с которыми солдаты входили в Москву. «Мы прибыли на поле битвы, и это символ крушения человечества, могила наших храбрых воинов»³⁸⁸, – отметил в дневнике Дюке. Зрелище Бородинского поля стало картиной печального настоящего и неизвестного, но угадываемого страшного будущего.

Разумеется, исходя из чувства самосохранения, солдаты пытались определить для себя смысл дальнейшей борьбы. Это отразилось в письмах, в большинстве их авторы демонстрировали трепетную любовь к близким людям, которые остались далеко на Родине. С мыслью о родном человеке легче было вступить в ожесточенную борьбу с природой, дабы отвоевать право на жизнь. Компан написал из Дорогобужа жене: «Я надеюсь, что настанет время, когда мы будем счастливы вместе»³⁸⁹. Усталость теперь стала преследовать даже энергичного короля Неаполя И. Мюрата. Только перед женой он мог раскрыть свою душу: «...продолжаю льстить себя надеждой иметь возможность обнять тебя нынешней зимой»³⁹⁰.

Нередко солдаты погружались в волнующие воспоминания, которые были связаны со служением своей стране и императору. Компан в те дни вновь вспоминает о героических сражениях, в которых приняла участие его

³⁸⁶ Генерал Ж.Ж. де Сен-Морис – жене. Вязьма, 1 ноября // Ibid. P. 183.

³⁸⁷ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 276.

³⁸⁸ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

³⁸⁹ Ж.Д. Компан – жене. Дорогобуж, ноябрь 1812 г. // Lettres interceptées... P. 200.

³⁹⁰ Неаполитанский король – жене // Ibid. P. 316.

дивизия³⁹¹, и воздает должное гению императора: «Сколь сильно я чувствую свою любовь к императору! До какой степени он оказался выше всякой случайности! Я убедился в верности мысли о доброте его сердца»³⁹². Э. Рибо, помощник военного комиссара, так написал о Наполеоне: «Яркая звезда императора нам благоволит»³⁹³.

В большинстве писем, отправленных во Францию, именно с образом императора солдаты связывали надежды вырваться из плена российского кошмара. «Ситуация обреченности заставляет нас надеяться только на действия императора. Мы уверены в том, что он разумно управляет движением армии. Все довольны и никто не жалуется», – отметил Ф.В. Бильотти, аудитор, в письме к своей жене³⁹⁴. Так, образ императора придавал солдатам некоторое спокойствие и силы для преодоления своих страхов. Более того, героизация Наполеона в письмах могла быть связана и со стремлением адресантов убедить своих родственников в вечности Империи, дабы не омрачать их дни в Париже сюжетами страданий.

И все же, в дневниках мы встречаем и совершенно иные сюжеты, отразившие критический взгляд на действия Наполеона. Так, Дюке описал интересный эпизод, произошедший на подступах к Смоленску. Солдаты разных чинов и национальностей, находясь на биваке и вспоминая события кампании, весьма неодобрительно отзывались о слишком долгом ожидании мира в Москве³⁹⁵. Этот случай заставил Дюке задуматься не только о «временности» власти, но и о том, как чувство опасности смерти ломает национальные барьеры и способствует единению людей: «Через несколько часов мы с удивлением обнаружили бивак. Это оказались польские солдаты, которых мы приняли за казаков. Мы присоединились к ним»³⁹⁶.

³⁹¹ Ж.Д. Компан – жене // Ibid. P. 201.

³⁹² Неаполитанский король – жене // Ibid. P. 316.

³⁹³ Э. Рибо – отцу. 3 ноября 1812 г. // Ibid. P. 192.

³⁹⁴ Ф.В. Бильотти, аудитор Государственного совета – жене. Вязьма, 1 ноября // Ibid. P. 182.

³⁹⁵ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

³⁹⁶ Ibidem.

К сожалению, большинство писем, ориентированных на формирование соответствующих представлений у тех, кто их должен был читать, не передают той эмоциональной обстановки, которая, как полагаем, могла повлиять на индивидуальные представления чинов Великой армии.

Преодолевая тяготы отступления, каждый солдат пытался убедить себя в чем-то важном, что помогло бы ему укрепиться духом перед новыми испытаниями. Для майора Ж. Монфора таким источником была возможность служить со своими товарищами: «Мне дано благо двигаться со своей армией»³⁹⁷. Пейрус в те тяжелые дни размышлял о начале новой войны: «Возможно, мы начнем следующую кампанию движением на Санкт-Петербург. Эти варвары сожгли собственную столицу, они не остановятся перед тем, чтобы сжечь и порт Кронштадт»³⁹⁸.

Страх за себя, который не может не царить на войне, постепенно дополняется чувством ответственности за товарищей, что приводило солдата к осознанию смысла дружбы; эти ощущения они раскрыли почти в каждом письме³⁹⁹. Дюке рассматривал тяготы, выпавшие на долю армии, как на испытание, которое закаляет мужество солдата: «Мы сдавали экзамен, вопросы которого вряд ли станут основой для достоверного описания произошедшего; но это испытание станет легендой»⁴⁰⁰. Для части солдат смысл этой кампании стал сводиться к борьбе за будущее Франции, за распространение идей цивилизации⁴⁰¹.

Конечно, только единицы затронули в письмах философский смысл происходившего. В большинстве же посланий и дневников мы встречаем главным образом строки о потерях и физических тяготах. Ими, прежде всего, были обеспокоены участники похода⁴⁰². «Многие из них (раненых солдат –

³⁹⁷ Ж. П. де Монфор – жене. Вязьма, 1 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 185.

³⁹⁸ Peyrusse M. *Op. cit.* P. 108.

³⁹⁹ «Во всей этой ситуации важно быть лучшим и верным другом», – провозглашает майор Л.М. Летор // Л. М. Летор – мадам С. Летор. 2 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 186.

⁴⁰⁰ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

⁴⁰¹ Ж.Ф. Булар – жене. Недалеко от Вязьмы, 1 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 184; Военный комиссар А.Г. Гагно – сестре. Гжатск, 31 октября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 180.

⁴⁰² Л. М. Летор – мадам С. Летор. 2 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 186; «Я чувствую себя достаточно хорошо, несмотря на все лишения, по сравнению с которыми голод Парижа был лишь

А.П.), хотя они и не совсем оправились, напрягают все свои силы, чтобы не попасть в руки русских, другие с величайшей апатией рассуждают о том, что будет наилучшем в их положении»⁴⁰³, – описал в дневнике состояние армии в те дни Лоссберг.

Разумеется, в дневниках оказалась представлена более трагическая и реалистичная картина разложения Великой армии, нежели в письмах. Несмотря на все различия в социальном статусе, национальной принадлежности и жизненных ориентирах, солдаты Великой армии оказались объединены единственным желанием – выжить и вернуться домой. И это обстоятельство не могло не укрепить «коллективное воображаемое» применительно к событиям войны. Разделение существовало только на тех, кто нашел силы выстоять, и на тех, кто оказался во власти страданий и жажды мародерства.

Продолжая свое движение к Смоленску, солдаты боролись уже с природой, но не с врагом. «Климат для нас более опасный враг, чем русские», – отметил в письме жене генерал Л. Бараге Д'Ильер⁴⁰⁴. В сущности, в этот период в дневниках и письмах образ неприятеля становился все более размытым, и уже не представляется возможным увидеть в текстах достоверного описания действий русской армии. Все стало сводиться к простой констатации факта варварства противника и безусловного нравственного превосходства над ним европейцев. Чаще всего неприятель предстает в образе «казака», в столкновении с которым европейец защищает не только свою жизнь, но и вообще человеческие ценности как таковые⁴⁰⁵.

миниатюрой. Мы питаемся одной кашей; когда у нас есть мука или рожь мы перемалываем их между двумя камнями», – написал сотрудник секретариата Район жене 3 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 191; Автор походного журнала корпуса Нея назвал события отступления борьбой не с врагом, а с разрушением армии: «Отступление было великой операцией по борьбе с разрушением армии. Этот спектакль был более ужасным и величественным, который когда-либо мы переживали» // SHD. 1 K 11; Граф П.Э. Межан – жене. Дорогобуж, 7 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 211; См. Также: *Fantin Des Odoards L.F. Op.cit.* P. 179; Ф.В.Ж. Бильотти – жене. Вязьма, 1 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 182; Ш.Э. Оденап – матери. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // *Ibid.* P. 229; генерал Косинский – неизвестному. 11 ноября // SHD. 2 C 132; Бассано – неизвестному. Вильно, 11 ноября // *Ibidem.*

⁴⁰³ Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 79.

⁴⁰⁴ Л. Бараге Д'Илье – жене. Ельня, 4 ноября // *Boudon J.O. Op. cit.* P. 240.

⁴⁰⁵ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196; Операция корпуса Жозефа Бонапарта в период русской кампании // SHD. 1 M 673; «Огромное количество смертей, банды казаков создавали еще большую

Именно образ казака и природной стихии станет для французов «местом памяти» о русской кампании.

Иногда солдаты на пути к Смоленску все же встречались и с местными жителями. Некоторые из участников похода, пользуясь такой возможностью, постигали особенности иной культуры. «Мы укрылись от холода в крестьянском бараке. В этой прекрасной стране жители деревни живут в грязных домах, и все время проводят на печах», – написал о днях своего пребывания в Ульяновичах капитан А. Де Вержен в письме к своей жене⁴⁰⁶. Подобные представления о местных жителях наряду с суровым климатом неизменно вызывали в сознании солдат ассоциации с «дикостью» и «варварством», что еще более способствовало закреплению этого стереотипа в европейской памяти, сделав его фактически «вечным» и неизменным⁴⁰⁷.

Французское общество в момент отступления Великой армии оставалось в неведении о катастрофическом положении, в котором та оказалась. Родственники солдат отправляли трогательные письма, в которых писали, что ожидают их скорого возвращения⁴⁰⁸. Надежды, которые звучали почти в каждом письме, находили в солдатах своеобразный отклик. Участники похода для успокоения своих родственников писали, что отступление армии есть ни что иное как движение на «зимние квартиры»⁴⁰⁹. Возможно, солдаты действительно в это верили...

Французское общество могло представить развитие событий в России лишь на основе той фрагментарной информации, которая появлялась на страницах газет. Начиная с октября, пресса все чаще стала писать об отсталости русских по сравнению с европейцами. В момент пребывания Великой армии в Москве вышел специальный номер журнала «Французский

опасность нашему положению. В такой сложной ситуации солдаты еще кричали “Да здравствует, император”» // Походный журнал корпуса Нея. SHD. 1 K 11.

⁴⁰⁶ Капитан А. Де Вержен – жене. Ульяновичи, 4 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 197.

⁴⁰⁷ Peyrusse M. *Op. cit.* P. 115; Л.Ф. Буссе – жене, 31 октября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 199; Шеф эскадрона Л. Бро – жене. Дорогобуж, 5 ноября 1812 г. // *Ibid.* P. 200.

⁴⁰⁸ Жена – полковнику Ш.Е. Оденару. Париж, 22 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 176; Графиня Нансути – генералу Э. Нансути. 25 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 177.

⁴⁰⁹ Ф.В. Бильотти, аудитор Государственного совета – жене. Вязьма, 1 ноября 1812 г. // *Ibid.* P. 182; Су-шеф Жубиналь – нотариусу, 3 ноября // *Ibid.* P. 189.

зритель», в котором акцентировалось внимание на том, что только благодаря влиянию западной культуры Россия смогла приобщиться к ценностям цивилизации. В журнале особо была отмечена деятельность императора Петра Великого, который осознавал факт отсталости России по сравнению с европейскими странами и поэтому понимал необходимость сотрудничества с Европой⁴¹⁰. В сознании общества формировалось представление о том, что посланники Запада и на этот раз принесли в Россию цивилизацию.

По иронии судьбы, когда французские солдаты боролись за жизнь в снегах России, парижская публика вдохновлялась поэтическими произведениями, восхвалявшими победы Великой армии в ходе продолжающейся кампании. Возможно, эти поэтические строки в дальнейшем несколько скрасили горечь французов от новостей о трагедии их отступающей армии. По основным идейным линиям эти произведения схожи. Затрагивая причины войны, они вещали о том, что Россия не соблюдала условия Континентальной блокады: «Вместо того, чтобы с ней (Англией – А.П.) бороться, Россия сочла ее союзником»⁴¹¹. Поэтические оды убеждали читателей в том, что Наполеон стремился создать единую Европу, а Россия и Англия этому мешали. В одах говорилось, что русские, будучи не способны вести цивилизованную войну, должны были прибегнуть к варварским средствам:

Казак во время отступленья,
 Взбешенный явным пораженьем,
 С особым рвеньем город жег...
 Я вижу стариков, детей и женщин,
 Дух испускающих меж стенами пылающих домов⁴¹².

В то же время, по мнению сочинителя оды, французы отстаивали честь своей страны и должны гордиться победой под Москвой:

⁴¹⁰ Le Spectateur français au XIXme siècle. P., 1812. P. 381.

⁴¹¹ См: Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812. 76 p.; Désaugiers M.A. Chansons et poésies diverses. P., 1812. 43 p.

⁴¹² Désaugiers. Op. cit. P. 7.

Вы с гордостью сказать должны:

Я дрался под Москвой,
И честь, и слава спасены,
Европа обрела покой⁴¹³.

Некоторые подробности пребывания Великой армии в Москве французское общество смогло узнать из газет только в начале ноября. В этих сообщениях, в основном, утверждалось, что французы в Москве столкнулись только с одной проблемой – пожарами, которые устроили русские. Так, в отрывке одного письма, опубликованном в газете, некий французский солдат выражал возмущение по поводу того, что русское правительство поджогами поставило под угрозу не только жизни неприятелей, но и местных жителей: «Этим утром император провел смотр войск и воодушевляющими словами поддержал нас. Погода прекрасная. Местные жители, вернувшиеся в Москву, выражали негодование по отношению к своему правительству по поводу поджогов. В оставленных домах все время находим много водки. Офицеры и солдаты снабжены продовольствием на всю зиму. Солдаты чувствуют себя хорошо...»⁴¹⁴.

В целом, статьи в правительственных газетах продолжали создавать иллюзию победы французов, никак не комментируя причины столь длительной задержки в Москве. Когда Великая армия покинула Москву, во французских газетах стали появляться сообщения о том, что Наполеон планирует пойти на Санкт-Петербург. В подтверждение этого 2 ноября была опубликована выдержка из Санкт-Петербургской газеты за сентябрь: «Некоторые меры были предприняты в Петербурге для эвакуации наиболее важных объектов. Это вызвано отнюдь не страхом перед неприятелем, так как он не сможет пойти на этот город»⁴¹⁵. Конечно, под воздействием подобных сообщений у большей части читающей публики захват французами Москвы ассоциировался с победой или, по крайней мере, со

---

⁴¹³ Ibidem.

⁴¹⁴ Le Journal de l'Empire. 1812. 1 novembre.

⁴¹⁵ Ibid. 2 novembre.

скорым достижением мира на условиях Наполеона. Почти каждый выпуск газеты убеждал французов в том, что Великая армия гордится своими успехами в войне и вскоре добьется решающей победы.

В «Журналь де Л'Амбир» от 4 ноября был опубликован отрывок письма одного французского офицера, который свидетельствовал о том, что Великая армия полна сил: «К нам каждый день прибывает подкрепление; наша армия огромна. Наши раненые стали выздоравливать благодаря тому, что воздух стал прохладным. Два дня назад пошел первый снег. Мы предпринимаем действия, дабы устроиться на зимних квартирах. Время от времени мы встречаем русских дезертиров, в основном, поляков, которые оказались под знаменами этой страны. Они утверждают, что русская армия находится в значительно более худшем состоянии, чем наша. Император всегда верхом на коне. Не было дня, чтобы мы его не видели, он собирается начать новый этап кампании. Война только укрепляет его здоровье»⁴¹⁶.

Читая 25 бюллетень Великой армии, французская публика узнала, что император движется на Тулу и Калугу для размещения армии на зимних квартирах. В том же выпуске «Журналь де Л'Амбир» был представлен краткий обзор писем солдат из Москвы: «Французские солдаты пишут о блестящей победе под Москвой, которая способствовала быстрому продвижению Великой армии к этому городу; овладение им должно было обеспечить победителей удобными зимними квартирами. Однако ненависть неприятелей-варваров побудила их к принятию ужасного решения – разрушить собственный город»⁴¹⁷.

Следует заметить, что в ноябре на страницах французских газет образ неприятеля оказался представлен как более агрессивным, чем ранее. В конце ноября без каких-либо объяснений в газетах появилось сообщение, что армия размещается на зимних квартирах не в Москве, а между Смоленском, Витебском и Минском: «С прибытием XXVI бюллетеня мы получили письма

---

⁴¹⁶ Ibid. 4 novembre.

⁴¹⁷ Ibid. 9 novembre.

из главной квартиры Великой армии; она была 1 ноября в Вязьме, недалеко от Смоленска. Предполагается, что вся армия разместится между Смоленском, Витебском и Минском. Однако главной целью императора остается движение на Петербург. Невозможно вообразить, чтобы русские сожгли и разрушили свою главную столицу. Возможно, мир будет подписан в Петербурге. Совершенно очевидно, что концентрация армии произойдет в районе Смоленска и Витебска, так как армия не сможет пойти на Петербург, не получив отдыха. Очевидно, что, так как русские не осознали факта своего поражения, необходимо достичь Петербурга. Если поход на Москву подорвал престиж России, то экспедиция в Петербург может вообще привести к ее краху, и она будет исключена из числа государств-наций»⁴¹⁸.

В этом же сообщении говорилось о цивилизационном отличии Франции от России: «Наконец, в нашей стране существует безграничное доверие к власти, которое вдохновляется военным гением и героической историей. Неприятель же, напротив, даже не замечает вокруг себя причин для скорби и уныния: разрушенные города, опустелые деревни. Это все результат ничем не подкрепленного чувства имперского величия. Только вообразите, что неприятельская армия свободно передвигается по центру страны, а русские не признают себя побежденными»⁴¹⁹.

В тот момент, когда Великая армия уже сдавала свои позиции в России, французское общество продолжало верить в иллюзорные победы Наполеона, не догадываясь о тех лишениях, которые пришлось преодолеть армии во время отступления к Смоленску. Французская пресса, активно продолжая подкреплять подобные представления, писала лишь об успехах Великой армии. Так, 18 ноября французы смогли прочесть 17 бюллетень о сражении под Малоярославцем; согласно бюллетеню, Великая армия первой пошла в атаку и одержала победу в этой битве⁴²⁰.

---

⁴¹⁸ Ibid. 17 novembre.

⁴¹⁹ Ibidem.

⁴²⁰ Ibid. 18 novembre.

В конце ноября, когда сообщения из Великой армии стали поступать все реже, во французских газетах начали появляться заметки, призванные убедить общество в том, что война, предпринятая Наполеоном против России, вписывается в некую историческую закономерность. К примеру, 21 ноября в «Журналь де Л'Амбир» была опубликована статья, в которой проводилась аналогия между войнами Карла Великого и войнами Наполеона: «Карл Великий был вынужден вести войну против варваров. Авары, которые жили на территории современной России, неоднократно нападали на владения императора, но Карл не успел начать с ними войну. Конечно, Российская Империя более сильное государство, чем государство аваров. Однако поход в Москву поколебал ее могущество. Вторая экспедиция может привести к ее окончательному падению. Россия представляет собой серьезную угрозу для соседних государств. Не бойтесь длительной войны с этим народом, как когда-то с саксами. Трех месяцев будет вполне достаточно, чтобы подорвать престиж великой России. Без сомнения, в дальнейшем история расскажет, как в своем стремлении бороться с более сильной Империей, эта страна разрушила свои города»⁴²¹.

Если в начале кампании французские газеты, в основном, акцентировали внимание на успехах французского императора, то в конце войны они стали «зомбировать» общество примерами неудач и агрессивных действий русских. На страницах газет вновь появляются статьи о политике России в Польше. Так, 23 ноября была опубликована заметка «Русские в Польше», в которой автор попытался проанализировать действия России по отношению к этому государству со времен Екатерины Великой, отметив, что им самим движет идея восстановления справедливости. Выводы статьи представляли собой своего рода обращение к российскому правительству: «Необходимо признать свою вину в несправедливости по отношению к

---

⁴²¹ Le Journal de l'Empire. 1812. 21 novembre.

Польше. Если отрицать содеянное, то можно лишиться престола. В России власть монарха основана на запугивании и насилии»⁴²².

Более того, французская пресса пыталась убедить читателей в том, что даже англичане, союзники русских, относятся к ним как к варварам. 26 ноября французские газеты перепечатали информацию из английской прессы, в которой были опубликованы выдержки из путешествия по России британца Э. Кларка. В «Журналь де Л'Амбир» была помещена цитата из книги путешественника, которая характеризовала тираническую систему России: «Несколько русских дворян более богаты, чем наши английские пэры. Но также есть и огромное число очень бедных людей; такое разделение на богатых и бедных всегда имеет следствием развитие коррупции... В чувственном наслаждении они не знают ни законов, ни чести. Весь образ их жизни, сама тираническая система распространяется с трона до низов общества»⁴²³.

В тот момент, когда французская публика вдохновлялась героическим пафосом войны, наслаждаясь сюжетами варварства русских, участники войны, движимые уже не победой, не карьерой, не материальным обогащением, а единственным желанием вернуться домой, пришли в Смоленск. Стены этого города воспринимались ими как надежда на спасение. Наконец-то, на краткий период, укрывшись от холода, они смогли поделиться своими впечатлениями с родственниками на страницах писем. Пережитые трагические дни, страхи казались им оставшимися в прошлом. Строки писем передают атмосферу встреч, общения, чувства радости от того, что многим вновь посчастливилось встретить своих товарищей, о судьбе которых они давно не имели известий⁴²⁴.

Компан, с известной долей самоиронии, описывал жене костюмы «тартар», в которые облачились солдаты во время отступления⁴²⁵.

---

⁴²² Ibid. 23 novembre.

⁴²³ Ibid. 26 novembre.

⁴²⁴ Кастелян – отцу. Смоленск, 6 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 204.

⁴²⁵ Ternaux-Compans H. *Op.cit.* P. 231.

Полковник Л. Сопранси, мечтая вернуться к своим любимым делам на Родине, попросил родственников купить все итальянские и французские книги, которые были опубликованы в период русской кампании⁴²⁶.

Но большинство участников отступления испытали явное разочарование по прибытии в Смоленск, так как в городе не оказалось тех ресурсов, на которые они рассчитывали изначально. Генерал Ж. Дюрок был опечален даже самим видом Смоленска, который сохранился не лучше, чем Москва: «Как Вам известно, все наши приготовления к зимним квартирам в Москве оказались бесполезны, все наши надежды на удовольствия исчезли, но, конечно, не все в целом было нами сделано. А мы могли бы наслаждаться комедиями на наших зимних квартирах. Мы игнорировали все то, что было возможно; и оказались в зависимости от событий и действий неприятеля. Смоленск сохранился не лучше, чем Москва. Он сгорел в таких же масштабах, как и столица»⁴²⁷. Шеф эскадрона Э.Б. Кастелян выразил разочарование отсутствием продовольствия в городе, на которое французы так рассчитывали: «Наши люди без пищи, и они отправились в фуражировку за одну милю отсюда; преследуемые казаками, они ничего не привезли»⁴²⁸. Письма солдат из Смоленска, в основном, оказались связаны с воспоминаниями о холоде, о нападениях казаков и с неопределенностью создавшегося положения⁴²⁹.

Наполеон в тот момент в Смоленске размышлял лишь об одном – как сохранить свою армию. Стремясь к реализации исключительно этой цели, император дал следующие указания: «Порекомендуйте губернаторам Минска и Вильно не использовать против врага полки; это безрезультатно уничтожит

⁴²⁶ Полковник Л. Сопранси – неизвестному. 7 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 208.

⁴²⁷ Генерал Ж. Дюрок – Монтескью. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Boudon J.O. Op. cit.* P. 276.

⁴²⁸ *Ibid.* P. 220.

⁴²⁹ Служащий почты Балари – жене. Смоленск, 8 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 215; Компан – жене. Смоленск, 8 ноября 1812 г. // *Ibid.* P. 219; обер-гофмаршал императорского двора М. Дюрок написал из Смоленска: «Наша усталость уменьшается, так как мы покидаем эту разоренную страну» // *Ibid.* P. 273; генерал Ж. Г. Сент-Шарль пожаловался жене: «Препятствия меня огорчают. Это вызывает во мне отвращение к жизни. Но от службы уклониться невозможно» // *Ibid.* P. 214; генерал Г. Ф. Делаборд обращался к жене: «Я поддерживаю себя мыслью, что наступит более счастливое время» // *Ibid.* P. 250. Жюно признался жене: «Ты должна знать, что я нахожусь в плохих условиях. Источник моих сил — дети и ты» // *Ibid.* P. 224.

людские ресурсы; необходимо, чтобы эти полки оказались вне столкновений»⁴³⁰. Этими словами Наполеон вполне точно дал понять, что в своих действиях он будет руководствоваться теперь, прежде всего, задачей сохранения армии. Вместе с тем в письме маршалу Виктору он определил возможный рубеж для размещения армии: «Император может остановиться на зимних квартирах в Витебске. Мы будем готовиться к следующей кампании в направлении на Петербург. Если вы сможете успешно атаковать врага, то мы займем зимние квартиры»⁴³¹.

Разумеется, находясь в замешательстве, командование Великой армии не раскрывало конкретные перспективы солдатам. Размышляя о будущих военных действиях, участники похода высказывали разные предположения о дальнейшем направлении движения. В письмах звучат мысли о том, что армия пойдет на Санкт-Петербург⁴³², на Польшу⁴³³, в Вильно⁴³⁴ и т.д. Часть солдат, учитывая неблагоприятные обстоятельства, выражала сомнения в том, что кампания вообще может быть продолжена⁴³⁵.

Очевидно, что на фоне драматически развернувшейся кампании и очередной ситуации неопределенности, французы вновь стали цепляться за те моменты, которые бы свидетельствовали об их нравственном превосходстве над противником. Так, стремясь обвинять исключительно русских варваров в тех бедах, которые постигли французов, хирург Ф. Граналь написал: «Российская армия продемонстрировала ужасную политику по отношению к собственной территории, она сожгла свои города. Она, несомненно, преследовала цель ослабить нас голодом. Никогда кампания не была сопряжена с такими ужасами»⁴³⁶. Капитан артиллерии О. Ларибуазьер писал в письме к жене о столкновениях с русской армией так: «Все это были

⁴³⁰ Наполеон – Бассано. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // *Correspondance de Napoléon*. Т. 24. Р., 1862. Р. 310.

⁴³¹ Наполеон – Виктору. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // *Ibid.* Р. 343.

⁴³² Хирург Ф. Граналь – жене. Смоленск, 7 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* Р. 210; Peyrusse M. *Op. cit.* Р. 115.

⁴³³ Полковник П.Ф. Будин – генералу Б. Марину. Смоленск, 8 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* Р. 213.

⁴³⁴ Ж. Пуне де Монфор – жене. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // *Lettres interceptees...* Р. 219.

⁴³⁵ Генерал Ф.М. Шарпентье – графине Шарпентье. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // *Ibid.* Р. 217.

⁴³⁶ Хирург Ф. Граналь – жене. Смоленск, 7 ноября 1812 г. // *Ibid.* Р. 210.

драки, в которых мы имели явное превосходство»⁴³⁷. Далее он подчеркнул, что в идущей кампании то военное искусство, которым обладают французы, просто неприменимо.

Бейль (Стендаль) придерживался совершенно иных взглядов на происходящее. 7 ноября из Смоленска он отправил своему другу Ф. Фору письмо, в котором сначала успокоил его в том, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не могло нейтрализовать романтическую сторону моей души, без которой я противен себе»⁴³⁸. В этом же письме писатель попытался затронуть причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения»⁴³⁹. Далее он охарактеризовал состояние армии: «Люди падают больными. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так»⁴⁴⁰.

Несмотря на противоречивость в мыслях и чувствах, которые одолевали солдат во время пребывания в Смоленске, их объединяла тоска по Родине и семье. Это чувство усилилось у тех, кто оказался осведомлен об имевшем место в Париже заговоре К. Ф. Мале. По этому поводу маршал Э. А. К. Мортье написал жене: «На фоне событий в Париже у каждого должно окрепнуть чувство любви и преданности императору»⁴⁴¹. Генерал Г. Ф. Делаборд в письме к жене также выразил веру в Наполеона и успокаивал себя надеждой, что судьба армии все еще в его в руках, а «бог хранит этого великого человека»⁴⁴².

Судя по письмам из Смоленска, моральный дух армии был в те дни еще достаточно высок. Это можно объяснить своего рода естественной реакцией на тяжесть (но не катастрофичность) положения, в котором оказалась французская армия. Солдаты еще проявляли сострадание по

⁴³⁷ Капитан О. Ларибуазьер – жене. Смоленск, 7 ноября 1812 г. // Ibid. P. 220.

⁴³⁸ Стендаль – Ф. Фору. Смоленск, 7 ноября 1812 г. // Ibid. P. 201.

⁴³⁹ Ibid. P. 202.

⁴⁴⁰ Ibidem.

⁴⁴¹ Маршал Э. А. К. Мортье – жене. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // Ibid. P. 240.

⁴⁴² Генерал Г. Ф. Делаборд – жене. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // Ibid. P. 300.

отношению к боевым товарищам, размышляли о Родине, близких, вспоминали героическое прошлое. Все это духовно помогло французам выдержать этап отступления и, до известной степени, подготовить себя к предстоящим более тяжелым испытаниям.

Главные силы Великой армии покинули Смоленск и направились к Березине, которая уготовит им настоящую катастрофу. Но еще до сражения на Березине часть французской армии встретила с неприятелем в битве под Красным. 14 ноября Е. Богарне получил приказ от маршала Л.А. Бертье, начальника Главного штаба: «Желание императора заключается в том, чтобы вы со своим корпусом завтра утром, 15-го, направились в Красное. Принц Экмюльский (Даву – А.П.) 16-го и 17-го должен поддержать отступление герцога Эльхингенского (Нея – А.П.), вам необходимо занять позиции»⁴⁴³. В тот же день Богарне написал жене: «Я здесь (т.е. в Смоленске – А.П.) с раннего вечера, но я вскоре снова отправлюсь в путь». Далее, не вдаваясь в подробности военной операции, он с легкой грустью отметил: «Веришь ли, у нас по вечерам 17, 18 градусов холода? Лошади этого не выдерживают»⁴⁴⁴. Солдатам Богарне пришлось, подчинившись императорскому приказу, выступить из Смоленска. «Наша дивизия вышла из Смоленска, уничтожив магазины»⁴⁴⁵, – отмечено в журнале 9-го полка 4-го корпуса. 16 ноября корпус Богарне прибыл в Красное: «Мы подошли к Красному, где нашли императора, который мужественно сражался»⁴⁴⁶.

Это сражение стало значимым моментом кампании, воспоминание о котором поддерживало дух французского солдата в ходе следующих за ним дней. «Битва под Красным завершилась счастливо для французов, новости о победе дали нам надежду. Мы взяли дорогу на Борисов, чтобы пройти к Минску»⁴⁴⁷, – запечатлел это событие в своем дневнике Дюке. Фантен дез

⁴⁴³ Mémoires et correspondance politique du Prince Eugène. P., 1860. T. 8. P. 87.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 87.

⁴⁴⁵ Marches et operations du 9 regement du 4 corps d'armee dans la campagne de Russie en 1812 // AN. IV. Cart. 1644.

⁴⁴⁶ Marches et operations du 9 regement du 4 corps d'armee dans la campagne de Russie en 1812 // Op. cit.

⁴⁴⁷ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

Одар после сражения под Красным вдохновился и речью Наполеона, обращенной к гвардейцам 19 ноября: «Недалеко от Дубровны император призвал гвардейцев быть преданным чести в этих критических обстоятельствах»⁴⁴⁸.

Испытав себя во многих войнах, познав цену жизни, дружбы, служебного долга, на этапе Березинской операции солдаты Великой армии вновь продемонстрировали силу своего духа. 28 ноября началась битва на берегах Березины. Научное осмысление событий этого сражения начнется значительно позже, когда участников событий оставят бурные эмоции и панический страх. Наполеон же не позволил себе медлить и откладывать оценки битвы на потом. Он сразу попытался «закрепить» победу на Березине за Великой армией. Через несколько дней после сражения вышел 29-й бюллетень, в котором упоминается лишь победная для французов битва на правом берегу Березины. Этот документ, вытеснив из сознания французов возможность иных вариантов интерпретации событий, заложил основу для формирования официальной научной версии о Березине во Франции.

Французскому обществу о победе Наполеона на Березине сообщили газеты. В «Журналь де Л'Амбир» за январь 1813 г. были опубликованы следующие строки: «Несмотря на то, что силы солдат иссякли, нашлись еще герои в Великой армии. Довольно быстро Чичагова удалось одолеть»⁴⁴⁹. Приведенная ремарка стала основой для формирования массовых представлений о последних неделях Великой армии в России. О героических действиях французов на Березине поведали широкой публике и эстампы того времени.

Несомненно, в памяти участников тех трагических и знаменательных событий «Березина» запечатлелась в более многоликом образе. Русская кампания 1812 г. стала частью их жизни. Многие солдаты Великой армии Наполеона не только приобрели военный опыт, но и получили тяжелейший

---

⁴⁴⁸ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 346.

⁴⁴⁹ Journal de L'Empire. 1813. janvier.

удар, надломивший, а иногда и сломавший их жизни и судьбы. Тем не менее, в памяти каждого участника события на Березине сохранились как своего рода символ окончания войны, как торжество надежд на то, что они снова увидят Францию.

Подробное описание событий на Березине нам предлагает гренадер Ф. Пилс, принявший активное участие в сражениях. Центральный сюжет его воспоминаний – ранение маршала Н.Ш. Удино, ординарцем которого он был. Как признается Пилс, в тех обстоятельствах его удивило проявление заботы со стороны Наполеона к своему верному солдату⁴⁵⁰. Описывая непосредственно само сражение, автор отметил, что «перо никогда не сможет описать весь ужас сложившейся ситуации»⁴⁵¹. Вместе с тем, Пилс не скрывал восхищения героизмом солдат, проявленном в тех условиях: «Эти храбрые люди “перевернули горы”, так как видели, как они рождаются»⁴⁵².

Вероятно, участники событий, запечатлевшие сражение в своих письмах и дневниках, способствовали подтверждению героической легенды о Березине. Так, 28 ноября Пейрус отметил в дневнике: «Несмотря на холод, император героически атаковал неприятеля. Мы продолжали двигаться, умирая от холода. Но, к счастью, враг нас не преследовал»⁴⁵³. Фантен дез Одар, упомянув о полной трагизма переправе, восхищался действиями 2 корпуса, благодаря которым удалось разбить неприятеля на Березине⁴⁵⁴. «Русские хотели помешать нашей переправе через Березину. Виктор и Удино обеспечили проход армии. В этом сражении речь уже не шла о победе, а только о возможности вернуться домой»⁴⁵⁵, – предложил такую характеристику этим событиям Дюке. 30 ноября неизвестный автор отметил в своем дневнике, что солдаты шли в бой с криками «Да, здравствует император. Защитим честь Родины»⁴⁵⁶.

⁴⁵⁰ Journal de marche du grenadier Pils. P.: P. Ollendorf, 1895. P. 148. 419 p.

⁴⁵¹ Ibid. P. 149.

⁴⁵² Ibid. P. 150.

⁴⁵³ Peyrusse M. Op. cit. P. 128.

⁴⁵⁴ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 346.

⁴⁵⁵ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // SHD. 1K 196.

⁴⁵⁶ Журнал неизвестного автора (возможно полковника Брайса) // SHD. 1M 673.

Генерал А.Ш. Делетр, который принимал непосредственное участие в сражении, оказался более сдержанным в оценках этого события: «В данных обстоятельствах это было худшее дело. Все было predetermined. Эта кампания могла бы стать для нас превосходной, если бы не полный развал армии»⁴⁵⁷. И все же Делетр счел необходимым подвести такой итог сражению: «Эта операция дала нам возможность пройти к Вильно, где находились продовольственные запасы»⁴⁵⁸. Полагаем, что основная часть участников сражения на Березине запомнила лишь ужасы переправы и не сочла необходимым об этом вспоминать, либо же запечатлела «лишь борьбу за выживание»⁴⁵⁹.

Командование Великой армии в военно-оперативной документации за начало декабря неоднократно отмечало результаты сражения на Березине. Так, Даву в письме министру иностранных дел Ю.Б. Маре от 2 декабря отметил следующие результаты сражения: «Битва была напряженной. Виктор атаковал неприятеля, который обладал явным преимуществом. Солдаты все же вступили в сражение, армия очень измотана»⁴⁶⁰. Сам маршал Виктор 5 декабря написал следующие строки о битве: «Сражение показало, что армия еще способна действовать против неприятеля. Однако на сегодняшний момент она состоит из отставших и больных»⁴⁶¹.

Конечно, французская печать проигнорировала необходимость информирования общества об ужасах отступления Великой армии, создавая впечатление, что солдаты просто возвращаются на Родину из очередной кампании. В декабре, когда французы уже пережили трагедию на Березине, в «Журналь де Л'Амбир» были опубликованы полные равнодушием официальные фразы: «Великая армия осуществила переправу», «ничего

⁴⁵⁷ Бумаги 9 корпуса // Ibidem.

⁴⁵⁸ Delaitre. Op. cit. P. 101.

⁴⁵⁹ Например, обер-лейтенант Г. фон Фосслер 28 ноября написал в своем дневнике: «Рано утром в 3 я вышел с моими егерями, сколько собрал за день до того, чтобы вовремя переправиться через Березину. Я забрался на мост и перешел его едва за полчаса до того, как русские ядра и гранаты стали ударять в скопление людских масс на мосту» (На войне под наполеоновским орлом. Дневник и мемуары вюртембергского обер-лейтенанта Г. фон Фосслер. М., 2017. С. 93).

⁴⁶⁰ Даву – Бассано. Плещеницы, 2 декабря 1812 г. // SHD. 2 С 134.

⁴⁶¹ Виктор – Бассано. 5 декабря 1812 г. // Ibidem.

примечательного с армией не произошло»⁴⁶². Для создания иллюзии торжественного возвращения французов в Париж газеты 29 ноября (20 дней спустя) сообщили о том, что 8 ноября был открыт мраморный бюст Его Величества в зале Отель де Вилль⁴⁶³.

В течение нескольких дней французские газеты вообще не публиковали информацию о русской кампании, тем более не озвучивали ее печальные результаты, создавая впечатление, что Франция по праву может гордиться своей армией. Однако после возвращения французских солдат из России оставлять общество в неведении было уже невозможно, и поэтому впервые об итогах кампании французы были проинформированы через публикацию из лондонской газеты: «Российская империя сражалась с сильнейшей армией мира. Энтузиазм русских, несмотря на трудности и опасности, только рос. Подобного примера патриотизма мы не сможем найти в истории государств»⁴⁶⁴.

Продолжая свое движение после Березины, участники похода еще не раз будут вспоминать об этом событии в своих письмах и дневниках, даже оказавшись в плену. Так, начальник штаба 3-й кирасирской дивизии Дюпиас, попавший в русский плен около Вильно, в начале 1813 г. запечатлел на бумаге свои восторженные впечатления о сражении на Березине: «Император Наполеон мужественно защищал правый берег ради того, чтобы прикрыть переправу войск»⁴⁶⁵. Восхищаясь действиями Наполеона, Дюпиас так подвел итоги сражению: «В этот день был спасен авторитет Наполеона и честь Франции»⁴⁶⁶.

Несмотря на то, что он по достоинству оценил действия императора во время отступления, размышления о характере кампании в плену привели его к мысли об амбициях Наполеона как причине поражения Великой армии. Дюпиас, пытаясь проанализировать действия французов, в записках довольно

---

⁴⁶² Le Journal de l'Empire. 1812. 11 décembre.

⁴⁶³ Ibid. 29 novembre.

⁴⁶⁴ Ibid. 7 décembre.

⁴⁶⁵ D'auvias. Mémoire historique de la campagne de 1812 (1813) // Napoleonica. La Revue, 2009. Novembre. P. 40.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 41.

точно описал механизм формирования «коллективного заблуждения» в период отступления: «Каким-то образом мы испытывали более сильное желание выполнить свои обязанности перед императором. Чем труднее были обстоятельства, тем больше мы любили его и больше привязывались к нему, как к единственному капитану, который мог бы спасти корабль»⁴⁶⁷.

Тем самым, уже в конце 1812 г. в представлении французов появился образ Березины как символа победы, сопряженный с невиданными дотопе страданиями и мужеством. Возможно, что воспоминания об этом сражении вдохновляли солдат на последнем этапе отступления. Состояние армии после Вильно, как полагаем, точно описал Пейрус в письме к брату: «Больно видеть моральные и физические страдания солдат, многие из которых предпочитают умереть на земле, чтобы не идти дальше»⁴⁶⁸. 4 декабря Компан сообщил жене, что «несмотря на все лишения, он продолжает выполнять долг перед своей дивизией и императором»⁴⁶⁹.

В Вильно один из участников похода нашел возможность осмыслить характер войны и причины, которые привели к такому трагическому исходу⁴⁷⁰. Изначальный смысл кампании он свел к борьбе Европы с Азией. Мотивы, которыми руководствовался Наполеон, автор обозначил следующим образом: «Наполеон считал, что России предназначена неизбежность; варвары-москвиты не смогут устоять перед мощью объединения европейцев»⁴⁷¹. Основная причина поражения, по его мнению, – длительная задержка в Москве: «Путешествие в самый центр страны без цели, без результата обрекло армию на гибель»⁴⁷². Кажется, что, погрузившись в российскую действительность, участники стали верить в то, что они боролись с «русским варварством», хотя в начале войны не разделяли подобных представлений.

---

⁴⁶⁷ Ibid. P. 75.

⁴⁶⁸ Peyrusse M. Op. cit. P. 141.

⁴⁶⁹ Ternaux-Compans H. Op. cit. P. 232.

⁴⁷⁰ Отступление французов из России // SHD. 1 M 677.

⁴⁷¹ Ibidem.

⁴⁷² Ibidem.

14 декабря остатки Великой армии вошли в Кенигсберг, город, который стал для солдат волшебным возвращением в европейскую цивилизацию. Это дало повод Фантен дез Одару написать в дневнике, что он «вновь верит в светлое будущее»⁴⁷³. Кенигсберг вернул к жизни после отступления и Стендаля. По приезде в город он, наконец-то, смог посетить театр, к которому питал сильнейшую страсть. В тот день давали оперу Моцарта «Милосердие Тита», ставшую символом возвращения к прежней жизни, к жизни в искусстве для будущего писателя. Позже, в «Жизнеописании Моцарта» Стендаль поведает нам: «Финальное прощание, когда Тит говорит собеседнику: “Друзьями будем”, вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кенигсберге, после страшного отступления из Москвы»⁴⁷⁴.

Пересечение границы из «варварства в цивилизацию», обретение спокойствия, навеяло участникам похода размышления иного плана – как вернуться к прежней жизни, когда война оказала сильнейшее воздействие на их систему ценностей, породив страх «быть не понятым». Так, Пейрус, всегда делившийся со своим братом впечатлениями о произошедших событиях, в письме из Кенигсберга предпочел остаться «безмолвным»: «Мой дорогой Андре, читай газеты, так как я не отважусь всего тебе рассказать. Ты не сможешь понять, что мы пережили»⁴⁷⁵. Вероятно, многое осталось несказанным и другими участниками похода.

Основная часть солдат, стремясь вытеснить травматические воспоминания, заполнила пространство своей памяти той информацией, которую предлагала официальная пропаганда: суровый русский климат, нападения казаков, но победа во всех сражениях кампании. «От холода мои ноги и руки плохо двигаются. В этом варварском месте нашелся бедный крестьянин, который помог мне одеждой. Мы умирали от голода и от усталости. Так, мое положение было не столь легким. В этой грустной

---

⁴⁷³ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 348.

⁴⁷⁴ Стендаль. Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазियो. М.: Музыка, 1988. 637 с. С. 187.

⁴⁷⁵ Peyrusse M. Op. cit. P. 114.

ситуации я стараюсь находить средства, чтобы выбраться из пропасти, в которой я оказался»⁴⁷⁶, – поделился своими впечатлениями с отцом о последних днях пребывания в России А.М. Дюпан. Позже, 5 февраля он посчитал необходимым уведомить отца, что все сражения кампании были с честью выиграны французами⁴⁷⁷.

После пересечения границы России капитан Ж. Бро наконец-то решил отправить письмо своей сестре, которое он не раз дополнял вставками в период отступления⁴⁷⁸. Видимо, ощущение незаконченности истории придавало ему сил. Свое повествование он начал с общих впечатлений от войны: «Моя дорогая сестра! Да, это ужасное возвращение, поверь мне. Однако хорошие друзья помогли мне пережить эту катастрофу»⁴⁷⁹. По прошествии времени, он довольно отрывочно вспоминал начало кампании. Сражение при Бородино на тот момент уже не было для него героической битвой: «Ужасное сражение, подобного которому я никогда не видел. Французы потеряли гораздо меньше людей на поле битвы, чем русские»⁴⁸⁰. Период пребывания Великой армии в Москве капитан описал нейтральными фразами, которые уже неоднократно встречались в письмах его сослуживцев: «Москва – большой, красивый город, который сожгли русские»⁴⁸¹. Обратившись к периоду отступления, он не сдержал эмоций, которые продолжали владеть им и годы спустя после пережитых событий: «Это несчастная война! К нашей радости, на Березине нам удалось спастись. Я никогда не забуду этот грустный спектакль. Наша измотанная армия, несмотря на сложившуюся ситуацию, заставила русских отступить»⁴⁸².

Капитан А. Корнеро, еще многие месяцы продолжая вспоминать ужасы войны, 15 июня 1813 г. из Силезии написал письмо племяннику, в котором

⁴⁷⁶ А.М. Дюпан – отцу. Эльбинг, 26 декабря 1812 г. // Roucaud M., Houdecek F. Op. cit. P. 62.

⁴⁷⁷ А.М. Дюпан – отцу. Эльбинг, 5 февраля 1813 г. // Ibid. P. 66.

⁴⁷⁸ Bréaut J. Op. cit. P. 60.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 10.

⁴⁸⁰ Ibid. P. 16.

⁴⁸¹ Ibid. P. 25.

⁴⁸² Ibid. P. 50.

признался, что «это была ужасная кампания, но тот, кто через нее не прошел, никогда не поймет те чувства, которые мы пережили»⁴⁸³.

Прошли недели после завершения кампании. Воспоминания продолжали тревожить память участников похода. Так, Фантен дез Одар, позволяя себе властвовать над «коллективным воображаемым», выразил свое разочарование русской кампанией, не приведшей в итоге, по его мнению, французов к победе: «Эти несчастья начались с нашего нападения на Россию. Пройти в течение года московскую катастрофу, вернуться домой и защищать Родину от наших бывших союзников»⁴⁸⁴. Через несколько дней он зафиксировал в дневнике, что ужасы русской кампании продолжают его преследовать: «Трагический переход через Березину! Меня до сих пор не покидает чувство холода и крики казаков»⁴⁸⁵.

Отголоски прошлого продолжали терзать и весьма равнодушного к тем событиям Стендаля. Вернувшись в Париж, он поделился своими впечатлениями с дневником: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи»⁴⁸⁶. Пройдет время, и травматические воспоминания покинут Стендаля, предоставив ему возможность критически взглянуть на произошедшие события. Так, в труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Вероятно, не все участники похода были столь самокритичны.

Голландский капитан К.А. Гайзвайт ван дер Неттен, пережив русский плен, спустя два года продолжал помнить о событиях на Березине. Так, возвращаясь на Родину, 14 августа 1814 г. он написал из Кенигсберга: «Я продолжал свое путешествие в Минск, а оттуда в Белосток по той же дороге, по которой мы шли во время отступления и, таким образом, около Борисова и Березины, рокового места, где я был пленен 2 года назад. Думаю, что

⁴⁸³ Cornereau A. Relation de la campagne de Russie (1812-1813). P., 1893. P. 82.

⁴⁸⁴ Fantin Des Odoards L.F. Op. cit. P. 349.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 354.

⁴⁸⁶ Stendhal. Journal. P. 81.

почувствовал это место (как в Смоленске, где я был свидетелем весьма тяжелых событий, а особенно в Борисове, памятном кровавыми сценами на льду), как только попал сюда»⁴⁸⁷.

«Коллективное воображаемое» французского общества о событиях отступления было сформировано на основе официальной пропаганды, вытеснив из национальной памяти индивидуальный опыт, впечатления солдат. Первоначальное осмысление русской кампании в публицистике основывалось на сравнении поведения французских и русских солдат во время войны. Так, 10 декабря был опубликован анонс спектакля театра «Варьете» под названием «Семья москвитов». Сюжет был связан, как сегодня бы сказали, «с межкультурными контактами» французских солдат с жителями Москвы в октябре 1812 г. В соответствии со сценарием спектакля, во время пожара пострадал дом одной семьи; русская женщина, недавно родившая ребенка, пережив страх, потеряла молоко, и теперь ей нечем было кормить младенца. Но благородные французы, в отличие от ее соотечественников, оказали женщине помощь, подарив козу, которую купили у одного русского купца. Комментарий в газете к этому спектаклю отразил цель постановки: «Спектакль продемонстрировал великодушие французов в сравнении с поведением неприятеля»⁴⁸⁸.

С середины декабря французские газеты стали публиковать информацию о результатах военных действий, формируя в сознании общества представление о том, что Великая армия выиграла все сражения кампании. Так, 11 декабря французы узнали, что Наполеон провел успешную военную операцию на Березине⁴⁸⁹. 22 декабря в газетах была опубликована выдержка из швейцарской периодики об этом событии: «Швейцарцы

---

⁴⁸⁷ Попов А.И., Хомченко С.Н. Дневник и письма голландского капитана К.А. Гайзвайт ван дер Неттена о плене в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Выпуск XIV. Сборник материалов. М., 2016. С. 333-345.

⁴⁸⁸ Le Journal de l'Empire. 1812. 10 décembre.

⁴⁸⁹ Ibid. 11 décembre.

мужественно сражались с русскими. Ничто их не остановило. Это прекрасная страница нашей военной истории»⁴⁹⁰.

Обсуждение результатов войны в Сенате, отчет о чем был опубликован 21 декабря 1812 г., было призвано поддержать бравурный тон в отношении результатов русской кампании⁴⁹¹. Речи депутатов должны были закрепить официальный образ событий 1812 г. в памяти французов: «Сир, французы одержали победу в походе на Москву. Неприятель не может говорить об успехе. Результаты его действий заключаются лишь в опустошении собственной страны, в поджоге древней столицы. В этой варварской тактике проявилась его дикость»⁴⁹². Наполеон, согласившись с этими словами, добавил, что значительные потери Великой армии были вызваны лишь суровым климатом. Так, уже после завершения кампании продолжилась война образов.

Письмо маршала Л.Н. Даву, опубликованное в январе 1813 г., прекрасно демонстрировало противоречивость в восприятии русскими и французами событий войны и невозможность принять версию противника: «Я с изумлением прочитал санкт-петербургские газеты, в которых пишут о том, что русские выиграли все сражения с Наполеоном. Как можно так нагло обманывать свой народ! Видимо, им очень трудно признать взятие Москвы. Они также не объявили себя побежденными в сражениях под Малоярославцем и на Березине»⁴⁹³.

Так пресса формировала и закрепляла на будущее основные образы 1812 г. в сознании французов. В последующие после русской кампании годы, когда участников покинули эмоции, а воспоминания о чувстве страха и безысходности были преданы забвению, эти образы систематически актуализировались. Сюжеты кампании являли не сцены борьбы за жизнь, а героическую эпопею, ставшую результатом работы «коллективного

---

⁴⁹⁰ Ibid. 22 décembre.

⁴⁹¹ Ibid. 21 décembre.

⁴⁹² Ibidem.

⁴⁹³ Ibid. 30 janvier.

воображаемого» об отступлении Великой армии. Одним из создателей этой эпопеи был шеф батальона Кох, который, вероятно, в период Ста дней Наполеона, попытался поддержать культ императора, используя свои воспоминания о русской кампании: «Это был грустный спектакль, который представляла собой французская армия к декабрю – марту 1813 г. Несмотря на это, солдаты продолжали верить в своего императора и во французскую нацию»⁴⁹⁴.

Дневники и письма французских солдат лишены подробных описаний военных действий 1812 г., но в их строках читается горечь сожаления и восхищение героизмом армии, а также восхищение императором. В сущности, именно эти эмоции и предопределили дальнейшую траекторию формирования образа войны и неприятеля как необходимого фактора объединения участников в экстремальных условиях. Когда эмоции были уже забыты, остались те образы, которые были созданы под их воздействием. Очевидно, что солдаты продолжали верить в это удобное «коллективное воображаемое», оправдывающее трагедию, о которой уже не хотелось помнить. Участники и современники событий оказались едины в своем желании оставить в истории героический образ Великой армии в период отступления.

---

⁴⁹⁴ Журнал 1815 г. // SHD. IM. 2138.

2.5. Русская кампания в мемуарах французских солдат: между «коллективной иллюзией» и индивидуальными воспоминаниями

«Прошлое – это другая страна: там все иначе», – этими словами начинается роман «Посредник» писателя Х. Лесли, герой которого, изучая свой детский дневник, вновь погружается в познание себя. Мы можем наблюдать и обратный процесс, когда участники событий прошлого через много лет уже глазами «другой» личности пытаются воспроизвести «пережитое».

Встреча с собственной памятью на страницах воспоминаний, как правило, вызывает стремление найти объяснение несбывшимся ожиданиям и вновь почувствовать себя частью большой истории. Создается впечатление, что участники временно предают прошлое забвению в ожидании подходящего момента, способствующего актуализации их воспоминаний. В связи с этим, историческая наука исходит из того, что более поздние воспоминания о событии, как правило, отражают оценку уже «другого человека», преследующего цели, диктуемые настоящим моментом. Вспоминаемый образ прошлого уже служит потребностям настоящего. В момент трансформации своего опыта в мемуары человек либо сознательно, либо неосознанно ищет свое место в меняющемся мире, определяющем его национальную, политическую идентичность в настоящем.

Как правило, мемуаристы не стремились отразить полную картину событий прошлого, а воссоздавали те сюжеты, которые отвечали их интересам в момент воспоминания. Известный российский историк, специалист по мемуаристике 1812 года А.Г. Тартаковский предложил классификацию воспоминаний по целям авторов: «При своем возникновении и на начальных этапах, соответствующих ранним ступеням исторического самосознания личности, когда она осмысляла себя, видимо, еще в сравнительно узких рамках внутреннего душевного опыта, произведения

мемуарного жанра (и дневники, и сами мемуары) создаются ради удовлетворения духовных потребностей автора, его близких и потомков»⁴⁹⁵.

При анализе воспоминаний солдат Великой армии мы, насколько это возможно, будем ориентироваться на цели, которые сподвигли авторов к осмыслению событий русской кампании. Следует отметить, что тема военной мемуаристики Наполеоновской эпохи остается достаточно актуальной в исторической науке⁴⁹⁶. В частности, историки, обращавшиеся к этому вопросу, сопоставили дальнейшие судьбы мемуаристов после окончания Наполеоновской эпохи и созданную ими картину прошлого. В качестве основной причины обращения участников событий к своим воспоминаниям историки обозначили возникшее чувство ностальгии по героической эпохе, которая придавала им ощущение сопричастности с великими историческими событиями и некой принадлежности к общности бывших сослуживцев.

Вслед за предыдущими исследователями, мы хотели бы привести небольшой анализ биографий, условий написания мемуаров чинов Великой армии, принявших участие в русской кампании. К сожалению, реконструировать историю создания воспоминаний большинством участников не представляется возможным. В связи с этим мы определим только некие типичные портреты мемуаристов Наполеоновской эпохи.

Как правило, солдаты Великой армии, осознавая в разные периоды своей жизни, что участие в Наполеоновских войнах стало самым значимым сюжетом их биографии, стремились оставить свое слово в этой эпопее, преследуя совершенно разные цели. Первыми включились в процесс осмысления русской кампании в период Реставрации Бурбонов бонапартисты и антибонапартисты⁴⁹⁷. Создавая, прежде всего, политическую историю, а не

⁴⁹⁵ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика. М.: Наука, 1991. 288 с.

⁴⁹⁶ См.: Petiteau N. *Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires*. P., 2011; Keegan J. *Anatomie de la bataille. Azincourt 1415. Waterloo 1815. La Somme 1916*. P., 1993; Calvet S. *Les officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle. Destins de braves*. P., 2011; Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. L., 2002.

⁴⁹⁷ Labaume E. *Relation complète de la campagne de Russie en 1812*. P., 1816; Vaudoncourt F.G. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812*. P., 1817; Segur F. *Histoire de Napoléon et de la*

свою личную, они осознавали, что участие в дискуссии о роли Наполеона в тех событиях позволит им заявить о себе и обозначить свою политическую принадлежность. Следует отметить, что среди первых мемуаристов, которые явно руководствовались определенными установками в интерпретации событий войны, более объективную картину удалось создать квартирмейстеру главной квартиры императора Ф.П. Сегюру.

Мемуаристы, стремившиеся осмыслить свое личное участие в кампании, а не написать политическую историю, как правило, были движимы чувством справедливости и нравственным долгом – восстановить свою честь. В этом плане, особо хотелось бы отметить воспоминания солдат 12-ой дивизии генерала Л. Партуно, которые были окружены и попали в плен на Березине. После такого бесславного результата официальная пропаганда Наполеона постаралась стереть из памяти французов сюжеты отчаянной борьбы этой дивизии.

Партуно, вернувшись из русского плена в 1814 г., начал процесс общественной реабилитации памяти о действиях своей дивизии⁴⁹⁸. Его воспоминания были представлены в формате писем, в первом из которых он выразил свое негодование фактом того, что в предыдущих мемуарах представлена искаженная версия действий его дивизии: «Я публикую детали военной операции для того, чтобы не допустить совершения ошибок последующими писателями»⁴⁹⁹. К этому процессу воспоминания подключились бывшие сослуживцы Партуно: генерал А.Ш. Делетр, генерал Бламон, генерал Камю, предложившие также в формате писем свою интерпретацию тех событий. Явно поддерживая своего командира, они написали, прежде всего, о проявленном дивизией героизме в битве за Старый Борисов⁵⁰⁰.

Grande Armée, pendant l'année 1812. P., 1824. V. 2; Gourgaud G. Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. P., 1825.

⁴⁹⁸ Partonneaux L. Lettre du lieutenant-général Cte Partouneaux sur le compte rendu de l'affaire du 27 au 28 novembre 1812. P., 1817.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 1.

⁵⁰⁰ Campagne de Russie: la 12 division de la Grande armée. P., 1826.

Участники, которые взялись за написание мемуаров позже, в период Июльской монархии, Второй империи, пережив не одну революцию, крах очередных надежд и смену режимов, уже воспринимали Наполеоновскую эпоху не как объект политических дискуссий, но как часть своей личной истории. Чувство ностальгии по ушедшей юности, расставание с мечтами о подвиге и славе диктовали им те сюжеты войны, которые, по их мнению, стоило запечатлеть.

Некоторые из мемуаристов, преследую целью восстановление истории человека на войне, ход военных действий, находили силы признаться, что уже многие факты к этому времени были просто забыты. К примеру, генерал Г.Л. де Лорансе в начале своих мемуаров отметил: «Мне приходилось бросать вызов моей памяти и сомневаться в точности описания событий, в которых я принял участие. Согласитесь, это похоже на безумие – писать о тех, кто уже далеко от меня»⁵⁰¹. Однако генерал считал, что его задача заключается в том, чтобы зафиксировать «переживания обычного солдата, который стал жертвой политической игры держав»⁵⁰². Видел свой долг в возрождении истории обычного солдата через свою автобиографию и капитан Ж.Р. Куанье, приступивший к написанию мемуаров после Июльской революции: «Это не история других, которую я записал, это – история моей собственной жизни, которую я поведал со всей искренностью солдата, исполнившего свой долг, и написал ее без предубеждений»⁵⁰³.

Л.Г. Монтиньи, выражая возмущение тем, что историки и мемуаристы заинтересованы лишь в том, чтобы привести факты военных действий, решил также посвятить свои воспоминания боевым товарищам, которые творили эту историю: «Большинство наших военных историков, вне зависимости от того участвовали ли они в кампаниях, занимаются лишь научными изысканиями. Они интересуются лишь тем, была выиграна или проиграна эта

---

⁵⁰¹ Lorencez G. Souvenirs militaires du général Lorencez. P., 1902. P. 3.

⁵⁰² Ibid. P. 4.

⁵⁰³ Coignet J.R. Les cahiers du capitaine Coignet. P., 1896. P. 11.

битва. Подсчитывая потери, они игнорируют основной ресурс, который обеспечивал сражение, – действия, переживания солдат»⁵⁰⁴.

Тем самым, мемуаристы, которые не стремились оставить свое слово в дискуссиях о действиях Наполеона, возрождали на страницах воспоминаний сюжеты, отразившие проявление героизма со стороны обычных солдат⁵⁰⁵.

В свете развития дальнейших событий во Франции мемуаристы стремились, вернувшись в прошлое, прежде всего, осмыслить свою роль в русской кампании и влияние этой войны на их судьбы. Некоторые из участников взялись за перо, не предполагая, что в дальнейшем их мемуары будут опубликованы.

Воспоминания солдат, которые писали для того, чтобы поделиться радостью побед и горечью поражений со своими родственниками, отличаются эмоциональностью и чувством ностальгии по ушедшей молодости. Как правило, на страницах мемуаров они вновь переживали когда-то вытесненные воспоминания, делились тем, что не могли осмыслить и рассказать близким сразу после возвращения из России. Так, капитан В. Бертран решил в период Второй империи, написав мемуары в 1861 г., вспомнить годы своей молодости, пришедшейся на эпоху Наполеона. В дальнейшем их опубликует его внук в 1906 г.⁵⁰⁶ Бертран в начале воспоминаний отметил, что хотел зафиксировать свои впечатления и жизнь солдата Великой армии. Капитан Ж.Н. Кюрели разделял подобные мысли, написав, что хотел бы оставить память о своем участии в кампаниях Наполеона для своих детей⁵⁰⁷.

Г. Пейрус, напротив, стремился к осмыслению не только военного опыта, но и к познанию историко-культурных особенностей стран, которые ему довелось посетить. Он писал свои воспоминания в годы Июльской

⁵⁰⁴Montigny L.G. Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée. P., 1833.

⁵⁰⁵Boulart F. Mémoires militaires. P., 1894; Réguinot S. Le Sergent isolé. Histoire d'un soldat pendant la campagne de Russie en 1812. P., 1831; Rigau D. Souvenirs des guerres de l'empire: réflexions, pensées, maximes, anecdotes, lettres diverses, testament philosophique. P., 1846; Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire. P., 1817. T. 4; Raymond F. Souvenirs du Nord, ou La guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. P., 1821.

⁵⁰⁶Bertrand V. Mémoires du Capitaine Bertrand. P., 1971.

⁵⁰⁷Curély J.N. Itinéraire d'un cavalier léger de la Grande-Armée. P., 1887.

монархии под влиянием возрожденного культа Наполеона в эти годы. После смерти чиновника его жена передала весь архив в библиотеку г. Каркасона.

Как правило, воспоминания, не предназначенные для публикации, отражают сюжеты личных впечатлений, без оценок политических или военных действий. Следует отметить, что именно на страницах подобных воспоминаний представлены наиболее трагические картины борьбы французских солдат с теми трудностями, которые выпали на их долю в России.

Вполне очевидно, что именно среди подобных мемуаров встречаются критические замечания в адрес Наполеона. В этом плане интерес представляют воспоминания полковника Ж.Н. Ноэля, которые были написаны им на основе дневника⁵⁰⁸. Автор полагал, что только амбиции Наполеона стали причиной войны и последующей катастрофы для Великой армии: «Причиной этой бессмысленной войны стали безумные амбиции единственного человека. Это завоевание привело к катастрофе и гибели наших смелых товарищей»⁵⁰⁹.

Большинство мемуаристов много лет спустя, осознавая, что период Первой империи был самым ярким в их жизни, стремились выразить свою признательность и верность Наполеону⁵¹⁰. Как правило, в их памяти остался образ Наполеона-героя, и все факты, не соответствовавшие этим представлениям, вытеснялись. Это и предопределяло то, что именно на страницах подобных воспоминаний при описании русской кампании появляются сюжеты, принижающие действия неприятеля.

Так, су-лейтенант 8-го конно-егерского полка М. Комб прямо заявлял о своем восхищении, которая была свойственна большинству мемуаристов, императором: «Основные события моего военного пути связаны со

⁵⁰⁸Noël J.N. Souvenirs Militaires d'un Officier Du Premier Empire // Carnet de la Sabrenach. 1895. № 3.

⁵⁰⁹Ibid. P. 438.

⁵¹⁰Griois Ch.P. Mémoires du général Griois. T.2 . P., 1909; Rapp. J. Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon. P., 1823; Combe M. Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie, 1812, de Saxe, 1813, de France, 1814 et 1815. P., 1853; Saint-Chamans A. Mémoires du général Cte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult, 1802-1832. P., 1896; Thirion A. Souvenirs militaires. P., 1892; Rigau D. Souvenirs des guerres de l'empire: réflexions, pensées, maximes, anecdotes, lettres diverses, testament. P., 1846.

служением Наполеону, моя преданность к нему до сих пор не угасла»⁵¹¹. Одним из таких преданных императору солдат был и полковник Т. Серюзье, чья судьба после падения Империи сложилась трагично. Он прошел русский плен, принял участие в заговоре бонапартистов в 1817 г. и по этой причине оказался в тюрьме. Серюзье признался, что именно в заключении он и решил написать мемуары, которые изначально не предназначались для публикации⁵¹². Капитан М.Л. Бодю уже в годы Июльской монархии продолжал бороться с теми участниками войн, которые оставили критичные отзывы о действиях Наполеона: «Я стремился опровергнуть несправедливые обвинения Сегюра и Шамбре, вдохновляясь великой историей Наполеона. Я пишу эти строки в память о великом человеке, который подарил нам демократию»⁵¹³.

Глубокую верность Наполеону в своих воспоминаниях выразил и капитан Ж.М. Мерме⁵¹⁴. Известна трогательная история его службы и жизни. В течение двадцати пяти лет он, участвуя в кампаниях Наполеона, не имел возможности вернуться домой. Когда его мать узнала о том, что почти вся армия погибла в снегах России, она с уверенностью произнесла, что ее сын жив. Наконец, дождавшись возвращения Мерме, она через несколько месяцев скончалась.

Отдав двадцать пять лет службе императору, Мерме решил обратиться к истории кампаний Наполеона после установления Второй империи, демонстрируя верность и Наполеону III: «Если бы Наполеон вернулся из другого мира, я бы вышел из своей могилы, чтобы следовать за ним. Если его племянник нуждается во мне, я готов вновь взяться за оружие, чтобы защитить нашу жизнь в надежде на лучшее будущее»⁵¹⁵. По всей видимости, участие в этих событиях было самым значимым этапом его жизни, и на

---

⁵¹¹ Combe M. Op. cit. P. 49.

⁵¹² Sérurier T. Mémoires militaires du baron Sérurier, colonel d'artillerie légère. P., 1894.

⁵¹³ Baudus G. Études sur Napoléon. P., 1841. V. 1.

⁵¹⁴ Merme J. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier. P., 2011.

⁵¹⁵ Ibid. P.10.

надгробии Мерме вырезано название его мемуаров «От пирамид до Москвы».

Конечно, по прошествии времени судьбы солдат Наполеона разошлись, но русская кампания не оставила их равнодушными. Это событие, в котором они узнали радость побед и горечь поражений, крах всех надежд и несправедливость судьбы к победителям. Однако под влиянием чувства ностальгии по тому героическому времени, либо же из-за критики действий императора участники «переписали» историю русской кампании.

Вполне очевидно, что занимаемый участниками чин в 1812 г. не влиял на последующую интерпретацию событий; оказали воздействие, скорее, обстоятельства дальнейшей жизни и политические изменения во Франции. Основная часть мемуаристов приступила к написанию воспоминаний в эпоху Июльской монархии и Второй империи, когда в сознании французского общества актуализировался вопрос о трактовке образа Наполеона. В сущности, мемуаристы неосознанно позволяли эпохе властвовать над их воспоминаниями. Но, через предлагаемые сюжеты, в свою очередь, бывшие солдаты тоже конструировали память общества о русской кампании. Так, взаимовлияние эпохи и памяти участников событий и определили образ прошлого.

Свидетельства мемуаристов нередко разочаровывают историков, стремящихся к воссозданию полной картины исторических событий. Тем не менее, созданные мемуаристами образы русской кампании, вслед за отражением этих событий в дневниках и письмах, предопределили процесс трансформации исторической памяти французов.

Попытаемся обратиться к тем образам событий, которые (образы) создавались на страницах воспоминаний участников, благодаря чему формировался новый этап в интерпретации русской кампании Наполеона.

Как нам уже известно, первые мемуаристы стремились, в основном, к тому, чтобы осмыслить причины поражения Наполеона. Либо оправдывая его действия, либо подвергая их критике. В результате «баталии» бывших

солдат Наполеона разгорелись на страницах мемуаров. Одним из первых начал дискуссию о русской кампании капитан инженерных войск Э. Лабом, преследовавший целью умалить роль Наполеона в событиях войны 1812 г.⁵¹⁶ По мнению мемуариста, главная причина русской кампании заключалась в удовлетворении политических амбиций французского императора⁵¹⁷. Однако в поле зрения критического взгляда Лабома оказался не только император, но и французские солдаты. Он детально описывает, как уже в Польше, в начале кампании, солдаты начали промышлять грабежами. Столь же «резвым взглядом» автор постарался оценить и действия русской армии и местного населения, уничтожающего ресурсы собственной страны, чтобы они не достались неприятелю⁵¹⁸.

Такая оценка во многом была предопределена крахом надежд, ради которых многие годы сражалась Великая армия. Однако часть солдат продолжала хранить верность Наполеону, и труд Лабома вызвал волну возмущения в среде бонапартистов, от лица которых выступил генерал Ф.Г. де Водонкур. Он участвовал почти во всех войнах Наполеона и даже перенес тяготы русского плена.

Несмотря на быструю смену событий, обернувшихся против императора, генерал остался ему верен. Его воспоминания о характере и смысле русской кампании были кардинально противоположны идеям Лабома⁵¹⁹. Водонкур предпочел представить детальный анализ политических и экономических причин войны. В результате размышлений по этому вопросу автор пришел к выводу, что для Наполеона эта война стала защитой национальной чести: «Враждебность России, которую она проявляла с 1811 г., заставила бы любого разумного человека развязать эту кампанию»⁵²⁰. Автор особо отметил военное преимущество Великой армии перед противником в начале кампании, акцентировав внимание на том, что у

---

⁵¹⁶ Labaume E. Op. cit.

⁵¹⁷ Ibid. P. 8.

⁵¹⁸ Ibid. P. 33.

⁵¹⁹ Vaudoncourt F.G. Op. cit.

⁵²⁰ Ibid. P. 47.

русских не было заранее продуманного плана военных действий. Водонкур не скрывал своего возмущения тем, что русские «приписали» себе все победы кампании⁵²¹. Описывая действия армии противника, он отметил, что подобное поведение неприятеля было предопределено его дикостью: «Варварские народы Востока всегда стремились подчинить более развитые цивилизованные народы»⁵²².

Отметив значительные преимущества французов, Водонкур связал поражение Великой армии в России только с климатом, но не с военными действиями русских: «Не стоит этим хвалиться. Истинная причина военных катастроф Франции связана с особенностями сезона, а не с комбинациями вражеских генералов. Этот факт им хорошо известен, также как и нам»⁵²³.

Следующая волна дискуссий о результатах русской кампании была вызвана выходом книги «История Наполеона и его Великой армии» графа Ф.П. де Сегюра⁵²⁴. Автор следующим образом прокомментировал цель своего исследования: «Вновь восходит звезда павшего человека. Я нахожу его деятельность исключительно губительной»⁵²⁵. Несмотря на то, что Сегюр прошел русскую кампанию рядом с Наполеоном, он все же попытался представить объективный взгляд стороннего наблюдателя на события той войны. В качестве причин конфликта Сегюр назвал политические амбиции как французского, так и русского императора. Однако автор отметил, что Наполеон серьезно переоценил свой талант и недооценил способности императора Александра I: «Вместо того, чтобы остановиться, он (Наполеон – А.П.) решил принести в жертву все, чтобы достичь этой победы, которая не имела никакой вразумительной цели»⁵²⁶.

Сегюр полагал, что Наполеон должен был завершить войну еще в Польше, когда осознал, что стремление поляков к свободе своего государства

---

⁵²¹ Ibid. P. 58.

⁵²² Ibid. P. 78.

⁵²³ Ibid. P. 62.

⁵²⁴ Ségur F. P. Op. cit.

⁵²⁵ Ibid. P. 2.

⁵²⁶ Ibid. P. 11.

было всего лишь иллюзией императора⁵²⁷. Вместе с тем Сегюр заявил, что не стоило причины этого краха сводить только к действиям одного человека⁵²⁸. По его мнению, в этот момент проявился своего рода принцип исторической закономерности, когда деспотизм, разрушив европейские ценности, привел к краху империю.

Концепция Сегюра вновь активизировала силы бонапартистов. Так, ординарец бывшего императора Г. Гурго выразил свое возмущение тем, как Наполеон был изображен в произведении Сегюра и предложил в ответ свою трактовку тех событий⁵²⁹. Обмен письмами между двумя авторами в конечном итоге привёл к дуэли, закончившейся ранением Сегюра. Дуэль вновь заставила французское общество вспомнить о Наполеоновской эпохе и способствовала обретению известности «летописцев императора». Тем самым Наполеон снова стал фигурантом политических баталий.

Гурго в большей степени был склонен к оправданию действий Наполеона, используя факты для опровержения утверждений Сегюра об императоре, при этом не утруждая себя стремлением охватить всю картину событий целиком. Это было не удивительно, ибо офицер-ординарец Гурго никогда не останавливался перед тем, чтобы проявить верность императору в своеобразной экзальтированной форме. Во время похода в 1812 г. он постоянно находился при Наполеоне, три года провел с императором в изгнании на о-ве Св. Елены, а после высылки оттуда до конца своих дней боролся за упрочение памяти о французском императоре.

В самом начале своего опуса Гурго сказал о преследуемой им цели так: «Заявления Сегюра о людях, с которыми он воевал в течение многих лет, наводят на размышления о вымышленности всех описанных им событий»⁵³⁰. Гурго с абсолютной уверенностью отметил, что произведение Сегюра – это всего лишь художественный роман, который намного хуже даже труда В.

---

⁵²⁷Ibid. P. 93.

⁵²⁸ Ibid. P. 12.

⁵²⁹ Gourgaud G. Op. cit.

⁵³⁰ Ibid. P. 2.

Скотта. Опровергая выводы Сегюра, автор заявил, что основная цель войны с Россией на самом деле заключалась в необходимости борьбы с Англией⁵³¹.

«Дуэль» Гурго и Сегюра существенно повлияла на всю последующую мемуаристику, став основой для концепций авторов, разделившихся на критиков и апологетов Наполеона. Оставить свой след в этой дискуссии решил и генерал Ж. Рапп, предложив еще одну версию причин конфликта. Весь смысл русской кампании он свел к борьбе Европы с варварством: «Европа – единая нация, которая должна была выступить против варваров, разгуливавших на границах ее дома»⁵³².

По мнению генерала, основной вопрос, вызвавший эскалацию конфликта, – достижение независимости Польши. На страницах своих мемуаров он писал так: «Какое право имели русские врываться в Польшу? Кто виноват в этом?»⁵³³. Ответы на эти вопросы становятся очевидными для читателей представленных мемуаров – Наполеон должен был наказать русских и освободить Польшу.

Более глубокий политический контекст причин военного конфликта несколько лет спустя после публикации мемуаров Раппа представил маршал Л. Гувиньон Сен-Сир. Проанализировав развитие русско-французских отношений перед кампанией, он пришел к выводу, что главным агрессором был император Александр. Наполеон, в свою очередь, был вынужден ответить на провокации со стороны России: «Настойчивая враждебность России и Англии создавала угрозу миру и провоцировала формирование новой коалиции против Наполеона»⁵³⁴. Он же высказал мысль, которая получила дальнейшее развитие во французской традиции, о характере войны: «Наполеон хотел вести политическую войну, а Александр национальную и религиозную»⁵³⁵.

---

⁵³¹ Ibid. P. 100.

⁵³² Rapp J. Op. cit. P. 142.

⁵³³ Ibid. P. 143.

⁵³⁴ Gouvion Saint-Cyr L. Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire maréchal Gouvion Saint-Cyr. P., 1831. T. 3. P. 12.

⁵³⁵ Ibid. P. 19.

Подобные идеи разделял и капитан М.Э. Бодю, включившись в это обсуждение уже в годы Июльской монархии. В качестве главной причины конфликта он обозначил нарушение Россией Континентальной блокады⁵³⁶. По его мнению, Наполеон хотел сохранить мир в Европе, поэтому был вынужден включиться в войну с Россией⁵³⁷. Подобные идеи об агрессивных действиях русских обозначил в своих мемуарах и генерал Г. де Лорансе⁵³⁸.

Череду апологетических мемуаров, опубликованных в годы Июльской монархии и Второй империи, прервали участники похода, чьи воспоминания были опубликованы во второй половине XIX в. Для них эта война была уже не героической историей, а страницей в их биографии. Тем не менее, они, под воздействием предыдущих трудов, все же решились поразмышлять над проблемой происхождения войны.

Так, Ж. Ноэль, считая русскую кампанию бессмысленной, осмелился заявить, что основная причина войны заключалась в амбициях Наполеона⁵³⁹. Хирург Ф. Мерсье, который в конце кампании попал в плен, обвинил Наполеона в тщеславии, приведшем армию к катастрофе: «Падение или смерть завоевателя неизбежно влечет за собой крушение всех его планов и уничтожение всех его завоеваний. Стоит лишь вспомнить Александра Македонского, Карла Великого, Чингисхана и самого Наполеона, чтобы признать справедливость только что сказанного»⁵⁴⁰.

Основная часть мемуаристов все же постаралась обойти дискуссионные вопросы, вписав историю войны в пространство своих личных воспоминаний и впечатлений, предопределив переход от политической истории к истории человека. Так, уже в мемуарах 1829 г. барон Фэн, демонстрируя объективность, отметил, что в войне сложно определить виновного, так же, как понять, кто друг, а кто враг⁵⁴¹.

---

⁵³⁶ Baudus G. Op.cit. P. 104.

⁵³⁷ Ibid. P. 340.

⁵³⁸ Lorencez G. Op. cit. P. 77.

⁵³⁹ Noël J.N. Op. cit. P. 438.

⁵⁴⁰ Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 3.

⁵⁴¹ Fain A.J. Memoires du Baron Fain, Premier Secretaire du Cabinet de l'Empereur. P., 1908. P. 13.

Основная часть мемуаристов, не вдаваясь в детали политических или экономических причин войны, утверждала, что солдаты рассматривали эту кампанию как еще одну героическую страницу в своей карьере и истории Первой империи. Например, барон П. Денье в начале своих воспоминаний, демонстрируя осмотрительность, отметил, что не хотел бы погружаться в решение вопроса о причинах войны, акцентируя внимание на впечатлениях обычного солдата⁵⁴². Денье, считая, что в необходимости этой войны были убеждены все участники, описывает армию перед кампанией следующим образом: «Солдаты были объаты жаждой героизма, вспоминая Ваграм и Аустерлиц»⁵⁴³.

Однако все же, как в дневниках, так и в воспоминаниях встречается мнение, что солдаты не были осведомлены о планах Наполеона в отношении России. К примеру, майор Ф. Булар вспоминал, что неосведомленность о направлении движения создавала ощущение страха, которое офицер запомнил на всю оставшуюся жизнь: «Будущее было расплывчатым, но все свидетельствовало о том, что мы идем против России»⁵⁴⁴. Далее майор, выразив сомнение в необходимости этой авантюры, задавался вопросом: «Какие у нас основания стремиться к освобождению Польши? Разве мы не удовлетворены результатами прошлых сражений с русскими?»⁵⁴⁵

Комб, вспоминая русскую кампанию, признался, что не понимал целей этой войны. Он выразил свое возмущение тем, что «французы покинули самую красивую страну в мире, чтобы пойти в холодную Россию»⁵⁴⁶. В конце этих размышлений он добавил: «Однако мы с преданностью и энтузиазмом следовали за своим императором»⁵⁴⁷. Старший адъютант Ж. Байли, стремясь найти позитивные моменты в приобретенном им опыте, отметил, что

---

⁵⁴² Denniée P. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842.

⁵⁴³ Ibid. P. 11.

⁵⁴⁴ Boulart F. Op. cit. P. 240.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 241.

⁵⁴⁶ Combe M. Op. cit. P. 48.

⁵⁴⁷ Ibidem.

относился к русской кампании как к познанию новой культуры, как к своего рода «путешествию Робинзона Крузо»⁵⁴⁸.

Именно подобное культурное наслаждение от начала похода получил казначей в администрации Главной квартиры Великой армии Г. Пейрус. Признаваясь, что не знал о направлении движения Великой армии вплоть до начала русской кампании 1812 г., он подробно описал свое путешествие по Германии, Польше, акцентируя внимание на историко-культурных особенностях этих территорий. Так, проезжая немецкие земли, он вспоминал события Тридцатилетней войны, демонстрируя свои великолепные познания в истории. Пейрус с особым восхищением писал, что был счастлив оказаться в замке Вартбург, где много лет скрывался Мартин Лютер⁵⁴⁹. Вполне очевидно, что после обозрения этой вековой красоты он был поражен видом бедных деревянных домиков польских крестьян⁵⁵⁰.

Именно с пребыванием в Польше оказались связаны размышления солдат о смысле русского похода. Многие мемуаристы, акцентировав внимание на энтузиазме, с которым поляки встречали французов, уверовали в свою освободительную миссию⁵⁵¹. Так, борьбой поляков за свою свободу восхищался и Р. Фор, хирург 1-го кавалерийского корпуса: «Польша своим примером доказала, что главное в жизни человека и народа – быть свободным»⁵⁵².

Денье вспоминал, с каким энтузиазмом польское дворянство встретило Наполеона: были организованы празднества, бал в честь французской армии. В тот момент, признавался Денье, у него промелькнула надежда на «успешное завершение кампании»⁵⁵³. Старший адъютант Х. Эвертс, вспоминая энтузиазм поляков, заявлял, что они почитали Наполеона как

⁵⁴⁸ Bailly J. Souvenirs et anecdotes // Revue des Études historigues. 1904. P. 601.

⁵⁴⁹ Peyrusse G. Op. cit. P. 75.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 76.

⁵⁵¹ Bailly J. Op. cit.; Васютинский А. М. Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. С. 31; Boulart F. Op. cit.

⁵⁵² Faure R. Op. cit. P. 4.

⁵⁵³ Denniée P. Op. cit. P. 68.

Бога⁵⁵⁴. Однако в особенности ему запомнились балы, на которых «польские дамы поражали своим знанием французского языка»⁵⁵⁵.

Для Булара самый приятный момент этой кампании также был связан именно с Польшей, а точнее с польской девушкой⁵⁵⁶. В Витебске в поисках еды он зашел в одно «шато», где и встретил «польскую даму», хорошо говорившую на французском языке⁵⁵⁷. Воспользовавшись гостеприимством, он в течение нескольких дней обучал ее «тонкостям французской кухни». По воспоминаниям Булара, польская дама выражала особое почтение Наполеону, заявляя, что литовцы надеются на возрождение Польши. Много лет спустя он признался, что для него это была настоящая «польская любовь».

Комб особо отметил помощь, которую польские крестьяне оказывали французам: «Местные крестьяне говорили, что рады присутствию французов и поставляли нам еду»⁵⁵⁸. Убеждал читателей в благородности намерений Наполеона по отношению к Польше и Рапп⁵⁵⁹. В свою очередь, воспоминания Гриуа о Польше были связаны только с бросавшимся в глаза социальным неравенством и малолюдностью: «Поселения Польши смешанные: встречаются богатые дворцы и бедные дома крестьян. Основная часть населения сбежала в леса»⁵⁶⁰. Он был поражен роскошью дворцов аристократов, которая не встречалась даже во Франции. Капитан Л. Бро, разделяя подобные впечатления о социальном неравенстве, много лет спустя вспоминал жалкий вид польских крестьян, «рабов», которые пели пронзительные душевные песни о свободе своей Родины⁵⁶¹.

Л.Н. Плана де Ля Фэ, адъютант генерала Ж. Ларибуасьера, на основе найденного им через много лет после войны в своем личном архиве письма к

⁵⁵⁴ Everts H.P. Campagne et captivité de Russie // Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective. 1901. № 9. P. 631.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 632.

⁵⁵⁶ Boulart F. Op. cit. P. 246.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 94.

⁵⁵⁸ Combe M. Op. cit. P. 54.

⁵⁵⁹ Rapp J. Op. cit. P. 143.

⁵⁶⁰ Griois. Op. cit. P. 12.

⁵⁶¹ Bro L. Mémoires du général Bro. P., 1914. P. 109.

жене из Вильно от 15 июля, передал те чувства, которые охватили французских солдат в тот момент: «У солдат вновь появилось стремление к борьбе, и они забыли печальные предчувствия. Все офицеры, включая меня, были готовы сражаться за своего великого императора. Спустя двадцать пять лет, читая это письмо, меня переполняют чувства, которые я испытал в тот момент»⁵⁶².

По всей видимости, не все мемуаристы разделяли подобные впечатления. Так, воспоминания полковника А. Сент-Шамана о первых днях кампании отличались тем, что их автор расценивал происходившее как авантюру императора. Полковник подчеркивал, что Наполеон не горел идеей спасения поляков; все его речи звучали «холодно и сухо», его единственным желанием было стремление реализовать свои тщеславные амбиции⁵⁶³. Согласно Сен-Шаману, большинство французских солдат также не стремились бороться за идею польской свободы, используя время пребывания в Польше для грабежа местных жителей⁵⁶⁴.

Сержант Регино, который из-за раны был вынужден остаться в Вильно и не принимал участия в последующих событиях, отметил, что находился в постоянном страхе за свою жизнь: «Поляки советовали нам как можно скорее покинуть их страну, заверяя нас, что у евреев есть план убийства всех французов, которые находились в Вильно. Эти варвары до сих пор надеются реализовать свой проект уничтожения представителей иных культур»⁵⁶⁵.

Регино не принял участия ни в одном из сражений кампании 1812 года. Ориентируясь исключительно на последующие воспоминания своих товарищей, он описал русскую армию следующим образом: «Русские как очень агрессивный враг больше напоминают дикарей, чем европейских солдат»⁵⁶⁶. Сержант был очень критичен не только по отношению к неприятелю, но и при описании действий своих сослуживцев. В мемуарах он

⁵⁶² Planat de La Faye N.L. Mémoires et correspondance. P., 1874. P. 72.

⁵⁶³ Saint Chamans A. Op. cit. P. 213.

⁵⁶⁴ Ibid. P. 214.

⁵⁶⁵ Réguinot. Op. cit. P. 37.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 3.

вспомнил об одном эпизоде общения французских солдат с польским крестьянином. Французы, требуя продовольствия от поляка, ударили его ножом. Поляк, чувствуя уязвимость своего положения, не решался дать французам отпор. В этот момент Регино подбежал к крестьянину и перевязал ему рану⁵⁶⁷. Этот акт доброты стал для него самым памятным сюжетом пребывания в России, во многом оправдывавшим в его собственных глазах то, что он так и не стал участником великих сражений.

Регино остался в Вильно, а остальная армия продолжила свое движение за новыми «впечатлениями» и последующими воспоминаниями. Оказавшись на «русской территории», часть участников попытались понять культурные особенности этой части Российской империи, заметно отличавшейся от ее западных регионов. Булар вспоминал, как на подступах к Смоленску он изучал азиатские черты в архитектуре русских поселений⁵⁶⁸. Л.Ж. Вьонне де Маренгоне, шеф батальона императорской гвардии, увидел совершенно иную архитектуру, больше напоминающую греческий стиль. Свое особое восхищение вызвали у него церкви Гжатска. Разглядывая иконы и росписи на стенах одной из православных церквей, Маренгоне был удивлен, увидев копию картины Леонардо да Винчи «Спаситель мира»⁵⁶⁹.

Конечно, большинству солдат были чужды подобные культурные изыскания. Их мысли были направлены на скорейшее завершение кампании и на возвращение во Францию⁵⁷⁰. Основная часть участников похода отметила, что уже в начале войны обозначились серьезные проблемы у Великой армии с ресурсами⁵⁷¹. Так, капитан Био вспоминал, как страдал от голода и как был благодарен своему товарищу, который недалеко от Минска угостил его курицей, хлебом и бутылкой водки⁵⁷². Капитан А. Шерон

---

⁵⁶⁷ Ibid. P. 4.

⁵⁶⁸ Boulart F. Op. cit. P. 248.

⁵⁶⁹ Vionnet de Maringonee L. J. Campagnes de Russie et de Saxe (1812-1813). P., 1899. P. 5.

⁵⁷⁰ Boulart F. Mémoires militaires. P. 248.

⁵⁷¹ Vaudoncourt F.G. Op. cit. P. 148.

⁵⁷² Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901. P. 24.

отметил, что уже в начале войны в Великой армии возникли проблемы с военной дисциплиной⁵⁷³.

Большинство чинов, надеявшихся на скорое завершение кампании, на страницах мемуаров выразило свое негодование тем, что русская армия постоянно отступает, избегая при этом битв и занимаясь разорением собственной территории⁵⁷⁴. «Русские после себя оставляют только руины»⁵⁷⁵, – отметил Денье. Тирион сравнил подобную тактику с «игрой в бары»⁵⁷⁶.

«Несмотря на то, что с момента вторжения французов в Россию русские войска не переставали, отступая, превращать все позади себя в пустыню, предавая огню как деревушки, так села и города, Наполеон, конечно, не мог предвидеть, да и никто вообще не мог заподозрить, что русские примут такое дикое, хотя быть может и героическое решение превратить в руины свою старую столицу, свой священный город, предмет их общего национального культа»⁵⁷⁷, – так рассуждал о принятой русскими тактике, которая в итоге привела к разрушению Москвы, военный хирург Ф. Мерсье. Ж. Мерме, стремясь все-таки подчеркивать превосходство французской армии даже в таких условиях, внес в традицию новый сюжет, согласно которому император Александр I якобы приказал русским отступить, поскольку он еще помнил сражение при Аустерлице⁵⁷⁸.

Долгие ожидания французскими солдатами в начале кампании решительного боя обусловили то, что почти во всех воспоминаниях Смоленск стал одним из центральных сюжетов кампании. Однако, если в письмах и дневниках солдаты связывали с этой битвой особые надежды на завершение войны, то в мемуарах этот момент исчезает, как и чувство

⁵⁷³ Cheron A. *Memoires inedites sur la campagne de Russie*. P., 2001. P. 19.

⁵⁷⁴ См.: Boulart F. *Op. cit.*; Labaume E. *Op. cit.* P. 12; Vionnet de Maringonee L. J. *Op. cit.* P. 30; Planat de La Faye N.L. *Op. cit.* P. 75.

⁵⁷⁵ Denni e P. *Op. cit.* P. 51; Васютинский. Указ. соч. С. 95.

⁵⁷⁶ Thirion A. *Op. cit.* P. 31; смысл «игры в бары» заключается в том, что участники должны пробежать от одного дома к другому, не будучи замеченными друг другом.

⁵⁷⁷ Руа И. Указ. соч. С. 56.

⁵⁷⁸ Merme J. M. *Op. cit.* P. 87.

радости от достигнутой победы. Участники кампании в своих мемуарах теперь стремились заполнить этот отрезок повествования иными сюжетами.

В частности, сержант Бургонь сосредоточился на описании древних построек города, которые раскинулись перед взором французской армии⁵⁷⁹. Большинство же участников похода предпочли указать на недостатки в действиях русских, нежели анализировать свое поведение и результаты битвы. Так, Водонкур, вспоминая смоленское сражение, заострил внимание на трусости и нерешительности противника: «До того, как большая французская армия вторглась в пределы Российской империи, русские хвалились тем, что быстро одержат над ней победу. Но в первом же сражении на своей земле они потерпели поражение»⁵⁸⁰. Рапп, пытаясь в каждом своем слове оправдать действия Наполеона, также отметил трусость русских: «Русские не смогли защитить стены города от натиска победоносных французских войск»⁵⁸¹.

Эффективность действий Наполеона применительно к этому сражению особо подчеркнул даже Сегюр, считая, что решение Наполеона не задерживаться в Смоленске и продолжать преследование неприятеля было верным⁵⁸². Хирург Д. Ларрей, написавший мемуары одним из первых, запечатлел героизм солдат Великой армии: «Взятие Смоленска будут помнить как один из героических актов этой достойной кампании»⁵⁸³.

В воспоминаниях же большинства участников смоленское сражение запомнилось разрушением города как символа утраты всех надежд на завершение кампании⁵⁸⁴. Рапп не сдержал своей досады тем, что в качестве победного трофея французы получили горящий город⁵⁸⁵. Жомини отметил, что захват Смоленска стал первым актом осмысления французскими солдатами войны как цивилизационного конфликта: «Единственный

⁵⁷⁹ Bourgogne A.J. Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1856. P. 13.

⁵⁸⁰ Vaudoncourt F.G. Op. cit. P. 152.

⁵⁸¹ Rapp J. Op. cit. P. 154.

⁵⁸² Segur F. Op. cit. P. 320.

⁵⁸³ Larrey D. J. Op. cit. P. 3.

⁵⁸⁴ Denniée P. Op. cit. P. 62.

⁵⁸⁵ Rapp J. Op. cit. P. 58.

священник, оставшийся в городе и не желавший покинуть своей паствы, доказал нам своими ответами, как настроены были жители против французов, которых им описывали в самых черных красках. Все, что было связано с религиозным или патриотическим чувством, — все было сожжено. Можно было предвидеть, что ко всем лишениям перенесенным нами в Литве, здесь еще присоединятся все ужасы национальной войны»⁵⁸⁶.

Зрелище разрушенного города вызвало у Пейруса размышления о том, что «русские уничтожением своей собственной территории» проиграли борьбу цивилизаций⁵⁸⁷.

Шеф эскадрона О.Л. Дюверже отметил, что желанием основной части солдат был отдых и еда. В частности, он вспоминал, что сам расположился на ступенях храма и глубоко заснул⁵⁸⁸. Участники похода особенно негодовали по поводу того, что местные жители покинули город. «Вот глупцы! Оставили все свое имущество!»⁵⁸⁹, – восклицал Водонкур.

Ужасное зрелище опустошенного Смоленска представил Лабом на страницах своих мемуаров: «Мы шли среди развалин и трупов; дворцы еще догорали и представляли собою только стены. Под их обломками виднелись скелеты сгоревших жителей. Уцелевшие дома были заняты солдатами, а на пороге стояли их прежние хозяева»⁵⁹⁰. Лабом, который писал мемуары сразу после завершения кампаний Наполеона, представил весь трагизм создавшейся ситуации: «С одной стороны было горе побежденных, с другой – гордость победителей»⁵⁹¹. Ф. Мерсье в своих мемуарах признался, что вид больных и раненых в Смоленске – это наиболее

⁵⁸⁶ Васютинский. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸⁷ Peyrusse G. Op. cit. P. 87.

⁵⁸⁸ Васютинский. Указ. соч. С. 96.

⁵⁸⁹ Vaudoncourt F.G. Op. cit. P. 152.

⁵⁹⁰ Labaume E. Op. cit. P. 56.

⁵⁹¹ Ibid. P. 59.

памятный сюжет, который продолжал в последующие годы ввергать его в ужас⁵⁹².

Обездоленность местных жителей стала основным сюжетом описания Смоленска и в мемуарах капитана Ж.М. Жиро де Лэна. Он вспоминал, как в разрушенном городе все жители, лишившиеся своих домов, собрались в одной церкви: «В ней было полно женщин и детей, которые пришли сюда в поисках убежища. Более трагичной картины я никогда не видел в жизни»⁵⁹³. Вспоминая о разрушенном городе, Бертезен задавался вопросом: «Что русские хотели извлечь из этого варварского действия?»⁵⁹⁴

Бертран, спустя много лет подводя итоги этому сражению, смог написать только следующие строки: «Такова была великая битва... От святого города оставалась только часть построек, в том числе и церковь, которая казалась мне замечательной по величию восточной архитектуры. Но она была наполнена мертвыми и умирающими»⁵⁹⁵.

Бро вспоминал, как на развалинах города он писал письмо жене, в котором не скрывал своего возмущения «варварской» тактикой русских⁵⁹⁶. В Смоленске Бро столкнулся с русскими крестьянами, которые собирались похитить продовольствие у французов, но он их отпустил из-за того, что у них был совершенно «жалкий вид»⁵⁹⁷.

Совершенно определенно, что большинство солдат запомнили только те сюжеты, которые не травмировали их память. Лишь немногие смогли признать тяжесть разочарования результатами битвы. Так, Булар отметил, что результаты сражения не соответствовали ожиданиям Великой армии: «До Смоленска мы были абсолютно убеждены, что одна победа сможет решить исход всей кампании»⁵⁹⁸. В мемуарах уже не слышится того победного

⁵⁹² Roy J.J.E. Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Tours, 1870.

⁵⁹³ Girod de l'Ain J.M. Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 a 1815. P., 1873. P. 34.

⁵⁹⁴ Berthezène P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. T. 2. P. 22

⁵⁹⁵ Bertrand. Op. cit. P. 84.

⁵⁹⁶ Bro L. Mémoires. P., 1914. P. 113.

⁵⁹⁷ Ibid. P. 113.

⁵⁹⁸ Segur F. Op. cit. P. 248.

восторга, который участники похода стремились выразить в своих письмах. «Войска, утомленные тяжелым и гибельным походом, видели, как цель этого похода все более от них удаляется; было решено остановиться в Смоленске, но теперь это стало невозможным. Немудрено, что войска пали духом!» – вспоминал Жомини⁵⁹⁹.

Очевидно, что со Смоленска для большинства участников похода война стала носить уже совершенно иной смысл – не политического конфликта, но борьбы на уничтожение. В то же время Смоленск стал первым серьезным опытом столкновения с неприятелем на территории России. В связи с этим на страницах мемуаров стали появляться первые описания русской армии и первые зарисовки местных жителей.

Чувство разочарования ходом событий участники похода стремились компенсировать описанием варварства неприятеля. Так, на страницах мемуаров после Смоленска особенно часто начали встречаться сюжеты дикого опустошения русскими своей территории⁶⁰⁰. «Чем дальше мы продвигались вперед в этой дикой, варварской стране, тем острее ощущали лишения», – вспоминал Комб⁶⁰¹.

Учитывая результаты всей кампании, мемуаристы стремились в описании военных действий подчеркнуть те моменты, которые могли хотя бы немного оправдать исход войны. Так, в повествовании о Бородинской битве воспоминания французов не стали сводиться только к героическим сюжетам; они оказались наполнены кровавыми сценами, подчеркивающими жестокость войны. Довольно точно ощущения солдат после Бородинского сражения передал генерал Рапп: «Битва была победоносной, но и кровавой. Пули, снаряды, крики – все эти ужасы до сих пор тревожат мою память»⁶⁰². Пьон де Лош отметил на страницах мемуаров чувство разочарования, которое вскоре после Бородинской битвы охватило французских солдат,

⁵⁹⁹ Васютинский. Указ. соч. С. 91.

⁶⁰⁰ Segur F. Op. cit. P. 348; Boulart F. Op. cit. P. 248.

⁶⁰¹ Васютинский. Указ. соч. С. 112.

⁶⁰² Rapp J. P. Op. cit. 168.

надеявшихся на скорое окончание войны: «Нас называли победителями Аустерлица, Йены и Фридланда. Мы были уверены, что еще одно подобное сражение, и мы войдем в Москву, где будет заключен мир! Наконец, обретем уверенность в скором возвращении во Францию»⁶⁰³.

Действительно, в мемуарах, в отличие от писем, участники похода ограничились сухим описанием событий Бородина, как правило, ориентируясь на один и тот же алгоритм хода военных событий⁶⁰⁴. Смеем предположить, что описание битвы было взято ими из более ранних мемуаров и исторических трудов. Вполне очевидно, что и многие факты военных действий к моменту написания воспоминаний уже были забыты, уступив место только размытым образам, общим впечатлениям от хода и результатов сражения.

И все же, большинство мемуаристов стремились зафиксировать в памяти современников и последующих поколений факт бесспорной победы французов⁶⁰⁵. «В этом сражении проявился весь гений Наполеона»⁶⁰⁶, – подвел итог битве Марингоне. Вместе с тем, автор не стал скрывать тяжелых чувств, которые были вызваны потерями с обеих сторон. Он вспомнил, как после сражения осматривал поле битвы и видел ужасные картины человеческих страданий. Напротив, для яркого бонапартиста полковника Т. Серюзье Бородинское сражение стало ключевым героическим моментом всей русской кампании: «К этому времени битва была выиграна. Враг отступал, и оставлял на поле множество погибших и раненых»⁶⁰⁷.

Более осторожными в выводах оказались те участники битвы, которые считали, что французы понесли значительные и бессмысленные потери, либо же не достигли полной победы⁶⁰⁸. В частности, Сегюр подвел итог битве

⁶⁰³ Pion de Loches A.A. Op. cit. P. 148.

⁶⁰⁴ См.: Lecoq G. Journal d'un grenadier de la Garde // La Revue de Paris. 1911. Т. 5. P. 52; Vionnet de Maringonee L. J. Op. cit. P. 8; Griois Ch. P. Op. cit. P. 32; Rapp. J. Op. cit. P. 25; Combe. Op. cit. P. 42; Saint-Chamans A. Op. cit. P. 36; Thirion A. Op. cit. P. 92; Rigau D. Op. cit. P. 46.

⁶⁰⁵ «Сражение при Москве было блестящим», – подвел итог этой битве Бертезен (Berthezene P. Op. cit. P. 46).

⁶⁰⁶ Vionnet de Maringonee L. J. Op. cit. P. 9.

⁶⁰⁷ Sérurier Th. Op. cit. P. 209.

⁶⁰⁸ Larrey. Op. cit. P. 60; Bro L. Op. cit. P. 115.

следующим образом: «Бородино стало для нас большой катастрофой, кровавой победой. Император, сидя в палатке, молчаливо смотрел на это ужасное зрелище»⁶⁰⁹.

Булар, вспоминая ощущения солдат в те дни, назвал битву при Москве-реке иллюзией победы: «Несмотря на все лишения, усталость, нас охватило чувство победы, иллюзия славы»⁶¹⁰. Комб из всех сюжетов Бородинской битвы запомнил встречу с башкирами, военная тактика и одежда которых его удивили и надолго остались в памяти⁶¹¹. В отношении результатов битвы автор отметил, что «мы достигли незначительного преимущества, ничего не предвещало победы»⁶¹². Подобное мнение разделял и Мерсье: «Несмотря на претензии русских, еще и до сих пор считающих себя победителями в этой битве, победа должна быть признана без всякого сомнения за Наполеоном, но, правда, победа эта не была такой решительной по своим результатам, на что он первоначально рассчитывал»⁶¹³.

Как для Мерсье, так и для части солдат, заявления о победе французов стали своеобразным ответом на сообщения русских о поражении Наполеона при Бородино. Так, генерал Ж. Пеле отметил тот факт, что русские без должных на то оснований присвоили себе эту победу, и это вдохновило его на написание мемуаров, повествующих о героизме французской армии: «Русский Главный Штаб, осмелившийся присвоить себе победу, обнародовал только то, чем можно было прикрыть его поражение... Историки нуждались в пояснениях, и никто из них не было предоставлено возможности узнать истину»⁶¹⁴. Заявления русских о своей победе при Бородино вызывало возмущение и у старшего сержанта О. Тириона: «Русские считают, что они одержали победу. Однако мы под руководством императора проявили

---

⁶⁰⁹ Segur F. Op. cit. P. 277.

⁶¹⁰ Boulart F. Op. cit. P. 257.

⁶¹¹ Combe M. Op. cit. P. 78.

⁶¹² Ibid. P. 81.

⁶¹³ Руа И. Указ. соч. С. 67.

⁶¹⁴ Извлечение из записок генерала Пеле // Чтения императорского общества истории древностей. 1872. №1. С. 35.

стойкость и мужество. В тех обстоятельствах это была великая победа для нас»⁶¹⁵.

Для другой части мемуаристов оказалось более важным проанализировать причины того, почему Наполеону не удалось достичь абсолютной победы. Так, Гриуа обвинил французского императора в нерешительности на поле битвы⁶¹⁶. Полковник Ф. Лежен предположил, что причина была связана с болезнью Наполеона, которая не позволила ему принять деятельное участие в этом великом событии⁶¹⁷. Капитан Био, предпочтя уйти от поиска виновного в последующих неудачах, отметил следующее: «Для нас не имело значения личное мужество, главное – честная победа»⁶¹⁸.

И все же в мемуарах доминируют не сюжеты, связанные с осмыслением результатов битвы или выражением героического восторга, но горечь сожаления по убитым товарищам и, в целом, огромным потерям, понесенным Великой армией⁶¹⁹. Очевидно, что в момент сражения эти потери казались оправданными, что нашло отражение в дневниках и письмах солдат. Однако, по прошествии времени, героический подъем спал, и остались только размышления о смысле произошедшей битвы. Так, Шерон акцентировал внимание в воспоминаниях на том, каким страшным спектаклем предстало поле битвы после сражения: «Утром я сел на лошадь и объехал поле битвы. Какой ужасный спектакль мне представился, как много было мертвых и умирающих! Я бросился прочь от этого ужаса»⁶²⁰. Примечательно, как он объяснил природу той стойкости, которую проявил неприятель: «Русские солдаты защищались мужественно, водка сделал их бесчувственными к смерти»⁶²¹.

---

⁶¹⁵ Thirion. A. Op. cit. P. 179.

⁶¹⁶ Griois Ch.P. Op. cit. P. 136.

⁶¹⁷ Lejeune L.F. Op. cit. P. 159.

⁶¹⁸ Biot H.F. Op. cit. P. 38.

⁶¹⁹ Bourgogne A. Op. cit. P. 19; Boulart F. Op. cit. P. 255.

⁶²⁰ Cheron. Op. cit. P. 20.

⁶²¹ Ibid. P. 21.

Стойкость русских отметил и Мерме: «Русские в этот день сделали все возможное для спасения Москвы, своего священного города»⁶²². Комб, не скрывая чувства жалости и уважения к противнику, вспомнил, как после сражения он увидел раненого русского солдата, просящего о помощи. Комб постарался ему объяснить, что не в силах оказать помощь и только предложил ему пистолет. Солдат, не задумываясь, пустил себе пулю в лоб. Эта картина, разыгравшаяся на поле, оказалась более памятной для него, чем сами события Бородинской битвы⁶²³.

Вспомнил о раненом русском солдате и Марингоне: «Я видел русского сержанта с двумя оторванными ногами, он говорил немного по-французски»⁶²⁴. Так, много лет спустя после Бородинской битвы ее участники поделились теми чувствами, которые потрясли их больше всего. Довольно точно это выразил Гриуа в своих мемуарах: «Может быть, война закончилась бы на берегах Москвы. Такая мысль приходила на следующий день солдатам при виде количества пролитой крови»⁶²⁵.

Подобные сюжеты кровавой баталии, оказавшись более памятными, чем победный восторг к концу сражения, вызывали чувство сострадания не только к боевым товарищам, но и к неприятелю.

Проявление негативного отношения к русским на страницах французских мемуаров в значительной степени оказались связаны не с описанием собственно военных действий, а с периодом пребывания Великой армии в Москве. Если в письмах солдат мы повсеместно встречаем ощущение радости от захвата «священного города», то в воспоминаниях этот сюжет исчезает. Очевидно, что после завершения кампании именно Москва становится для французов символом страданий и неудач, а для некоторых из них – и главной ошибкой Наполеона в походе на Россию.

---

⁶²² Ibid. P. 87.

⁶²³ Combe M. Op. cit. P. 72.

⁶²⁴ Vionnet de Maringonee L. J. Op. cit. P. 82.

⁶²⁵ Griois Ch.P. Op. cit. P. 136.

Основным сюжетом чуть ли не всех мемуаров стал пожар Москвы как акт проявления религиозного фанатизма русских и стремления их подобным «недостойным» способом уничтожить противника⁶²⁶. Вполне очевидно, что столь последовательное обвинение русских в варварском разрушении собственного города, во многом, стало для французов своеобразным оправданием собственного поражения в войне.

Адъютант генерала Дезе Ж.М. Жиро д'Элен вспоминал, как он, совершенно ошеломленный, смотрел на этот ужасный и в то же время захватывающий воображение пожар города: «Русские даже не пытались спасти свой город. Пожар наполовину пожрал Москву. Этот спектакль не мог не вызвать во мне печаль. Я на несколько минут остолбенел, созерцая это зрелище, и не стал спешить присоединиться к штабу»⁶²⁷.

Конечно, большинство участников в качестве причин пожара указывали на намеренные действия русских с целью уничтожения неприятеля, подчеркивая тем самым превосходство европейцев над азиатскостью. Только немногие решились усомниться в отношении справедливости подобных утверждений. Одним из них был Дюверже. Он отметил в своих мемуарах, что причины пожара Москвы до сих пор не выяснены⁶²⁸.

Стремясь подчеркнуть ту мысль, что русским все же не удалось реализовать свои планы, прибегнув к столь зловещему способу, мемуаристы отметили, что пожар в большей степени принес несчастье местным жителям. Так, Ларрей представил на страницах мемуаров ужасающую картину бедствий русских: «Оставшееся в Москве простонародье с жалобными

---

⁶²⁶ «Фанатизм русских проявился в абсурдности того, что они сделали в Москве. Это был крестовый поход деспотизма и суеверия против европейской цивилизации» (Vaudoncourt F.G. *Op. cit.* P. 106); «Я дрожал от ужаса при виде этого зрелища, которое никогда не исчезнет из моей памяти. Задыхаясь от дыма и жара, взволнованные этой страшной картиной, мы поспешили выбраться. Казалось, что я оставил за собою ад» (Combe M. *Op. cit.* P. 104); См., например: Fain. A.F. *Op. cit.* P. 112; Boulart F. *Op. cit.* P. 72; Girod de l'Ain J.M. *Op. cit.* P. 263; Larrey. *Op. cit.* P. 73; Pion de Loches A.A. *Op. cit.* P. 197; Rapp J. *Op. cit.* P. 174; Bro L. *Op. cit.* P. 113; Curély J.N. *Op. cit.* P. 276; Merme J.M. *Op. cit.* P. 87; Montigny L. G. *Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée.* P., 1833. P. 142; Peyrusse G. *Op. cit.* P. 94; Rigau D. *Op. cit.* P. 61; Sérurier Th. *Op. cit.* P. 217.

⁶²⁷ Girod de l'Ain J.M. *Op. cit.* P. 263.

⁶²⁸ Васютинский А.М. Указ. соч. С. 25.

стонами перебивало из дома в дом. Многие, желая спасти последнее имущество, нагружались такими узлами, которые едва были в силах нести, и которые часто им все-таки приходилось бросать, спасаясь от огня. Женщины по чувству природного человеколюбия несли на плечах по одному или по двое детей, таща остальных за руку. Чтобы избежать грозившей им со всех сторон смерти, они, подобрав юбки, бежали по закоулкам улиц и площадям, отыскивая себе убежище, из которого их снова выгонял пожар, и тогда они разбегались во все стороны и часто оказывались не в силах выбраться из этого лабиринта, ставшего для многих из них могилой»⁶²⁹.

Обращаясь к последствиям пожара, французы не только вспоминали о страданиях местных жителей, но и о том, как уничтожалась прекрасная архитектура города, как бы подчеркивая тем самым масштабность катастрофы⁶³⁰. Так, Булар сравнивал разрушение Москвы с гибелью таких великих городов, как Троя и Рим⁶³¹. Чувство возмущения безжалостным уничтожением прекрасного города продолжало будоражить память французов-участников тех событий даже спустя много лет. «Этот древний исторический памятник, который когда-то был резиденцией царей, воплощавший силу и характер русских, был уничтожен этими северными варварами»⁶³², – зафиксировал в мемуарах Жиро д'Элен. «Прекрасное зрелище открылось для нас во время вступления в Москву. Архитектура города являла смешение азиатской роскоши с религиозной аскетичностью», – предложил свое описание Москвы Комб⁶³³. Р. Фор под впечатлением «варварского действия» русских сравнил тогдашнюю кампанию с крестовым походом, несущим цивилизацию менее развитым народам⁶³⁴.

⁶²⁹ Васютинский А. М. Указ. соч. С. 34.

⁶³⁰ Denni e P. Op. cit. P. 102.

⁶³¹ Boulart F. Op. cit. P. 259.

⁶³² Girod de l'Ain J.M. Op. cit. P. 280.

⁶³³ Ibid. P. 96.

⁶³⁴ Faure R. Op. cit. P. 51.

Некоторые участники событий, абстрагируясь от описания подробностей «конфликта цивилизаций», акцентировали внимание только на результатах этого произошедшего. Так, Сегюр, трезво оценивая последствия пожара, пришел к следующему выводу: «Москва стала могилой французов»⁶³⁵. В отличие от большинства мемуаристов, он проявил понимание и даже выразил уважение к такому своеобразному проявлению чувства патриотизма, которое заставило русских пойти «до конца ради свободы государства». Ко всему прочему, он упрекал Наполеона за длительную задержку в Москве⁶³⁶. Полковник Био считал московскую драму результатом тщеславия Наполеона: «Этот человек, прикрываясь идеей свободы, скрывал свои властные намерения. Это то, что я никогда не мог понять. Все, что я видел, было сделано по причине спесивости императора»⁶³⁷. Подобное мнение, обращаясь к периоду пребывания в Москве, выразил и Булар: «Мы прошли через все лишения, усталость, иллюзию славы ради амбиций одного человека»⁶³⁸.

«Пребывание в Москве оказалось фатальным!», – писал капитан Д. Риго. «Руины Москвы стали причиной гибели французской армии и спасением для России», – подвел итог последствиям пожара Бертезен⁶³⁹. По его мнению, с этого момента главным врагом французов была уже не русская армия, а русский народ⁶⁴⁰. К подобным выводам пришел и Фор, отметив, однако, что русские должны были видеть во враге только солдата и, соответственно, воевать «по правилам»⁶⁴¹.

Несмотря на пожар, участникам похода все же удалось обозреть древний город, который запомнился им как великий центр мировой культуры. Восторг, охвативший солдат при виде Москвы, передал в мемуарах Лабом: «Каждый старался высказать свое личное впечатление,

---

⁶³⁵ Ségur F. Op. cit. P. 282.

⁶³⁶ Ibid. P. 62.

⁶³⁷ Biot H.F. Op. cit. P. 46.

⁶³⁸ Boulart F. Op. cit. P. 257.

⁶³⁹ Berthezéne P. Op. cit. P. 31.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 67.

⁶⁴¹ Ibid. P. 59.

находя все новые и новые красоты в представшей нашим глазам картине, восторгаясь все новыми и новыми чудесами. Один указывал на прекрасный дворец, архитектура которого напоминала восточный стиль, другой обращал внимание на великолепный собор»⁶⁴².

Марингоне вспоминал, как во время прогулок по городу его переполняло чувство восхищения старинными зданиями. По всей видимости, во время написания мемуаров он обращался к истории Москвы, сопоставляя эту информацию с собственными воспоминаниями. В результате его записки о городе стали напоминать туристические заметки⁶⁴³. Марингоне использовал период пребывания в Москве, чтобы понять особенности русской цивилизации, отметив при этом, что ее основу составляют религия и мифология⁶⁴⁴. Особое впечатление на него произвели русские бани: «Бани активно используются в Москве и стали на Востоке частью религии народа. В каждом доме есть баня, которая символизирует роскошь Азии и элегантность Европы»⁶⁴⁵.

Ларрей увидел в Москве не Азию, но гармоничность и утонченность Европы⁶⁴⁶. Сержант А. Бургонь, восторгаясь красотой города, отметил, что он не видел ничего прекраснее: «Многие, виденные мною столицы, Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня впечатление заурядное; здесь же другое дело: в этом зрелище для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое»⁶⁴⁷.

Для Бертрана город стал олицетворением восточной сказки. Он признался, что несколько часов зачарованно обозревал исторические здания⁶⁴⁸. Пейрус вспоминал, с каким необыкновенным восторгом он гулял по городу: «Москва! Мы получили приказ направиться в святой город. Я

---

⁶⁴² Labaume E. Op. cit. P. 173.

⁶⁴³ Vionnet de Maringonee L. J. Op. cit. P. 33-37.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 52.

⁶⁴⁵ Ibid. P. 51.

⁶⁴⁶ Larrey. Op. cit. P. 87.

⁶⁴⁷ Bourgogne A. Op. cit. P. 39.

⁶⁴⁸ Bertrand. Op. cit. P. 90.

ходил с радостью по улицам. Я созерцал прекрасную картину огромного города. Тысячи золотых куполов и круглые крыши, озаряемые солнечными лучами, выглядели издалека светящимися глобусами»⁶⁴⁹.

Совершенно иное впечатление образ города произвел на А. Шерона, не вызвав особого восторга: «Враг ничего не оставил в Москве. Но город достаточно милый. В большей части мне встречались красивые дома, построенные из камня. Дворцы не особо примечательны, они отличаются только своими античными формами. В Москве много бездомных»⁶⁵⁰.

Участники похода использовали время, проведенное в Москве, не только для того, чтобы обозреть архитектуру города, но и ближе познакомиться с культурой местного населения. Так, Бургонь, наблюдая за поведением пленных русских, отметил, что большинство из них хорошо говорили по-французски и одновременно отличались глубокой религиозностью⁶⁵¹. Бертран предпочел изучать нравы местного населения по тем «богатствам», которые они оставили в городе: «Недалеко от нашей казармы были открыты дворцы русской знати. Там было продовольствие, красивые меха, мебель, картины. Видя пламя, способное уничтожить эти богатства, многие считали, что лучше их забрать, чем смотреть, как они исчезнут. В погребках, в частности, я нашел французские сыры и вина»⁶⁵².

Пейрус встретил местных жителей, чье описание он оставил на страницах мемуаров: «Несмотря на то, что население почти полностью исчезло, мне удалось увидеть несколько жителей, которых несчастье заставило смотреть на все события с безразличием. Не имея постоянного убежища, они укрывались посреди обломков домов»⁶⁵³.

Фор использовал это время для чтения французских книг, найденных в Москве, которые под влиянием пережитого оказали неожиданное для него воздействие: «Французские книги, найденные в доме, где мы провели ночь,

---

⁶⁴⁹ Peyrusse G. Op. cit. P. 94.

⁶⁵⁰ Cheron A. Op. cit. P. 22.

⁶⁵¹ Bourgogne A. Op. cit. P. 41.

⁶⁵² Bertrand. Op. cit. P. 94.

⁶⁵³ Peyrusse G. Op. cit. P. 99.

произвели на меня сильное впечатление, какое никогда ранее не производили. Нужно пережить сильные страдания, чтобы это понять. Они возродили меня!»⁶⁵⁴. Не исключено, что французская литература заставила его размышлять о жестокости войны. «Расстреливали всех, у кого находили факел в руке; но эта бесчеловечная мера не имела никакого эффекта», – так он напишет через несколько лет⁶⁵⁵.

Боссе посвятил свои дни в Москве театральным развлечениям: «Среди иностранцев, проживающих уже несколько лет в Москве, которые избегли несчастья, принесенного нашествием и пожаром, я открыл превосходного певца, сеньора Тарквинио, который уже несколько лет как имел громадное имя в Италии; он жил в Москве уже два года и давал уроки прелестным москвичкам»⁶⁵⁶. Значительная часть воспоминаний Бургоня также оказалась посвящена культурной жизни в Москве⁶⁵⁷.

Вспоминая Москву несколько лет спустя, мемуаристы уже не чувствовали того солдатского братства, которое объединяло их в 1812 г. Теперь они готовы были признаться и в том, что сами творили в городе вещи, недостойные благородного воина. Так, А. Шерон вспоминал грабежи французских солдат: «Мы хотели привести свои дела в порядок разграблением, ибо солдаты страдали от голода и теперь стали алчными... Крестьяне этим пользуются для того, чтобы нажиться. Я купил себе шубу, так как мы планируем провести зиму в России»⁶⁵⁸.

Ощущение безысходности, которое толкало солдат к грабежам и мародерству, оправдывалось необходимостью выживания. Однако о подобном они, конечно, предпочитали не писать в письмах к своим родственникам в 1812 г. Подобные сюжеты возникнут в мемуарах, написанных уже через много лет. Но при этом мемуаристы предпочтут

---

⁶⁵⁴ Faure R. Op. cit. P. 50.

⁶⁵⁵ Ibid. P. 54.

⁶⁵⁶ Васютинский А. М. Указ. соч. С. 81.

⁶⁵⁷ Bourgogne A. Op. cit. P. 56.

⁶⁵⁸ Cheron A. Op. cit. P. 23.

писать о том, что мародерствовали какие-то солдаты, но не они сами. Так, Бургонь с возмущением отметит, что часть французских солдат, ворвавшись в Кремль, в древнюю усыпальницу московских царей, бегала в поисках сокровищ на фоне могил и запуганных местных жителей⁶⁵⁹. Булар с долей самоиронии вспомнил, находя это забавным, что прихватил с собой из Москвы некоторые «памятные сувениры».

В мемуарах сюжеты пребывания Великой армии в Москве заполнены либо картинками описания города, либо констатацией «варварского» поведения неприятеля. В дневниках же и письмах солдаты задавались прежде всего вопросом о мире с русскими, тогда как на страницах мемуаров этот сюжет встречается гораздо реже. Он не отвечал уже тем настроениям, которые переживали участники похода, и тем идеям, которые они хотели донести до читателей. Он был вытеснен из памяти⁶⁶⁰.

Тогда, в 1812 г., солдат особенно волновало то, каковы были планы императора. Во время пребывания в Москве участники похода утверждали, что они планируют начать отступление на зимние квартиры. Но последующие за оставлением Москвы события привели к совершенно иным результатам, и в памяти большинства мемуаристов закрепилась мысль о том, что Наполеон хотел остаться зимовать в русской столице⁶⁶¹.

Действительно, мемуаристы, как правило, будут обращаться к теме отступления не как к переходу на зимние квартиры в надежде возобновить войну с Россией в начале следующего года, но как к трагическому финалу наполеоновской эпопеи. Поэтому не случайно, что многие будут стремиться вытеснить из памяти страшную картину исхода войны. Так, Серюзье поделился размышлениями, которые, видимо, одолевали многих мемуаристов, дошедших в своем повествовании до описания этого сюжета:

⁶⁵⁹ Bourgoigne A. Op. cit. P. 56.

⁶⁶⁰ См.: Cheron A. Op. cit. P. 22; Merme J. Op. cit. P. 87.

⁶⁶¹ См. например: Fain A.F. Op. cit. P. 42; Boulart F. Op. cit. P. 73; Girod de l'Ain J.M. Op. cit. P. 263; Larrey. Op. cit. P. 73; Pion de Loches A.A. Op. cit. P. 197; Rapp J. Op. cit. P. 174; Bro L. Op. cit. P. 113; Curély J.N. Op. cit. P. 276; Merme J.M. Op. cit. P. 87; Montigny L. G. Op. cit. P. 142; Peyrusse G. Op. cit. P. 94; Rigau D. Op. cit. P. 61; Sérurier Th. Op. cit. P. 217.

«Я не буду вдаваться в детали отступления из России. Эти воспоминания слишком мучительны. Можно без труда найти захватывающие истории, которые у большинства людей вызывают интерес»⁶⁶². Био также предпочел сослаться на мнение предыдущих авторов: «Другие историки достаточно описали наше передвижение до Смоленска, где мы надеялись найти конец нашим мучениям»⁶⁶³.

В мемуарах оказывается представленной сдержанная и своего рода усредненная картина событий отступления. Как правило, в этой картине исчезает автор, его личное восприятие и описание отступления ведется от второго или третьего лица. Тем не менее, чувствуется, что мемуарист испытывал тогда чувство страха, разочарования, остро переживал холод, панически страшился нападения казаков⁶⁶⁴. Очевидно, что многие эмоции, которыми были охвачены солдаты в те дни, теперь, когда писались воспоминания, уже угасли, оставив в памяти лишь отдаленные образы. Генерал Бро, восстанавливавший свои чувства тех дней по письмам к супруге, отметил: «Я не мог писать жене. Мы прошли через ужас. В этот момент только мысли о семье давали мне надежду»⁶⁶⁵.

Вспоминая сюжеты отступления, многие авторы прибегали к элементам самоиронии как некоему защитному механизму от трагичности пережитого. Булар, к примеру, решился описать чудаковатый вид французской армии: «Солдаты облачились в совершенно дикие одежды, защищавшие их от холода. Они надели на себя все, что было доступно: разноцветные женские, мужские пальто, меха. Особым разнообразием отличались и прически солдат, но для всех их были характерно то, что волосы были длинными и грязными»⁶⁶⁶.

---

⁶⁶² Sérurier Th. Op. cit. P. 230.

⁶⁶³ Biot H. Op. cit. P. 59.

⁶⁶⁴ См. например: Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles, T. 2; Girod de l'Ain J.M. Op. cit. P. 263; Larrey. Op. cit. P. 73; Pion de Loches A.A. Op. cit. P. 197; Rapp J. Op. cit. P. 174; Bro L. Op. cit. P. 113; Curély J.N. Op. cit. P. 276; Merme J.M. Op. cit. P. 87; Montigny L. G. Op. cit. P. 142; Peyrusse G. Op. cit. P. 94; Rigau D. Op. cit. P. 61; Sérurier Th. Op. cit. P. 217; Noël J.N. Op. cit. P. 124.

⁶⁶⁵ Bro L. Op. cit. P. 123.

⁶⁶⁶ Boulart F. Op. cit. P. 269.

Некоторые из мемуаристов признавались, что период отступления заставил их не только пережить страдания, но и помог познать скрытую до тех пор сторону человеческой природы: «В условиях отступления вылез наружу в полной мере солдатский эгоизм», – писал Шерон⁶⁶⁷. Подобное мнение разделял и Леккок: «Никто более не проявлял того, что называем человечностью, какого бы звания он не был; каждый боролся только за свою жизнь»⁶⁶⁸.

Вытесняемые из памяти участников ужасы пережитого замещались сюжетами, связанными с проявлением агрессии по отношению к неприятелю. Так, Мерме, в очередной раз, упрекая русских в неподобающих методах ведения войны, вспомнил о том разочаровании, которое охватило французских солдат, поскольку они были вынуждены терпеть лишения в чужой стране, не познав радости победы в сражении⁶⁶⁹. Ненавистью к неприятелю дышат строки воспоминаний Риго: «Во время отступления варварские орды тревожили нас постоянными нападениями. Нужно было обладать силой духа, чтобы выдержать то, что испытали французские солдаты»⁶⁷⁰.

Во всех мемуарах, как правило, встречаются типичные сюжеты с описанием пребывания Великой армии в Смоленске уже в период отступления, а именно, вновь и вновь говорится о тех надеждах, которые солдаты связывали с прибытием в тот город. «Мы ожидали, что в этом городе найдем отдых и пропитание. Наши люди окажутся в безопасности»⁶⁷¹, – вспоминал момент приближения к Смоленску Рапп. Для Мерме наиболее памятным сюжетом пребывания в Смоленске стала встреча со старыми друзьями. Он вспоминал о чувстве радости от того, что увидел их в числе живых: «Я был рад снова быть полезным одному из моих старых друзей. В момент, когда наш полк разместился в Смоленске, я услышал, как кто-то

---

⁶⁶⁷ Cheron A. Op. cit. P. 24.

⁶⁶⁸ Lecoq G. Op. cit. 172.

⁶⁶⁹ Merme J.M. Op. cit. P. 93.

⁶⁷⁰ Rigau D. Op. cit. P. 67.

⁶⁷¹ Rapp J. Op. cit. P. 193.

произнес мое имя. Вскоре я оказался в объятиях Соэмса, с которым познакомился в Испании. Но в каком состоянии я его увидел! Боже мой! Истощенный усталостью и голодом, получившим несколько ран в битве под Москвой»⁶⁷².

Да, в период отступления многие участники похода расстались с иллюзиями, которые их питали в начале кампании. Они признавались, что этап отступления стал для них своеобразным обретением реальности. «Мы думали только о том, как нам выбраться из России», – вспоминал эти дни Булар.

Обращаясь к эпопее отступления, мемуаристы стремились найти те сюжеты, которые могли бы скрасить трагизм описываемых событий в их собственном сознании, а, может быть, и в памяти общества. Так, особое внимание они концентрировали на сражениях при Красном и Березине⁶⁷³. «Сражение при Красном – это кровавый, но победоносный эпизод русской кампании»⁶⁷⁴, – написал генерал Пеле.

Картина сражения на Березине в мемуарах оказалась более противоречивой, вобрав в себя и ужас и героизм, которые продолжали тревожить память участников кампании и много лет спустя. Каждый мемуарист считал необходимым поделиться своими впечатлениями об этом событии. В сущности, большая часть французских солдат не принимала участия в сражении, а только переправлялась через реку. Но чувство страха от происходившей трагедии на переправе закрепило в представлении ее участников образ этого события как катастрофы⁶⁷⁵. Так, Жиро д'Элен утверждал, что то была трагедия, но не победа⁶⁷⁶. Бодю увидел в этих

---

⁶⁷²Merme J.M. Op. cit. P. 91.

⁶⁷³Roucaud M., Houdecek F. Op. cit. P. 178.

⁶⁷⁴Pele J. Op. cit. P. 552.

⁶⁷⁵ «Страшное зрелище открылось тогда перед нашими глазами: тысячи этих несчастных, из рук которых выскользнула последняя надежда на спасение; одни пытались проложить себе дорогу сквозь пламя, со страшными усилиями карабкались они по подставкам и полуобуглившимся доскам и сами становились жертвами ужасной смерти; другие пытались переправиться через реку по не успевшему еще достаточно окрепнуть льду» (Руа И. Указ. соч. С. 42). См. также: Boulart F. Op. cit. P. 276; Larrey D. J. Op. cit. P. 100; Baudus G. Op. cit. P. 353; Cheron A. Op. cit. P. 25; Peyrusse G. Op. cit. P. 128; Planat de La Faye N. Op. cit. P. 203; etc.

⁶⁷⁶Girod de l'Ain J.M. Op. cit. P. 283.

событиях результат ошибочных действий французского императора: «Это Наполеон привел нас к катастрофе на Березине»⁶⁷⁷.

Тем не менее, участники помнили, что во французских газетах сражение было зафиксировано как победа Великой армии. Многие мемуаристы, ориентированные не на анализ своих личных впечатлений, а на стремление оставить свой след в воспоминаниях об эпохе Наполеона, не могли не упомянуть этого факта. Очевидно, что в оценке сражения они придерживались уже сложившейся героической традиции. «28-го в сражении французская армия одержала победу. Переправа через Березину сохранилась в нашей памяти как самое необычное событие, когда уставшая, безжизненная армия разбивает более сильную армию неприятеля»⁶⁷⁸, – писал Маренгоне.

Био в воспоминаниях особо отметил действия 2-го армейского корпуса: «Дивизия Домбровского отбросила неприятеля, прикрыв мост, по которому проходили силы основной армии. Несмотря на нашу веру в гений императора, мы начали опасаться за результаты кампании»⁶⁷⁹. Основная часть мемуаристов отдала должное подвигу понтонеров на Березине, многие из которых погибли, обеспечивая переправу войск⁶⁸⁰. Из подобных сюжетов проявленbz отваги, самоотречения и моральной стойкости сложился героический образ Березины.

Что же касается описания конкретных военных действий в мемуарах, то они представлены сухо и алгоритмично. Попытки более глубокого осмысления хода сражения были сделаны только теми участниками событий, которые приняли непосредственное участие в битве. Так, капитан Ф.К. Шапуи, вспоминая о Березине в годы Второй империи, представил наиболее полную картину военных действий. При этом он не скрыл своего

---

⁶⁷⁷ Baudus G. Op. cit. P. 323.

⁶⁷⁸ Vionnet de Maringonee L. J. Op. cit. P. 71.

⁶⁷⁹ Biot H. Op. cit. P. 62.

⁶⁸⁰ Pele G. Op. cit. P. 541.

возмущения тем, что прежние авторы интерпретировали сражение только как катастрофу⁶⁸¹.

Полагаем, что литературные устремления Шапуи стали основой для формирования официальной версии этого события в период Второй империи: «Березина до сих пор памятна для тех, кто участвовал в этой ужасной драме. В эти дни солдаты сделали невероятное, находящееся за пределами человеческих возможностей, покрыв себя бессмертной славой. Чем дальше мы отдаляемся во времени от этого сражения, тем более памятным оно должно быть для нас»⁶⁸².

Интересной попыткой оценить военные действия на Березине стали публикации бывших чинов 12-ой пехотной дивизии Партуно, которая была взята в плен после сражения в Старом Борисове. В 29-ом бюллетене Великой армии, составленном под диктовку Наполеона, были отмечены лишь действия одного батальона из 12-ой дивизии, который, проведя ночь во вражеском окружении, героически оборонялся⁶⁸³. В феврале 1813 г. генерал Делетр, принимавший активное участие в битве за Старый Борисов, прочитав 29-й бюллетень, попытался оправдать действия командира дивизии: «Партуно длительное время сдерживал врага, но создавшаяся безвыходная ситуация заставила его сложить оружие»⁶⁸⁴.

Партуно, вернувшийся в 1814 г. из русского плена, подготовил опровержение официальной версии тех событий: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы разрушить ваши представления о действиях моей дивизии, отмеченные в 29-ом бюллетене. 12-я дивизия сражалась до конца. Обстоятельства сложились так, что единственным выходом была сдача»⁶⁸⁵. Оправдывая действия своей дивизии силою обстоятельств, Партуно привел существенный аргумент в свою пользу, говоривший о возможности иного исхода сражения для всех войск Наполеона: «Если бы генерал Витгенштейн

---

⁶⁸¹ Chapuis F.C. Op. cit.

⁶⁸² Ibid. P. 2.

⁶⁸³ Correspondance de Napoléon. T. 23. P. 327.

⁶⁸⁴ Delaitre A. Op. cit.

⁶⁸⁵ Partonneaux L. Op. cit. P. 4.

смог соединиться с адмиралом Чичаговым, Великая армия вообще бы не перешла Березину»⁶⁸⁶.

В сущности, Партуно запустил процесс более реалистического, чем это было характерно для предшествующего времени, осмысления Березинской битвы. Участники сражения в Старом Борисове обменялись своими воспоминаниями в письмах к генералу, а затем эти воспоминания были в 1826 г. опубликованы⁶⁸⁷. Бывшие сослуживцы заявили, что они рады «восстановить справедливость». Воспоминания о событиях на Березине для чинов этой дивизии стали их «крестовым походом», но уже не против русских или Наполеона, а за место быть в героической памяти французской нации.

Очевидно, что в интерпретациях части участников сражения Березина стала и символом героизма обычных солдат, и символом ошибок Наполеона. Так, капитан Лассу-Марсийи отметил: «Я видел борьбу этих героев, а Наполеон бежал. Очень театрально император оставил свою армию в таком бедственном положении»⁶⁸⁸. Однако для той части солдат, которые пронесли через всю жизнь восхищение Наполеоном, он оставался героем даже, а часто, тем более, при описании переправы через Березину. Среди подобных последовательных бонапартистов был Мерме, написавший следующие строки: «Император сопровождал армию во время переправы через Березину. Видя, что армия вне опасности, он покинул её за три дня до нашего прибытия в Вильно»⁶⁸⁹.

Вспоминая ужасы переправы, некоторые участники, стремясь затушевать в целом катастрофические для армии ее последствия, кровь и смерть, вспоминали не столкновения с неприятелем, а примеры проявленного в тех условиях человеколюбия. Так, Ларрей вспоминал, как

---

⁶⁸⁶ Ibid. P. 5.

⁶⁸⁷ Campagne de Russie: la 12 division de la Grande armée.

⁶⁸⁸ Lassus-Marcilly. Op. cit. P. 503.

⁶⁸⁹ Merme J.M. Op. cit. P. 95.

чуть позже лечил больных евреев в Вильно⁶⁹⁰. Булар с благодарностью написал о товарищах, которые после Березины поделились с ним хлебом. Регино восхищался мужеством крестьянина, который укрыл его в своем доме в Вильно, несмотря на опасность для собственной жизни⁶⁹¹.

Образ Березины в конечном итоге стал символом героического отступления. Мемуаристы как бы подтверждали тезис Наполеона о том, что только «русская зима» победила Великую армию. «Русские не могут льстить себе военными победами над Францией. Климат – вот причина наших катастроф»⁶⁹², – подвел общий итог Мерме.

Риго, размышляя над итогами кампании, отметил, что «множество писателей и историков слишком преувеличили страдания Великой армии; все солдаты Наполеона, до последнего, сохранили честь»⁶⁹³. Для большинства участников подобные размышления стали своеобразным вариантом оправдания факта поражения Великой армии в русской кампании. Они предпочли принять «коллективную иллюзию», нежели вернуться в прошлое и переосмыслить трагизм событий.

Сент-Шаман предложил еще один миф, прикрывающий факт неудачного исхода: «Я действительно думал, что император предпочтет перезимовать в России, а затем начнет новую кампанию, тем более, что ресурсы для этого у нас были»⁶⁹⁴.

В целом, видно, что на смену «коллективной иллюзии», созданной в 1812 г., в мемуарах участниками войны были предложены иные версии, которые отличались большим разнообразием. Спустя годы многие факты оказались подвергнуты забвению, а вместо них появились исторические конструкции, сформировав новую реальность прошлого. Тем не менее, не вызывает сомнений, что выход многих мемуаров произвел столь сильное

---

⁶⁹⁰ Larrey D. J. Op. cit. P. 93.

⁶⁹¹ Réguinot. Op. cit. P. 64.

⁶⁹² Merme J.M. Op. cit. P. 90.

⁶⁹³ Rigau D. Op. cit. P. 69.

⁶⁹⁴ Saint Chamans A. Op. cit. P. 222.

впечатление на французскую публику, что образ русской кампании прочно вошел в историческую память французской нации.

После завершения наполеоновской эпохи участники русского похода смогли по-новому, уже со значительной временной дистанцией, оценить эти события, ориентируясь на их долгосрочные результаты. С течением времени они наиболее остро стали ощущать свою причастность к великим историческим событиям. Актуализация памяти участников, как правило, происходила в те моменты, когда французское общество вновь начинало осознавать величие гения Наполеона. Пользуясь подобными обстоятельствами, мемуаристы обращались к прошлому для того, чтобы, в сущности, продлить свою жизнь в настоящем.

Ко времени нового витка в осмыслении тех, ставших давними, событий и написания мемуаров участники похода уже были свободны от официальной концепции, созданной Наполеоном. Однако общая конъюнктура, чувство верности прошлому, стремление оставить свой след в памяти о великой эпопее задавали направление их размышлениям. Так, цели авторов, соединяясь с осколками прошлого, приносили новую интерпретацию уже известным фактам. И все же, вне зависимости от намерений авторов, проглядывается некая общая картина войны, отразившаяся в мемуарах.

Многие сюжеты, травмировавшие сознание участников в 1812 г., были вытеснены из памяти и не нашли отражения в воспоминаниях. Так, мы отчетливо наблюдаем, что при обращении мемуаристов к событиям, последующих после Смоленского и Бородинского сражений и оккупации Москвы, не фиксируется восторгов по поводу проявленного солдатами героизма. Вместо этого мемуаристы концентрировались на описании варварского поведения неприятеля, анализе своего рода конфликта цивилизаций. Напротив, сюжеты отступления, битва на Березине стали для них подтверждением победы и свидетельством моральной стойкости воинов Великой армии.

Защитные, зачастую неосознаваемые, механизмы памяти, так или иначе отразившиеся на страницах мемуаров и воплотившиеся, в частности, в отталкивающих образах врага, в указаниях на ошибки, самонадеянность и пагубную амбициозность Наполеона, наконец, в воспроизведении примеров моральной стойкости французских солдат, оправдывали то, что не хотелось признавать. Гораздо проще было вновь виртуально пережить сцены мародерства французских солдат в Москве, сожженной варварами, чем признать превращение Великой армии в «шайку грабителей» в период отступления.

Конечно, в большинстве своем участники были склонны с горечью смотреть на те жертвы войны, которые в момент самого события казались оправданными, но после разочарования в результатах всего похода – бессмысленными. Обращение к героическим сюжетам, к «русской зиме» как основной причине поражения диктовалось необходимостью дать ответ неприятелю, который присвоил себе победу в войне.

Удивительно, какие метаморфозы произошли в памяти французов под воздействием самых разнообразных факторов, когда отступление стало более памятным героическим сюжетом, чем закончившаяся для французов победой Бородинская битва!

Подведем итоги. Изначально заданный образ войны и его структурные элементы начали трансформироваться в сознании солдат Великой армии еще в период войны под воздействием более тесного знакомства с неприятелем и в результате столкновения с российской действительностью. Ощущение «культурного разрыва», агрессивное поведение неприятеля, разочарование в надеждах на быструю победу способствовали актуализации в сознании солдат Великой армии довоенных стереотипов о варварстве русских. Образ войны трансформировался из «индивидуального» в «коллективное воображаемое», способствуя закреплению в памяти нации войны как борьбы с «русским варварством».

Очевидно, что в первый период кампании французские солдаты, надеясь на скорейшее завершение войны и предаваясь размышлениям об иной культуре, о смысле начавшегося конфликта, не ощущали той смертельной опасности, которая могла исходить от неприятеля. Но так называемый этап индивидуальной памяти сменился в Москве на фоне краха иллюзий о превосходстве Великой армии над неприятелем конструированием коллективных представлений. Впечатления, основанные на личном опыте каждого, стали стираться под воздействием общей угрозы и неожиданного для французов, ошеломившего их, поведения неприятеля.

Условные стереотипы, которые существовали во французском массовом сознании до начала кампании, нашли свое подтверждение в периодической печати и личной переписке солдат, став значимой составляющей воспоминаний о неприятеле. При этом, создаваемый теперь, точнее, воплощавшийся в реальности, образ Другого становился важным объединяющим французов элементом, фактором формирования идентичности перед лицом общей опасности.

Наиболее значимым этапом в процессе формирования коллективной памяти французов о русской кампании 1812 года стал период отступления, поскольку именно ужасы тех дней, борьба за жизнь, переправа через Березину более потрясли сознание солдат, чем другие события той войны. Эти впечатления во многом предали забвению воспоминания о Бородино или пребывании Великой армии в Москве.

Тем самым, по прошествии времени, когда эмоции угасли, в памяти солдат остались лишь сюжеты мужественной борьбы армии за честь страны и императора, которую они и отразили на страницах мемуаров. Пытаясь забыть картины ужасов, произошедших в России, солдаты создавали историю своего личного участия в героических событиях. «Коллективная иллюзия» раскололась на отдельные фрагменты когда-то единой картины военной эпопеи.

В сущности, если в 1812 г. героические образы сражений поддерживали солдат на длительном пути их ожидания конца кампании, то спустя несколько лет, осмысливая результаты войны, ее участники стали предпочитать варианты оправдания ее краха – «моральную победу» солдат, вину Наполеона, либо «русской зимы» как основных причин печального итога. Мы отчетливо видим, что на страницах воспоминаний усиливается «культ жертвенности», а не культ императора, и это способствовало закреплению образа «героического отступления» как наиболее памятного сюжета войны.

Таким образом, современники тех событий оказались едины в своем желании оставить в истории образ моральной или даже военно-стратегической победы Великой армии в России. Очевидно, что многие сюжеты, связанные с личным опытом французских солдат, оказались забыты и стерты из национальной памяти, уступив это пространство коллективным образам, история которых продолжит развиваться далее в научном и политическом пространстве Франции.

Глава 3. Русская кампания Наполеона: метаморфозы исторической памяти французов

Русская кампания Наполеона до сих пор является важным элементом национальной памяти Франции, олицетворяя не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность. К образам русской кампании французы обращались в переломные моменты своей истории, подвергая эти образы трансформации и каждый раз возрождая их в каких-то обновленных вариациях. Претерпев моменты «забвения» и «вспоминания», образы этой войны «кристаллизовались» в памяти французов как символы победы и мужества соотечественников.

Память французов о событиях 1812 г. складывалась на основе разнородных версий, которые, в свою очередь, исходили из сложнейшей гаммы чувств и представлений участников русской кампании, из противоречивой интерпретации источников, из вольной трактовки событий последующими историками и беллетристами. Решающим периодом в формировании относительно единого образа и даже мифа о русской кампании во французском сознании стал XIX в. Бурные события, которые пережила Франция после падения Первой империи, способствовали обостренному восприятию прошлого и формированию представлений о драматических событиях русской кампании 1812 года.

Под воздействием мировых войн XX в. образы истории Франции оказались подвергнуты процессу героизации. В свою очередь, XXI в. обозначил новую траекторию в развитии исторической памяти, пытаясь вписать прошлое в общеевропейский контекст. Очевидно, что и интерпретация событий Наполеоновской эпохи сегодня находится между национальной и транснациональной памятью.

3.1. Русская кампания в памяти Франции в первой половине XIX в.: между «наполеоновской легендой» и исторической наукой

Французская версия о событиях войны начала зарождаться в «культурной памяти» Франции еще в 1812 г. Официальная пропаганда Наполеона стремилась закрепить победу за Великой армией, демонстрируя при этом не только трудности, которые пришлось ей преодолеть в ходе похода, но нередко и совершить, казалось бы, невозможное.

Официальные результаты войны были обнародованы правительством в декабре 1812 г. Они подтверждали и подкрепляли версию о победах французов в ходе русской кампании⁶⁹⁵. В периодической печати появились сведения о том, как обсуждались итоги войны в Сенате. Сенаторы обратились к Наполеону с такими словами: «Сир, французы одержали победу в походе на Москву. Неприятель не может говорить о своих успехах. Результаты его действий заключались лишь в опустошении собственной страны, в поджоге древней столицы. В этой варварской тактике проявилась вся его дикость»⁶⁹⁶. Наполеон, согласившись с этими словами, добавил, что значительные потери Великой армии были вызваны лишь суровым климатом.

Так, после завершения кампании была продолжена война – война памяти. Письмо маршала Л.Н. Даву, опубликованное в январе 1813 г., прекрасно продемонстрировало непримиримость взглядов русских и французов на события войны: «Я с изумлением прочитал санкт-петербургские газеты, – заявил Даву, – в которых пишут о том, что русские выиграли все сражения с Наполеоном. Как можно так нагло обманывать свой народ! Видимо, им очень трудно признать факт падения Москвы. Они также

⁶⁹⁵ Le Journal de l'Empire. 1812. 21 décembre.

⁶⁹⁶ Ibidem.

не признали себя побежденными и в сражениях под Малоярославцем и на Березине»⁶⁹⁷.

Французское общество, как правило, должно было составлять свое представление о событиях 1812 г. на основе официальных сообщений и публицистики. Писатели же и публицисты уже с начала кампании в художественной форме представляли читающей публике события войны, основываясь все на тех же официальных сообщениях. Так, обращаясь к причинам войны, они особое внимание акцентировали на необходимости освобождения Польши. Именно польский вопрос стал основным аргументом во французской публицистике, подтверждающим справедливость и благородство намерений французского императора.

В этом плане представляет интерес произведение «Вторая польская война» агента французской секретной службы Ж.М. Року⁶⁹⁸. Автор попытался подтвердить факт агрессивной политики России по отношению к Польше и призывал защитить соседние страны от территориальных притязаний Александра I.

Значимым событием, отраженным во французской публицистике, стала оккупация Москвы. Факт захвата города авторы попытались превратить в акт подлинного триумфа французов, убеждали общество в том, что это событие должно принести, если уже не принесло, победу и завершение кампании. Так, в октябре, когда Великая армия начала уже отступление из Москвы, парижская публика продолжала жить оптимистическими представлениями о ходе событий, которые (представления) она почерпнула не только из газет, но и из литературы.

Именно в это время во Франции было опубликовано несколько од на русскую кампанию, которые получили широкую известность⁶⁹⁹. По иронии судьбы, когда французские солдаты боролись за жизнь в снегах России, парижская публика вдохновлялась поэтическими произведениями,

---

⁶⁹⁷ Ibid. 30 janvier.

⁶⁹⁸ Rocques J.G. Op. cit.

⁶⁹⁹ Désaugiers M.A. Op.cit.; Quaynat M. Op.cit.

восхвалявшими победы Великой армии в ходе идущей кампании. Возможно, эти произведения в дальнейшем несколько смягчат горечь французов от новостей о лишениях армии во время отступления из России.

В период Реставрации традиция повествования через искусство о мужестве и героизме, проявленных французскими солдатами в 1812 г., была продолжена. Теперь, правда, стало обычным характеризовать русскую кампанию как главную ошибку Наполеона. В этом плане весьма примечательным стало произведение «Московская кампания» писателя А. Калло⁷⁰⁰. Принимая как неоспоримый факт победу Великой армии во всех сражениях кампании, автор отметил, что французские солдаты совершили в тех условиях невероятное. Тем не менее, Калло вынужден был охарактеризовать этот поход как катастрофу, к которой привели амбиции Наполеона: «Эта ужасная кампания, несмотря на ее печальный результат, не будет менее славной для Франции. Необходимо доказать будущим поколениям, что нашим солдатам нужен был другой командующий»⁷⁰¹.

Следует отметить, что подобная черта публикаций, когда восхваление смелости французских солдат сочеталась с критикой действий Наполеона, стала характерной и для упоминаний битвы при Ватерлоо. Именно в эти годы появляется во французских газетах первая версия последнего сражения императора⁷⁰². Героизируя сражение, французские публицисты создали легенду о знаменитой фразе генерала П. Камбронна «La garde meurt mais ne se rend pas! (Гвардия умирает и не сдается!)», брошенной им англичанам на предложение сложить оружие⁷⁰³. Так, мужество гвардии восхвалялось на фоне военного поражения императора. Этот сюжет нашел яркое воплощение

⁷⁰⁰ Caillot A. Campagne de Moscou, contenant des récits extraordinaires sur les armées françaises; précédée de l'Histoire de Russie. P.: Hachette, 1817. 262 p.

⁷⁰¹ Ibid. P. 3.

⁷⁰² «Мужество и настойчивость французов признаны врагом» (Le Moniteur universel. 1815. 25 June. P. 2). «Это сражение стало для нашей армии ужасным спектаклем, когда солдаты стреляют друг в друга, чтобы не быть убитыми неприятелем» (La Gazette de France. 1815. 25 June. P. 701).

⁷⁰³ Journal général de France. 1815. 24 juin; Larousse P. Le Mot de Cambronne. P., 1862. P. 3-15; Houssay H. La garde meurt mais ne se rend pas: Histoire d'un mot historique. P., 1907. P. 35-36, 51-53; Largeaud J.M. Op. cit. P. 41; Calvet S. Cambronne. La légende de Waterloo. P., 2016. Полагали, что Камбронн произнес эту фразу, был убит, а его каре полностью полегло. Как известно, в дальнейшем Камбронн говорил, что произнес отнюдь не высокопарную фразу, но краткое ругательство «Merde!».

в эстампах 1815 г., на одном из которых был дан саркастический комментарий: «Гвардия умирает, но не сдается, а Наполеон сдается, но не умирает»⁷⁰⁴.

Легенда о фразе Камбронна, рожденная в те дни в Париже, должна была смягчить французам горечь трагедии, став отправной точкой движения к «славному поражению» французской армии при Ватерлоо, поражению, более достойному, чем громкая и блистательная победа. Теперь, с эпохи Реставрации происходит своеобразное объединение элементов образа Ватерлоо и образов отступления из России. Подобному «перезаформатированию памяти» (точнее – слиянию «памятей») способствовал тот факт, что это были единственные события наполеоновской эпохи, героическая интерпретация которых была уместна в создавшихся политических условиях.

В те годы были предприняты попытки осмыслить события в России 1812 года и в литературной форме. Одним из первых среди подобных авторов стал Ш.П. Бургоэн, адъютант 5-го вольтижерского полка Молодой гвардии, который попытался описать восприятие событий войны глазами французского солдата. В художественной форме он воспроизвел переписку, относящуюся к русскому походу, с родственниками своего брата А.Ж. Бургоэна, адъютанта маршала М. Нея.

Опубликованные письма были якобы написаны от имени вымышленного Альфреда, в образе которого угадывается А.Ж. Бургоэн⁷⁰⁵. В первом письме автор описывает битву при Москве-реке: «Это было великое сражение, в котором наша армия покрыла себя славой. Меня в тот момент вдохновляли мысли о том, что я – француз»⁷⁰⁶. Следующее письмо Альфред написал уже из Москвы, не скрывая своего восхищения красотой города: «Я в царской столице. Возможно, это сон? Я пока не могу себя убедить в

⁷⁰⁴ La Garde meurt et ne rend pas, mais Buonaparte se rend et ne meurt pas // URL : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6954862b.r=La+Garde+meurt%2C+mais+ne+se+rend+pas.langEN>.

⁷⁰⁵ Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. P.: Maradan, 1815. 275 p.

⁷⁰⁶ Ibid. P. 4.

реальности того, что я вижу. Какой большой и прекрасный город! Но эта красота была уничтожена восточным варварством»⁷⁰⁷.

В период отступления, после переправы через Березину Альфред был взят в плен. Через несколько недель пребывания в плену он написал следующие строки о сражении на Березине: «Вот грустная история моих последних дней. Это сражение любви и чести было пропитано болью! Оно было горьким! Мой храбрый полк был там, и мои товарищи сохранили верность императору»⁷⁰⁸.

Так, уже первые литературные опыты периода Реставрации оказались проникнуты пафосом героизма без каких-либо попыток глубокого осмысления хода военных действий. Но в 1820-е гг. появились и первые научные исследования, посвященные военно-оперативной стороне событий, подготовленные участниками кампании: полковником Ж. Шамбре, секретарем-архивистом Наполеона бароном А. Фэном и военным теоретиком А. Жомини⁷⁰⁹.

Эти авторы, воспользовавшись делопроизводственными документами периода войны 1812 г., попытались представить основанный на фактах объективный взгляд на кампанию. В частности, Шамбре так описал причину своего обращения к анализу событий в России: «Мне было необходимо исследовать все условия передвижения армии, битв, в которых приняли участие солдаты, учитывать жесткость климата, ресурсы, болезни. Наконец, я попытался осветить причины войны и обстоятельства поражения... Однако я отказался от оценки действий Наполеона»⁷¹⁰.

Фэн признался, что его основным мотивом обратиться к русской кампании стал факт появления разнообразных надуманных версий, не подкрепленных реальными историческими фактами: «Большое количество работ, которые появились, предлагают различные версии, основанные на

---

⁷⁰⁷ Ibid. P. 10.

⁷⁰⁸ Ibid. P. 129.

⁷⁰⁹ Jomini A.H. Op. cit.

⁷¹⁰ Chambray G. Op. cit. T. 1. P. 1.

отдельных деталях и субъективных взглядах. Нам необходимо вернуться к историческим обстоятельствам»⁷¹¹.

В качестве основной причины войны эти историки, вслед за предыдущими авторами, назвали польский вопрос: «Наполеон ощущал свою ответственность за восстановление Польши. Поляки хотели этой войны, так как ненавидели русских»⁷¹². Помимо анализа польского вопроса, военные историки, подробно описав особенности дипломатических отношений между Францией и Россией накануне русской кампании, выявили целый комплекс противоречий, который неизбежно должен был привести к войне⁷¹³.

Авторы обратились к основным сражениям русской кампании, проанализировали как действия французской армии, так и русской. Подробно описав ход сражения в Смоленске, они отметили, что это был бой, не имевший определенного результата⁷¹⁴. «Жаль, что на этом война не закончилась. Русские оставили в ямах, на улицах города более четырех тысяч погибших и шесть тысяч раненых», – подвел итоги сражения Фэн⁷¹⁵.

Анализируя последствия Бородинской битвы, историки пришли к выводу, что французы достигли неполной победы⁷¹⁶. При описании пребывания Великой армии в Москве они акцентировали внимание на вопросе заключения мира. Так, Шамбре обвинил русских в том, что они вопреки общепринятым правилам ведения войны, в силу национальных особенностей, сознательно затянули решение этого вопроса⁷¹⁷. В свою очередь, Фэн, уклонившись от поиска виновного, отметил факт того, что из-за длительного ожидания в Москве французы упустили открывавшиеся перед ними благоприятные возможности: «Мы не нашли мира, мы нашли только сидение в течение 35 дней, имевшее фатальные последствия»⁷¹⁸. Однако

⁷¹¹Fain A. Op. cit. Т. 1. Р. 2.

⁷¹² Ibid. Р. 3.

⁷¹³ «События, которые инициировала Россия после подписания Тильзитского мира, свидетельствуют о том, что готовилась к войне с Францией» (Fain A. Op.cit. Т. 1. Р. 27).

⁷¹⁴ Ibid. Р.173.

⁷¹⁵Ibid. Р. 378.

⁷¹⁶ Chambray G. Op.cit. Р. 61; Fain A. Op.cit. Т. 2. Р. 41.

⁷¹⁷ Chambray G. Op.cit. Р. 5.

⁷¹⁸ Fain A. Op.cit. Т. 2. Р. 172.

историки оказались едины во мнении о том, что Наполеон планировал перезимовать в России и начать новую кампанию⁷¹⁹.

Обратившись к сюжетам отступления, исследователи предпочли проигнорировать трудности, с которыми столкнулись солдаты, и представили этот этап кампании как поиск «зимних квартир». Они были убеждены, что Наполеон планировал отступить к Минску и в связи с этим был вынужден вступить в сражение с русскими на Березине⁷²⁰. По мнению историков, эта битва стала победой французов⁷²¹.

Однако Жомини, признавая благоприятный исход битвы для французов, все же отметил, что она в итоге не принесла спасения Великой армии: «Грустная победа, которую мы одержали, была знаменательна, но она только отсрочила нашу гибель»⁷²².

По мнению Фэна, единственным негативным результатом для Великой армии в этих событиях были большие потери, вызванные природными условиями: «В значительных потерях французов нет вины Наполеона. Они были вызваны обстоятельствами, в которых оказалась его армия, и он был вынужден это принять»⁷²³.

В целом, Шамбре, Фэн и Жомини, проложив путь будущим исследованиям, представили первый во французской традиции научный анализ русской кампании. Сопоставив имеющиеся в их распоряжении документы с личными воспоминаниями, они приблизились к разгадке военно-стратегических проектов Наполеона. Современники, не вдаваясь в подробности глубокого исторического анализа, предложенного историками, приняли лишь сам факт победы Великой армии в России.

Очевидно, что сухие научные изыскания не вызвали интереса во французском обществе, которое ожидало только сенсаций и парадоксов. В связи с этим на формирование образа русской кампании в сознании

---

⁷¹⁹ Chambray G. Op.cit. T.1. P. 4.

⁷²⁰ Ibid. P. 23.

⁷²¹ Fain A. Op.cit. T. 2. P. 358; Chambray G. Op. cit. P. 66.

⁷²² Jomini A.H. Op. cit. P. 204.

⁷²³ Ibid. P. 411.

французов в большой степени повлияли дискуссии вокруг имени Наполеона, художественные произведения и «рождение легенды» о великом императоре, что произошло уже после его смерти.

Научное изучение русской кампании было надолго приостановлено, уступив место легенде об императоре Наполеоне. Созданию этой легенды во многом способствовал сам французский полководец. В 1823 г. началась публикация «Мемориала» графа Э.О. Лас Каза, в котором были представлены воспоминания Наполеона, диктовавшиеся им на острове Св. Елены. Несомненно, что основная цель императора заключалась в том, чтобы увековечить память о себе самом, стерев или затушевав «неудобные» страницы собственной истории. В итоге он создал героический образ русской кампании, на который ориентировались все последующие авторы в своем стремлении продлить жизнь наполеоновской легенде.

Заточенный на о. Св. Елены, Наполеон, подводя итоги своей военной карьеры, признал, что русская кампания нанесла роковой удар по Великой армии: «Армии более не существовало»⁷²⁴. В то же время бывший император категорически отверг предположение о ключевой роли русских войск в уничтожении Великой армии⁷²⁵. По мнению Наполеона, достойным противником французов были только «великие холода», которые им так и не удалось победить. Император подытожил итоги войны следующей фразой: «Русская кампания была победна, чудесна, трудна»⁷²⁶.

Процесс конструирования мифа о русской кампании еще в годы Реставрации поддержали деятели искусства, придав ему поэтическое толкование. Одним из первых представил художественный рассказ, посвященный Бородинской битве, П. Мериме, подчеркнув значимость этого события для французской истории⁷²⁷. Герой рассказа прошел свое «боевое крещение» именно в этом сражении. В сущности, Мериме через опыт одного

⁷²⁴ Las Cases A.D. *Mémorial de Sainte Hélène*. P.: l'Autteur, 1823. 428 p. P. 343.

⁷²⁵ Ibid. P. 342.

⁷²⁶ Ibid. P. 340.

⁷²⁷ Рассказ «Взятие редута» был опубликован в 1829 г.

солдата раскрыл героизм всей Великой армии и ее восхищение культом Наполеона.

Вместе с тем, представленные в рассказе сцены сражения убеждали читателя в том, что война – это кровавое действо: «Вокруг меня были раненые и убитые. Капитан лежал у моих ног: ядром ему размозжило голову, и меня забрызгало его мозгом и кровью. Из всей моей роты на ногах остались только шестеро солдат и я»⁷²⁸. Из рассказа следовало, что в этом сражении французы одержали победу, но победу ценой огромных потерь. На эти размышления должны были подвигнуть читателя последние слова, произнесенные французским капитаном: «Моя песенка спета, милый мой, но редут взят!».

Бородинская битва привлекла внимание и воина-художника Ж.Ш. Ланглуа⁷²⁹. Его кисти принадлежат две монументальные картины, посвященные событиям в России, «Битва при Москве-реке» и «Переправа через Березину». Более детальный анализ образа Бородинской битвы в творчестве художника был представлен В.Н. Земцовым. Сопоставив изображение панорамы с историческими фактами, исследователь пришел к следующему выводу: «Ланглуа создал эмоционально насыщенное и исторически правдивое полотно. Оно как нельзя лучше отразило французский, и никакой другой, взгляд на сражение, и по праву может быть названо “Битва при Москве-реке”»⁷³⁰.

Ланглуа также обратился к еще одному ключевому событию войны – переправе через Березину. Эта картина, представленная французской публике в 1827 г., подчеркивала значимость и трагичность событий Березины для Великой армии.

В целом, отступление Великой армии из России особенно привлекало художников этого периода. Так, генерал Ф.Л. Фурнье-Сарловез,

⁷²⁸ Мериме П. «Взятие редута» // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=19684&p=2>

⁷²⁹ Более подробно о творчестве Ж.Ш. Ланглуа Земцов В. Н. Ж.-Ш. Ланглуа и его панорама «Битва при Москве-реке» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 1(17).

⁷³⁰ Там же.

принимавший участие в кампании, представил картину, которая передавала всеобщий хаос на переправе через Березину. Великий французский художник-романтик Т. Жерико создает известное полотно под названием «Россия». Жерико изобразил двух французских солдат: один из них слеп, другой ведет своего товарища по русским снегам к спасению. Все эти картины были литографированы и стали известны в самых различных слоях французского общества. Образ войны становился символом человеческой трагедии в массовом сознании французов.

Таким образом, период Реставрации во Франции стал важнейшим этапом в формировании памяти о русской кампании. В сущности, общая политическая обстановка не особенно повлияла на интерпретацию этих событий. Историки оказались сдержанными в выводах: они представили факты, характеризовавшие ход военных действий, одновременно нередко уклоняясь от оценок действий Наполеона. Исключение составили характеристики тех результатов Бородинского сражения и оккупации Москвы, которые ранее были представлены в официальной пропаганде Наполеона.

Удивительно, но, несмотря на антибонапартистские тенденции в политике правящего режима, период Реставрации стал важнейшим этапом в формировании героического мифа о русской кампании в контексте наполеоновской легенды. Этот миф получил свое дальнейшее развитие в период Июльской монархии.

По образному выражению французского историка Ж.М. Ларжо, эпоха Реставрации, когда «мир был против храбрецов», закончилась⁷³¹. Ей на смену пришла эпоха Июльской монархии, когда память о великом императоре и его славных храбрецах оказалась наконец-то востребованной.

30-е гг. XIX в. стали во Франции временем превращения живой, коммуникативной памяти о наполеоновской эпохе в память национальную, историческую, в память культурную. Если в предыдущее десятилетие

---

⁷³¹ См.: Largeaud J.M. Op. cit. P. 174-191.

события недавнего прошлого еще только начинали становиться историей, и виртуальные сражения на страницах публикаций оказывались своего рода продолжением боев участников великих событий, судьбы которых по-разному сложились в эпоху Реставрации, то в 30-е гг. ситуация изменилась. Не только многие ветераны наполеоновских войн стали один за другим уходить из жизни, но и государственная власть стала искать возможности воспользоваться «историческим капиталом» в целях консолидации разношерстного общества времен Июльской монархии.

Подлинной апологетикой стали наполняться теперь сюжеты, связанные с событиями эпохи Наполеона. Как заметил писатель А. де Мюссе, представитель поколения «детей Наполеона», «... в этом хаосе надо было делать выбор, вот что стояло тогда перед юношами, исполненными силы и отваги, перед сынами Империи и внуками Революции»⁷³².

В эти годы не вышло ни одного заметного исторического исследования, посвященного русской кампании, так как торжество «легенды» в общественном и политическом пространстве, как правило, не предполагает критического анализа прошлого. В основном, публиковались научно-популярные работы, в которых преобладала героизация наполеоновской эпохи.

События русской кампании в этих исследованиях были представлены схематично, но особый акцент был сделан на агрессивном, варварском поведении неприятеля как факте, подтверждающем превосходство французов⁷³³. Так, историк Ж.Ж. Роу, не подкрепляя свои выводы документами, отметил, что Наполеон одержал абсолютную победу во всех сражениях этой кампании⁷³⁴. В описании пребывания Великой армии в

⁷³² Мюссе А. Исповедь сына века. СПб.: Азбука, 2012. 320 с. С. 26.

⁷³³ Roy J.J. Histoire de Napoléon. Lille, 1846. P. 228; Ardant L. Histoire de Napoléon. Détails sur sa famille, sa naissance, son éducation... 3e édition, augmentée d'une notice historique sur le duc de Reichstadt. Limoges, 1833; Norvins J. Histoire de Napoléon. Bruxelles, 1841; Tissot P.F. Histoire de Napoléon, rédigée d'après les papiers d'État, les documents officiels, les mémoires et les notes secrètes de ses contemporains, suivie d'un précis sur la famille Bonaparte. L'ouvrage, orné de portraits et plans, est précédé de réflexions générales sur Napoléon. P., 1833; Regnault É. Histoire de Napoléon: ornée de gravures sur acier dessinées par Raffet et De Rudder. P., 1846.

⁷³⁴Roy J.J. Op. cit. P. 229.

Москве он акцентировал внимание только на пожаре, вызванном «варварским поведением» неприятеля. Обратившись к причинам поражения французов в это в войне, он указал только на русский климат⁷³⁵. Тем не менее, под воздействием мемуаров, которые уже были опубликованы к этому времени, авторы обратились к тяжелым обстоятельствам отступления, придав этому сюжету героический аспект, олицетворением которого стала победа на Березине⁷³⁶.

Весьма популярной в эти годы была книга историка Ж. де Норвена, посвященная биографии и деятельности Наполеона⁷³⁷. Автор попытался убедить публику в том, что деяния императора были поистине великими: «Талант Наполеона как полководца намного превосходил подобные таланты его неприятелей»⁷³⁸. Обратившись к характеристике русской кампании, он признал, что она оказалась фатальной для Великой армии. Однако в качестве причины такого исхода войны он вновь назвал русский климат⁷³⁹.

Мы отчетливо видим, что историки этого времени оказались под сильным воздействием «наполеоновской легенды» и последовательно игнорировали факты и источники. В сущности, их произведения, будучи довольно популярными в среде читающей публики, стали трансляторами соответствующего образа кампании в сознание французского общества.

Отсутствие глубоких исследовательских работ также активно компенсировалось иными жанрами репрезентации исторического прошлого. Так, инициативу не только возрождения, но, в значительной степени, и формирования памяти об этих событиях взяли в свои руки писатели, «дети наполеоновской эпохи», воспитанные в годы великих подвигов французского императора.

---

⁷³⁵ Ibid. P. 232.

⁷³⁶ Ibid. P. 234.

⁷³⁷ Герой романа Г. Флобера «Воспитание чувств» живет на набережной Наполеона. Однажды он приходит к одному из друзей и видит томик «Наполеон» Ж. де Норвена, книгу, которая была очень популярна в годы кануна Июльской революции

⁷³⁸ Norvins J. Histoire de Napoléon. Bruxelles: Au bureau des publications illustrées, 1841. 528 p. P. 298.

⁷³⁹ Ibid. P. 5.

«Волнение его было похоже на то, какое мы все испытывали перед Наполеоном, какое мы вообще испытываем в присутствии великого человека, блистающего гением и облеченного славою»⁷⁴⁰, – выразил чувство восхищения французским императором Оноре де Бальзак в своем романе «Шагреновая кожа».

В одном из произведений Бальзака герой, участник войны 1812 г., рассказывает молодому поколению о переправе через Березину: «Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтонеры. Русские нам помогли, потому что они еще уважали Великую армию»⁷⁴¹. Во многом, этот образ Березины, созданный писателем, как проявление солдатской чести и мужества, продолжает жить в сознании французов и по сей день.

Однако Бальзак попытался показать не только героизм французских солдат и величие Наполеона, но и создать более глубокую психологическую картину войны. Герой его романа «Сельский врач», обращаясь мысленно к битве при Москве-реке, заявляет, что Наполеон привел их к победе, которая по итогам кампании уничтожила основную часть армии⁷⁴².

Подобную идею выразил и писатель Ж. де Нерваль в поэме «Россия». Признав за Наполеоном талант полководца, он в то же время создал печальную картину отступления французов:

Да, это так! Товарищи мертвы!
И тихо спят под русскими снегами,
Они укрыты саваном, немые,
Тела сокрыты белыми лугами...⁷⁴³

Не смог удержаться от того, чтобы не написать биографию Наполеона и Александр Дюма. Продолжая традицию героизации императора, он создал картину самоотверженной борьбы французских солдат на просторах России.

⁷⁴⁰ Бальзак О. Шагреновая кожа. М., 2003. С. 13.

⁷⁴¹ Balzac O. Berezina. P.: Libraire Germer Baillière, 1830. 40 p. P. 3.

⁷⁴² Бальзак О. Сельский врач. М.: Худож. лит., 1986. 47 с.

⁷⁴³ Nerval G. La Russie // URL: <https://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php>

В описании Бородинского сражения Дюма отметил, что только вдохновение культом Наполеона сподвигло солдат сражаться до победного конца⁷⁴⁴.

Подобные героические тенденции были характерны в описании и иных сюжетов Наполеоновской эпохи. Одним из первых в этот период обратился к забытой в годы Реставрации памяти о победе под Аустерлицем В. Гюго в поэме «К колонне»: «Он возвратился с победой, в очередной раз завоевав свою любимую Францию»⁷⁴⁵. Это произведение, актуализировав в сознании общества память о великой эпохе, «было встречено аплодисментами со страниц всех газет»⁷⁴⁶.

И все же писатели этого периода стремились рассказать не только о победах и величии Наполеона, но и нарисовать полную драматизма картину страданий и мужества французских солдат. К примеру, герой романа Бальзака Л. Ламбер, рассказывая о поле битвы под Аустерлицем, говорил так: «...я увидел во всех подробностях. Пушечные залпы, крики сражающихся звучали у меня в ушах и заставляли все внутри сжиматься; я чувствовал запах пороха, слышал ржанье лошадей и голоса людей; я любовался равниной, где сталкивались вооруженные народы, как если бы стоял на возвышенности Сантона. Это зрелище показалось мне таким же устрашающим, как видения Апокалипсиса»⁷⁴⁷.

Победы наполеоновской эпохи стали одной из центральных тем постановок французских театров. В 1836 г. парижский театр-кафе давал драму «Наполеон в 1814 г.» Спектакль представлял собой монолог императора, в котором он вспоминал свои великие победы:

Да, здравствуют символы, символы победы,
Грохочущий Ваграм и славный Аустерлиц,
Гнусные лилии принесли лишь беды,
Но Франция восстанет, Франция, упавшая ниц!

⁷⁴⁴ Ibid. P. 181.

⁷⁴⁵ Hugo V. A la Colonne // Oeuvre poétique. P., 1869–1870. T. 4. P. 26-37.

⁷⁴⁶ Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration. P., 1853. T. 2. P. 26.

⁷⁴⁷ Бальзак О.Л. Ламбер. М.: Правда, 1960. 260 с. С. 32.

Писатели вновь и вновь закрепляли в сознании французов расхожие сюжеты о достигнутых победах и беспримерном героизме наполеоновских солдат во всех битвах. Вместе с этим, они не забывали писать и о войне как величайшей человеческой трагедии.

События русской кампании нашли отражение и в творчестве художников этого периода. Так, художники, литографы и граверы Н.Т. Шарле⁷⁴⁸ и Д.О.М. Раффе⁷⁴⁹ стали создавать романтизированный и героический образ эпохи. Они чувствовали, что не только и не столько победы ушедших в прошлое событий были нужны публике и власти, но и, в большей степени, героика поражений, пришедшихся на период 1812-1815 гг. На полотне Шарле, выставленном в салоне 1836 г., растянувшаяся колонна измученных французских солдат, продирающихся сквозь снега, нагромождения трупов, брошенных пушек и телег, продолжает бороться не только за свою жизнь, но и за честь. В одиночную фигуру, упавшую на колени и поднявшую руки перед неприятелем, кто-то из колонны сразу же наводит ружье, намереваясь застрелить труса⁷⁵⁰.

Не менее впечатляющими были сюжеты, предложенные художником Ж.Ф. Буассард де Буасденье. Он представил французской публике в 1835 г. полотно, изображающее эпизод отступления Великой армии из Москвы. Эта картина, оцененная общественностью как проявление «высшей степени драматизма», мгновенно приобрела широкую известность во Франции. Буассард представил двух французских солдат, отставших от своей армии. Они одиноки в заснеженной пустыне. Один из солдат, кажется, засыпает, жадно глотая воздух, но при этом все еще пытается обогреть и вдохнуть жизнь в своего сослуживца, хотя тот, по-видимому, уже мертв. Человеческая

⁷⁴⁸ Шарле Николя Туссен (1792-1845), ученик А.Ж. Гро, в 1814 г. служил в Национальной гвардии. В 1836 г. представил публике полотно «Эпизод из наполеоновского похода в Россию».

⁷⁴⁹ Раффе Денни Огюст Мари (1804-1860) выполнил целую серию работ – «Сражение при Люцене», «Сражение при Ватерлоо», «Большой смотр», «Эпизод отступления из России», «Русская кампания», «Переход через Неман», «Маршал Ней в бою у Ковно, 12 декабря 1812 года» и др., расходившихся через литографии в тысячах экземпляров.

⁷⁵⁰ Сегодня это полотно находится в Музее изящных искусств в Лионе.

солидарность, не утраченная солдатами Великой армии даже на пороге смерти, – таков был пафос этого полотна.

Театры Франции также внесли свою лепту в процесс осмысления событий русской кампании. Произведения писателей и художников вдохновили поэтов, сценаристов и композиторов на создание романтических пьес о событиях войны 1812 г. Так, в 1840 г. французской публике была представлена опера «Сражение при Москве, или сирота Березины»⁷⁵¹. Как следует из либретто, вначале автор, якобы участник войны, обращается к залу: «Представив публике сражение за Москву и сражение на Березине, я хотел рассказать историю наших побед. Вы можете легко узнать бывшего солдата императорской гвардии. Вам будет интересно! И Вы узнаете, что может свершить любовь к Родине, Славе и Свободе!»⁷⁵².

Сюжет оперы был связан с празднованием юбилея русской кампании. Бывшие солдаты Великой армии вспоминают храбрых товарищей, победивших неприятеля в битве при Москве и на Березине, рассказывают молодому поколению о величии Наполеона.

Обратившись к раздумьям солдат во время происходивших событий, либреттист, поэт и композитор решили отказаться от сюжетов потерь и страданий. Они оставили только то, что восхваляло военную честь и верность Наполеону⁷⁵³.

Тема военнопленных также нашла отражение во французском театре. Наиболее известным в этом плане был спектакль «Аниела, или военнопленный в России»⁷⁵⁴. Общая идея пьесы была связана с мыслью о том, что война несет гибель как проигравшим, так и победителям. В ходе спектакля происходило несколько диалогов между французскими военнопленными и местными жителями, из которых зритель и узнавал о тяжелой судьбе «оккупантов», которые оказались в плену, и тех русских,

⁷⁵¹ La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérézina. P., 1840. 56 p.

⁷⁵² Ibid. P. 2.

⁷⁵³ Ibid. P. 33.

⁷⁵⁴ Aniéla, ou Les prisonniers en Russie: épisode historique, dialogué et mêlé de chants, en trois époques, de la guerre de 1812. P., 1840. 43 p.

которые вынуждены были покинуть свои дома. Ключевым моментом пьесы была идея о том, что, несмотря на все лишения, французские солдаты продолжали верить в своего императора⁷⁵⁵.

Очевидно, что возрождение героических сюжетов в общественном дискурсе определялось характером политического пространства. Король Луи-Филипп, ощущая уязвимость своего положения на престоле, стремился, обращаясь к символам Наполеоновской эпохи, объединить общество. Знаковым событием этого периода стало перезахоронение праха императора, что еще более способствовало формированию мифа об Империи.

Одним из первых включился в процесс формирования «наполеоновского мифа» в те годы писатель и публицист С. Ганно. В своих произведениях он представил наполеоновскую эпоху как череду трагических событий, в ходе которых французская нация явила все свои достоинства⁷⁵⁶. Вслед за Ганно многие авторы эпохи Июльской монархии даже сочли возможным представить военные поражения как своего рода «неполные победы Наполеона»⁷⁵⁷.

Формируя наполеоновский миф, в 1833 г. Луи-Филипп приказал восстановить памятник Наполеону на Вандомской колонне⁷⁵⁸. Новая статуя была выполнена скульптором Ш.М. Сером, который представил императора в хорошо узнаваемой шляпе и сюртуке, надетом поверх мундира, со зрительной трубой в правой руке.

А.И. Герцен, укrywшийся в Европе от «русского деспотизма», не раз наблюдал на этой площади удивительные сцены преклонения французов и тех, кто соотносил себя с ними, перед фигурой императора. Одну из этих сцен он описал в «Былом и думах», повествуя о каком-то «французе Севера»: «Раз вечером, поздно, зимой 1848 шел я с одним поляком из Мицкевичевых

⁷⁵⁵ Ibid. P. 3.

⁷⁵⁶ Ganneau S. Waterloo: à vous, beaux fils de France, morts pour l'honneur, salut et glorification! P., 1843; Idem. Retour des cendres de Napoléon en France. P., 1840.

⁷⁵⁷ Massas Ch. Les Derniers jours de l'Empire, poème en quatre chants: l'île d'Elbe, le retour, Waterloo, Sainte-Hélène. P., 1842; Barthélemy A. Napoléon en Égypte. Waterloo. P., 1835.

⁷⁵⁸ Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic]. // URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

приверженцев по Вандомской площади. Когда мы поравнялись с колонной, поляк снял фуражку. "Неужели?.." – подумал я, не смея верить в такую глупость, и смиренно спросил его: что за причина, что он снял фуражку? Поляк показал мне пальцем на бронзового императора. Как же после этого не теснить и не угнетать людей, когда это приобретает столько любви!»⁷⁵⁹

В 1836 г. было завершено строительство Триумфальной арки, увековечившей имена великих сражений французского императора, в том числе и сражения при Москве-реке. Однако слово «Березина», ставшее в тот период уже главным символом моральной победы и военной трагедии Франции, на этом постаменте высечено не было.

Помимо увековечения памяти о Наполеоне «в камне», король активно начал возрождать церемонию празднования Аустерлица, которая, однако, не нашла поддержки во французском обществе⁷⁶⁰. Имперский пафос, чувство национального превосходства над другими народами, с которыми ассоциировался этот праздник, были уже чужды человеку времен Июльской монархии.

В свою очередь, оппозиция режиму Июльской монархии, также активно обращавшаяся к временам Первой империи? использовала в своих целях память о Ватерлоо. Уже в начале 30-х гг. оппозиционная газета «Ле Шаривари» посвятила целый цикл статей этому сражению. В 1833 г., оценивая битву как ужасную трагедию, авторы призывали французов не тешить себя очередными иллюзиями в отношении новой монархии: «Это была ужасная война. 15 лет успеха завершились одним сражением. Мы видели конец империи – Ватерлоо»⁷⁶¹. Через несколько дней на страницах этой же газеты Ватерлоо было использовано для демонстрации недоверия к власти: «Что мы имеем после Ватерлоо? Где наши права? Реставрация или

⁷⁵⁹ Герцен А.И. Былое и думы. М.: Худ. лит., 1958. Т. 3. 340 с. С. 102.

⁷⁶⁰ См.: Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. С. 118.

⁷⁶¹ Le Charivari. 1833. 15 janvier. P. 2.

Гизо с его доктриной? Луи Филипп должен предоставить права французской нации. Вечное Ватерлоо!»⁷⁶².

Под влиянием оппозиционных кругов Луи-Филипп отказался от открытого конструирования политических мифов. Так, юбилей событий войны 1812 года не был отмечен на официальном уровне, оказавшись вне рамок исторической политики Июльской монархии.

В свою очередь, в связи с празднованием 25-летия Отечественной войны русские сформировали традицию торжественных военных церемоний в честь своей победы на Бородинском поле⁷⁶³. Официальных отзывов по этому поводу со стороны французского правительства не последовало. Эта церемония нашла отклик только в отдельных публикациях, авторы которых оценили ее как проявление страха перед образом Наполеона: «Николай I 26 августа, 7 сентября, особенно торжественно отметил годовщину битвы при Бородино, которую он представил в своей речи как победу святой России над врагом. Тень Наполеона – все еще кошмар для царя»⁷⁶⁴, – отметил историк того времени Э. Дрию.

В любом случае, очевидно, что французы, не принимая российского торжественно-героического восприятия событий 25-летней давности, предпочли иной, более камерный, проникнутый трагизмом человеческой судьбы и трагизмом целых народов, образ последних лет наполеоновской эпохи. В целом же, память о сражениях помогала определенному сплочению общественных кругов, но не способствовала укреплению правящего режима. Как справедливо заметил Р. Прайс, наполеоновский миф 30-40-х гг. XIX в. привел к перевороту 1851 г. и провозглашению Второй империи⁷⁶⁵.

По всей видимости, уже с эпохи Июльской монархии образы русской кампании трансформировались в рамках коммеморативных практик

⁷⁶² Ibid. 23 janvier. P. 3.

⁷⁶³ См.: Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев.

⁷⁶⁴ Driault. E. L'Egypte et l'Europe, la crise de 1839-1841: correspondance des consuls de France et instructions du gouvernement. P., 1841. T. 1. P. 26.

⁷⁶⁵ Price R. People and Politics in France, 1848-1870. Cambridge, 2004. P. 68-69; Largeaud J.M. Op. cit. P. 181-197.

общественного дискурса. Публицисты, писатели, художники, предлагая интерпретацию этим событиям, способствовали конструированию исторической памяти общества. Обострение социальной и политической борьбы к концу существования Июльской монархии способствовало возрождению через литературу памяти о русской кампании как символе крушения величия Франции и бессмысленности жертв, принесенных на алтарь войны. Так, для Виктора Гюго, который часто сравнивал современную ему Францию с эпохой великого императора, переправа-катастрофа через Березину стала символом разочарований. В период революции 1848 г. Гюго так написал об этом: «О несчастные люди! Когда они обещают мир, они развязывают войну. Когда они создают империю, наступает 1812 г. Когда они переходят реку, это мост через Березину»⁷⁶⁶.

Таким образом, первая половина XIX в. стала важным этапом конструирования «французской» версии событий 1812 г. Интерпретация сражений этой кампании как «моральной» и военно-стратегической победы Великой армии сменяли друг друга на протяжении многих лет под воздействием изменений внутривосточной ситуации во Франции. В годы Реставрации историки предприняли попытку подвергнуть сомнению военный гений Наполеона, проявленный в Бородинском сражении. Однако эти моменты не нашли отражения в последующих произведениях, авторы которых попали под очарование «наполеоновской легенды».

В итоге, в эпоху Июльской монархии инициатива в формировании памяти о войне перешла к деятелям искусства, склонным к пафосу героизма и трагизма. Их интересовали в большей степени сюжеты отступления, когда сущность человеческой природы проявилась наиболее рельефно. В целом, коммеморативные практики применительно к событиям 1812 г. в период Реставрации и Июльской монархии развивались в русле общественного дискурса, сила традиции которого оказывается, как правило, значительно сильнее, чем воздействие дискурса политического.

---

⁷⁶⁶ Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P., 1855. P. 21.

3.2. Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX века: между «памятью-победой» и «памятью-травмой»

Наполеон III, возрождая память о героическом прошлом Франции, пытался подкрепить этим легитимность своего собственного режима. Однако в центре исторического дискурса теперь была не память о наполеоновской эпохе, но правящий тогда император, «Наполеон маленький».

В любом случае, установление режима Второй империи усилило интерес к наполеоновским войнам и русской кампании⁷⁶⁷. В 1856 г. вышел 14-й том «Истории Консульства и Империи» Л.А. Тьера, посвященный 1812 году⁷⁶⁸. Это была первая попытка после Шамбре и Фэна представить «объективную» историю кампании.

Тьер, отметив польский вопрос в качестве основной причины войны, в то же время осудил поляков за проявление излишнего эгоизма в тех обстоятельствах: «Поляки, воодушевленные идеей свободы, всецело рассчитывали на Наполеона, поэтому выразили явное недовольство тем, что он, оставив их, пошел дальше, вглубь России»⁷⁶⁹. Обратившись к анализу сражения под Смоленском, историк отметил, что в условиях длительного ожидания боя французы восприняли эту битву как свою победу. Однако Бородино Тьер оценил как «неполную» победу французов, выразив сожаление в связи со значительными потерями в битве⁷⁷⁰. Обратившись к сюжетам оккупации Москвы, историк возложил ответственность за превращение города в руины на М.И. Кутузова⁷⁷¹. А вот применительно к характеристике действий Наполеона в Москве автор проявил достаточную сдержанность.

---

⁷⁶⁷ См., например: Chapuis F. Bataille de la Moskowa // *Bibliothèque historique et militaire*. P., 1853. T. 7; Berthezéne P. *Op. cit.*

⁷⁶⁸ Thiers L.A. *Op. cit.*

⁷⁶⁹ *Ibid.* P. 185.

⁷⁷⁰ *Ibid.* P. 348.

⁷⁷¹ *Ibid.* P. 358.

Представляет интерес и описание Тьером событий на Березине как эпилога отступления Великой армии. Он упрекал Наполеона в том, что тот не смог объединить две армии в начале сражения. В свою очередь, действия русских в представлении Тьера выглядели в большей степени продуманными и последовательными. В итоге, историк пришел к достаточно смелому выводу: «Чичагов и Витгенштейн уничтожили французскую армию»⁷⁷².

К достижениям историка следует отнести и тот факт, что он обратил внимание на действия дивизии генерала Л. Партуно: «Генерал Партуно перепутал дороги, оказался на более опасном пути»⁷⁷³. Прежние исследователи, не предлагая анализа причин сдачи дивизии, лишь подвергали критике действия самого генерала. Наконец, Тьер впервые высказал мысль о том, что противник – русская армия – оказалась достойна доблести французов⁷⁷⁴.

Казалось бы, все аргументы автора наводили на мысль о поражении Великой армии. Однако, к удивлению читателей, Тьер не позволил себе перечеркнуть то, что уже стало неотъемлемой частью исторической памяти нации: «Мы испытали чувство действительного триумфа, триумфа кровавого и болезненного, это была самая великая победа в нашей истории»⁷⁷⁵. Тем самым, Тьер, критикуя военно-оперативные действия Наполеона на Березине, в то же время закрепил в сознании общества образ этого сражения как «моральной победы» французов.

Подобный образ «Березины» продолжал фигурировать и во французской литературе. Писатель П.А. Понсон де Террайль создал в те годы беспрецедентное по своей реалистичности произведение «Трубач Березины», описывающее переправу французов⁷⁷⁶. Перед читателем была развернута картина самоотверженной борьбы понтонеров, строивших мосты через реку.

---

⁷⁷² Ibid. P. 685.

⁷⁷³ Ibid. P. 684.

⁷⁷⁴ Ibid. P. 681.

⁷⁷⁵ Ibid. P. 701.

⁷⁷⁶ Ponson du Terrail A. Le trompette de la Berezina. P.: Libraire, 1967. 150 p.

Понтонеры стояли по грудь в ледяной воде: они должны были погибнуть, но спасти армию и императора.

В связи с обострением отношений между Францией и Россией образ «русского варварства» на страницах публикаций стал активно актуализироваться. Тем более, что в ходе начавшейся в 1853 г. Крымской войны две страны, как в былые годы, вновь стали противниками. Поэтому не случайно, что именно в ходе Крымской войны во французской печати и драматургии возрождается образ русского солдата как варвара, не имеющего ни малейшего представления, в отличие от французского воина, о морали и нравственности.

В эти годы театры Парижа многократно ставили пьесу, в основе текста которой оказались воспоминания солдат Великой армии 1812 года, негодовавших по поводу того, что «русские варвары» не дали Наполеону одержать победу⁷⁷⁷. Противопоставление цивилизации и благородства, воплотившихся в образах наполеоновских солдат, русскому варварству, носителями которого стали казаки, было характерной темой и для художественной литературы того периода⁷⁷⁸.

Однако Крымская война, как ни странно, вызвала у некоторых публицистов совершенно иные аналогии с русской кампанией. Так, французский политический деятель журналист П.Г. Касаньяк опубликовал статью, в которой подверг критике действия Наполеона I, решившегося на развязывание войны с Россией: «Император видел в этой аванюре возможность реализовать свои амбиции, удовлетворить свое тщеславие. Это была бессмысленная война, которая изначально не сулила никаких преимуществ для Франции»⁷⁷⁹.

Вполне очевидно, что подобные замечания относились и к Наполеону III. Однако, несмотря на все предостережения Касаньяка, исход Крымской войны оказался более благоприятным, чем русская кампания для Наполеона

⁷⁷⁷ Les cosaques: drame en cinq actes. P., 1853. 32 p.

⁷⁷⁸ Ponson du Terrail P.A. Cosaques á Paris. P., 1867.

⁷⁷⁹ Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1854. 15 mars.

I. По всей видимости, после завершения Крымской войны образ «русского варварства» оказался более не востребованным и постепенно «канул в лету».

После успешного завершения войны Наполеон III, окончательно уверовав в свою политическую и военную гениальность, начинает более активно использовать образы Первой империи в обосновании легитимности собственной власти. Именно в этот период на страницах художественных произведений и периодической печати вновь появляются символы героических побед прошлого, убеждающих в вечности империи. Наполеон III, как правило, теперь предстает в образе «бога войны, вернувшего Франции Аустерлиц»⁷⁸⁰.

В 1862 г. появляется национальный гимн Второй империи, слова которого были связаны с военными победами Наполеона I: «Европа знает наших солдат. Они прославили себя словами: Аустерлиц! Йена! Ваграм! Наполеон!»⁷⁸¹. Теперь Наполеон III использовал в реализации своей исторической политики память об Аустерлице как неоспоримой победы своего дяди, игнорируя при этом иные сюжеты прошлого.

Император попытался вернуть торжественную церемонию празднования Аустерлица, которая проводилась в годы Первой империи, рассчитывая использовать этот символ для объединения общества⁷⁸². Однако подобные политические демарши не нашли поддержки в общественных кругах, и празднование Аустерлица постепенно стало праздником исключительно бонапартистов. Так, писательница Ж. Санд отметила в письме к принцу Жерому Наполеону в день очередной годовщины битвы: «Вот ваша победа, ваш праздник, объявленный в газетах, мой великий друг! Это прекрасное “солнце Аустерлица”!»⁷⁸³ Превратить праздник в массовое торжество по образцу Первой империи Наполеону III так и не удалось. Он

⁷⁸⁰ Ferrand J. Napoléon III. P., 1853; Belfort-Devaux P. Le canon d'Austerlitz: discours idéal d'ouverture. P., 1865; La Presse. 1864. 28 febr.; Chaubet Ch. Napoléon après la bataille de la Moskowa. P., 1861.

⁷⁸¹ Vive la France! Hymne national. 1862. // URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54254933/f5.image.r=La%20guerre%20de%20Crimée%20Austerlitz>

⁷⁸² Journal de Saint-Quentin. 1852. P. 2.

⁷⁸³ G. Sand – le Prince Napoléon (Jerome), 1865 // Les oeuvres Choiesies de George Sand. P., 2018. P. 106.

свелся, главным образом, к параду курсантов военной школы Сен-Сир на Вандомской площади⁷⁸⁴.

Применительно к русской кампании отдельные интеллектуалы под воздействием политической обстановки попытались вписать это событие в масштабное полотно всего героического прошлого Франции. Так, в поэме Ш. Шобе была представлена битва при Москве-реке: «Еще одна такая победа, и мы увидим эту эпоху, где в мире есть только два великих правителя»⁷⁸⁵.

Несмотря на все усилия, попытки использовать русскую кампанию для героизации образа Наполеона III не нашли поддержки в интеллектуальной среде. В 1866 г. А. Ассолан издал сборник иллюстраций, посвященных 1812 году⁷⁸⁶. В предисловии автор отметил катастрофичность этой войны: «Русская кампания – самый ужасный пример войн империи. Великая армия погибла там почти целиком от страданий и усталости. Те, кто вернулся во Францию, были лишь тенью той героической армии»⁷⁸⁷. Подобные размышления разделял и писатель Ш. Рабуль, явно намекая на тщеславие Наполеона III: «Французские солдаты стали жертвами кампании-катастрофы в России, которая была начата в интересах только одного человека»⁷⁸⁸.

Оппозиция режиму Второй империи, со своей стороны, тоже активно используя образы Наполеоновской эпохи, постаралась предложить свой ответ целенаправленной исторической политике императора. Одним из ярких представителей оппозиционных кругов был журналист Л. Вейо, который в своем произведении «Ватерлоо» пытался провести параллели между Первой и Второй империями: «Изначально речь шла о создании Европы для сохранения мира, но жажда власти приводит к деспотизму и разрушениям. Мы должны извлечь уроки из Ватерлоо, остановить это военное варварство»⁷⁸⁹.

---

⁷⁸⁴ La Presse. 1855. 28 febr.

⁷⁸⁵ Chaubet Ch. Op.cit. P. 2.

⁷⁸⁶ Assolant A. Op. cit.

⁷⁸⁷ Ibid. P. 3.

⁷⁸⁸ Rabou Ch. La Grand Armée. P.: Levy, 1860. 238 p.

⁷⁸⁹ Veuillot L. Op. cit. P. 6.

Спустя десять лет, после Седанской катастрофы, слова Л. Вейо стали восприниматься как пророческие: «Франция в очередной раз окажется побежденной во втором Ватерлоо, более катастрофическом, чем первое, побежденной теми же врагами»⁷⁹⁰. «Ватерлоо всегда угрожает Империи»,⁷⁹¹ – предрек конец имперских устремлений Наполеона III публицист республиканец Л. Лабарр. «Память о Ватерлоо намекает каждому правителю об уязвимости любой власти»,⁷⁹² – отметила газета «Ле Пети Журналь».

Так, в годы Второй империи образы наполеоновской эпохи оказались в центре борьбы правительственных и оппозиционных кругов, а их интерпретации стали чрезвычайно противоречивыми. Новая волна актуализации героических сюжетов прошлого и пропаганды милитаризма пришлась на начало франко-прусской войны. В одной из газет, к примеру, можно было прочесть следующие строки: «Всемогущая Французская империя, стремящаяся к завоеванию... С Наполеоном III мы вернемся в эпоху Аустерлица и Ваграма»⁷⁹³. Более того, даже ярые противники режима Второй империи Э. Эркман и Ш. Шатриан в своем романе «Ватерлоо» стали призывать к верности императору: «Для всех честных французов тогда пришел час победить или умереть! Это зрелище возбуждало наш дух. Император словно вдохнул в нас свой боевой дух, и мы были готовы истребить всех»⁷⁹⁴.

Однако после Седанской катастрофы, унижительной для Франции, никаких аллюзий с наполеоновской эпохой во французском обществе уже не появлялось. Седан невозможно было оправдать, даже вспоминая Березину или Ватерлоо, сражения, в которых армия смогла, несмотря ни на что, сохранить свою честь. Империя для французов осталась в прошлом, а история перестала выполнять терапевтическую функцию. «Наполеон» на Вандомской колонне снова проходит через падение.

---

⁷⁹⁰ Ibidem.

⁷⁹¹ Labarre L. Waterloo: seconde partie et fin de «Napoléon III et la Belgique». P., 1860. 145 p.

⁷⁹² Le Petit journal. P., 1863.

⁷⁹³ Le Courrier du Gard. Journal politique, administratif et judiciaire. 1861. 15 june.

⁷⁹⁴ Erckmann-Chatrian. Waterloo, suite du Conscrit de 1813. P.: Libraire, 1865. 240 p.

В целом, в годы Второй империи, несмотря на заметную идеализацию Наполеона I и Великой армии, память о русской кампании продолжала развиваться в контексте общественного дискурса, объединяя противоречивые интерпретации тех событий. Ко всему прочему, следует отметить, что в исторической науке этого периода вновь была сделана попытка подвергнуть сомнению некоторые чрезмерно героизированные результаты сражений.

Опыт Второй империи продемонстрировал, что попытки слияния истории с политическим культом правителя приводили не к сохранению, а к разрушению героических мифов. Поэтому не случайно, что деятели появившейся на руинах Второй империи Третьей республики оказались весьма осторожными в трактовке событий прошлого. «Седанская катастрофа» заметно актуализировала те размышления, которые уже зародились в общественном сознании в эпоху Наполеона III.

На страницах работ историков, писателей и публицистов стала появляться идея о том, что политика имперскости и милитаризма закономерно приводит к трагическому концу. Так, в комментариях к мемуарам французского офицера, служившего в России еще при Екатерине II, Л.М. де Трашана Лаверна, вышедших в 1879 г., говорилось, что русская кампания стала расплатой за «солнце Аустерлица»⁷⁹⁵.

В периодической печати любое упоминание о победах Наполеона теперь связывалось с печальным падением либо Наполеона I, либо Наполеона III⁷⁹⁶. «Не стоит рассматривать славу Аустерлица без прощания в Фонтенбло»⁷⁹⁷, – писала газета «Ле Пеи» в эти годы.

Одним из первых критических взгляд на деятельность Наполеона I в те годы выразил историк П. Ланфре, еще в 1867 г. приступивший к своему масштабному труду, посвященному истории Наполеона I⁷⁹⁸. Очевидно, что

⁷⁹⁵ Tranchant de Laverne L.M. Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805 par Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains. P.: J. Dumaine, 1879. 128 p. P. 82.

⁷⁹⁶ L'Intransigeant. 1885. 23 sept.

⁷⁹⁷ Le Pays. Journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.

⁷⁹⁸ Lanfrey P. Op. cit.

его взгляды на эту эпоху были сформированы еще в годы Второй империи. Возможно, бесславное завершение истории режима Наполеона III еще более усилило критическую оценку Ланфре правления двух императоров.

Во введении к труду автор с грустью обратил внимание на некую закономерность, связанную с тем, что имперские амбиции регулярно приводят Францию к трагедии. Исходя из этой установки, он вновь подвергнул сомнению факт победы Наполеона в сражениях кампании 1812 г. И все же, вслед за предшествующими авторами историк воспроизвел сюжеты героического отступления французских солдат.

Последующие историки, признавая факт того, что войны Наполеона стали бедствием для народа, все-таки не поддались общим политическим настроениям, сосредоточив свое внимание на внутренней политике императора⁷⁹⁹. В частности, Ж. Диез акцентировал внимание на значимых административных реформах, проведенных в годы Первой империи, отметив, что считает необоснованным отказываться от этой страницы прошлого Франции: «Мы решительно отбрасываем любые обвинения, направленные на то, чтобы превратить нашу работу в очередную критику Наполеона. Необходимо признать, что это был значимый этап в развитии Франции»⁸⁰⁰. Обратившись к русской кампании, он связал ее печальные результаты не с действиями Наполеона, а с некоей исторической закономерностью: «Можно ли было ожидать, что за победой при Маренго последует безумный 1812 год? Да, мы должны были это предвидеть. Напоминаем, что любое проявление силы может повлечь за собой безумные действия»⁸⁰¹.

Тем не менее, образ русской кампании этого периода ассоциировался не только с провалами Наполеона, но был вместе с тем и примером проявления достоинства и чести французского солдата. Авторы искали проявление подобного в сюжетах отступления Великой армии. В 1870-е гг.

⁷⁹⁹ См.: Canton G. Napoléon antimilitariste: étude d'histoire contemporaine. P.: F. Alcan, 1902. 386 p.; Masson F. Napoléon chez lui : la journée de l'empereur aux Tuileries. P.: P. Ollendorff, 1894. 433 p.

⁸⁰⁰ Diez J. Des caractères sociaux de l'influence de Napoléon I. P., 1909. P. 2.

⁸⁰¹ Ibid. P. 157.

выходит роман Ю. Булабера «Женщина-бандит», ориентированный на широкий круг читателей. Автор обратился к описанию переправы через Березину и к судьбам людей, прошедших через эту «ужасную эпоху»⁸⁰².

В центре повествования писателя оказалась судьба молодой женщины, последовавшей за своим мужем в Россию. Вместе они дошли до Березины, которая стала роковым рубежом для судьбы супружеской пары. Во время паники на переправе они потеряли друг друга. Женщина находилась в неведении о судьбе мужа, «солдаты не могли признаться ей, что уже три дня он не появлялся. В последний раз его видели раненым на лошади»⁸⁰³. Писатель попытался убедить читающую публику, что несмотря на тяжелейшие условия отступления из России французы сохранили готовность помочь друг другу и оставались преданы своему императору.

В этот период и французские газеты часто обращались к образу отступления как к героическому сюжету французской истории⁸⁰⁴. К примеру, во французской газете «Ле Тан» без воспроизведения подробностей военных действий было отмечено: «Переход через Березину остается победой в нашей памяти»⁸⁰⁵. Вместе с тем, на страницах периодической печати этого времени появлялись и потрясавшие воображение картины переправы: «Тот, кто испытал ужасные страдания, вызванные переходом через Березину, позже задавался вопросом, не было ли это сном?»⁸⁰⁶.

Подобные публикации закрепляли в сознании французов образ русской кампании как трагедии, но, в то же время, и моральной победы. Так, в ситуации, когда произошел отказ от героизации в интерпретации событий 1812 года, стал наблюдаться интерес к истории обычного солдата. В конце XIX в. выходит внушительное количество публикаций мемуаров, писем и военно-оперативных документов. Журнал «Карнет де Ла Сабреташ» усиленно публикует многочисленные мемуары участников войны 1812 г., в

---

⁸⁰² Boulabert J. Op. cit. P. 1.

⁸⁰³ Ibid. P. 2.

⁸⁰⁴ Le pays. 1896. 09 octobre; L'Univers. 1896. 09 juillet.

⁸⁰⁵ Le Temps. 1887. Octobre.

⁸⁰⁶ Le Temps. 1890. Nov.

которых образ кампании предстал в двойной ипостаси: и как олицетворение военных жертв, и как символ самоотверженности французского солдата⁸⁰⁷. В эти годы военный архивист Ж.Г.А. Фабри публикует тома военно-оперативных документов, посвященных русской кампании⁸⁰⁸.

Благодаря этим публикациям образ русской кампании в преддверии очередного мирового конфликта стал использоваться для пропаганды антимилитаризма, как воплощение жертв, принесенных на алтарь имперских амбиций. Подобные тенденции наблюдались и применительно к еще одной трагедии Наполеоновской эпохи – Ватерлоо. Так, в 1904 г. на поле Ватерлоо благодаря усилиям общественной организации «Сабреташ» появился первый французский памятник. Он был воздвигнут на месте последнего караула 1-го полка пеших егерей императорской гвардии, в центре которого был знаменитый Камбронн, произнесший, согласно легенде, не менее знаменитые слова в ответ на предложение сдаться.

Во время открытия этого памятника, получившего название «Орёл Ватерлоо» или «Раненый орел», французский художник-баталист Эдуард Детайль заявил, что монумент стал воплощением памяти и храбрости солдат Первой республики и Империи, солдат, которые храбро сражались «за свободу и славу, воплотившиеся в идее родины»⁸⁰⁹. В связи с установлением памятника во французской газете появилась антимилитаристская заметка: «Ватерлоо всегда напоминает миру о том, что дух стремления к покорению других народов должен угаснуть. Наполеон был уверен в своей победе, и это привело его к роковой ошибке»⁸¹⁰.

В свою очередь, «патриоты», заинтересованные в реванше, использовали иные события Наполеоновской эпохи, вспоминая о героическом прошлом. Так, антиподом русской кампании и Ватерлоо стал

⁸⁰⁷ Pele. Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney // Carnet de la sabretache. 1906. Sér 2. № 157; Notes et documents des Archives du général baron A.J. Ameil // Ibid. P. 456.

⁸⁰⁸ Fabry G. Op. cit.

⁸⁰⁹ Martin E. L'inauguration du monument français de Waterloo // Carnet de la Sabretache. 1904. Juin. P. 394; Largeaud J.M. Op. cit. P. 219.

⁸¹⁰ Le Petit journal. P., 1894.

Аустерлиц. «На следующий день после Аустерлица Наполеон сказал солдатам: “Солдаты! Вам будет достаточно сказать: Я был в битве при Аустерлице, и народ ответит: Вот, храбрый!”», – такую заметку о героической победе французского оружия при Аустерлице опубликовала газета «Ле Пеи»⁸¹¹.

На фоне перемен в государственной политике появляется группа французских писателей, которые начинают восхвалять политику империализма. Одним из ярких представителей этой группы был писатель Поль Адан. Наполеоновская эпоха стала центральным сюжетом его творчества. Перу писателя принадлежит роман «Ребенок Аустерлица», основная идея которого сводилась к тому, что французы, потомки великих солдат Наполеона, должны помнить свое прошлое и продолжить череду военных побед⁸¹².

Перед Первой мировой войной многие французские историки, подобно беллетристам, обращаясь к Наполеоновской эпохе, также начали взывать к чувству патриотизма⁸¹³. Однако русская кампания не обрела центрального места среди побед Первой империи в этих изданиях. Авторы активно продолжали использовать, прежде всего, в патриотических целях память об Аустерлице. «Молодые люди, не стоит бояться смерти, как ее не боялись наши храбрые предки на поле битвы при Аустерлице», – обращался историк А. Уссе к будущим солдатам Великой войны⁸¹⁴. Французское общество вновь накрыла волна патриотических настроений, тесно переплетенных с идеей реванша.

Вспоминания о событиях войны 1812 г., которую в итоге французы проиграли, они не затрагивали интересы России, союзника по «Антанте». Во французских патриотических публикациях образ врага отсутствовал.

⁸¹¹ Le Pays: journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.

⁸¹² Adam P. L'enfant d'Austerlitz. P.: P. Ollendorff, 1902. 552 p.

⁸¹³ Lumet L. Napoléon I-er, empereur des Français. P.: Nillson, 1908. 184 p.; Gloires et légendes: histoire militaire de la France racontée par ses drapeaux: de 1792 à nos jours. P.: Jouve, 1911. 547 p.; Béchet M. Historique sommaire du 11e régiment de hussards. P.: F. Séguin, 1913. 70 p.; Lanzac de Laborie L. La colonne de la Grande-Armée, «colonne Vendôme». P.: H. Laurens, 1915. 32 p.

⁸¹⁴ Houssaye H. Napoléon, homme de guerre. P.: H. Daragon, 1904. 82 p. P. 73.

Использование образов Наполеоновской эпохи преследовало лишь одну цель – объединить французское общество. Целей укрепления союзнических связей эта тенденция не преследовала. В связи с этим русско-французское сближение рубежа веков лишь частично повлияло на интерпретацию событий войны 1812 года.

Зримым воплощением «корректировки» памяти о русской кампании стало участие французской делегации в торжествах по случаю 100-летия войны 1812 года, которые прошли в России⁸¹⁵. Архивные материалы, отразившие детали этого визита французских делегаций, содержат ряд важных отчетов, а именно консула Франции в Москве Ш.М.С. де Валикура⁸¹⁶, главы французской военной миссии дивизионного генерала Ф.Л.А.М. де Лангля де Кари⁸¹⁷, военного атташе Франции в Санкт-Петербурге полковника Маттона⁸¹⁸.

Французское правительство решило отметить 100-летнюю годовщину русского похода установлением памятников павшим солдатам армии Наполеона, во многом, под влиянием общественных настроений. Правительство вынуждено было прислушаться к голосу таких влиятельных неправительственных организаций, связанных с изучением военной истории, как «Французская память» и «Сабреташ»⁸¹⁹.

Французская делегация с целью укрепления французо-русских отношений стремилась «сдерживать свои национальные патриотические чувства», продемонстрировав лояльное отношение к бывшему противнику. Подводя итоги юбилейным мероприятиям, Лангль де Кари написал в своем отчете: «Следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей

---

⁸¹⁵ SHD. 1M 2360.

⁸¹⁶ SHD. 1M 2360. M. de Valicourt, consul de France à Moscou, à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 septembre 1912.

⁸¹⁷ Ibid. Le Général de Division de Langle de Cary, Commandant le 8me Corps d'Armée, Chef de la Mission officielle Française en Russie, à Monsieur le Ministre de la Guerre (Etat-Major de l'Armée – 2me Bureau). Bourges, le 12 Octobre 1912.

⁸¹⁸ Ibid. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 3(16) Mars 1912; Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 12(25) mai 1912.

⁸¹⁹ См.: Война, политика, память...С. 144.

степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства республики. Со своей стороны, я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия, по большей части, особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод вызвать законное раздражение»⁸²⁰. Очевидно, что празднование юбилея Бородинского сражения стало чуть ли ни единственным заметным проявлением воздействия внешнеполитического фактора на интерпретацию событий русской кампании.

Таким образом, в эпоху Второй империи наблюдалась попытка «переформатировать» образ войны 1812 г. в плане абсолютизации победы Наполеона, а русским придать черты варварского противника. Однако официальным кругам не удалось вписать это событие в рамки исторической политики по образцу памяти об Аустерлице. Образ русской кампании становится орудием в руках оппозиционных режиму Наполеона III сил. В сознании общества поход в Россию воспринимается как результат роковой ошибки императора и, одновременно, как воплощение «моральной победы» французского солдата.

Подобные эмоционально окрашенные идеи публицистов и писателей были подкреплены научным обоснованием в труде Тьера. При этом представления о русской кампании в годы Второй империи развивались под влиянием оппозиции, которая подобным образом ответила на историческую политику Наполеона III.

---

⁸²⁰ SHD. 1M 2360. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 14.

В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии. Действительно, в эти годы в образе русской кампании объединились элементы, сформировавшиеся в предыдущие эпохи, – восприятия поражения как расплаты за имперскую политику, тезис о «победе в опасности» и память о войне как уроке антимиитаризма.

Было еще одно значимое изменение: вытеснение героической политики Наполеона I из национальной памяти способствовало проявлению интереса к истории обычного солдата при описании событий войны, что, в свою очередь, стимулировало публикацию документов личного происхождения. Однако этот процесс имел и обратную сторону – интерпретация событий кампании стала развиваться в пользу эмоциональной составляющей, но не в плане их научного осмысления.

3.3. Русская кампания в исторической памяти Франции в XX в.: беспомощность или слава?

Великая война 1914–1918 гг. закончилась победой Франции. Деятели искусства, вдохновленные этим, без устали стали убеждать нацию в неизбежности дальнейших успехов Франции, создавая тем самым своеобразную «ловушку памяти», в которой в свое время оказался Наполеон III.

Война 1914–1918 гг. в представлении французов стала своеобразным продолжением побед великого императора. Маршал Ф. Фош, произнося речь во время церемонии в 1921 г., посвященной столетию со дня смерти императора Наполеона I, сказал так: «Французские солдаты всегда отличались от солдат других армий тем, что действовали более эффективно на поле битвы... Во время Аустерлица Наполеон, вдохновив солдат, привел их к победе. Его войны привели к формированию нового мира»⁸²¹.

Идея войны как прогресса человечества начала заполнять страницы исторических исследований и художественных произведений⁸²². Французы без устали восторгались своей очередной победой. На этом фоне интерес со стороны французских исследователей к событиям войны 1812 г. заметно иссяк. Из печати выходили только научно-популярные книги, которые подчинялись одной идее – героизации русской кампании.

Так, писатель Г. Монторжуэль, связывая итог Великой войны с героическим прошлым Франции, обратился к читателям: «Когда вы будете читать об этой красивой истории Наполеона, поразмышляйте о великих вождях, которым мы обязаны нашей последней победой»⁸²³. В описании событий русской кампании автор акцентировал внимание на коварной

⁸²¹ Foch F. Eloge de Napoléon prononcé le 5 mai 1921 devant le tombeau de l'empereur. P.: Berger-Levrault, 1921. 216 p. P. 21.

⁸²² Les français à Vienne: bulletins de la grande armée. P., 1919; 11-e régiment de dragons: 1914-1918. P., 1919.

⁸²³ Montorgueil G. Napoléon. P.: Boivin, 1921. 96 p. P. 4.

тактике неприятеля, ставшей неожиданностью для императора: «Наполеон рассчитывал в течение недели завершить войну, но он не подозревал, к какими хитростями прибегнет враг, уклоняясь от сражения и опустошая собственную страну»⁸²⁴. Несмотря на все препятствия, которые чинил неприятель, Наполеон, по мнению писателя, все же одержал победу под Бородином. Автор описал героическое отступление французов в условиях ужасной зимы, которое завершилось военно-стратегической победой на Березине⁸²⁵. Историк Ж. Бэнвилль, признавая победы императора, все же отметил катастрофичность кампании для империи. Однако итоги он связал с русским климатом и «национальной войной», которую Наполеон не смог предвидеть⁸²⁶.

Очевидно, что теперь французы уже не связывали победы Наполеона с имперской идеей, но Первая империя воспринималась неким обоснованием героического настоящего и героического будущего. Однако вся эта конструкция рухнула с поражением страны уже на начальном этапе Второй мировой войны. Вновь, как это уже было после франко-прусской войны, французы стали демонстрировать осторожность в трактовке событий прошлого. В то же время, осознавая, что история может способствовать и преодолению травмы, они начали постепенное возрождение давно забытых ритуалов Наполеоновской эпохи. В 1946 г., в годовщину Аустерлица, состоялась церемония школы Сен-Сир, которая претерпела некоторые изменения: после традиционного военного парада ученики стали возлагать цветы к могиле Неизвестного солдата у Триумфальной арки⁸²⁷. Так, память о Великой войне повлияла на трансформацию ритуалов празднования годовщины Аустерлица.

Особое внимание государство стало теперь уделять духовному воспитанию детей, с надеждой на сохранение на будущее национальных

---

⁸²⁴ Ibid. P. 46.

⁸²⁵ Ibid. P. 54.

⁸²⁶ Bainville J. Napoléon. P.: Fayard, 1931. 612 p.

⁸²⁷ Le 141-e anniversaire d'Austerlize // Le Monde. 1946. 3 dec.

ценностей. С целью преодоления травмы Второй мировой войны «героическое прошлое» стало входить в историческое образовательное пространство. Так, например, в 1946 г. была опубликована получившая затем широкую популярность книга-раскраска по истории Франции для детей⁸²⁸. В предисловии авторы обратились к ребятам с такими словами: «Малыш, ты знаешь что-нибудь из истории Франции? В каком году умерла Жанна д'Арк? Когда произошло сражение при Аустерлице?» Одна из картинок была озаглавлена «Солнце Аустерлица» и имела подпись: «2 декабря 1805 года состоялось сражение при Аустерлице, которое стало самой важной победой Наполеона».

Процесс «преодоления травмы» отразился и на интерпретации событий русской кампании, которые сейчас подавались как череда безусловных побед Наполеона. В 1949 г. публикует свой 12-й том «Истории Консульства и Империи», освещавший русский поход, Луи Мадлен⁸²⁹. На основе традиционной еще для середины XIX в. документальной базы он решительно оценил и Бородинское сражение, и переправу через Березину как полную победу французской армии⁸³⁰. Главной причиной поражения кампании в целом он определил пожар Москвы. В еще более бонапартистском духе представил события 1812 г. А. Фюжье, объяснив провал похода пространством, климатом, неистощимыми человеческими ресурсами России и «варварским» поведением русских⁸³¹.

В эти годы известный французский писатель и историк Ж. Берто также обратился к истории эпохи Наполеона⁸³². Видимо, под влиянием результатов уже Второй мировой войны, в том числе поражения немецкой армии на территории СССР, он возродил тезис о «национальной войне», на которую Наполеон не рассчитывал: «Наполеон действительно узнал, на что

⁸²⁸ 11 vitraux: toute l'histoire de France à colorier. P., 1946.

⁸²⁹ Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. P.: Tallandier, 1949. T. 12. 400 p.

⁸³⁰ Ibid. P. 163.

⁸³¹ Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. См. также: Сироткин В.Г. Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С.181-191.

⁸³² Bertaut J. Napoléon ignore. P., 1951. 242 p.

способны русские, только в Москве. До этого времени он имел дело с армией, дипломатами, императором, но только в 1812 г. столкнулся с русским народом»⁸³³. Отдав дань уважения русским в годы Великой Отечественной войны, Берто оценил пожар Москвы не как «варварский» акт неприятеля, но как проявление «несокрушимого характера сражающегося русского народа»⁸³⁴.

Возрождение памяти о наполеоновской эпохе в период Четвертой республики происходило и по инициативе простых французов, которые стремились преодолеть «травму поражения». Так, возродилась традиция проводить в годовщину Аустерлицкого сражения «символические свадьбы». В некоторых уголках Франции устраивали костюмированные представления с участием «Наполеона»⁸³⁵.

Несомненно, в те годы чувствовался некий диссонанс между осторожной исторической политикой правительства Четвертой республики и ожиданиями нации. Эту проблему, обращаясь к памяти о наполеоновской эпохе, поднял французский журналист П. Одиа в статье «Беспомощность и слава»⁸³⁶. Сравнивая образы Аустерлица, кампании 1812 г. и Ватерлоо, он задавался вопросом: «Победа по определению является триумфом силы над слабостью; это подразумевает, что победитель, используя свою силу, злоупотребил ею...»⁸³⁷.

Так, в кризисные моменты истории образ Наполеона становился для нации способом общественной консолидации. Поиск национальной идентичности после Второй мировой войны вновь привел французов к «героическому прошлому». В конечном счете, французы обрели «своего императора» в лице президента Ш. де Голля, установившего режим Пятой

⁸³³ Bertaut J. Napoléon et les Russes // Le Monde. 1947. 25 octobre.

⁸³⁴ Ibidem.

⁸³⁵ L'imagerie de Napoléon et de sa Grande Armée fait battre le cœur des habitants d'Épinal // Le Monde. 1954. 29 juin.

⁸³⁶ L'impuissance et la gloire // Le Monde. 1956. 17 oct.

⁸³⁷ Ibidem.

республики и заложившего традиции политического поля современной Франции.

Де Голль в своей деятельности как президент сосредоточил усилия на национальной консолидации французов на основе исторических символов. Принимая важные решения, он часто ссылался на действия своего предшественника – Наполеона I. Вызывая в сознании общества своеобразные исторические аналогии, он тем самым пытался завоевать его доверие. Само же общество на тот момент, по-видимому, разделяло эти взгляды и верило в силу «возрожденного императора».

В политической и исторической литературе появились многочисленные попытки проводить аналогии между голлизмом как политическим течением и бонапартизмом; подобные сравнения стали традиционными для французской политической мысли⁸³⁸. Немало оказалось и своеобразных аллюзий на предмет политической карьеры де Голля и Наполеона. В журналах публиковались многочисленные статьи, посвященные сопоставлению обстоятельств прихода де Голля к власти в 1958 г. и 18 брюмера Наполеона Бонапарта, а также переворота, совершенного в 1851-1852 гг. Луи-Наполеоном Бонапартом⁸³⁹.

Эту тему развил историк Ж. Лука-Дюбретон, обратившийся к вопросу формирования культа Наполеона во Франции в 1815-1848 гг. Автор высказал мысль, впрочем, отнюдь не новую, что политическая эволюция, происходившая в эти годы во Франции, способствовала формированию наполеоновской легенды⁸⁴⁰. По его мнению, образ Наполеона помог королю Луи-Филиппу стабилизировать на некоторое время политическую ситуацию. Однако через несколько лет, теперь уже его противник, Луи-Наполеон Бонапарт, также используя память о великом императоре, совершил переворот и восстановил во Франции Империю.

⁸³⁸ Bonapartisme, gaullisme – Bonapartisme, gaullisme, catholicisme social // URL: http://musee.sitemestre.fr/6001/html/histoire/histoire_gaullisme_catholicisme_social.html

⁸³⁹ La Pensée. 1960. № 12; Le Monde. 1959. 09 janvier.

⁸⁴⁰ Lucas-Dubretton J. Le culte de Napoléon 1815- 1848. P.: A. Michel, 1960. 468 p.

Подобные аналогии, которые проводили историки, казалось бы, должны были оправдать методы исторической политики де Голля по возрождению величия Франции. Однако он сам демонстративно заявлял, что не намерен использовать память о войнах Наполеона для обоснования внешнеполитического курса.

В своем стремлении восстановить ведущую роль Франции в европейских делах президент говорил о необходимости прибегать для этого к мирным средствам: «Наполеон искал национальной независимости с помощью войны, а мы могли бы достичь этой цели с помощью мира»⁸⁴¹. Однако реальность была другой. Ее хорошо подметили британцы. Так, на заявление британского премьер-министра Г. Макмиллана о необходимости договориться с французским президентом об участии Великобритании в реализации задач европейской интеграции, депутаты британского парламента заявили: «Пойдет ли на это де Голль? Он сейчас как Наполеон после Аустерлица, то есть способен объединить европейский континент, оставив Британию на периферии»⁸⁴².

Аллюзии между президентом и императором Наполеоном формировались и в общеевропейском общественном дискурсе. В свою очередь, де Голль отказался от использования методов исторической политики, в частности, применительно к возрождению памятных церемоний. Так, он демонстративно не стал отмечать годовщину празднования Аустерлица, оставив это мероприятие исключительно ритуалом школы Сен-Сир⁸⁴³.

На этом фоне во Франции раздавались даже голоса о необходимости принимать в военном прошлом Франции не только героическое, но и трагическое. Так, А. Сангинетти, министр по делам ветеранов, по случаю празднования 50-летия Верденской битвы заявил даже так: «В своей истории

⁸⁴¹ Larcen A. Napoléon jugé par le general de Gaulle // Napoléon et l'Europe. P., 2004. P. 423.

⁸⁴² Les Britanniques s'interrogent sur les intentions du général de Gaulle à leur égard // Le Monde. 1962. 15 dec.

⁸⁴³ 2 S: La «Saint- Austerlize» // Le Monde. 1962. 7 dec.

мы не сможем отречься от Филиппа Петена как победителя Вердена, так же, как и от Наполеона Бонапарта – победителя Аустерлица»⁸⁴⁴.

В связи со 150-летием войны 1812 г. в СССР вновь была проведена торжественная церемония на Бородинском поле, вызвавшая оживленную дискуссию на страницах французских газет по вопросу сохранения исторической памяти. «СССР отметил 150-летие русской кампании. Мы во Франции до сих пор игнорируем эту страницу истории. Почему? Трагедия 1812 года, тем не менее, многое сделала для легенды о Франции. Разве не должна произойти драма, чтобы поразить воображение и остаться в памяти потомства? Была бы Жанна д'Арк без судебного процесса? Разве император без Святой Елены был бы таким же великим?»⁸⁴⁵, – написала газета «Ле Монд» по случаю юбилея.

Очевидно, что общественность проявляла инициативу в возрождении памяти о русской кампании. Так, известный журналист, корреспондент газеты «Ле Монд» Мишель Татю, освещавший церемонию на Бородинском поле, отметил, что это событие до сих пор вызывает «конфликт памяти» у двух народов: «Французские и русские историки расходятся по поводу результатов сражения уже сто пятьдесят лет. В наших школьных учебниках написано, что победа при Бородино открыла Наполеону путь к Москве; Русские дети знают, что битва при Бородино – это моральная и стратегическая победа русской армии, одержанная под командованием замечательного Кутузова. Обе стороны согласны, по крайней мере, в одном – это была масштабная кровавая битва»⁸⁴⁶.

Де Голль, как опытный политик, заинтересованный в сохранении советско-французских отношений, не комментировал проведение церемонии на Бородино. Тем не менее, сближение бывших неприятелей добавило несколько положительных черт к образу России в сознании французов. В это

---

⁸⁴⁴ Le transfert à Verdun des cendres du maréchal Pétain n'aura pas lieu à l'occasion du cinquantenaire // Le Monde. 1966. 4 mai.

⁸⁴⁵ Le Monde. 1963. 03 janvier.

⁸⁴⁶ Le Monde. 1962. 19 octobre.

время выходит монография Ш. Корбе, посвященная представлениям французов о России, которая стала важной вехой на непростом пути поиска взаимопонимания двух народов⁸⁴⁷. Сам де Голль, обращаясь к теме войн Наполеона, признал следующее: «Наполеон напал на Александра, и это стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал, ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится началом нашего упадка»⁸⁴⁸.

Совершенно иной была реакция Парижа на празднование 150-летия Ватерлоо. Де Голль последовательно не допускал возможности вхождения Англии в состав ЕЭС. Это и предупредило то, что французское правительство прямо высказало, как через прессу, так и по дипломатическим каналам свое явное недовольствие действиями Лондона по проведению памятных мероприятий⁸⁴⁹.

В эти годы образ России постепенно теряет свои зловещие черты, характерные для традиционной наполеоновской легенды. В этой связи особый интерес вызывает книга Константина де Грюнвальда, специалиста по русской истории⁸⁵⁰. Автор создал калейдоскопическую картину сражений, основанную на отрывках из воспоминаний и работ участников событий, сопроводив их собственными комментариями. Он пришел к выводу, что Наполеон одержал победы во всех сражениях этой войны, неизменно демонстрируя свою гениальность военного стратега⁸⁵¹.

Своего рода вершиной, впрочем, достаточно относительной, стала книга барона Жана Тири, корреспондента Института Наполеона⁸⁵². Несмотря на то, что Тири опирался на наиболее достоверные документы, он все же создал красивую героическую легенду о русской кампании. Вслед за

---

⁸⁴⁷ Corbet Ch. *L'opinion française face à l'inconnue russe*. P.: Didier, 1967. 320 p.

⁸⁴⁸ Larcen A. *Napoléon jugé par le general de Caulle // Napoléon et l'Europe*. P., 2004. P. 420.

⁸⁴⁹ *Война, политика, память...* С. 169.

⁸⁵⁰ Grünwald C. *Op. cit.*

⁸⁵¹ *Ibidem.*

⁸⁵² Thiry J. *Op. cit.*

предыдущими авторами, он назвал русскую кампанию «кровавой, но победоносной для Наполеона»⁸⁵³.

Подобной торжественностью были проникнуты кадры фильма «Трубач Березины» режиссера Ж.П. Каррера. В центре этого произведения оказался эпизод возведения понтонерами переправы, убеждавший зрителя в величайшей самоотверженности французских солдат в период великого отступления.

Образ «Березины», вновь став общенациональным событием, теперь стал возрождаться не только на страницах исторических исследований, но и на киноэкране. Он постепенно начинает внедряться в коммуникативную память французов как метафора кризиса, трагедии. В 1962 г. французы слышали песню П. Перрета «Березина», в которой за именем реки оказались скрыты самые разные, чаще всего, тяжелые жизненные проблемы.

«Преодолев травму» Второй мировой войны, французское общество уже после ухода де Голля обратилось к научному осмыслению русского похода. Война 1812 года теперь воспринималась как далекая история. И все же отдельные сюжеты Наполеоновской эпохи продолжали находить отражение в политическом и общественном пространстве. Так, начало президентского срока Ж. Помпиду в 1969 г. пришлось на юбилей рождения великого императора. По инициативе французского президента были проведены масштабные празднества в Аяччо, родном городе Наполеона. В публичных речах, которые Помпиду произносил на юбилейных мероприятиях, он неоднократно отмечал в качестве основного достижения политики Наполеона консолидацию нации на основе идеи величия Франции⁸⁵⁴.

Следует отметить, что Помпиду обращался чаще всего к образам внешней политики императора, считая своей основной политической задачей продолжение процесса европейской интеграции. В своих статьях 19-й

---

⁸⁵³ Ibidem.

⁸⁵⁴ Cérémonies Napoléon à Ajaccio // URL: <http://www.ina.fr/video/CAF94060529>

французский президент героизировал Наполеоновские войны, которые, по его мнению, были призваны установить мир и обеспечить процветание европейских народов. Помпиду отмечал, что, несмотря на полное трагизма отступление Великой армии из России, Наполеон остался для Франции символом величия, человеком, заложившим основные принципы международной политики страны⁸⁵⁵.

В периодической печати образ русской кампании активно использовался для характеристики СССР как одного из ключевых игроков на международной арене. Так, в 1976 г. в газете «Ле Монд» появилась заметка «В поисках европейскости России». Автор, характеризуя европейские черты архитектуры городов СССР, обратился к периоду пребывания Наполеона в Москве, написав, что французские солдаты еще в 1812 г. отметили переходное состояние русских от «дикости» к «цивилизации»⁸⁵⁶. Спустя несколько лет, на страницах газеты «Ле Монд» вновь появилась заметка о начале «перестройки» в СССР, в которой фраза «русская зима, погубившая Наполеона» использовалась как метафора кризисного периода⁸⁵⁷. Однако было уже очевидным, что русская кампания перестала быть важным элементом национальной памяти французов.

На рубеже 70-80-х гг. XX в. в Европе произошли большие изменения, повлиявшие на интеллектуальную жизнь Франции и предопределившие новый этап трансформации образа Наполеона в общественном сознании. В исторической науке начался процесс «деконструкции» мифов, проявилось стремление к «преодолению прошлого».

Зарождение нового представления об исторических событиях как продукте памяти, созданном под воздействием государства и отдельных социальных групп, способствовало перемещению центра формирования

---

⁸⁵⁵ Quand Georges Pompidou rendait hommage a Napoleon // URL: <http://napoleon1er.perso.neuf.fr/DiscoursGeorges-Pompidou.html>.

⁸⁵⁶ Le Monde. 1976. 02 déc.

⁸⁵⁷ Ibid. 25 déc.

образов прошлого из правительственных в общественные структуры. Возрождение великого императора как идеала власти в рамках «политического поля» пришлось на период президентства социалиста Ф. Миттерана.

Несмотря на то, что руководство страны во главе с Миттераном дистанцировалось от исторических аналогий, что было характерно для предшествующего времени, общество в целом не утратило надежд на «воскрешение Наполеона». Французы в образе Миттерана пытались уловить черты, которые свидетельствовали бы о «реинкарнации» великого императора. В этих поисках сходства общественность установила, что в окружении и того и другого был деятель по фамилии Савари⁸⁵⁸, жену и президента, и императора звали Мария-Луиза, и что обоих политиков манил образ Египта⁸⁵⁹.

Актуализации образов Первой империи в общественном сознании способствовало и создание Евросоюза как варианта реализации идеи Наполеона об Единой Европе. Сам французский президент, не ссылаясь на деятельность императора, возлагал большие надежды на Единую Европу, заявляя, что «Франция – наша страна, а Европа – это наше будущее»⁸⁶⁰.

Деятельность Миттерана убедила французов в том, что он был призван продолжить политику Наполеона. Подобное представление попытался выразить французский актер П. Себастьян в ставшей чрезвычайно популярной музыкальной сценке «От Наполеона к Миттерану». Вначале перед зрителем появлялся Наполеон, очутившийся на о. Св. Елены. Он начинал делиться со зрителями своими мечтами перестроить, начав с Лувра, весь Париж, но потом, осознавая, что его век подходит к закату, сожалел, что этого ему сделать уже не удастся. Неожиданно происходило перевоплощение

⁸⁵⁸ А. Савари был министром национального образования Франции в период президентства Миттерана; Ж.Р. Савари – министр полиции во время правления Наполеона.

⁸⁵⁹ С точки зрения французских СМИ, Наполеона и Миттерана манил Египет, т.к. император предпринял египетский поход, а президент установил перед Лувром известную пирамиду, которая стала главным входом в музей.

⁸⁶⁰ De Mitterrand à Chirac // URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_1995_num_60_4_446.

Наполеона в Миттерана, который и завершал то, о чем мечтал когда-то французский император, – перестраивал Лувр, воздвигая перед ним несуразную египетскую пирамиду⁸⁶¹.

Эта сценка хорошо показывала, как неконтролируемое властями развитие «общественного мифа» о «президенте-императоре» приводило к появлению первых признаков «контрдискурса», выражавших себя через универсальный язык критики правящих структур. Проявлением этого «общественного контрдискурса» стали сообщения СМИ, предрекавшие скорую «Березину» для социалистов на очередных президентских выборах⁸⁶². Действительно, в 1995 г. произошел провал социалистов, и следующим главой Франции стал Ж. Ширак, при котором страна попыталась возвратиться к политике голлизма. Общественность, чувствуя возрождение традиций де Голля, объявила победу Ширака «Маренго» и «Аустерлицем». Во многих газетах появились изображения Ширака в образе французского императора.

Тем не менее, период возрождения культа великого императора в обществе способствовал и активизации научных исследований, посвященных наполеоновской эпохе. В 1987 г. был создан Фонд Наполеона, который поддерживает изучение истории данного периода. Вершиной исторических исследований стало творчество Ж. Тюлара⁸⁶³. К отдельным сюжетам русской кампании он обратился в биографии Мюрата.

Не пытаясь привнести новый вклад в анализ событий войны, историк уклонился от оценок действий Наполеона. Тюлар лишь акцентировал внимание на тактике русских в начале кампании: «Русские отступают, сжигая все на своем пути. Умышленный тактический ход или боязнь встретиться с превосходящими силами противника? Каковы бы ни были их намерения, результат налицо: во время этой бешеной погони за противником

⁸⁶¹ De Napoléon a Mitterrand // URL: http://www.dailymotion.com/video/xdo579_denapoleon-a-mitterrand-vu-part-pa_fun

⁸⁶² Le couple infernal // URL: <http://www.samuelhuet.com/kairos/37-phileo/1049-mitt-kahn.html>

⁸⁶³ Тюлар Ж. Мюрат, или пробуждение нации. М.: Терра, 1993. 384 с.

люди и лошади быстро доходят до истощения сил, тем более что со снабжением вскоре наступают перебои»⁸⁶⁴. Не акцентируя внимания на результатах Бородинского сражения, историк только отметил, что это «была ужасная бойня». Сюжеты отступления из России автор опустил из своего повествования.

Возрождение героических образов русской кампании связано с именем историка Ф.Д. Уртуля, который опубликовал книгу «Москва-река – Бородино. Битва редутов»⁸⁶⁵. Уртуль уверял, что французы одержали под Бородином грандиозную победу. Причины же поражения всей кампании автор связал с тем, что Наполеон начал войну с Россией, не завершив войну в Испании, и что он, совершенно убежденный в своей победе при Москве-реке, слишком долго ждал в Москве предложений о мире. Эта книга обозначила новую актуализацию «наполеоновской легенды», предопределив траекторию развития исторической памяти уже в начале XXI в.

Очевидно, что мировые войны, актуальность которых была более значима для Франции в XX в., вытеснили «живую» память о русской кампании из сознания французского общества. Однако угасание научных дискуссий вокруг этой темы после Великой войны способствовало кристаллизации восприятия 1812 года как победы Наполеона. Французы вновь обратились к русской кампании с целью «преодоления травмы» после Второй мировой войны, что в большой степени усилило элемент героизации событий прошлого. Траектория движения образов 1812 года определялась инициативой общественных структур, а не государства. В XX в. общество уже не связывало образ Наполеона с имперскостью и военной агрессией. Что же касается русской кампании, то теперь французы воспринимали ее исключительно как национальную победу, о которой не стоит забывать, но стоит помнить.

---

⁸⁶⁴ Там же. С. 156.

⁸⁶⁵ Hourtoulle F.G. La Moskowa – Borodino. La Bataille des Redoutes. P.: Histoire & Collections, 2000. 280 p. (Русское изд.: Уртуль Ф.Г. 1812. Бородино. Битва за Москву. М., 2014).

3.4. Русская кампания в современной Франции: преодоление прошлого?

В начале XXI в. во Франции происходит постепенное возвращение к «наполеоновской легенде», но уже в «переформатированном» варианте. Во многом, трансформация образа Первой империи и русской кампании сегодня идет через конфликт национальных и общеевропейских символов прошлого, утрачивая свою изначальную «дискурсивную формацию».

В начале XXI в. французы активно включились в процесс конструирования «европейского проекта». Это стало временем больших надежд на укрепление европатриотизма, который, как предполагалось, будет способствовать активизации европейской интеграции. Важной вехой в процессе обсуждения данного вопроса стала статья Ю. Хабермаса и Ж. Деррида «Наше обновление после войны: второе рождение Европы»⁵³, в которой авторы выразили надежду на формирование общей «европейской политической ответственности» на основе единой исторической памяти через проработку трагического коллективного опыта войн.

Однако уже первые попытки реализации этого проекта встретили критику со стороны интеллектуалов. Основная часть ученых сошлась во мнении, что невозможно сформировать общеевропейскую идентичность с помощью методов исторической политики; это чувство должно стать результатом закономерного эволюционного процесса развития общеевропейского объединения⁵⁵.

Очевидно, что, преследуя, прежде всего, внешнеполитические цели, политическая элита демонстрировала высокую степень осознания своей «европейскости» для поддержания функциональных принципов наднациональной идентичности, конструируя некое «воображаемое сообщество». Формирование наднациональной идентичности привело к отказу от «героического нарратива» и формированию «дискурса травмы» в

мемориальных практиках, что отразилось на интерпретации образа Наполеоновской эпохи и, в частности, русской кампании 1812 г.⁸⁶⁶

Возрождение памяти о великом императоре в общественном и политическом пространстве наиболее ярко стало заметно в правление президента Н. Саркози, который активно обращался к памяти о Наполеоне ради создания собственного имиджа и оправдания своих действий в европейской политике⁸⁶⁷. Уже в ходе процедуры инаугурации Саркози, появившись перед парижанами под звуки марша «Маренго», дал понять, что он претендует если и не на роль Наполеона, то, по крайней мере, на роль его последователя.

Стремясь к консолидации различных политических сил Франции, президент в своих публичных речах стал многократно ссылаться на слова, якобы произнесенные Наполеоном: «Я приемлю в истории Франции все, начиная с Хлодвига и кончая Комитетом общественного спасения». Однако результат «исторических демаршей» Саркози оказался довольно неожиданным. Французская общественность, возрождая аналогии с правлением Наполеона, попыталась внушить Саркози мысль о том, что ему не достичь политического уровня французского императора. Характерной чертой «общественного дискурса» этого периода стала практика сопоставления отрицательных черт политики императора и президента Саркози (высокомерие по отношению к парижской элите, стремление контролировать СМИ и т.д.).

Этот период явился заметным рубежом в формировании «общественного мифа» о Наполеоне, который (миф) теперь был сориентирован не на восхваление правителя, но на его критику. Можем предположить, что этот процесс был связан, прежде всего, с активизацией деятельности интеллектуалов, которые стали рассматривать любое

---

⁸⁶⁶ См.: Танышина Н.П. Указ. соч.

⁸⁶⁷ Sarkostique // URL: <http://sarkostique.over-blog.com/article19804676.htm>

государственное вмешательство в историю как попытку уничтожить единую память нации.

Первой откликнулась на «имперские» устремления президента интеллектуальная среда, пытаясь донести до общества чувства опасения по поводу возрождения авторитаризма. Журналист Алан Дюронель, посвятивший монографию «Консульский марш» сравнению политики Наполеона и Саркози, пришел к выводу, что саркозизм можно назвать современным вариантом бонапартизма, который уже исчерпал свои политические возможности.

В 2008 г. группа французских историков и политологов опубликовала книгу «История Франции глазами Николя Саркози»⁸⁶⁸, получившую широкий резонанс в среде французской общественности. Авторы проанализировали все речи, которые произнес Николя Саркози в ходе своей избирательной кампании, длившейся с 3 сентября 2006 г. по 6 мая 2007 г. и закончившейся, как известно, избранием его на пост президента Французской республики.

В речах будущего президента авторы книги выявили наиболее часто упоминаемые исторические фигуры и события, и составили на этой основе своеобразный «критический словарь». Разумеется, среди статей словаря присутствовала и статья «Наполеон». Составители «критического словаря» заподозрили Саркози не только в склонности к бонапартизму, но и к монархизму. Во всяком случае, именно так они интерпретировали его постоянные ссылки на королей Франции как создателей французской нации. В целом, интеллектуалы, заявившие об явных «монархических» устремлениях Саркози укрепить «вертикаль власти», создали условия для активизации «общественного контрдискурса», выразившегося в том числе в появлении изображений французского президента в регалиях Наполеона и со звучным именем «Николя Бонапарт»⁸⁶⁹.

---

⁸⁶⁸ Comment Nicolas Sarkozy écrit l'histoire de France. Dictionnaire critique / L. Cock, F. Madeline, N. Offenstadt et S. Wahnich. Marseille, 2008.

⁸⁶⁹ Sarkozy et Napoléon le petit // URL: <http://www.turquieeuropeenne.eu/sarkozy-et-napoleon-le-petit.html>.

Следует отметить, что использование образа Наполеона во внешнеполитических устремлениях Саркози, в отличие от внутривластного поля, вызвало одобрение в интеллектуальной среде⁸⁷⁰. Поддерживая президента в политике укрепления Евросоюза, писатели и историки обратились к Наполеоновской империи как к своего рода прообразу подобной организации, отмечая при этом, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром.

Извечные «опрокинутые в прошлое» мечты французского президента о том, что было бы, если бы Наполеон победил в 1812 г., выразил экс-президент Франции В. Жискара д'Эстен в книге «Победа Великой армии». Ключевая мысль автора заключалась в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на столь длительный срок, то он смог бы одержать победу над Россией и создал бы более крепкий, чем существует сегодня, Европейский Союз⁸⁷¹.

Европейская идея как главный движитель политики Наполеона оказалась представлена в известном романе Макса Гало. Он вслед за многими историками высказал убеждение, что в 1812 г. Наполеона победила только «русская зима». По роману Гало режиссер Ив Симано снял фильм «Наполеон», мгновенно ставший широко известным и популярным как во Франции, так и по всему миру. Образ Наполеона, представленный в фильме, внушает страх, уважение и сострадание одновременно.

В соответствии с сюжетом картины, Наполеон, развязывая очередную войну, лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее всю Европу. В этом плане весьма характерны слова, которые в фильме накануне похода на Россию произносит близкий к императору человек обер-шталмейстер А. Коленкур: «Вся Европа стала французской!»

---

⁸⁷⁰ La City se déchaîne contre Nicolas Sarkozy // URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2009/12/03/04016-20091203ARTFIG00003-la-city-se-dechaine-contre-nicolassarkozy-.php>.

⁸⁷¹ Giscard d'Estaing V. La victoire de la Grande Armée. P.: Editions 84, 2010. 388 p. (есть рус. издание – Жискара Д'Эстен В. Победа Великой армии. М., 2015).

Эту европейскую идиллию нарушила русская кампания 1812 г., приведшая к гибели Великой армии. Подобными напоминаниями французские интеллектуалы и деятели культуры как бы предупреждали президента: для благополучия европейского пространства необходимы дружеские отношения с Россией. Однако внешнеполитические шаги президента Саркози свидетельствовали о его проектах иного рода. Ориентируясь на франко-немецкие интересы, Саркози был вынужден укреплять военные и политические, а нередко и экономические, связи с США, ослабляя при этом отношения с Россией. Подобная ситуация заставила французскую общественность и на этот раз обратиться к образам русской кампании Наполеона.

Так, сделанное в 2011 г. Саркози заявление о начале вывода французских войск из Афганистана, вызвало появление целой серии карикатур. На одной из них был представлен сюжет, напоминавший отступление Наполеона из России с кратким пояснением: «История продолжается». Каждый неудачный шаг Саркози в политике сопровождался в периодической печати словом «Березина».

Когда в 2007 г. Саркози принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах замелькали ехидные замечания: французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине⁸⁷². Разгоревшийся в 2012 г. кризис Евросоюза также напомнил европейскому сообществу русскую кампанию 1812 г.⁸⁷³ В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна французская газета заметила, что кому-то из кандидатов придется пережить «Березину»⁸⁷⁴.

В 2012 г. в связи с юбилеем русской кампании образы этой войны возродились не только в общественном пространстве, но и в исторической науке. Прежде всего, отметим, что историческая наука во Франции в это

---

⁸⁷² Le Monde. 2007.

⁸⁷³ Ueli Maurer compare l'Union européenne à Napoléon // URL: <http://www.tdg.ch/suisse/Ueli-Maurer-compare-l-Union-europeenne-aNapoleon/story/15692369>.

⁸⁷⁴ Bloc-notes questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny // URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notesquestions>

время продемонстрировала некоторое стремление к «преодолению прошлого». Директор Института Наполеона Ж.О. Будон обратился к исследованию кампании 1812 г. как с событийной стороны, так и в рамках тематики формирования исторической памяти.

Одной из основных причин, заставивших Наполеона развязать войну с Россией, историк назвал следующую: «Наполеон последовательно распространял систему, которую создал в результате войн, для упрочения своего доминирования в Европе»⁸⁷⁵. Обратившись к описанию Бородинского сражения, историк акцентировал внимание лишь на действиях Великой армии. По его мнению, взятие Большого редута стало завершающей фазой сражения, и русские должны были отступить⁸⁷⁶. Затем французы торжественно вошли в Москву как победители, намереваясь обосноваться там на длительное время. Однако «губернатор Ростопчин помешал Великой армии основательно устроиться в Москве, так как движимый чувством патриотизма приказал сжечь город»⁸⁷⁷. Далее Будон разворачивает картину отступления французов, во время которого, по его мнению, они подвергались воздействию исключительно только «русской зимы».

События на Березине историк представил как удачную операцию, проведенную Наполеоном. По мнению Будона, французскому императору «удалось избежать окружения русскими»⁸⁷⁸. Проанализировав результаты отступления, автор добавил, что, «несмотря на трагическое отступление Великой армии из России, образ Наполеона продолжал оставаться в сознании миллионов легендой»⁸⁷⁹. И все же историк не решился объявить сражение на Березине поражением России; он только отметил, что битва сохранилась в памяти французов как моральная победа Франции. Книга Будона обозначила своего рода переходное состояние французской науки от, казалось бы,

---

⁸⁷⁵ Boudon J.O. Napoléon et la campagne de Russie 1812.

⁸⁷⁶ Ibid. P. 154.

⁸⁷⁷ Ibidem.

⁸⁷⁸ Ibid. P. 183.

⁸⁷⁹ Ibid. P. 215.

нескончаемого воспроизведения традиционных суждений к осторожному «преодолению прошлого».

Стремление отойти от стереотипов, господствующих во французской науке уже двести лет, нашло отражение в исследовании известного историка М.-П. Рей. Основное достоинство ее монографии, названной «Страшная трагедия...», заключается в обращении автора к российским документам, что позволило создать более убедительную, чем у ее французских предшественников, картину действий русской армии в 1812 г. Рей начинает свое исследование с обращения к образам памяти об этой войне. По ее мнению, наиболее запомнившимся французам событием русской кампании стало отступление Великой армии, которому в свое время была посвящена полная драматизма повесть О. де Бальзака «Прощай».

Продолжая тему памяти, историк отметила, что «местом» коллективной памяти войны 1812 г. для русских стало Бородино. Обращаясь к этой знаменитой битве, Рей отметила, что для Наполеона сражение при Бородино должно было стать решающей победой после долгого ожидания встречи с русской армией на поле боя. Для Кутузова же, по мнению автора, эта битва стала своего рода защитой национальной чести⁸⁸⁰.

Описание историком пребывания Великой армии в Москве оказалось сложено из впечатлений французских солдат, которые вспоминали о городе, подожженном русскими. Французские солдаты с горечью наблюдали, как прекрасные церкви горели, охваченные огнем. Судя по отрывкам из мемуаров, на которые ссылается автор, французов возмущало то, что русские оставили своих раненых на погибель в пылающем городе. При описании отступления Великой армии историк попыталась развенчать миф о «русской зиме» как основной причине поражения французов в России. Обратившись к событиям на Березине, Рей назвала их «победой в опасности»⁸⁸¹.

---

⁸⁸⁰ Rey M.-P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P. 143 (Русское изд-ие: Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015).

⁸⁸¹ Rey M.-P. Op. cit. P. 278.

Попытки переосмыслить либо подтвердить некоторые национальные мифы о войне 1812 г. происходят сегодня во французской науке зачастую в рамках микроисторических штудий. Ярким примером тому является коллективная монография «Европейцы в Наполеоновской эпохе»⁸⁸². Авторы исследования задались амбициозной задачей проанализировать ход и смысл Наполеоновских войн через восприятие и судьбы обычных людей. В описании русской кампании авторский коллектив акцентировал внимание на повседневности войны, на потерях от ран и болезней. На основе анализа имеющихся данных авторы пришли к выводу, что «русская зима» оказала значительно большее воздействие на ослабление и развал Великой армии, чем боевые потери. Именно в связи с этим, по мнению авторов, период отступления из России имел наиболее катастрофические последствия для Наполеона и, следовательно, стал самым памятным для многих поколений французов.

В 2012 г. была опубликована книга Ж. Брежона, посвященная русской кампании 1812 г. и отражению событий этой войны в сознании французского общества⁸⁸³. Описав военные действия, автор отметил, что наиболее знаменательными событиями 1812 г. стал пожар Москвы и переправа через Березину. Обратив пристальное внимание на отступление Великой армии, автор заметил, что на этом пути французы постоянно подвергались нападению мелких групп казаков, но отнюдь не русской армии. Картины войны автор перемежал сюжетами из мирной жизни, и перед взором читателя оказались не только военачальники и солдаты, но и художники, композиторы и даже простые обыватели.

Использование микроисторического подхода во французской науке оказалось тесно связано с изучением судеб отдельных солдат Великой армии. В этом плане знаменательным событием стал выход монографии М. Руко и Ф. Удесека «От Немана до Березины: письма французских солдат о русской

---

⁸⁸² Les Européens dans les guerres napoléoniennes. Toulouse: Privat, 2012. 286 p.

⁸⁸³ Bregeon J.J. 1812: la paix et la guerre. P.: Perrin, 2012. 426 p.

кампании»⁸⁸⁴. На основе неопубликованных архивных документов авторы воспроизвели биографии трех солдат, прошедших испытание русской кампанией 1812 г. Эти судьбы явили собой примеры мужества, проявленного французами в период отступления из России.

Таким образом, нам представляется, что изучение кампании 1812 г. находится сегодня во Франции в переходном состоянии от систематического воспроизведения сложившихся стереотипов к «преодолению прошлого». С одной стороны, французские историки постепенно отказываются от сложившихся мифов в отношении «русской зимы» и событий на Березине. С другой стороны, во Франции продолжает господствовать научный концепт, связанный с представлением о русской кампании как столкновении варварства и цивилизации. Французские исследователи склонны подтверждать тезис о борьбе Великой армии с русской дикостью сюжетами ретирады из России, и это, в свою очередь, способствует сохранению «великого отступления» в качестве сакрального образа в памяти Франции.

В распространении достижений исторической науки решающая роль принадлежит печати, тематическим телепередачам, историко-художественной литературе. Довольно популярная во Франции передача «Две тысячи дней истории» в 2012 г. представила французской публике документальный фильм «Наполеон и русская кампания»⁸⁸⁵. Авторский коллектив при подготовке сюжета ориентировался на новейшие научные исследования. 1812 г. предстал перед зрителем как череда трудных, кровавых сражений, в которых была защищена честь Великой армии.

Бородинский бой был подан как кульминация побед Наполеона. Однако М.И. Кутузов, признавая превосходство неприятеля, все же объявил о победе русских, дабы поднять дух своей армии. После Бородинского сражения на экране появляется Москва, объятая пожаром. Именно этот

⁸⁸⁴ Roucaud M., Houdecek F. Op. cit.

⁸⁸⁵ Napoléon et la campagne de Russie (1812) // URL : <http://www.youtube.com/watch?v=3-GGHaWWq7A>; http://www.proussia.tv/La-campagne-de-Russie-de-1812-Extrait-d-un-film-disponible-en-integralite-sur-La-Voix-de-la-Russie_v217.html

пожар и привел Великую армию к разложению. Последние кадры передачи были посвящены отступлению из России, ставшему моральной победой Великой армии, но в то же время и ее агонией. В одном из комментариев к передаче было сказано так: «Для Великой армии это стало кровавой драмой. И поэтому в нашей коллективной памяти Березина остается символом поражения. Однако в то же время это была и наша победа, связанная с проявлением беспримерного мужества французских солдат».

Как правило, именно образ отступления, ставший наиболее памятным из всех событий войны 1812 г., формирует представления французского общества о русской кампании Наполеона. В этом плане показательны, что периодические журналы, обратившиеся к наполеоновской тематике в 2012 г., при упоминании русской кампании вспоминали лишь об отступлении. К примеру, в известном во Франции журнале «История» из всех сюжетов русской кампании была отмечена лишь гибельная ретирада Великой армии⁸⁸⁶. В качестве визуального образа этого события была помещена репродукция картины Ж.Ш. Ланглуа «Сражение под Красным», в комментариях к которой авторы статьи отметили, что под воздействием голода, холода и атак казаков Великая армия потерпела поражение, но сохранила свою честь⁸⁸⁷.

Во французском журнале «Русский взгляд», специализирующемся на сюжетах франко-российских отношений, была представлена серия статей, посвященных войне 1812 г. В отношении событий Бородина редакция журнала решила не останавливаться на подробном их описании, отметив только, что история битвы многократно переписывалась и искажалась. Редакция журнала, ссылаясь на последние исторические исследования, справедливо упомянула, что итоги этого сражения были неоднозначны, однако, поддавшись внушительной силе традиций, все же отметила, что это событие принято считать французской победой.

---

⁸⁸⁶ Histoire. 2012. №10.

⁸⁸⁷ Napoleon // URL: <http://www.lebreviairedespatriotes.fr/28/01/2014/culture/napoleon-symphonique-loratorio-qui-va-faire-renaitre-lempereur/>

«Русский взгляд» привлек внимание французского общества к действиям и русской армии на Березине⁸⁸⁸. Коллектив авторов отметил, что российские историки уже двести лет, осознавая незавершенность для русских операции на этой белорусской реке, обвиняют П.В. Чичагова в том, что он дал возможность Великой армии избежать гибели. Авторы статей, следуя выводам французских историков и не подвергая сомнению факт победы Наполеона, рассуждали о пагубных последствиях блестящего стратегического маневра французского императора так: «С одной стороны, бесспорно у нашей победы были катастрофические последствия, так как Великая армия прекратила свое существование. Наполеон понес огромные потери – между 25 и 40 тыс. человек согласно различным источникам. Русская армия захватила почти всю французскую артиллерию, обозы и взяла большое число пленных. Но, с другой стороны, русское командование, а именно фельдмаршал Кутузов, генерал Витгенштейн и адмирал Чичагов совершили несколько промахов, которые не позволили успешно реализовать их план. Наполеон и его гвардия смогли перейти Березину и вырваться из России»⁸⁸⁹.

В символизации исторических событий одну из главных ролей всегда играло искусство. В последнее время огромное влияние на французское общество стали оказывать художественные романы П. Рамбо, посвященные Наполеоновской эпохе. Особой популярностью пользуется его роман «Падал снег», повествующий о полном трагизма отступлении Великой армии. Продолжив традицию европейских писателей XIX в., Рамбо попытался проникнуть в переживания французских солдат, сопровождавших их на этом горьком пути из России. Писатель, сделав героями своего романа Наполеона, французских маршалов и простых солдат, описал, сколь достойно они показали себя в последние дни русской кампании 1812 г.⁸⁹⁰ Анализируя

---

⁸⁸⁸ Les leçons de Bérézina // URL : <http://french.ruvr.ru/>

⁸⁸⁹ Ibidem.

⁸⁹⁰ Rambaud P. Il neigeait. P.: Grasset, 2000. 346 p.

события на Березине, автор с восторгом писал о Наполеоне так: «Он рисковал судьбой своей империи, но не отдал победу врагу»⁸⁹¹.

В литературе имя реки – «Березина» – давно используется как метафора безнадежной ситуации. В 2007 г. Х. Ле Телльер опубликовал художественный роман, где «Березина» стала названием психиатрической клиники, расположенной в Шотландии⁸⁹². Возможно, таким образом автор пытался показать всю безысходность ситуации, в которой оказались больные. Помимо метафорического названия Березина продолжает привлекать французских писателей и как историческое событие.

Историко-литературный очерк об отступлении Великой армии представил французский писатель Ж.К. Дамам. В созданном им повествовании перед нами предстает борьба французского солдата за честь страны и императора. Кульминацией этой борьбы, по мнению писателя, стало сражение на Березине⁸⁹³. Используя преимущественно французские мемуары и письма, он попытался описать события на Березине с историко-антропологической стороны, дабы читатель смог почувствовать трагедию человека как такового.

Повествование о сражении на правом берегу в традиционном для французской историографии ключе писатель закончил атакой кавалерии генерала Ж.П. Думерка. Однако, уделив внимание только военным действиям, в которых приняли участие французы, Дамам все же отметил роль немецких и польских солдат: «В сражении на правом берегу немцы и поляки проявили героизм»⁸⁹⁴. Итог событиям на Березине писатель подвел одной емкой фразой: «Мы спасли честь своей армии». Причину привлекательности для беллетристов событий на Березине писатель П.

---

⁸⁹¹ Ibid. P. 236.

⁸⁹² Le Tellier H. Je m'attache très facilement. P.: Nuits, 2007. 80 p.

⁸⁹³ Damamme J.C. Les aigles en hiver Russie 1812. P.: Plon, 2009. 380 p.

⁸⁹⁴ Ibid. P. 560.

Мишон объяснил так: «Это было историческое событие, наиболее затронувшее сердца французов»⁸⁹⁵.

Театры Франции также не остались равнодушными к 200-летию 1812 г. Был поставлен музыкальный спектакль «Наполеон» с французским певцом С. Лама в заглавной партии. Центральной стала сцена, посвященная Бородинской битве. Накануне сражения Лама в образе Наполеона исполнил песню, в которой говорилось о любви и преданности армии своему императору. Неожиданно раздался голос Александра I. Русский император спросил, на что Наполеон рассчитывает. Французский император уверенно отвечает: «Я рассчитываю только на успех». Зал, как правило, после этого аплодировал.

Через двести лет после исторических событий на сцене французского театра вновь «разгорелась битва». Теперь она длилась мгновение, но мгновение, которое точно отразило особенность национального восприятия французами тех событий. Русская армия покинула поле битвы и освободила Наполеону дорогу на Москву. Великая армия, упоенная победой, входит в русскую столицу и мгновенно растворяется в дыме пожаров. После чего публика видит только отступление из России, которое сопровождается песней «Грусть»⁸⁹⁶.

Одним из важных «мест памяти» русской кампании 1812 г. во Франции являются музейные выставки, которые представляют визуальные образы той войны. Центральное место среди подобных экспозиций занимает постоянная выставка в Музее Армии. Среди мундиров и предметов быта солдат особо выделяется эскиз панорамы Ж.Ш. Ланглуа «Сражение при Москве-реке», ставшей важным элементом формирования «французского» мифа о Бородинском сражении⁸⁹⁷. И все же звуки научных дискуссий достигли залов и этой экспозиции. В текстовых комментариях выставки наряду с тем, что

---

⁸⁹⁵ Michon P.: «Le plus beau détail est dans Stendhal»// L'histoire. Mars 2012. № 343. P. 69.

⁸⁹⁶ S. Lama // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8s8eRE7fC2E>

⁸⁹⁷ Земцов В.Н. Ж.-Ш. Ланглуа и его панорама «Битва при Москве-реке» // История. 2013. №1 (17).

Бородино значится победой французов, Березина представлена как победа русских.

Помимо постоянной выставки в юбилейный 2012 г. в Париже появились временные экспозиции, посвященные русской кампании. В Версальском дворце прошла выставка «Наполеоновские войны. Луи Франсуа Лежен», на которой была выставлена картина «Битва при Москве-реке». Стремясь перенести на полотно разновременные сюжеты сражения, художник подчеркнул идею безграничного самопожертвования солдат Великой армии во имя Франции. В качестве ключевого сюжета Лежен избрал кульминационный момент битвы – взятие Большого редута. На заднем плане картины французы атакуют сам редут, а на переднем плане перед зрителем разворачивается семейная трагедия: Ж.А. Бастон де Ларибуазьер прощается со своим сыном, получившим смертельное ранение. Образы полотна вызывают к воображению и эмоциям зрителей, напоминая о той цене, которую Франция заплатила за эфемерность своего могущества.

Визуальные образы истории дают нам представление о людях того времени. Однако более глубокое постижение сознания человека прошлого возможно лишь путем абсолютного погружения в эпоху. Грандиозная военно-историческая реконструкция, разыгранная 2 сентября 2012 г. на Бородинском поле, возродила образы той войны спустя двести лет и стала своеобразным индикатором живучести национальных традиций⁸⁹⁸.

Делегации двух стран возглавляли президент России В.В. Путин и экс-президент Франции В. Жискара д'Эстен. Через несколько дней после реконструкции Жискара д'Эстен дал интервью, посвященное русско-французским отношениям, радио «Эхо Москва». Подчеркнув уважительное отношение к России как к великой стране, он отметил, что русская кампания 1812 г. стала важным шагом на пути поиска взаимопонимания двух народов. По мнению Жискара д'Эстена, интерпретация результатов сражений этой

---

⁸⁹⁸ Bicentenaire de 1812: une reconstitution d'envergure de la bataille de Borodino // URL: <http://fr.ria.ru/video/20120903/195942523.html>

войны как победы и для Франции, и для России способствует сближению наших стран.

Праздничные мероприятия на Бородинском поле, оживив в сознании французов память о русской кампании, привели к активному обсуждению этих событий на французских интернет-форумах. Французское общество выразило явную заинтересованность в продолжении исторических исследований событий войны 1812 г. Некоторые из участников дискуссий сообщили, что в последнее время в научных публикациях говорится о неоднозначности результатов как Бородинского сражения, так и битвы на Березине⁸⁹⁹.

Таким образом, отражение результатов научных исследований в общественном сознании свидетельствует о ключевой роли исторического сообщества в формировании исторической памяти во Франции. Актуализация сюжетов русской кампании в политическом поле произошла в период правления Н. Саркози. Он обращался к памяти о великом императоре с целью формирования собственного имиджа, а также для оправдания своих действий на европейской политической арене⁹⁰⁰.

Серьезные баталии, в ходе которых воскресали образы 1812 г., вызвало активное вмешательство Н. Саркози в школьный курс истории. Президент Франции, питая определенные надежды на политику мультикультурализма, стремился создать единое культурное пространство. В результате проводимого им курса в 2011 г. началось реформирование исторического образования во Франции. До этого момента школьный курс был направлен на изучение преимущественно истории Франции, что, по мнению президента, ущемляло интересы кругов мигрантов. С 2010 г. французское правительство начало разработку реформы исторического образования, решив увеличить количество часов на изучение истории Африки и Азии за счет ключевых исторических событий для французов – эпохи Людовика XIV и Наполеона I.

⁸⁹⁹ Passion – histoire // URL: <http://www.passion-histoire.net/viewtopic.php?f=55&t=29954&start=60>

⁹⁰⁰ Sarkostique // URL :<http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>;
<http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique>

В обновленных учебниках эпоха Наполеона представлена довольно обобщенно. Отказавшись от описания конкретных войн и сражений, в учебных пособиях стало повествоваться лишь о том, что Франция воевала без перерыва, преследуя целью распространение идей революции в Европе. Вместе с тем в учебнике было отмечено, что Наполеон одерживал победы во всех сражениях. Русской кампании 1812 г. не отведено ни строчки⁹⁰¹. Разница в объеме текстов в прежних и в новых образовательных программах составила 6 страниц. Из-за них то и начались бурные дискуссии⁹⁰². Протестующие заявляли, что эта «абсурдная реформа» связана с порочной политикой мультикультурализма и призывали приобщать мигрантов к истории и культуре Франции, а не демонстрировать «толерантность».

Чрезмерная героизация образа Наполеона при сокращении фактологического материала вызвала сомнения общественности на счет предложенного варианта презентации исторических событий. Откликом общественности на характер использования истории в формировании патриотизма явилась карикатура, изображающая беседу Гитлера с Наполеоном. Гитлер высказывает мысль о том, что скоро французский император совсем исчезнет из памяти европейцев. Наполеон в ответ замечает: «Скоро в учебниках истории будут писать только о положительной роли нацизма и колониализма».

«Фальшивый» патриотизм Саркози стал одной из причин недовольства общественности Франции своим президентом. Предрекая скорый конец его правлению, периодическая печать окрестила реформу образования Саркози известным французам словом «Березина». Но и Ф. Олланду также не удалось избежать «Березины». Этой метафорой французская общественность

---

⁹⁰¹ Histoire. Géographie. P., 2011.

⁹⁰² Реформа курса // URL: <http://www.defrancisation.com/reforme-des-cours-histoire-francois-ier-henri-iv-louis-xiv-et-napoleon-vires-des-programmes-scolaires/>

характеризовала его экономическую политику, напряженность в отношениях с Россией, провалы в борьбе с терроризмом⁹⁰³.

В свою очередь, Олланд не использовал исторических аллюзий в своей политике. В эти годы французское правительство вновь проигнорировало очередной юбилей Наполеоновской эпохи – битвы при Ватерлоо. В связи с этим во французском обществе разгорелась дискуссия по проблемам исторической памяти. Писатели, историки, журналисты задались вопросами: «Почему стыдно быть героем? Почему юбилей убивает память о победах, но возрождает память о травме?»⁹⁰⁴ Ответы на эти вопросы постарался дать в интервью газете историк П. Генифе, отметив, что во французском обществе не сложилось традиций празднования юбилеев войн Наполеона⁹⁰⁵.

На протяжении всего президентства Ф. Олланда СМИ Франции неоднократно заявляли, что в 2017 г. за президентское кресло будут бороться два «Наполеона»: Доминик де Вильпен и Николя Саркози. Однако Франция приобрела неожиданного для многих «императора» в лице Э. Макрона. Как и по отношению к предыдущим президентам, французские СМИ начали проводить аналогии между политикой Макрона и Наполеона.

В этом плане особое внимание они обращают на внешнюю политику французского президента. Так, подобные аналогии появились в СМИ в связи с заявлением Макрона о необходимости дальнейшей финансовой интеграции Евросоюза. На одном из форумов была открыта беседа под темой «Считаете ли вы Макрона новым Наполеоном?»⁹⁰⁶. Большая часть участников отметила «авторитарный стиль лидерства» французского президента, каковой был у императора. Участники форума заявили также, что возлагают на Макрона надежды по укреплению единства Европы, чем, якобы, отличалась и политика Наполеона.

⁹⁰³ Hollande et la Bérézina des Mistral // URL: [http:// quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html](http://quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html)

⁹⁰⁴ Napoléon ne suscite plus d'aussi ardentes guerres mémorielles // Le Monde. 2015. 4 juin; Bicentenaire de Waterloo: En France, «on a autre chose à faire» // Ibid. 2015. 11 juin.

⁹⁰⁵ «Les Français ont un problème avec leur histoire» // Le Monde. 2015. 11 juin.

⁹⁰⁶ President Macron the new Napoleon? // URL: <https://www.quora.com/Is-President-Macron-the-new-Napoleon>

В последние годы образы Наполеона и русской кампании часто фигурируют в периодической печати для характеристики российско-французских отношений. Так, встречу двух президентов летом 2019 г. в форте Брегансон СМИ назвали «русской кампанией Макрона», в ходе которой французский лидер продемонстрировал В.В. Путину мощь военно-морского флота Франции⁹⁰⁷.

Упоминание о войне 1812 г. на страницах французских газет чаще всего связано с фактом «русской агрессивности». В связи с усилением напряженности в российско-французских отношениях при Макроне в одной заметке было отмечено, что Россия вновь мешает «принципам создания Евросоюза», как в эпоху Наполеона⁹⁰⁸. Вместе с тем, в комментариях на одном из форумов французские читатели, явно не разделяющие политику своего президента по отношению к России, вновь вспомнили о «Березине»: «Макрон идет на штурм Кремля. Что ж, его Березина уже совсем близко»⁹⁰⁹. Подобные аллюзии характерны и для российской прессы. Так, по поводу критики Макроном «авторитарной» власти А.Г. Лукашенко одна из российских газет напомнила французам, что «река Березина протекает именно в Белоруссии»⁹¹⁰.

В 2021 г. французское общество вновь вспомнило о героической эпохе в связи с 200-летием со дня смерти Наполеона и возвращением на Родину из России останков генерала С.Ш.Э. Гюдена. Французское правительство изначально, проявляя заметную осторожность применительно к использованию прошлого, планировало проигнорировать эти события. Однако под давлением национально-ориентированной части общества Э. Макрон все же принял участие в церемонии, посвященной юбилею со дня смерти императора. В своей речи он затронул только внутреннюю политику

⁹⁰⁷ Le Monde. 2020. 16 février.

⁹⁰⁸ Le Monde. 2019. 10 février.

⁹⁰⁹ «Березина совсем близко» // URL: <http://alternatio.org/events/all/item/91635-berezina-sovsem-blizko-frantsuzskie-chitateli-posmeyalis-nad-makronom>

⁹¹⁰ Претендующий на роль Бонапарта... // URL: <https://putin-news.ru/10793-pretenduyuschiy-na-rol-bonaparta-makron-zabyt-chto-reka-berezina-protekaet-imenno-v-belorussii.html>

Наполеона, избегая упоминания о войнах. Президент также отметил, что наше восприятие Наполеона связано с «героическим мифом», зародившимся в XIX в.

Несмотря на все перипетии с образом Первой империи, Вандомская площадь по-прежнему является для французов символом громких побед Наполеона. Каждый проходящий через нее может увидеть слова, высеченные у основания колонны: «Император Наполеон посвятил эту колонну победам Великой армии...».

Так, в наше время образ Наполеона вновь оказался в центре конфликтов во французском обществе, на этот раз конфликтов между национальной и транснациональной памятью. Очевидно, что, несмотря на все попытки встроить эту эпоху в общеевропейский контекст, французы вновь возвращаются к национально-ориентированной версии прошлого. Траектория формирования исторической памяти о русской кампании в современной Франции неразрывно связана с образом Наполеона. В интерпретации событий войны 1812 г. мы наблюдаем достаточно противоречивую картину. Искусство продолжает тяготеть к «героике поражений» в описании отступления Великой армии. Да и в политическом пространстве чаще всего используется образ «Березины» как катастрофы, обозначающей критику действий правителей.

В то же время научное пространство Франции демонстрирует совершенно иную тенденцию, подвергая сомнению многие устоявшиеся «истины» о войне 1812 г. Этот процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия 2012–2015 гг. серьезно способствовали процессу «преодоления прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка в жизни современной Франции.

Подведем итоги. Исследование формирования исторической памяти о русской кампании во Франции продемонстрировало, что главными акторами, определяющими коммеморативные практики, связанные с образом этого

события, были и остаются общественные структуры и историческая наука. Это обстоятельство способствовало развитию «живой памяти», которая, несмотря на все попытки ее рационального переформатирования, продолжает сохранять в себе элементы эмоциональных впечатлений, пережитых нацией в 1812 г.

XIX в. способствовал формированию комбинированных вариантов исторической памяти, сохраняющих устойчивость на протяжении длительного исторического времени. Одним из таких вариантов стал феномен переплетения памяти-славы с памятью-поражением, относящийся к образу Великой армии в ходе русской кампании. Так сложилось, что обращение к образам русского похода, трагическим и героическим одновременно, стало уместным при любом режиме, так же, как, к примеру, обстоит и обстоит с образами Ватерлоо. В свою очередь, победы Наполеона, такие как Аустерлиц, прочно слившись с имперским культом, со временем стали элементом целенаправленной исторической политики.

Таким образом, противоречивость и даже парадоксальность хода русской кампании создали возможности для развития траектории исторической памяти о ней в рамках общественного дискурса при незначительном влиянии со стороны власти. Образ войны в период Реставрации балансировал между «наполеоновской легендой» и исторической наукой. Пожалуй, это был наиболее важный этап научного осмысления произошедших событий, так как в последующие годы иллюзия победы, соединившись с трагическими сценами, создала образ войны как «моральной победы» французов.

«Кристаллизация» этих представлений произошла в эпоху Июльской монархии, когда героика поражений оказалась востребована и властью, и обществом. Вместе с тем, эмоциональность, драматизм событий войны, которые транслировались художественными произведениями, затмили стремление к постижению исторической истины.

В годы Второй империи Тьер вернулся к научному осмыслению русской кампании, но эта попытка не нашла поддержки со стороны общества, которое было сконцентрировано на поиске ошибок Наполеона, либо фактов, оправдывающих его действия. Окончательное объединение всех элементов образа войны как «моральной победы» пришлось на период Третьей республики.

Если в XIX в. французское общество еще продолжало подвергать сомнению некоторые результаты действий Наполеона в России, то в XX в. образ кампании перевоплощается в военно-стратегическую и «моральную» победу французской нации. Изменение траектории развития памяти было обусловлено несколькими факторами: общество уже не связывало образ Наполеона с имперскостью, Великая война способствовала общей героизации прошлого, а Вторая мировая вызвала необходимость в «преодолении травмы» через историю побед. Очевидно, что XX в. способствовал новому рождению «наполеоновской легенды», но в то же время и заложил основу для последующего ее преодоления.

Так, уже в эпоху Миттерана образы русской кампании становятся элементом оппозиционного политического дискурса, который сохраняет свою актуальность и донныне. Сегодня память о Наполеоне активно использует национально-ориентированная часть общества как ответ на европатриотизм и политику мультикультурализма. Тем самым, в политическом дискурсе отступление Великой армии из России транслируется как метафора катастрофы, а в искусстве это событие продолжает фигурировать в качестве «моральной победы» французов. В свою очередь, в исторической науке мы наблюдаем стремление к преодолению неких «незыблемых» истин. Память о русской кампании вновь разделилась на отдельные противоречивые элементы, которые когда-то конденсировались под воздействием мировых войн.

Глава 4. Расколотый образ войны: русская кампания в представлении европейцев-союзников Наполеона

В ходе русской кампании 1812 г. в составе Великой армии сражались не только французы, но и представители других европейских наций, изучение траектории формирования памяти которых позволит определить многообразие коммеморативных практик событий прошлого. В данной главе мы акцентируем внимание на основных (помимо французской) национальных традициях войны 1812 г.: швейцарской, польской, немецкой и итальянской. Формирование памяти о событиях 1812 г. в рамках этих традиций начинается еще в ходе войны в рамках единой Великой армии. Тем не менее, дальнейшие события приведут к «переформатированию» общего образа прошлого, способствуя оформлению независимых национальных версий русской кампании Наполеона.

4.1. «Швейцарский миф» о войне: память, воспевающая славу

В кампании 1812 года в составе Великой армии Наполеона было четыре швейцарских полка линейной пехоты, которые покрыли себя неувядаемой славой в сражениях. Между тем, подвиги швейцарцев во время русской кампании не нашли достойного отражения в европейской историографии, ни, тем более, в исторической памяти французов. С течением времени именно сражение на Березине стало для Швейцарии основным историческим сюжетом, питающим дух этой малой европейской нации, которая в течение многих веков находилась в тени великой европейской истории.

Швейцарцы в отличие от французов не сразу попытались осмыслить события войны 1812 г. Политический фон конца наполеоновской эпохи не располагал к «восстановлению» сюжетов недавнего прошлого. Швейцарцы,

увлеченные после падения Первой империи решением своих внутриполитических проблем, не торопились с осмыслением недавно произошедших событий. Кроме того, одни швейцарские солдаты после 1815 г. перешли на службу к другим странам, продолжив тем самым судьбу вечных скитальцев, другие, храня верность Франции, а может быть и от безысходности, присягнули королю Людовику XVIII.

Конечно, в отсутствии единства среди самих швейцарцев в тех обстоятельствах не могло быть и речи о переосмыслении недавнего прошлого своей страны. На тот момент для них война 1812 г. являлась лишь эпизодом военной карьеры, может быть самым ярким и драматичным, но эпизодом.

Однако дальнейшие события в Европе помогли вписать русскую кампанию в историю Швейцарии. Июльская революция, приход к власти короля Луи-Филиппа окончательно разрушили военный союз швейцарцев с Францией. С этого момента начинается история независимой Швейцарии, формируются единые органы управления, и это вызывает необходимость в «создании» истории страны. Одним из важных сюжетов в этом «воскрешении» прошлого стала русская кампания, вошедшая в сознание швейцарцев как «память о жертвах и о героизме».

К середине XIX в. оставшиеся в живых швейцарские «скитальцы» уже вышли в отставку и вернулись в родные края. Теперь на страницах мемуаров и воспоминаний они начинают «создавать» память о себе и своей роли в гигантской эпопее наполеоновских войн. От их внимания не могли ускользнуть и события войны 1812 г. Более того, очевидное сокрытие французами исторической правды о доблести, проявленной швейцарцами в сражениях, вызвало их неистовое возмущение.

Одними из тех, кто обратился к этому сюжету, были адъютант 2-го швейцарского полка Луи Бего и лейтенанты Т. Леглер и А. Муралт. Несмотря на то, что после наполеоновских войн их судьбы разошлись, на

закате своей жизни они почти одновременно обратились к периоду «служения великому императору».

Так, Бего после окончания наполеоновских войн вышел в отставку и долгие годы проработал инструктором военной школы. Однако он продолжал помнить те кровавые события 1812 г., которые пережил в молодости. Муралт до конца своих дней также не расставался с военной профессией. В 1817 г. он перешел на службу Голландии. В 1830 г. Муралт получил отпуск и пережил в Берне все последствия Июльской революции для Швейцарии. Леглер, подобно Муралту, также не изменил военному призванию, и в 1816 г. поступил на голландскую службу. Этих людей с разной судьбой на закате жизни вновь объединила одна цель – сохранить память о военной доблести швейцарцев.

Эту цель предельно ясно сформулировал Бего в предисловии к своим мемуарам: «На публикацию воспоминаний меня надоумил Тьер, который не признал свидетельств мужества швейцарцев, спасших последние остатки Великой армии. Я сожалею, что более искусный писатель так и не напишет историю наших полков»⁹¹¹. Бего, отметив факт того, что участие швейцарцев не представлено в литературе, вынес такой приговор историкам: «Историками не описана великая и тяжелая эпоха, страницы героизма скрыты»⁹¹².

На страницах воспоминаний Бего не удержался от того, чтобы не выразить своего восхищения Наполеоном: «С тех пор мои чувства уже старого солдата не изменились; страдания и раны, полученные на Березине, не преуменьшили мою любовь к своей стране и моё восхищение великим капитаном — императором Наполеоном»⁹¹³.

Бего обратился в первую очередь к тем сражениям, в ходе которых особо отличились швейцарские полки – под Полоцком и на Березине. Описывая продвижение армии к Полоцку, он отметил, что русские, отступая,

---

⁹¹¹ Bégos L. Op. cit. P. 6.

⁹¹² Ibid. P. 95.

⁹¹³ Воспоминания Л. Бего. P. 68 // перевод Ю.А. Салеева (рукопись).

не планировали организовать «серьезную оборону»⁹¹⁴. Автор оставил яркие зарисовки «мирной жизни» швейцарских солдат между стычками с неприятелем, особо вспоминая сюжеты охоты под Полоцком⁹¹⁵. Обращаясь к описанию битвы 17 октября, автор вспомнил, что только стремление защитить честь полка вдохновляло его на борьбу: «Я слышал свист пуль и шипение пушечных ядер, пролетавших над моей головой, но я не обращал на это внимание, ведь речь шла о чести полка»⁹¹⁶.

Перед описанием картин битвы на Березине Бего вспомнил о своих впечатлениях от вида отступающей главной армии, которая добралась до переправы: «Действительно, было больно видеть остатки этой могущественной армии, возвращавшейся из Москвы разбитой, уничтоженной боями, лишениями и холодом. Я не мог не думать о том, насколько она была преисполнена энергией и надеждой, когда покидала Францию, когда шла через Пруссию, когда проходила Польшу. Мы, несомненно, тоже пострадали, но прибыли к берегам Березины всё ещё проникнутые рвением и готовностью сражаться»⁹¹⁷.

Бего, описывая швейцарцев перед сражением, передал нам атмосферу спокойствия в ожидании кровопролитного боя: «Когда враг удалился, бивак оживился. Горели огни, ночь была пережита без трудностей. Главным образом разговаривали о событиях в России. Наступила ночь, каждый солдат взял свой ранец и подложил под голову, снег служил матрацем; наши люди прижались, чтоб согреться. Голод и жажда мучили нас... Суровые бои явились бы нам поддержкой; но острой военной опасности мы не нашли, что вызвало беспокойство. Наши люди с нетерпением ожидали момента битвы»⁹¹⁸.

Мемуарист подробно описал действия швейцарских полков в сражении на Березине, отметив те жертвы, на которые им пришлось пойти, спасая

---

⁹¹⁴ Ibid. P. 82.

⁹¹⁵ Ibid. P. 85.

⁹¹⁶ Ibid. P. 89 // перевод Ю.А. Салеева (рукопись).

⁹¹⁷ Ibid. P. 98 // перевод Ю.А. Салеева (рукопись).

⁹¹⁸ Ibid. P. 102.

Великую армию. Бего был ранен и чудом избежал судьбы большинства солдат. Раненый, измождённый голодом, без лошади, швейцарец уже начал свыкаться с мыслью, что в этом лесу встретит свою смерть. От подобной судьбы его избавил генерал Б. Вандервейд, предоставив свою лошадь, чтобы он покинул поле сражения. Бего удалось добраться до ставки, где ему оказали медицинскую помощь. Его рана сильно кровоточила.

В воспоминаниях швейцарец выразил особую благодарность Вандервейду, сожалея, что не знает о его дальнейшей судьбе. На самом деле в этот день генерал был смертельно ранен в горло. Возможно, лошадь, которую он пожертвовал ради спасения раненого, помогла бы ему сохранить свою жизнь.

Страницу воспоминаний о сражении на Березине автор закончил фразой, ставшей пророческой: «День 28 ноября будет самым памятным для швейцарцев»⁹¹⁹. Далее Бего зафиксировал сцены трагического отступления остатков Великой армии после сражения, особо отметив усиление межнациональных трений: «Похоже, что у некоторых офицеров французской армии была инстинктивная неприязнь к швейцарцам, и нашему достойному и мужественному полковнику пришлось пожаловаться на неблагоприятное отношение нескольких высокопоставленных французских офицеров»⁹²⁰.

Не меньший интерес, чем воспоминания Бего, представляют интерес мемуары Леглера и Муралта, посвященные исключительно событиям на Березине⁹²¹. Леглер привел любопытный сюжет перед сражением, отражающий острое чувство ностальгии по Родине, посетившее его земляков: «Немного ранее 28 ноября во время отступления швейцарцев произошла трогательная сцена. Блатман (командир 1-го полка) спокойно прогуливался. Посетившие его в этот момент мысли о смерти напомнили ему любимую песню о доме:

Unser Leben gleicht der Reise

---

⁹¹⁹ Ibid. P. 103.

⁹²⁰ Ibid. P. 104 // перевод Ю.А. Салеева (рукопись).

⁹²¹ Muralt A., Legler T. Op. cit.

Eines Wandrers in der Nacht;
 Jedes hat auf seinem Gleise
 Vieles, das ihm Kummer macht.
 Aber unerwartet schwindet
 Vor uns Nacht und Dunkelheit,
 Und der schwer Gedrückte findet
 Linderung für sein Leid.
 Muthig! Muthig! liebe Brüder,
 Gebt das bange Sorgen auf,
 Morgen steigt die Sonn' schon wieder
 Freundlich an dem Himmel auf.
 Darum lasst uns weiter gehen,
 Weichet nicht verzagt zurück;
 Hinter jenen fernen Höhen
 Wartet unsrer noch ein Glück!»⁹²²

Леглер, будучи участником сражения на правом берегу Березины, подробно описал действия швейцарцев в день боя, подчеркнув готовность своих соотечественников бороться до конца, невзирая ни на какие препятствия и жертвы. Однако в повествовании Леглера единственным действующим лицом оказался он сам. Другие фигуры, мелькавшие в его

---

⁹²² Скитанье – наша жизнь

И странствие в ночи — наш путь,
 Где каждый, встретив и печаль, и грусть,
 Вдруг неожиданно исчезнет – пусть!
 И с приближением ночи
 В тоску мы вдруг впадаем,
 Узрев страдание в душе,
 Как должное мы горе принимаем.
 Мужайся же, любимый брат!
 Оставь и страх, и все заботы,
 Ведь завтра солнце вновь
 Взойдёт на небосводе.
 Раз так! Позволим же себе
 Идти вперёд — не падать духом!
 И веруя своей судьбе,
 Безудержно твердить:
 «За тем холмом, что вдалеке,
 Мы будем славно жить».

тени, сопровождают его отважную борьбу немymi жестами изумления, страха и поддержки.

Мемуарист остро сожалел, что швейцарцы понесли огромные потери в тот день: «Казаки напали на лейтенанта 1-го полка. Это произошло так быстро, что он не смог своевременно открыть огонь. Пулю в мозг получил капитан Фуссен; Зинг тотчас занял его место. Лейтенант Перрет незадолго до этого был убит ружейным выстрелом... Уже в утренние часы швейцарцы понесли огромные потери. Они прикрывали переход своими телами, за каждый шаг расплачиваясь кровью»⁹²³.

Леглер подвел итоги битвы следующей фразой: «Тысяча наших храбрецов и героев пали жертвами этого упорного сопротивления. Неприятелю все-таки удалось занять на левом берегу позицию, откуда он мог открыть разрушительный огонь по мостам»⁹²⁴.

В отличие от Леглера и Бего, Муралт не принимал участия в сражении, и на страницах воспоминаний он запечатлел лишь саму переправу. Его «Березина» оказалась насыщена рассказами о страданиях солдат: «Некоторые, расположившись вечером вокруг огня, следующим утром не встали. Другие же, пожалуй, ещё имели силу, но уже не имели мужества, и они оказывались не в состоянии покинуть тлеющий пепел»⁹²⁵. Хотя в рассказе Муралта отсутствует описание сражений, отсутствуют даты, но у него действуют живые люди, чувствующие боль, страдающие от всех тягот войны. Несмотря на то, что Муралт, также как Леглер и Бего, писал в мирное время, он не позволил себе увлечься героическим пафосом и показал реальности войны.

Подобно его бывшим сослуживцам, капитана 1-го швейцарского полка А. Рея, участника кровавой схватки на Березине, также продолжали тревожить воспоминания. В письме к своему другу в 1839 г. он отметил удивительную преданность, проявленную солдатами Великой армии по

⁹²³ Muralt A., Legler Th. Op. cit. S. 203.

⁹²⁴ Ibid. S. 206.

⁹²⁵ Ibid. S. 98–99.

отношению к Наполеону на Березине: «Прибыли 26 ноября в маленькую деревню Студянка. Утром разнесся слух, что император после переправы через реку покинет нашу армию. Другие бы на нашем месте сбежали, но мы не смогли оставить Великого человека в такой ситуации. Все кричали: “Да, здравствует император!”»⁹²⁶.

Публикация воспоминаний этих офицеров оживила интерес историков к событиям войны 1812 г., возрождение памяти о которых оказалось в общем потоке поисков швейцарцами чувства самоидентичности в конце XIX в. Первым среди этих историков оказался Х. Шаллер. Описывая состояние Великой армии перед началом войны, он особо отметил, что швейцарцы не были осведомлены о цели похода, но они были готовы сражаться за Наполеона⁹²⁷. По всей видимости, под воздействием предыдущих исследований, историк написал о «скифской тактике» русской армии, объясняя ее тем, что русские «боялись вступить в битву с таким сильным противником, и поэтому решили ослабить его лишением ресурсов»⁹²⁸.

Не сомневаясь в превосходстве Великой армии, он отдал абсолютную победу французам в Бородинском сражении⁹²⁹. Особенным героизмом проникнуты его строки описания битвы под Полоцком, которые историк выразил словами маршала Гувион Сен-Сира: «Мы можем рассчитывать на хладнокровие и мужество швейцарцев, поэтому я до сих пор именно их ставлю под удар»⁹³⁰.

В описании битвы на Березине Шаллер отметил, что именно швейцарцы спасли остатки Великой армии от неминуемой гибели⁹³¹. Далее историк с гордостью написал о том, что Наполеон выразил восхищение мужеством швейцарцев, проявившимся в том, что они своей самоотверженностью спасли всю армию.

⁹²⁶ Цит по: A. Chuquet. 1812, la guerre de Russie. P. 203.

⁹²⁷ Shaller H. Op. cit. P. 126.

⁹²⁸ Ibid. P. 127.

⁹²⁹ Ibid. P. 133.

⁹³⁰ Ibid. P. 134.

⁹³¹ Ibid. P. 156.

Вместе с тем, историк отметил, что победа на Березине досталась большой ценой. Он описал сцены лишений и страданий солдат, что придало картинам событий на Березине особый драматизм: «Вернемся к этому удручающему спектаклю и к нашим героям, которые умерли от голода и холода, принесли в жертву свою жизнь ради спасения армии»⁹³². «Солдаты не дали отчаянию завладеть собой. Зная, что за ними целая армия, они пошли в бой с песней о Родине. Все до последнего человека готовы были сражаться. Свист ядер прерывался их патриотическим пением», – завершил этими словами свое описание Березины Шаллер⁹³³.

Бесспорно, историк внес значительный вклад в историописание, подробно осветив действия швейцарцев в сражении на правом берегу Березины. Тем не менее, историк не проявил стремления подвергнуть сомнению результаты сражений 1812 г., оказавшись, таким образом, у истоков формирования швейцарского героического мифа о войне.

Последующие швейцарские историки, не пытаясь выйти за пределы «мифа», лишь придавали ему новое звучание на страницах своих произведений. Героизация швейцарцев в сражении на Березине была свойственна и историку А. Маагу. Во введении он отметил особую значимость русской кампании в истории Швейцарии: «Традиции нашей национальной истории связаны с участием в походе 1812 г. Это событие никогда не будет забыто»⁹³⁴. Историк при описании всех сражений кампании утверждал, что результаты их для Великой армии были исключительно победоносными. Особо он остановился на анализе событий на Березине.

Помимо описания военных действий, автору, как нам кажется, удалось постигнуть духовное состояние солдат накануне и в ходе сражения. Со страниц его работы перед нами предстает бивак, озаряемый смехом, песнями, неумолкаемыми разговорами. Солдаты не давали отчаянию овладеть собой. Среди всеобщего краха, в страшном бедствии, перед лицом смерти, память о

---

⁹³² Ibid. P. 163.

⁹³³ Ibid. P. 164.

⁹³⁴ Maag A. Die schicksale der Schweizer-Regimenter in Napoleons. Biel: Ernst Kuhn, 1890. 413 S. 3.

Родине стала для них сильной поддержкой: «Они делились приятными воспоминаниями о доме, о близких для них людях»⁹³⁵. И вдруг, неожиданно, эту идиллию нарушили залпы русского орудия. Но отчаяние, которое охватило бы в эту минуту любого, не завладело швейцарцами.

Глубокая вера автора в мужество своих соотечественников заставляла отчасти поверить в истинность описываемых им событий. Однако один факт заставляет сомневаться в точности созданной им картины. Мааг использовал всего лишь один источник – мемуары Леглера. Поэтому и сражение на правом берегу оказалось представлено глазами только одного из его участников. Все повествование сражения свелось историком к мысли о самоотверженности земляков: «Швейцарцы прикрывали переход своими телами, расплачивались за это кровью»⁹³⁶.

В целом, Мааг и Шаллер в очередной раз подтвердили миф о непобедимых швейцарцах, во многом сделав символом военного героизма сражение на Березине, миф, который господствует в сознании народа этой страны и по сей день. Поэтому представляется, что «точкой кристаллизации» образа русской кампании для Швейцарии является конец XIX в. «Швейцарский миф» продемонстрировал удивительную прочность в период кровавых событий XX в., оказавшись не подвергнутым изменениям.

В период Первой мировой войны швейцарское общество вновь возродило память о героическом и кровавом сражении на Березине, долгие годы вдохновлявшего нацию на защиту политики нейтралитета. Романтическая версия эпизода битвы, запечатленного в песне «Березина», приобрела известность и стала благодаря драматической поэме писателя Г. де Рейнольда «Поющая победа: песни швейцарских солдат» одним из «мест памяти» швейцарцев об этом сражении⁹³⁷. Это музыкальное произведение помогло швейцарцам противостоять чувству отчаяния в период угрозы

---

⁹³⁵ Ibid. S. 190.

⁹³⁶ Ibid. S. 193.

⁹³⁷ Emile L., Reynold G. La gloire qui chante: chants de soldats suisses à travers les ages: poème dramatique. Lausanne, 1918. 120 p.

вражеского вторжения в их страну в ходе Первой мировой войны. «Березина» оставалась памятным событием и между мировыми войнами. В 1927 г. вышла иллюстрация с песней швейцарцев, на которой были изображены два обессиленных, но не утративших силу духа и чувства взаимопомощи солдата.

Швейцарское общество вновь вспомнило о Березине в период Второй мировой войны, когда стране, объявившей о своем нейтралитете, угрожало немецкое вторжение. В этих условиях швейцарское правительство проявило заинтересованность в возрождении героических сюжетов прошлого. В 1941 г. были вновь переизданы мемуары Леглера и Муралта о событиях в России. «Березина» Леглера как проявление мужества швейцарцев в период опасности и «Березина» Муралта как трагедия, призывающая к миру, отвечали чаяниям швейцарского общества того времени. В 1942 г. было опубликовано первое подробное исследование о действиях швейцарских солдат на Березине⁹³⁸. Так, в первой половине XX в. исключительно к образу именно этого сражения и свелась швейцарская память о русской кампании.

Послевоенная ситуация в Швейцарии была связана с возвращением к политике нейтралитета, что, как ни странно, помогло увековечить в памяти швейцарцев образ Березины, созданный в XIX в. В 1978 г., в период становления движения военно-исторической реконструкции, силами группы энтузиастов была создана униформированная группа «3-й швейцарский полк», в различную символику которого оказалось включено слово «Березина»⁹³⁹.

В путеводителях по Швейцарии из всех событий войны 1812 г. обозначено только сражение на Березине. При этом обычно воспроизводится известное утверждение о том, что швейцарцы в этой битве спасли Великую армию⁹⁴⁰. Березина обозначает для швейцарцев не только великое сражение. В сфере искусства и политики оно приобрело и метафорический смысл. Эта

⁹³⁸ Vallotton G. Les suisses à la Bérézina. Lausanne: Helvétique, 1942. 290 p.

⁹³⁹ Beresina grenadiere // URL: <http://www.beresina.ch/wer.html>

⁹⁴⁰ Die Neutralitaet der Schweiz // URL: http://www.cosmopolis.ch/cosmo34/schweiz_uno.htm

тенденция нашла свое отражение в фильме «Березина, или последние дни Швейцарии» режиссера Д. Шмида⁹⁴¹. Сюжет фильма построен на истории некоего антигосударственного заговора. Подпольная организация «Кобра» в качестве своего гимна выбрала слова из песни швейцарцев, которую они исполняли перед сражением на Березине: «Смелее, смелее братья...».

Песня о Березине до сих пор остается одной из известнейших в Швейцарии, ее даже предлагали сделать национальным гимном. Наиболее известной эта песня стала в исполнении современной певицы Мары Каузер. Более того, это произведение является и объектом научного изучения. Современный швейцарский историк, обратившись к истокам происхождения песни, назвал ее «швейцарской Марсельезой»⁹⁴².

Рассказ о героизме швейцарцев на Березине входит в сценарий туристических экскурсий для иностранцев. К примеру, одна из русских туристок в своем отзыве о Швейцарии упомянула следующее: «Примеров воистину великой храбрости в истории швейцарских гвардейцев было много, хотя бы сражение при Березине, когда швейцарцы в течение дня сдерживали превосходящую по силам русскую армию, благодаря чему Наполеон и смог перебраться на другой берег (кстати, швейцарцы даже песню народную сложили об этом подвиге, так и называется – Beresina-Lied)»⁹⁴³.

В коммуникативной памяти швейцарцев выражение «перейти Березину» означает совершить что-то невозможное⁹⁴⁴. К примеру, в 2008 г. швейцарская газета опубликовала статью об отстранении главнокомандующего армии Р. Нефа под символическим названием: «"Швейцарский Брежнев" перешел Березину и умер»⁹⁴⁵.

К юбилею войны 1812 г. в музее Люцерна была организована выставка «Березина: швейцарцы в России». «Это история о превосходной военной

⁹⁴¹Beresina, 1999 // URL: http://www.daniel-schmid.com/2_movies/beresina.php

⁹⁴²Tscharner B. Le chant de la Bérézina // Lettre de Penthes. 2011. № 17.

⁹⁴³Путешествия. Швейцария // URL: <http://www.tury.ru/otzyv/id/144507>

⁹⁴⁴Посол Швейцарии в Беларуси: «Песню о Березине предлагали сделать гимном Швейцарии»// URL: <http://kp.ru/daily/24405/580463/>

⁹⁴⁵«Швейцарский Брежнев» перешел Березину и умер // URL: <http://www.nashgazeta.ch/node/6286>

организации, которая потерпела в России сокрушительный крах»⁹⁴⁶, – отмечено в характеристике этой выставки. Экспозиция представляет собой реконструкцию сражения на Березине, где особое внимание уделено личным переживаниям швейцарских солдат, восстановленным по мемуарам.

Посетители музея получили возможность посмотреть форму, оружие, карикатуры, инструменты полевой хирургии Наполеоновской эпохи. В экспозиции были представлены документальные источники, в основном, отрывки из мемуаров, которые дали возможность посетителям мысленно принять участие в битве на Березине.

Швейцарская газета, посвятившая статью выставке, обратила внимание на то, что наиболее привлекательной для посетителей музея оказалась одна любовная история: «... А три года спустя, когда Хайнрих завербовался в швейцарский полк и уехал в Марсель, жена последовала за ним. В конце 1811 г. швейцарский полк отправился в Россию, и в течение всего похода Наполеона на Москву Катерина сопровождала мужа верхом на лошади и помогала ему, чем заслужила репутацию весьма деловитой женщины. В своем дневнике в августе 1812 года, находясь под Полоцком, Катарина Пайер писала: “Судьба забросила меня в эту пустыню, полную страданий и ужаса, и заставила пройти по дороге, где вместо деревень и городов мы нашли только пепел. Русские страшным способом уничтожили все то, что было на равнине, по которой должны были пройти французы. Кукуруза была уничтожена, вырублен лес, деревни сгорели, кормить лошадей было нечем”»⁹⁴⁷.

Важным «местом памяти» швейцарцев о сражении на Березине остается постоянная выставка, посвященная действиям дивизии генерала Мерля в Историческом музее Женевы⁹⁴⁸. Ежегодно, уже полвека, в Понто Валентино проводится военно-костюмированный фестиваль, посвященный сражению на Березине, приуроченный ко дню Джованни Батиста (Иоанна

⁹⁴⁶Beresina. Die Schweizer in Napoleons Russlandfeldzug 1812 // URL: http://www.historischesmuseum.lu.ch/index/sonderausstellung/aktuelle_sonderausstellung.htm

⁹⁴⁷ Ibidem.

⁹⁴⁸ Le Musée des Suisses // URL: <http://www.penthes.ch/>

Крестителя). Неизменным украшением этого праздника являются униформированные группы, реконструирующие швейцарские полки наполеоновской эпохи. Это ритуальное действие, ставшее важным элементом сохранения памяти, продолжает напоминать потомкам о проявленном их предками героизме в русской кампании 1812 г.

В знак памяти о сражении на Березине в 2002 г. Швейцария воздвигла памятник на том месте, где 190 лет назад швейцарские солдаты мужественно отстаивали переправу через Березину. Этот памятник стал символом верности прошлому, образ которого удалось сохранить швейцарцам. В последние годы страны мира не прекращают удивляться достижениям Швейцарии, нередко говоря, что ей удалось «перейти Березину» во всем, и не один раз.

Итак, на формирование швейцарской памяти о русской кампании повлияло несколько факторов – мемуары участников, политическая и научная изолированность этой страны, предопределившая устойчивость «героического мифа». Несмотря на то, что швейцарцы отстаивали честь чужой для них страны, война, по прошествии времени, стала частью их собственной истории, а образ Наполеона продолжал оставаться источником вдохновения. Формируя и отстаивая свою идентичность, швейцарские солдаты Наполеона на страницах мемуаров воссоздали картину участия страны в тех событиях, особо акцентируя внимание на сражении на Березине. В силу причины того, что основной части швейцарских солдат удалось избежать трагического отступления из России, образ последнего сражения войны на страницах их мемуаров оказался обаят символами героизма и моральной стойкости.

Швейцарская политика нейтралитета способствовала закреплению «героического мифа» о Березине в общественном дискурсе, придав ему целостность в рамках национальной традиции. Очевидно, что на протяжении двух столетий этот миф не подвергался сомнению, что обеспечило его воплощение в «живой», ритуальной памяти нации. Швейцарский пример

коммеморации явился неким «идеальным» образцом формирования мифа, созданного по инициативе общества. Формируемое швейцарцами представление исходило из глубин их души, направляемое гордостью за свою нацию и страну. Швейцарцы верили и продолжают верить в созданную ими легенду.

4.2. «Польская» война: между Францией и Россией

Память поляков о событиях войны 1812 г. была тесно связана с надеждами на восстановление независимости. Как и 200 лет назад, сейчас поляки так же уверены в том, что с падением Наполеона рухнули надежды Польши на обретение свободы⁹⁴⁹. Образ русской кампании в памяти поляков на протяжении долгих лет, оставаясь символом преданности их соотечественников идее свободы, особенно актуализировался в моменты роста движения за независимость.

В своей борьбе за свободу поляки вновь и вновь обращались к историческим сюжетам, связанным с преданным служением поляков Наполеону. Наибольшую значимость война 1812 г. как пример франко-польского сотрудничества приобрела после подавления польского восстания 1831 г. В эти годы символом всех жаждущих польской свободы стала поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш», написанная в 1834 г. в Париже. Автор образно отразил ту ненависть к России, которая тревожила души поляков перед войной 1812 г., и которая стала причиной их перехода на сторону Наполеона:

Там мудрый и великий царит Наполеон,
 Не терпит пустословья, не любит моды он....
 Теперь гремит оружие, мы-ж, старики, ликуем,
 Что снова славу Польши на Божьем свете чуем,
 В ней Речи Посполитой грядущее лежит!

⁹⁴⁹ Historia Śląska // URL: <http://www.polskiedzieje.pl>

Воспоминания поляков о великом французском императоре, намеревавшемся даровать им свободу, предопределило восхваление французского оружия в польских мемуарах. Многие участники принялись за написание воспоминаний в 30–40-е гг. XIX в. под впечатлением недавно жестоко подавленного польского восстания. Это и предопределило появление соответствующего духу времени героического образа Великой армии в описании событий кампании 1812 г.⁹⁵⁰

Одним из первых воскресил память об участии поляков в русской кампании на страницах своих мемуаров В.Т. Островский, который в 1812 г. служил в чине подполковника⁹⁵¹. В 1830 г. он был активным участником восстания за независимость Польши; после этих событий он покинул Родину и эмигрировал в Париж.

В мемуарах, созданных под впечатлением от очередного поражения в борьбе за независимость Польши, он отметил, что «русская кампания привела к падению империи Наполеона, а с этим и к краху проектов свободной Польши»⁹⁵². Обращаясь к причинам войны, Островский их связывал исключительно со стремлением Наполеона даровать независимость полякам⁹⁵³.

При описании военных действий автор последовательно умалял боеспособность неприятеля, отмечая при этом «варварское поведение» русских. Так, обратившись к анализу сражения при Бородино, автор заметил, что русские были «объяты страхом перед Великой армией». В свою очередь, по мнению Островского, поляки отчаянно бросались в бой во имя Наполеона и свободы Родины.

⁹⁵⁰ Boguslawski S. Op. cit.; Chlapowski D. Op. cit.; Ostrowski A. *Żywot Tomasza Ostrowskiego, ministra Rzeczypospolitej*. Paryz, 1840. T. 2. 245 Str.; Załuski J. *Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I*. Kraków: Nakładem drukarzu Czasu, 1865. 364 s.; Krasieński J. I. *Pamiętniki wojenne 1792–1812*. Drezno: Spółka Wydawnicza Polska, 1871. 220 s.; Chlapowski D. *Mémoires sur les guerres de Napoléon*. P.: Chez ad. Martin Schlesinger, 1908. 400 p.; Niemcewicz J.U. Op. cit.; *Записки Колачковского // Варшавский военный журнал*. 1899. № 2; Krasieński J.I. Op. cit.

⁹⁵¹ Ostrowski A. Op. cit.

⁹⁵² Ibid. P. 2.

⁹⁵³ Ibid. P. 35.

В качестве причины поражения Великой армии автор указал на пожар Москвы, приведший французов к гибели. Но этот пожар, по его мнению, привел к гибели не только неприятеля, но и местных жителей⁹⁵⁴. Описывая трагические картины отступления Великой армии, он особо отметил тот факт, что именно поляки спасли французских солдат от гибели на Березине⁹⁵⁵.

Генерал Д. Хлаповский, также активный участник польского восстания 1830 г., после его подавления обратился к воспоминаниям о русской кампании. Во многом, он преследовал схожую с Островским цель – героизировать Великую армию и подвергнуть уничижительной критике действия русских. Обращаясь к началу войны, он выразил возмущением тем, что русские уничтожали собственные поселения, оставляя без крова местных жителей⁹⁵⁶. Итог Бородинской битвы мемуарист подвел следующим образом: «Поляки покрыли себя славой в сражении»⁹⁵⁷. По мнению автора, и в сражении на Березине именно поляки обеспечили переправу Великой армии: «Сражение на Березине, выигранное исключительно благодаря полякам, было последним в русской кампании»⁹⁵⁸.

Подобным героическим пафосом были проникнуты и воспоминания капитана 1-го гвардейского уланского полка Ж. Залуского⁹⁵⁹. Известно, что он написал свои мемуары в 1862 г., будучи возмущен тем, что Тьер в своем исследовании не отметил роли поляков в сражениях войны 1812 г.⁹⁶⁰ Ко времени написания воспоминаний Залуский изучил внушительное количество французской мемуаристики. Особое внимание он акцентировал на том, что французы одержали победу во всех сражениях этой войны. Автор восхищался тем, что Великая армия смогла одержать блестящую победу под Смоленском, несмотря на численное

---

⁹⁵⁴ Ibid. P. 248.

⁹⁵⁵ Ibid. P. 256.

⁹⁵⁶ Ibid. P. 263.

⁹⁵⁷ Ibid. P. 264.

⁹⁵⁸ Chlapowski D. Op. cit. P. 296.

⁹⁵⁹ Załuski J. Op. cit.

⁹⁶⁰ Ibid. P. 9.

превосходство противника⁹⁶¹. В описании Бородинской битвы он отметил, что она «была решительно выиграна», но Наполеон счел необходимым сохранить гвардию, поэтому и не использовал ее для окончательного уничтожения противника⁹⁶².

Причины пожара Москвы автор связывал с действиями Ростопчина: «Мы подошли к красивому дворцу, его владелец Ростопчин собственноручно сжег Москву, чтобы французы не смогли там жить. Эта жестокость вызвала у нас гнев»⁹⁶³. Описывая сюжеты отступления, автор выразил особую признательность польским понтонерам, которые установили мост, ставший спасением для всех солдат. Обратившись к анализу сражения, мемуарист отметил роль в нем как поляков, так и французов: «28 ноября состоялась знаменитая битва на правом берегу Березины. Кирасиры Думерка и поляки отличились в этом сражении»⁹⁶⁴.

Среди всех польских мемуаристов особо выделяются воспоминания генерала К.Е. Колачковского, который, несмотря на свою службу в рядах Великой армии, все же отметил и талант русских полководцев⁹⁶⁵. Описывая начало военных действий, он акцентировал внимание на том, что уже в этот период у Великой армии отсутствовали ресурсы для ведения войны: «Когда день так долог, голодный солдат мог дожидаться пищи только в 10 часов вечера, а чаще всего, совершенно измученный, бросался на землю и спал до утра. Результатом этого явились в войсках болезни, отсталые беглые (мародеры), затем начались притеснения жителей, а в конце концов стал ощущаться значительный недочет в людях»⁹⁶⁶.

Несмотря на отмеченные недостатки в организации Великой армии, автор выражал восхищение энтузиазмом поляков, с которым они пошли за Наполеоном: «Мы знали климат и военную мощь нашего противника, но

---

⁹⁶¹ Ibid. P. 254.

⁹⁶² Ibid. P. 261.

⁹⁶³ Ibid. P. 264.

⁹⁶⁴ Zaluski J. Op. cit. P. 275.

⁹⁶⁵ Записки Колачковского // Варшавский военный журнал. 1899. № 2.

⁹⁶⁶ Там же. С. 8.

энтузиазм поляков не имел границ, нашим девизом сделался клич крестоносцев «Так хочет Бог»»⁹⁶⁷.

Признав преимущество Наполеона в сражениях с русскими, мемуарист попытался объективно оценить последствия стратегии, избранной императором. Так, обратившись к Смоленской битве, Колачковский посчитал, что наиболее разумным решением в создавшейся ситуации для Великой армии было бы остаться в городе. Однако французский император, не обладая необходимыми ресурсами, хотел стремительно уничтожить противника⁹⁶⁸.

На подобные неоднозначные результаты сражения мемуарист указал и применительно к Бородинской битве. Отметив факт отступления русской армии с поля битвы, он все же выразил сожаление о том, что Великая армия понесла огромные потери: «Самые старые солдаты не помнили такого ужасного погрома, произошедшего в такое непродолжительное время на незначительном пространстве. Даже битву под Эйлау никак нельзя сравнить с Можайском. Это была самая кровавая битва со времени изобретения пороха»⁹⁶⁹.

В описании Москвы он, как и предшествовавшие ему мемуаристы, в качестве причины назвал намеренные действия Ростопчина по уничтожению французов: «Московский генерал-губернатор Ростопчин помог выполнить этот гибельный для нас план тем, что сжег город. В самом деле, он не только лишил нас запасов, бывших в этом городе, но, свалив на нас вину за сожжение города, выставил нас в глазах русского народа варварами, этим возбудил необразованные классы народа к священной войне за Веру и Царя»⁹⁷⁰.

Колачковский, вспоминая о периоде пребывания в Москве, не остановился перед тем, чтобы не указать на варварские, азиатские черты как

---

⁹⁶⁷ Там же. С. 15.

⁹⁶⁸ Там же. С. 31.

⁹⁶⁹ Там же. С. 42.

⁹⁷⁰ Там же. С. 44.

в образе самого города, так и его жителей: «Крестьяне пребывают зимой на печи, а летом на лавках, все поголовно предаются пьянству. Купцы и мещане живут лучше, носят длинное, азиатского покроя платье, в виде суконного кафтана. Все носят длинные бороды, как крестьяне»⁹⁷¹.

Обратившись к сюжетам отступления, мемуарист отметил моральную стойкость солдат Великой армии, особо подчеркнув роль поляков в спасении Великой армии на Березине⁹⁷². Проанализировав ход военных действий, автор отдал победу Наполеону, отметив существенные ошибки русского командования⁹⁷³.

Своеобразным переходом от воспоминаний участников к памяти историков стали мемуары Р. Солтыка, который в 1812 г. был капитаном из «разведывательного бюро» генерала М. Сокольниковского⁹⁷⁴. Он эмигрировал во Францию после подавления восстания 1830 г. Именно в Париже Солтык приступил к написанию мемуаров, пытаясь абстрагироваться от личных впечатлений и обратиться к объективному анализу прошлого.

В предисловии к мемуарам автор отметил, что посвятил их солдатам Великой армии: «Вы, кто в 1812 году, сумел отважиться на бои, голод и холод, и кто среди стольких опасностей и бедствий сохранил честь ваших знамен, примите эту дань от брата по оружию, который разделил ваши труды и превратности»⁹⁷⁵.

В начале описания русской кампании Солтык, отметив, что с образом Наполеона поляки связывали идею независимости Родины, признался, что он и сам был охвачен чувством восхищения французским императором: «Участие в войне предоставило мне возможность видеть воочию великого человека, разглядывать его манеру поведения, быть свидетелем его неутомимой деятельности, его гения»⁹⁷⁶. Солтык также отметил энтузиазм и

---

⁹⁷¹ Там же. С. 49.

⁹⁷² Там же. С. 74.

⁹⁷³ Там же.

⁹⁷⁴ Soltyk R. Op. cit.

⁹⁷⁵ Ibid. P. 3.

⁹⁷⁶ Ibid. P. 4.

впечатления польского народа при встрече с солдатами Великой армии: «Жители, подняв руки к небу, благословляли нас, ибо видели в нас освободителей»⁹⁷⁷. По результатам всех сражений он отдал победу Наполеону, отметив, что уже после сражения под Смоленском у французского императора был обдуманый план продвижения к Москве: «Русская армия тогда потеряла Смоленск, обладание которым было самым важным для Наполеона; ведь Смоленск – ключ к старой Московии»⁹⁷⁸.

Подобным героическим восторгом наполнены и строки описания Бородинской битвы в мемуарах Солтыка: «Наполеон смог сохранить поле сражения, и результаты боя были в его пользу»⁹⁷⁹. При описании сюжетов пребывания французов в Москве и периода отступления из России он воспроизвел те концепции, которые уже к тому времени сформировались во Франции и отражали представления о «моральной победе» французских солдат. Особое внимание автор уделил анализу сражения на Березине. Так, по мнению Солтыка, Великая армия атаковала русские позиции первой⁹⁸⁰. Он, подобно французским авторам, считал, что сражение на правом берегу закончилось атакой генерала Думерка. На этой основе он и сделал вывод о победе французов: «Блестящая атака кавалерии Думерка привела Великую армию к победе»⁹⁸¹.

Совершенно очевидно, что образ русской кампании в представлении польских мемуаристов сформировался под влиянием французской версии и надежд на независимость Польши. Мы отчетливо видим, что польские участники способствовали созданию героического нарратива, который исключал какую-либо критику в отношении действий французского императора.

Публикация мемуаров вызвала всплеск интереса к событиям русской кампании в польском обществе. Художник Я. Суходольский, долгие годы

---

⁹⁷⁷ Ibid. P. 21.

⁹⁷⁸ Ibid. P. 120.

⁹⁷⁹ Ibid. P. 183.

⁹⁸⁰ Ibid. P. 306.

⁹⁸¹ Ibid. P. 308.

интересовавшийся Наполеоновскими войнами, в 1866 г. завершил написание картины «Переправа Великой армии через Березину». Но до сих пор символом войны 1812 года для поляков остается картина другого художника – В. Коссака. Заинтересовавшись последними днями пребывания Великой армии в России, Коссак посетил место сражения на Березине. Сделав зарисовки, уже через год он представил публике широкомасштабное полотно под кратким и столь много говорящим названием «Березина».

Безысходность ситуации, в которой оказалась Великая армия, – вот что было запечатлено на этом полотне. Для того, чтобы усилить драматизм ситуации, в которой оказался Наполеон, художник, пренебрегая историческими фактами, перенес сцену сожжения знамен на переправу. «Группа угрюмых солдат окружает разведенный на снегу костер. По правой стороне расположилась императорская свита, за которой сплошной стеной стоят кавалеристы. Перед костром на барабане сидит Наполеон в любимом мундире и шубе, подаренной ему императором Александром I после Тильзитского мира. Понурым взором смотрит Наполеон на свидетелей его славных победоносных походов, на знамена, пожираемые огнем. Сжигая эти знамена, Наполеон как бы сжигает свое славное прошлое»⁹⁸², – так описывает эту сцену современный белорусский автор Г.Ю. Мазинг.

Историографическая традиция русской кампании начинает формироваться перед Первой мировой войной как исторический сюжет самоотверженности поляков, проявленной в известном европейском конфликте. На эти годы пришелся выход многочисленных исторических исследований и биографий участников войны 1812 г.⁹⁸³

Среди польских историков начала XX в. наиболее подробно проанализировал ход сражения на Березине Я.В. Шельминский. Используя польские мемуары, он создал героическую историю участия своих соотечественников в событиях войны 1812 г., пытаясь одновременно

⁹⁸² Мазинг Г.Ю. Березина, год 1812. Минск, 1991. С. 99.

⁹⁸³ Skałkowski A. Książę Józef. Bytom, 1913; Askenazy S. Książę Józef Poniatowski. Poznań, 1913; Sokolnicki M. Generał Michał Sokolnicki. Kraków, 1912; Jezierski E. Op. cit.; Handelsman M. Op. cit.

оправдать некоторые из действий Наполеона⁹⁸⁴. По мнению историка, французский император планировал вести «честную войну», поэтому не прибегал к тем методам, благодаря которым можно было бы поднять все население России против собственного правительства⁹⁸⁵. Подобно мемуаристам, историк зафиксировал сюжеты, связанные с восторгом поляков при встрече с Наполеоном⁹⁸⁶. Тем не менее, при анализе сражений он проявил большую осторожность, чем мемуаристы. Так, обратившись к описанию Бородинской битвы, он не стал заявлять об абсолютной победе Наполеона, отметив только, что «русские в этом сражении понесли большие потери»⁹⁸⁷. В качестве главной причины поражения французского императора он назвал «русскую зиму»⁹⁸⁸.

Однако при анализе событий на Березине автор отметил исключительно победоносные для Великой армии итоги и особую роль в этом польских солдат. Так, по мнению историка, Домбровский был вынужден сдать Борисов, потому что враг был слишком многочисленен. Вместе с тем, Шельминский попытался показать, что русское командование одолевало подлинный страх перед Великой армией. В качестве доказательства он привел неожиданный для историографии того времени факт того, что русское командование было осведомлено о подготовке французами переправы в Студянке. Вступление в сражение со стороны русской армии, по утверждению историка, было вынужденным. Чаплиц, начав атаку, изначально понимал, что он обречен на поражение⁹⁸⁹.

Очевидно, что Шелминский акцентировал внимание лишь на действиях поляков в сражении на правом берегу. Особо автор отметил борьбу генерала Зайончека с русскими. При этом создавалось впечатление, что воевали одни поляки; представителям других наций, входивших в состав Великой армии,

---

⁹⁸⁴ Chelminski J.V., Malibrán A. *L'Armée du Duché de Varsovie*. P.: SKU, 1913. 267 p.

⁹⁸⁵ Ibid. P. 104.

⁹⁸⁶ Ibid. P. 111.

⁹⁸⁷ Ibid. P. 113.

⁹⁸⁸ Ibid. P. 138.

⁹⁸⁹ Ibid. P. 148.

места в описании историка не находилось. В целом, в образе Березины Шельминского отчетливо прослеживаются ставшие уже традиционными к тому времени символы польской славы: героизм, кровь, самоотверженность⁹⁹⁰.

Перед Первой мировой войной события русской кампании как символа польской преданности Наполеону нашли отражение и в искусстве. Наибольшую известность приобрел роман «Пепел» писателя С. Жеромского, на долгие годы ставший источником формирования образа наполеоновской эпохи в сознании большинства поляков.

Первоначально роман вышел в журнале «Иллюстрированный еженедельник», а в 1904 г. был опубликован полностью. Писатель в романе зафиксировал лишь начало русской кампании в виде диалога главных героев. Слова персонажей убеждают читателей в том, что эта война была значима для поляков: «Так вы оба поедете со мной на великую войну! – заявил вдруг Цедро, меняя тему разговора. – Великая это будет война. Война из войн»⁹⁹¹.

Далее писатель представил небольшой сюжет смотра Наполеоном польских войск, в котором ярко показал страстное желание солдат сражаться во имя французского императора: «Войска, дефилировавшие внизу на равнине, увидев серый сюртук и треуголку без всяких украшений, оглашали воздух единодушными кликами, похожими на орудийный залп. Проходили французские, голландские, немецкие, польские полки... Все взоры были устремлены на коренастого, маленького человека в сером сюртуке с поднятыми вверх плечами»⁹⁹². При этом автор, преследуя целью создание героической эпопеи об участии польских солдат в Наполеоновских войнах, решил не упоминать о последующей трагедии Великой армии.

После Первой мировой войны сконструированный историками и писателями образ великого французского императора и героической русской кампании продолжал господствовать в сознании поляков. 5 мая 1921 г. в

---

⁹⁹⁰ Ibid. P. 152.

⁹⁹¹ Жеромский С. Пепел // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=159081&p=186>

⁹⁹² Там же.

Варшаве был открыт первый памятник Наполеону на площади, названной именем французского императора. Монумент представлял собой колонну с водруженным на ней бюстом Наполеона. Еще один памятник в честь Наполеона скульптора М. Каменского был воздвигнут в 1923 г. перед Высшей военной школой. Надпись, высеченная на пьедестале этой скульптуры, стала очередным подтверждением непреходящей верности поляков Наполеону: «Великому полководцу Высшая Военная Школа», и дата – 1923 г. В этом же году после заключения Рижского мира в Польшу был перевезен памятник князю Юзефу Понятовскому работы Б. Торвальдсена. Через несколько лет поляки установили еще один памятник – солдатам Великой армии, погибшим в 1812 г., который стал символом франко-польской дружбы. На пьедестале были высечены слова «Французы и поляки – вечная дружба».

В 1927 г. «Марш Домбровского» становится гимном Польши, в строках которого вновь возрождается память о Наполеоне как символе свободы:

Перейдем Вислу, перейдем Варту,

Будем поляками.

Дал пример нам Бонапарт,

Как надо побеждать.

Очевидно, что заметное сближение Франции и Польши в 20-е и 30-е гг. XX в. вновь возродило в польской науке интерес к войне 1812 г. Именно на эти годы пришлось начало исследовательской деятельности военного историка М. Кукеля. Перу историка принадлежит работа «Война 1812 г.», которая до сих пор имеет фундаментальное значение для военной истории кампании 1812 г.

В отличие от предыдущих польских авторов, историк продемонстрировал объективность в оценке действий противоборствующих сторон. Так, автор, обратившись к организации военного подхода, подверг критике подбор командиров отдельных корпусов и систему военного

снабжения⁹⁹³. Историк выразил возмущение и применительно к политике Наполеона в отношении Польши, отметив, что «ему необходимо было найти компромисс с польским дворянством»⁹⁹⁴.

В анализе сражений Кукель также проявил заметную сдержанность. Подводя итоги Смоленской битвы, историк отметил, что Наполеон не достиг никаких преимуществ. Более того, в погоне «за решающим» сражением он был вынужден пойти на Москву, которая предрешила гибель Великой армии⁹⁹⁵. В то же время автор подверг критике и тактику отступления русской армии, считая, что у императора Александра не было четкого стратегического плана, он рассчитывал только на «волю случая»⁹⁹⁶. Кукель отметил неоднозначность результатов и Бородинской битвы, как для русских, так и для французов. С одной стороны, по мнению автора, для русской армии это сражение стало «моральной победой», но, с другой стороны, она покинула поле битвы⁹⁹⁷. Историк также отметил, что для Великой армии битва в итоге обернулась «бесполезными усилиями и жертвами»⁹⁹⁸.

Тем не менее, применительно к событиям отступления автор прямо восхищался действиями Великой армии. Однако, в отличие от прежних польских историков, Кукель попытался объективно оценить действия своих соотечественников в событиях на Березине и подверг открытой критике Домбровского за сдачу им Борисова⁹⁹⁹. Историк довольно низко оценил боеспособность русской армии, отметив медлительность Чичагова, трусость Ланжерона, нерешительность Чаплица, что в итоге и предопределило провал плана по уничтожению Великой армии. В сущности, на страницах своего исследования Кукель возродил образ Березины, сформировавшийся в

---

⁹⁹³ Kukiel M. Op. cit. T. 1. P. 140-144.

⁹⁹⁴ Ibid. P. 383.

⁹⁹⁵ Ibid. T. 2. P. 53.

⁹⁹⁶ Ibid. P. 142.

⁹⁹⁷ Ibid. P. 200.

⁹⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹⁹ Ibid. P. 405.

сознании поляков под воздействием французской версии событий еще в первой половине XIX в.

Разрыв внешнеполитических связей между Францией и Польшей, наступивший в социалистический период развития после Второй мировой войны, привел к угасанию интереса к русской кампании. Историки возрождали сюжеты русской кампании 1812 г., как правило, только в рамках биографий отдельных личностей или общей истории Польши¹⁰⁰⁰.

Наиболее известным в эти годы было исследование историка Г. Зыха. Следуя традициям советской историографии, воспевающей победу русской армии в Бородинском сражении, автор акцентировал основное внимание на данном сюжете войны 1812 г.¹⁰⁰¹ Описание отступления из России он ограничил лишь упоминанием о катастрофических последствиях этой кампании для Великой армии¹⁰⁰².

Совершенно очевидно, что воздействие на польскую науку концепций войны 1812 г., созданных в СССР, преследовало целью развеять культ Наполеона в сознании поляков. Так, русская кампания стала символом разочарований польских патриотов. Идея бессмысленности самопожертвования польских солдат, оказавшихся на службе деспотичного Наполеона, оказалась ярко выражена в фильме великого режиссера А. Вайды «Пепел», представленный польским и советским зрителям в 1965 г.

В основу кинокартины режиссер положил одноименный роман Жеромского. Вайде прекрасно удалось передать как самоотверженность поляков, так и равнодушие Наполеона к судьбам Польши. Роман, созданный как акт неугасающих надежд поляков на помощь Франции, усилиями виртуозного режиссера был превращен в произведение, несущее совершенно противоположную идейную нагрузку. Вайда позволил себе добавить к повести сюжет отступления Великой армии как финал героической, но бессмысленной эпопеи участия поляков в Наполеоновских войнах.

---

¹⁰⁰⁰ Askenazy S. Op. cit.; Halecki O. Op. cit.; Przewalski S. Op. cit.

¹⁰⁰¹ Zych G. Op. cit.

¹⁰⁰² Ibid. P. 330.

Равнодушие Наполеона к протягивающему ему руку, умоляющему о спасении польскому солдату стало символом жертв, брошенных на алтарь тщеславия французского императора. Под воздействием фильма Вайды историки многих стран начали проявлять интерес к мужественной борьбе поляков за наполеоновскую идею объединения Европы. В большей степени эта тема приобрела актуальность в момент активизации процесса европейской интеграции. Историк, личность которого объединяет Германию и Англию, Отто фон Пивка (Д. Смит) посвятил специальное исследование польским солдатам в составе Великой армии. Автор, отметив преданность поляков Наполеону в ходе событий в России, подчеркивал, что именно они, понеся значительные потери, и прикрывали переправу Великой армии¹⁰⁰³.

События 1989 г., ознаменовавшие начало возрождения независимой Польши, вновь вызвали необходимость обращения к героической истории страны. Именно в 90-е гг. XX в. возродилась «польская» интерпретация войны 1812 г., освобожденная от французского и советского влияния. Зарождению этого процесса способствовал историк Р. Белецкий, который обратился к исследованию событий, в том числе, и на Березине. На основе внушительного количества польских мемуаров он воспроизвел картину участия своих соотечественников в этом сражении. Историк, указав на важнейшую роль поляков в спасении Великой армии, подкрепил выводы своих предшественников ссылками на разнообразные источники. Однако, реставрировав польскую Березину XIX в., Белецкий внес в эту версию значительные изменения, связанные, прежде всего, с критикой действий Наполеона.

Более того, долгие годы, находясь под влиянием советской историографии, историк, в отличие от других польских исследователей, обратился к действиям и русской армии. В противовес советской историографии, обвинявшей Чичагова, Билецкий попытался оправдать адмирала, отметив, что тот не смог бы в одиночестве справиться с Великой

---

¹⁰⁰³ Pivka O. Napoleon's polish troops. P. 28.

армией. При описании сражения на Березине автор создал героическую картину участия в баталии польских солдат. Отметив самоотверженность своих соотечественников в битве на правом берегу, он привел слова Домбровского: «Наполеон, спасая французские войска, отправил их на Зембин, и только поляков принудил идти в бой»¹⁰⁰⁴.

Исследование Белецкого событий на Березине, ставшее наиболее основательным в польской историографии, стало своего рода актом демонстративного неприятия как французской, так и советской традиций, ознаменовав тем самым важную веху в формировании и «кристаллизации» именно «польской» Березины.

В 90-е гг. XX в. Польша, пребывая в трудном положении определения своего места в мире, вновь была вынуждена искать внешнеполитических союзников. Стремясь приблизиться к западным странам, поляки стали возрождать историю своего участия в великих европейских событиях. Совершенно не случайно они вновь обратились к Наполеоновским войнам, к сюжетам преданного служения поляков Франции и «единой Европе». Эта тенденция проявилась во франко-польском фильме «Узник Европы», посвященном периоду пребывания Наполеона на о. Святой Елены. Кинокартина отразила весь трагизм ситуации, в которой оказался основатель процесса европейской интеграции.

Тема верности Польши Наполеону приобретает большую актуальность с ростом антироссийских настроений в польском обществе. Поэтому война 1812 г. в восприятии поляков вновь стала символом героической борьбы за их независимость. На волне антироссийских настроений А. Вайда в 1999 г. экранизировал поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Начинается фильм с жестокого подавления русским войсками в 1830 – 1831 гг. восстания в Польше. Затем на экране появляется поэт Мицкевич, который, эмигрировав в Париж, под впечатлением недавних событий с надеждой обращается к портрету Наполеона и просит великого императора о помощи полякам.

---

¹⁰⁰⁴ Bielecki R. Op. cit. P. 181.

Действительно, тема формирования «польского» культа Наполеона в период 90-х гг. XX и начала XXI в. стала весьма актуальной для польской науки. Это было предопределено стремлением подтвердить историческую причастность Польши к странам Запада¹⁰⁰⁵. Так, известный историк А. Неуважный, обратившись к трансформации образа Наполеона в представлении польского общества, пришел к выводу, что французских император и в начале XXI в. продолжает играть значимую роль в процессе конструирования польского самосознания.

Так, в попытках обрести свою национальную идентичность, на этот раз в рядах объединенной Европы поляки перестали подвергать сомнению образ Наполеона как спасителя, вселившего в их сердца готовность к борьбе за свободу. В этом плане весьма показательным является исследование Д. Наврота, который обратился к осмыслению взаимоотношений Литвы (имелась в виду «польская Литва») и Наполеона. Автор отметил, что поляки самоотверженно служили Наполеону в надежде на возрождение независимости своей Родины¹⁰⁰⁶. Дав краткое описание военных действий в ходе русской кампании, историк вместе с тем уклонился от подведения итогов сражений, отметив лишь, что французский император использовал поляков как ресурс для достижения своих имперских целей¹⁰⁰⁷. Восхищение действиями Наполеона он выразил только применительно к сражению на Березине, отметив, что император в ходе этих событий спас армию: «Военный гений Наполеона позволил Великой армии вырваться из окружения русских на Березине»¹⁰⁰⁸.

А. Неуважный, в свою очередь, разделяя подобное мнение в отношении событий на Березине, подчеркнул вместе с тем выдающуюся роль польских солдат в спасении Великой армии и французского императора: «Поляки составляли третью часть сил, с помощью которых Наполеон смог

¹⁰⁰⁵ Nieuwazny A. *My z Napoleonem*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnoslaskie, 2006. 305 s.; Pochodaj A. *Legenda Napoleona I w kulturze polskiego romantyzmu*. Warszawa: Andrzej Pochodaj, 2002. 784 s.

¹⁰⁰⁶ Ibid. P. 7.

¹⁰⁰⁷ Ibid. P. 141.

¹⁰⁰⁸ Nawrot D. *Litwa i Napoleon w 1812 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniw, 2008. 792 s. S. 658.

противостоять русским с 26-28 ноября. В результате этого сражения Великой армии удалось переправиться на другой берег. Решающую роль в битве сыграли польские части»¹⁰⁰⁹.

Так, на современном этапе формирования исторической памяти Польши именно Березина стала для поляков примером проявления военного гения Наполеона и самоотверженности польских солдат. Один из ведущих польских исторических журналов опубликовал в 2010 г. статью, в которой читателям был представлен польский солдат как истинный герой Березины: «Переход через Березину казался невозможным. Наполеон находился в критической ситуации. Только благодаря героическим действиям поляков ему удалось избежать поражения. Когда остатки V корпуса прикрывали переправу, остальные польские солдаты самоотверженно строили мосты, по которым могла перейти Великая армия»¹⁰¹⁰. Тезис о Березине как великой польской победе повсеместно встречается на страницах польских журналов¹⁰¹¹.

Подобно французам, поляки, наряду с провозглашением победы в сражении на Березине, признают, что эта битва нанесла Великой армии смертельный удар: «В период отступления польские и французские солдаты сражались еще под Борисовым, но уже во время переправы через Березину Великая армия полностью распалась»¹⁰¹².

Поляки проявляют интерес к осмыслению событий на Березине не только в формате научно-популярных публикаций, но также в плане их меморализации через памятные монументы. В одном из польских журналов была опубликована статья с романтическим названием «Река без возвращения»¹⁰¹³, в которой были описаны памятники, посвященные боевой славе Великой армии на Березине. При описании самого сражения автор

¹⁰⁰⁹ Nieuwazny A. Op. cit. P. 111 – 112.

¹⁰¹⁰ Napoleon a sprawa polska // Op. cit.

¹⁰¹¹ Wielkie słowa w polskim Sejmie // Op. cit.

¹⁰¹² Dzieje 14-go pułku kirasjerów Księstwa Warszawskiego // URL: <http://www.napoleon.org.pl/pulki/kirasjerzy.php>

¹⁰¹³ Grzegorz Łyś. Rzeka bez powrotu // URL: www.rp.pl.

статьи отметил самоотверженность не только поляков, но и немцев, швейцарцев и французов. Живой интерес в польском обществе проявился к образу Березины и в живописи, а именно в творчестве В. Коссака¹⁰¹⁴ и Я. Суходольского¹⁰¹⁵.

Подобно тому, как это произошло с французами, Березина вошла и в коммуникативную память поляков. К примеру, по поводу европейской конституции, предложенной Н. Саркози, польская газета написала, что французский правитель вновь обещает спасти Европу от новой «Березины»¹⁰¹⁶.

Участники различных польских военно-исторических форумов, часто обсуждая действия Наполеона в русской кампании 1812 г., неустанно восхищаются его военным гением, подчеркивая, что Великую армию на Березине разгромить не удалось¹⁰¹⁷.

Таким образом, польская историческая память о русской кампании, тесно связанная с борьбой за независимость, актуализировалась в те моменты, когда Польша пыталась стать частью «европейского мира». Возлагая огромные надежды на Францию, поляки подчеркивали свою преданность Наполеону, непоколебимую даже в ситуации той безысходности, которая возникла в период отступления из России.

Польское представление об этом событии, основанное преимущественно на французской литературе, формируется после очередного взлета борьбы за независимость в 30 – 40-е гг. XIX в. Результаты французского влияния на польскую память, связанные с победой Великой армии в войне, не удалось затушевать даже фактом польско-советского сотрудничества, подлинного или мнимого.

¹⁰¹⁴ Małkowska M. Berezyna oficjalnie i prywatnie // URL: www.rp.pl.

¹⁰¹⁵ URL: <http://www.mhmt.pl/rewaloryzacja-zamku/etapy-rewaloryzacji>

¹⁰¹⁶ “Le Monde”: Traktat Lizboński zwycięstwem obowiązku nad demokracją // URL: www.rp.pl.

¹⁰¹⁷ Strona główna forum 1812 // URL: <http://www.napoleon.org.pl/pulki/kirasjerzy.php>

На современном этапе Польша, вступившая в Евросоюз, обращаясь к образу, созданному еще в XIX в., возрождает события в России как пример своего активного участия в европейской политике. Следует отметить, что критический подход к действиям Наполеона в начале войны и применительно к Бородинскому сражению, характерный для некоторых польских исследований XX в., способствовал на своеобразном контрасте формированию образа «Березины» как подлинного символа самоотверженности и героизма польских солдат. Так, «польская» война оказалась устойчивой перед требованиями времени, став примером преданности Наполеону и самоотверженности в сражениях за национальную свободу.

4.3. «Немецкая» память: «чужая» война или европейская победа?

Немцы, будучи политически разделенными в первой половине XIX в., прошли длительный путь обретения своей национальной версии русской кампании Наполеона. После войны немецкая траектория формирования памяти об этих событиях испытала немалое влияние французской литературы, что изначально способствовало процессу героизации Великой армии. Однако параллельно с этим для немцев русская кампания, предопределившая падение империи Наполеона, стала символизировать и крах надежд на объединение Германии. Сегодня для немецкого общества сюжеты войны 1812 г. являются примером осмысления перспектив европейского сотрудничества.

Очевидно, что представленная траектория формирования памяти интересна еще и тем, что немецкие солдаты, воевавшие под знаменами Великой армии в России, в ходе дальнейших событий будут сражаться уже против Наполеона. Именно данный факт изначально способствовал появлению на страницах немецких мемуаров идеи бессмысленности войны как таковой. Это во-многом предопределило появление в немецкой мемуаристике, в отличие от французской, весьма утрашающих,

наполненных подлинным драматизмом, сцен пребывания Великой армии в России¹⁰¹⁸.

Как правило, все немцы, оставившие воспоминания, воспроизвели схожие трагические сюжеты происходившей войны. К примеру, обер-лейтенант Г. фон Фосслер спустя несколько лет, оценивая роль этого события в своей судьбе, написал так: «Теперь же мне предстояло не только увидеть, но и прочувствовать самому все мыслимые самые ужасные сцены несчастья, бедствий и нужды»¹⁰¹⁹.

Утратив к моменту написания воспоминаний духовную и политическую связь с образом Наполеона, большинство авторов подвергло критике действия французского императора, отмечая при этом бессмысленность войны против России¹⁰²⁰. Подобные же настроения ярко прослеживаются и в описании картин сражений на страницах немецких мемуаров. Как правило, мемуаристы акцентируют внимание на огромных потерях, считая их неоправданными при сопоставлении с достигнутыми результатами. «Мы одержали победу, и она обошлась нам дорого»¹⁰²¹, – подводил итоги Бородинскому сражению поручик В.А. Фоссен. Фосслер же, со своей стороны, признав успехи Великой армии в сражениях, все же отметил: «Русские отошли побежденными, но не разбитыми»¹⁰²².

Идею бессмысленности войны участники похода воспроизводили и в описании отступления из России, наполнив это описание полными трагизма

---

¹⁰¹⁸ Haars J. G. Ein Braunschweiger in Russischen Feldzuge von 1812. Braunschweig: W. Schoiz, 1897. 320 s.; Lindeman F. L. Meine Gefangenschaft in Rußland in den Jahren 1812 und 1813 Gera : Schumann, 1833. 340 s.; Schehl K. Mit der Großen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf: Oberman, 1912. 144 s.; Suckow K., von. Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart: A. Krabbe, 1862. 365 s.; Martens C., von. Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart: Verlag von Aug. Schaber, 1862. 200 s.

¹⁰¹⁹ На войне под наполеоновским орлом. Дневник (1812-1814) и мемуары (1828-1829) вюртембергского обер-лейтенанта Генриха фон Фосслера. Изд. В. Мерле / Пер. с нем. Ю.В. Коряков, Д.А. Сдвижков; ред. перевода Д.А. Сдвижков. М.: Кучково поле, 2017. 384 с. С. 139.

¹⁰²⁰ «Уже на протяжении нескольких дневных переходов французская армия отметила свое продвижение грабежом и опустошением бедной страны – что же должно было быть теперь, в земле неприятеля?» (Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. №11. С. 140); Suckow K. Op. cit. S. 20; Martens C. Op. cit. S. 51.

¹⁰²¹ Дневник поручика Фоссена. С. 471.

¹⁰²² Там же. С. 151.

сценами борьбы за жизнь¹⁰²³. Так, очевидно, что большинству солдат из всех событий, произошедших на Березине, запомнились лишь ужасы переправы; сцены же героизма, проявленного теми солдатами, которые обеспечили им спасение, в их памяти не остались¹⁰²⁴. И после завершения кампании, под воздействием уже последующих событий, солдаты были просто не в состоянии осознать смысл своего участия в войне 1812 г. «Наконец мы пришли в Вильно, и что же мы там нашли? Остатки рассеявшейся Великой армии, разграбленные магазины, дома, большею частью, наполненные больными и искалеченными солдатами всяких национальностей»¹⁰²⁵, – вспоминал последние дни войны Фосслер. В свою очередь, обер-лейтенант Г. Мартенс после преодоления переправы через Березину был несказанно счастлив, что оказался в числе спасшихся: «Мое дальнейшее путешествие закончилось... Только отдаленная стрельба, разбитые коляски, сани напоминали о прошедшем ужасе»¹⁰²⁶.

Подобные сюжеты войны в иллюстративной форме нашли отражение в альбоме воина и художника К. Г. фон Фабер дю Фора, который фиксировал свои впечатления в зарисовках сцен кампании¹⁰²⁷. Первые изображения, посвященные началу военных действий, сопровождаются комментарием: «Русские постоянно отступали». Автор явно проявлял особый интерес к сценам солдатской повседневности и культурным особенностям русских. Так, он сделал несколько зарисовок местных крестьян, дав к ним примечание, отметив, что его привлекла в этих людях «дикость и простота нравов».

¹⁰²³ «Со Смоленска я должен был преодолевать все мыслимые опасности, тягости и лишения» (Дневник Фосслера. С. 160).

¹⁰²⁴ «Этот день и его душераздирающие сцены навсегда останутся в моей памяти» (Дневник Фосслера. С. 163); «Переправа через Березину, большинство умерло голодной смертью» (Дневник Фоссена. С. 477); Meerheim F.L.A., von. Erlebnisse eines Veteranen der Grossen Armee während des Feldzuges in Russland, 1812, herausgegeben von dessen Sohn Richard von Meerheimb. Dresden, 1860. S. 203 – 204.

¹⁰²⁵ Дневник Фосслера. С. 477.

¹⁰²⁶ Martens C. Op. cit. S. 82.

¹⁰²⁷ Faber du Faur C.G., Dayot A. Campagne de Russie 1812 d'après le Journal Illustre d'un témoin oculaire. Paris: E. Flammarion, 1895.

В отличие от сцен быта, к изображению картин сражений художник не проявлял заметного интереса. Так, он оставил совершенно иной образ Бородинской битвы. Оказавшись на поле уже после сражения, он запечатлел страшную картину последствий войны – только мертвые тела солдат. В комментарии к этому изображению он написал так: «За обладание этой территорией народы истребляли друг друга». Подобной темой обреченности, были проникнуты и сюжеты отступления Великой армии. В центре событий на Березине, отраженных в картинах художника, оказались образы страха, паники и всеобщего хаоса.

Следует отметить, что все же часть немецких мемуаристов, признавая бессмысленность участия немцев в этой войне, написала о героизме и моральной стойкости солдат во время отступления из России. К примеру, подполковник Ф.В. Лоссберг, вспоминая ужасные испытания, которые пришлось преодолеть участникам похода на этом непрестом пути, акцентировал внимание на сражении на Березине¹⁰²⁸. Он отдал должное в своих мемуарах тем солдатам, которые, преисполненные мужества, вступили в сражение и своим героизмом проложили дорогу Наполеону: «28 числа после взятия русскими Борисова отряды Витгенштейна и Чичагова соединились и общими силами перешли в наступление; однако на обоих берегах Березины они встретили такое геройское сопротивление, которое можно сравнить лишь с поведением понтонеров, 26-го числа наводивших здесь мост»¹⁰²⁹. В свою очередь, действия самого Наполеона на Березине мемуарист оценил крайне низко, отметив, что французский император уже не был способен управлять дезорганизованной и бегущей массой.

Идея о проявленном героизме солдат Великой армии оказалась в центре мемуаров и Ф. Рёдера, офицера 1-го батальона гессенской лейб-гвардии. Он, хотя и описав лишь сражение на левом берегу Березины, особо отметил роль своих соотечественников в спасении армии. Рёдер утверждал,

---

¹⁰²⁸ Lossberg F.W. Op. cit. (русское изд-ие: Лоссберг Ф.В. Письма вестфальского штаб-офицера. М., 2003).

¹⁰²⁹ Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 112.

что только корпус Виктора, в котором находились немецкие солдаты, мужественно прикрывал переправу. Автор заключил, что именно действия немецких солдат сорвали планы русских по окружению Великой армии¹⁰³⁰.

Интересно, что моральной стойкостью солдат Великой армии во время отступления восхищались и те мемуаристы, которые в 1812 г. находились в составе русской армии. Так, полковник Л.Ф. Вольцоген, написав о самоотверженной борьбе солдат Наполеона, выразил мысль о том, что Наполеон своими действиями на Березине предотвратил осуществление петербургского плана. Он подытожил: «Березина – это блестящее действо Наполеона, сломившее русское мужество»¹⁰³¹.

В целом, несмотря на примеры героизма, проявленного солдатами Великой армии, немецким мемуаристам оказалось свойственным все-таки, прежде всего, подвергать действия Наполеона критике. В особенности резкой звучала эта критика из уст тех солдат, которые оказались в русском плену¹⁰³². Обратимся в качестве примера к мемуарам полковника В. фон Лейссера, последним сражением которого в России было Бородино. Поле этого сражения он описал так: «Перед нами лежало широкое поле битвы, где полмиллиона воинов с юга и севера в кровавом столкновении должны были определить судьбу древнего города царей»¹⁰³³. Однако ему не суждено было пройти с Великой армией путь до Москвы. В ходе Бородинского сражения он был контужен и потерял сознание. Очнувшись, он увидел русских крестьян, образы которых оставил на страницах своих воспоминаний: «...их нельзя было сразу отличить от дикарей; у многих лицо было настолько покрыто волосами, что не было видно ничего, кроме носа и глаз»¹⁰³⁴.

Не успел ощутить последствия Бородинской битвы для Великой армии и унтер-лейтенант С. Э. Рюппель, так как был взят в плен у Валутиной горы.

¹⁰³⁰ Röder F. Op. cit.

¹⁰³¹ Wolzogen L.F. Op. cit. S. 165.

¹⁰³² Более подробно о военнопленных Великой армии см. Военнопленные армии Наполеона в России/ отв. сост. Б.П. Миловидов.

¹⁰³³ Цит. по Хомченко С.Н. Саксонский кирасир, вестфальский гусар, баварский шеволежер: Воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плене в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 240 с. С. 12.

¹⁰³⁴ Там же. С. 26.

В отличие от большинства немецких солдат, его мемуары насыщены описанием культурных аспектов русских городов. К примеру, г. Гродно оставил у него приятные впечатления: «...вид приветливого города показался нам совершенно странным, но еще более вид жителей с веселыми лицами»¹⁰³⁵. Подобные восторженные впечатления он зафиксировал и по поводу встречи поляками Великой армии: «Мы прошли мимо великолепного парка, у ограды которого собралась целая ассамблея прекрасных польских дам, приветствовавших нас взмахами своих платков; их костюмы были элегантны, как будто они находились в пригороде Сен-Жермен»¹⁰³⁶.

Чрезвычайно интересны мемуары врача Г. Рооса, который попал в плен на Березине и остаток своей жизни провел в России¹⁰³⁷. Несмотря на не совсем счастливо сложившуюся судьбу, он вполне сдержанно описывает войну 1812 г. Во введении, обращаясь к читателям, врач написал о цели своих воспоминаний: «Дополняя историю этой войны еще неизвестными фактами, исправляя неверно переданные события достоверными доказательствами, сообщая наблюдения, относящиеся непосредственно к моей профессии, я считаю, что труд мой не нуждается в дальнейшем обосновании и оправдании»¹⁰³⁸.

Как и упомянутые выше мемуаристы, он описывает отнюдь не радостные настроения армии по поводу войны с Россией в начале кампании¹⁰³⁹. Роос отметил, что уже перед Бородинским сражением у солдат иссякли все материальные и духовные ресурсы для продолжения войны¹⁰⁴⁰. Так, его воспоминания о Бородинской битве свелось только к констатации огромных потерь¹⁰⁴¹.

---

¹⁰³⁵ Там же. С. 73.

¹⁰³⁶ Там же. С. 77.

¹⁰³⁷ Роос Г. У. Указ. соч. Более подробно к судьбе Г. Рооса в России обращался Б.П. Миловидов (Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 307-317).

¹⁰³⁸ Роос Г. У. Указ. соч. С. 3.

¹⁰³⁹ Там же. С. 7.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 39.

¹⁰⁴¹ Там же. С. 41.

При анализе всех последующих событий автор проявил явное стремление уйти от подведения конкретных итогов, и только в отношении пребывания Великой армии в Москве он посчитал необходимым отметить, что это «стало гибелью Наполеона»¹⁰⁴². Как и большинство других мемуаристов, он, описывая отступление из России, обратился только к страшным картинам переправы через Березину. Роос весьма реалистично описал беспомощное состояние солдат Великой армии в момент переправы. Внимательно наблюдая за солдатами, он смог передать на страницах воспоминаний весь трагизм человеческих страданий¹⁰⁴³.

Определенным переходом от памяти участников к памяти историков стало осмысление войны 1812 г. К. Клаузевицем, участником событий с русской стороны¹⁰⁴⁴. В предложенном исследовании автор выступил как военный теоретик, продемонстрировав заметную объективность в оценках. Анализируя подготовку к войне со стороны русских, он указал на важные стратегические просчеты императора Александра I при решении вопроса о командовании армией.

Признавая, что у русских в начале войны не было необходимых ресурсов для оказания сопротивления, автор положительно оценивал тактику отступления: «Между тем, французы в первые же недели их наступления понесли огромные потери больными и отставшими и терпели такие лишения, что не трудно было заранее предвидеть в ближайшем будущем полное их истощение»¹⁰⁴⁵. Анализируя ход Бородинского сражения и отметив факт того, что ни одна из сторон не достигла поставленных целей, Клаузевиц все же указал на явные преимущества французов к концу боя: «При равной храбрости войск обеих сторон в бою на очень узком пространстве следовало ожидать только того, что произошло в действительности, а именно

---

¹⁰⁴² Там же. С. 50.

¹⁰⁴³ Там же.

¹⁰⁴⁴ Clausewitz С. Op. cit. (русское изд-ие: Клаузевиц К. 1812 г. М., 2004).

¹⁰⁴⁵ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 63.

медленного опускания чаши весов к невыгоде русских»¹⁰⁴⁶.

Факт поражения русской армии при Бородино он отметил сразу после сражения в письме к сестре: «Мы проиграли сражение, но в меру. Наши силы ежедневно пополняются, а неприятельские нет. Превосходство теперь уже находится почти на нашей стороне, а в начале кампании противник превосходил нас в чрезвычайной степени»¹⁰⁴⁷.

Обращаясь к теме пожара Москвы, автор попытался оправдать действия русских, заявив, что они изначально не предполагали гигантских масштаб разрушения города. Упустив многие сюжеты отступления Великой армии, Клаузевиц подробно обратился только к событиям на Березине.

Свои первые впечатления об этом сражении Клаузевиц выразил еще во время войны в письмах к сестре. В ноябре 1812 г. он находился в составе войск Витгенштейна. Через несколько дней после сражения на левом берегу 28 ноября, осмысливая его последствия, он отметил важность произошедшего: «Вот уже 10-12 дней, как я вновь нахожусь в районе боевых действий, а именно – армии Витгенштейна, куда я попал как раз в тот момент, когда должен был развязаться один из решительных узлов, которые вообще когда-либо развязывались. Катастрофа уже прошла. Она могла бы иметь и более решительный характер, однако в целом мы можем быть довольны всей кампанией»¹⁰⁴⁸.

Однако описание этой минуты торжества русской армии в письмах Клаузевица оставляет впечатление не победы, а человеческой бойни. Обозрев после боя местность, где происходило сражение с корпусом Виктора, автор предался грустным размышлениям: «Я пишу тебе между трупами и умирающими, среди дымящихся развалин, и тысячи людей, похожих на приведения, проходят мимо, кричат, плачут и напрасно молят о куске хлеба. Да поможет небо, чтобы эта сцена скоро изменилась»¹⁰⁴⁹.

---

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 65.

¹⁰⁴⁷ Там же. С. 123.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 215.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 216.

Прошло время и «сцена изменилась». После окончания наполеоновских войн Клаузевиц вернулся на Родину. Забыв о грустных впечатлениях, тревоживших его после сражения на Березине, он сделал попытку посмотреть на пережитое взглядом военного теоретика. Лишив свое повествование личных впечатлений, он, прибегнув к беспристрастному стилю, попытался придать убедительности своим доводам. Это привело автора к достаточно интересным выводам. Клаузевиц не взял на себя ответственности анализировать действия Великой армии на Березине, но, лично знакомый с планами русского командования, он остановился на действиях российской стороны.

Хотя первоначально, как мы уже отмечали, Клаузевиц оценил действия русской армии, в целом, как успешные, то в дальнейшем он подверг этот скоропалительный вывод сомнению, обвинив русское командование в нерешительности. Обратившись к действиям армии Витгенштейна, он задался вопросом: «...почему Витгенштейн вместо того, чтобы идти на Студянку, пошел на Смоленскую дорогу, хотя ему было известно, что место переправы неприятеля – Студянка?»¹⁰⁵⁰. Ответ на этот вопрос для автора оказался в страхе русских военачальников перед Наполеоном: «Никому из них не хотелось быть разбитым Наполеоном. Кутузов полагал, что цель будет и так достигнута, Витгенштейн не хотел рисковать ранее приобретенной славой, Чичагову не хотелось понести во второй раз поражение»¹⁰⁵¹.

Автор не осмелился отдать какой-либо стороне победу на Березине. Однако Клаузевиц признал, что Наполеон достойно миновал «Березину»: «Честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу, но исход переправы все же был крупным шагом к полной гибели его армии»¹⁰⁵².

---

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 120.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 123.

¹⁰⁵² Там же.

Очевидно, что воспоминания большинства немецких солдат свелись к воспроизведению кровавых сцен сражений и полному драматизму отступления из России. Исключением стало исследование Клаузевица, который в большей степени, чем другие немцы-участники похода, попытался воссоздать объективную картину кампании, а не только поделиться своими личными впечатлениями.

Следует отметить, что немецкая наука раньше других европейских традиций обратилась в фактологическому осмыслению событий в России. Так, первые исторические исследования появились уже в 1810-х гг.¹⁰⁵³. Р. Бомсдорф обратился к войне 1812 г. после выхода мемуаров Лабома. Подвергнув критике воспоминания французского участника, автор создал достаточно героизированный образ Великой армии. По его мнению, уже после сражения под Смоленском Наполеон начал целенаправленное движение на Москву: «Нападение на Смоленск не оказалось сложной задачей. Русские были вынуждены без сопротивления освободить путь Наполеону на Москву»¹⁰⁵⁴. В Бородинском сражении Бомсдорф отдал решающую победу Наполеону, отметив роль как французских, так и немецких солдат в сражении. Заявив, что наиболее памятными событиями войны было Бородино и Москва, автор проигнорировал описание отступления Великой армии¹⁰⁵⁵.

Пробел в осмыслении событий завершающего этапа войны восполнил современник Бомсдорфа Л.А. Лебенштейн, создав труд, основанный только на французских источниках. Автор, описывая события отступления, восхищался мужеством солдат Великой армии: «Под наполеоновским флагом в этой жуткой кампании немцы и поляки сражались блестяще»¹⁰⁵⁶.

¹⁰⁵³ Bomsdorff R., von. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig: Engelmann, 1816. 239 s.; Dillenius K. Beobachtungen über die Ruhr... Lüdwigsburg: Baumann, 1817. 220 s.; Liebenstein F. L. A. Der Krieg Napoleons gegen Rußland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt: Hermannsche Buchhandlung, 1819. 355 s.

¹⁰⁵⁴ Bomsdorff R. Op. cit. S. 4.

¹⁰⁵⁵ Ibid. S. 11.

¹⁰⁵⁶ Liebenstein L.A. Op. cit. S. XI.

Описание сражения на Березине в исследовании Лебенштейна оказалось проникнуто пафосом героизма. Как это было принято во французской литературе, битву на правом берегу реки этот немецкий автор также закончил атакой Думерка, в результате которой «русские были отброшены к лесу, потеряв множество пленными»¹⁰⁵⁷. Но особое значение в спасении Великой армии, по мнению автора, все же принадлежало бою Виктора с Витгенштейном, в ходе которого особо отличились немецкие солдаты.

Наиболее примечательной среди первых исторических исследований стала работа историка К.Г. Бретшнейдера. Описывая события начала войны, он отметил, что Наполеон стремительно преследовал противника. В свою очередь, русские уклонялись от сражения, уничтожая ресурсы собственной страны. В описании Бородинской битвы, показав превосходство Великой армии, автор отдал победу Наполеону, одновременно не скрывая своего возмущения сообщениями русских об итогах сражения: «Русские присвоили себе победу. По их донесениям, французы, потерпев неудачу, принуждены были оставить поле битвы»¹⁰⁵⁸.

Однако длительное пребывание Наполеона в Москве, по его мнению, стало гибельным для французов¹⁰⁵⁹. Обратившись к пожару Москвы, историк обвинил в этом «коварном действе» русских¹⁰⁶⁰. Отметив трудности отступления, он восхищался действиями Великой армии на Березине, заявляя, что Наполеону удалось расстроить планы русских по окончательному уничтожению Великой армии¹⁰⁶¹.

Первые немецкие исследователи, отмечая превосходство Великой армии над русскими в сражениях, в то же время подвергали критике тщеславные намерения Наполеона по развязыванию самого конфликта. В

---

¹⁰⁵⁷ Ibid. S. 272.

¹⁰⁵⁸ Бретшнейдер. Четырехлетняя война союзных держав противу Наполеона Бонапарте. СПб.: Морская тип., 1820. 277 с. С. 85.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 86.

¹⁰⁶⁰ Там же. С. 91.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 123.

качестве примера можно обратиться к работе Ф. Шнейдавинда, который оказался под явным влиянием исследования Шамбре. По мнению автора, Наполеон преследовал тщеславную цель – покорение всей Европы. При описании Бородинской битвы историк акцентировал внимание на том, что французские солдаты перед сражением вдохновлялись мыслью о скором завершении войны¹⁰⁶². Тем не менее, он отметил, что Наполеону не удалось одержать абсолютную победу, так как болезнь не позволила ему контролировать весь ход боя¹⁰⁶³. Наконец, по мнению автора, окончательный удар по армии нанесло длительное пребывание в Москве.

Обратившись к анализу отступления Великой армии, историк пришел к выводу, что французский император планировал остаться на зимних квартирах в Витебске¹⁰⁶⁴. На основе французских источников Шнейдавинд подробно описал сражение на Березине. Находясь под впечатлением работ французских авторов, он пришел к выводу, что именно Наполеон начал битву на правом берегу Березины, и «Удино построил свой корпус для атаки на русские позиции»¹⁰⁶⁵. Отметив моральную стойкость солдат Великой армии, историк все же не смог найти оправдание тем жертвам, на которые Наполеон обрек солдат свою армию в этом сражении. По его мнению, цена блестящего стратегического хода французского императора была очень высока – уничтожение Великой армии: «Смертоносное сражение на берегах Березины было очень кровавым, оно закончилось гибелью Великой армии. Европа не смогла покорить Азию»¹⁰⁶⁶.

Очевидно, что немецкие историки и интеллектуалы в первой половине XIX в. связывали с образом Наполеона пока несбывшиеся надежды на объединение Германии. Современникам той эпохи казалось, что память об участии немецких солдат в войнах в составе Великой армией еще долгие годы будет источником духовной связи жителей Германии.

---

¹⁰⁶² Там же. С. 159.

¹⁰⁶³ Там же. С. 199.

¹⁰⁶⁴ Schneidawind F.U. Die Feldzüge in de Jahren 1812, 1813. Bamberg: Dresch, 1826. 203 s. S. 75.

¹⁰⁶⁵ Ibid. S. 114.

¹⁰⁶⁶ Ibid. S. 117.

Однако в 1840-гг. ситуация изменилась: появилось новое поколение, которое станет использовать иные сюжеты в обосновании идей объединения. Активно стали выходить мемуары немецких солдат, наполненные трагическими воспоминаниями о войне 1812 г. Это повлияло на существенное изменение траектории формирования памяти. От героического эпоса немцы перешли к критическому взгляду на русскую кампанию.

Одним из первых обозначил процесс преломления памяти профессор теологии Г. Гофман. Он, находясь под впечатлением от полных трагизма картин войны, описанных в немецких мемуарах, предложил краткий обзор событий русской кампании, заполненной картинами кровавых, но безрезультатных сражений под Смоленском и Бородино. В центре описания Гофмана оказались простые страдающие солдаты, которым предстояло еще полное драматизма отступление: «26 ноября солдаты, изможденные голодом и холодом, достигли Березины. Немногие из них еще сохраняли боеспособность»¹⁰⁶⁷. Главную ответственность за допущенные военно-стратегические ошибки кампании автор возложил на Наполеона.

В целом, в течение 40-х гг. XIX в. образ Наполеона теряет черты героя и спасителя Европы. Последующие политические события упрочат эти элементы в памяти немцев. А к концу 1840-х гг. европейские государства окажутся на грани революции. Идея объединения Германии, длительное время созревавшая в немецком обществе, заметно активизируется. Это заставит немцев обратиться к общим сюжетам их истории, и в те годы выйдет огромное количество мемуаров немецких солдат¹⁰⁶⁸.

Теперь доминирующей характеристикой последствий событий 1812 года становится крах деспотичной империи Наполеона. Так, известный писатель Ф. Штегер в предисловии к своей книге написал: «Поход в Россию 1812 г. – история побежденных, с ним исчезла деспотическая Франция»¹⁰⁶⁹.

¹⁰⁶⁷ Gofman J. Lehrbuch der Weltgeschichte für Gymnasien. Berlin: W. Engelmann, 1844. 324 s. S. 311.

¹⁰⁶⁸ Lossberg F.W. Op.cit.; Fleck A. Beschreibung meiner Leiben und Schicksale... Hildesheim, 1845. 302 s.; Bismark F.W. Aufzeichnungen. Karlsruhe: F. Noeldeke, 1847. 568 s.

¹⁰⁶⁹ Steger F. Der Feldzug von 1812. Braunschweig: Oehme und Müller, 1845. 373 s. S. V.

По мнению автора, в 1812 г. Наполеон, упоенный тщеславием, не смог остановиться в Витебске или в Смоленске. В результате этого в Бородинской битве французы понесли огромные потери, а отступление и сражение на Березине окончательно уничтожило когда-то Великую армию¹⁰⁷⁰.

Ф. К. Шлоссер, автор знаменитой «Всемирная история», обратившийся и к русской кампании, счел ее крах порожденным тщеславием Наполеона¹⁰⁷¹. Несмотря на ярко выраженное негативное отношение к французскому императору, историк все же счел необходимым написать о поражении в Бородинской битве русской армии: «В первый день русские удержались на поле сражения, так что даже похвалялись победой. Но на другой день после страшного побоища они принуждены были отступить»¹⁰⁷².

По мнению историка, ослабление Великой армии началось в Москве в результате пожара, который автор назвал «жестоким», но эффективным методом. При описании отступления французов историк акцентировал внимание исключительно на березинской переправе, в результате которой армия потерпела самые страшные бедствия¹⁰⁷³. Несмотря на это Наполеон не признал бедствия армии, заявляя в официальных документах о победе французов на Березине.

В 1847 г. был опубликован труд С.Ф. Лоссау, в котором автор подробно описал события русской кампании. Представляя эту войну как столкновение европейских наций, он в качестве основной причины конфликта, как и предшествующие ему историки, назвал тщеславие французского императора. Подробно проанализировав военные действия в России, автор заявил, что уже к Бородинскому сражению основные силы и ресурсы Великой армии иссякли: «Наполеону пришлось довольствоваться

---

¹⁰⁷⁰ Ibid. S. 303.

¹⁰⁷¹ Шлоссер Ф. Всемирная история. 2-е изд. СПб.: А. Серно-Соловьевич, 1872. Т. 6. 590 с.

¹⁰⁷² Там же. С. 598.

¹⁰⁷³ Там же. С. 601.

сомнительной победой, и это при том, что битва под Вильно в начале кампании могла бы принести ему абсолютный успех»¹⁰⁷⁴.

Отдав должное героизму солдат всех наций в период отступления, он критически оценил действия французского императора на Березине: «Наполеон, вступив в сражение, смог избежать окружения, но потерял почти всю армию»¹⁰⁷⁵. В целом, в эти годы русская кампания стала символизировать для немцев, главным образом, лишь трагедию¹⁰⁷⁶.

Революция 1848 г. еще более всколыхнула в немцах чувство национальной гордости. Идея объединения Германии, бурно обсуждавшаяся в предшествующие годы, оживила поиски немцами исторических сюжетов, демонстрирующих героизм их соотечественников, а разгоревшаяся Крымская война напрямую напомнила о событиях в России в 1812 г.

В 1850-е гг. выходит из печати исследование майора в отставке Генриха фон Байцке¹⁰⁷⁷. По его мнению, Наполеон совместно со всеми европейскими нациями одержал победу во всех сражениях русской кампании. Подобные мысли выразил и немецкий историк Ф.К. Форстер в труде, опубликованном в 1856 г. На основе огромного количества немецких мемуаров автор представил войну 1812 г. как конфликт всей Европы с Россией и назвал события русского похода «великой легендой». Находясь под впечатлением недавних европейских революций, автор отметил роль всех наций в сражениях 1812 г.¹⁰⁷⁸ По его мнению, каждая нация, входившая в состав Великой армии, способствовала победе Наполеона. По поводу битвы на Березине он написал так: «В этом сражении проявилась несостоятельность русского командования. Великая армия показала свою способность держать в руках оружие и хранить верность знамени»¹⁰⁷⁹.

¹⁰⁷⁴ Lossau von S.F. Charakteristik der Kriege Napoleons: Feldzüge der Jahre 1809 und 1812. Berlin: Herder, 1847. T. 3. 530 s. S. 369

¹⁰⁷⁵ Ibid. S. 530.

¹⁰⁷⁶ См. так же: Sporschil J. Österreich und die Broschürensehmede gegen dieses Kaiserthum. Leipzig: I. Jackowitz, 1847. 235 s.

¹⁰⁷⁷ Beitske H. Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812. Berlin: Creative Media Partners, 1856. 388 s.

¹⁰⁷⁸ Förster F.C. Op. cit.

¹⁰⁷⁹ Ibid. S. 93.

После Крымской войны тема русской кампании заинтересовала и Ф. Энгельса¹⁰⁸⁰. В небольшом эссе, проанализировав действия русских, он отметил огромные потери с обеих сторон. Автор посчитал, что никто не одержал решающей победы в Бородинской битве, стремясь сохранить свои последние резервы.

В 60-е гг. XIX в. начинается активный этап процесса объединения Германии, немцы стали создавать свою собственную историю, в которую русская кампания вошла как событие, предопределившее германский триумф под Лейпцигом и Ватерлоо. На эти годы пришелся еще один поток публикаций мемуаров немецких участников войны 1812 г.¹⁰⁸¹

Так, в 1863 г. в работе историка Л. Хессера вновь появляется образ русской кампании как великой катастрофы, предопределившей дальнейший крах империи Наполеона¹⁰⁸². Описывая сражения войны, он объясняет победы французов, в основном, делом случая¹⁰⁸³. Автор отрицает наличие у Наполеона каких-либо серьезных военно-стратегических планов у Наполеона, ставивших целью разгром армии противника, ибо со стороны французов эта битва была лишь вынужденной необходимостью для обеспечения переправы¹⁰⁸⁴. Вместе с тем историк отметил, что, несмотря на жалкое состояние солдат, Великой армии все же удалось одержать «случайную» победу и в этих событиях: «Эти остатки наполеоновской армии случайно достигли триумфа. В результате короткого сражения остатки войск были спасены от уничтожения русскими»¹⁰⁸⁵.

Совершенно иную версию событий отступления предложил историк-популяризатор Ф. Кёрбер. Он, описывая подробности сражения на Березине, считал нужным подчеркнуть преданность Наполеона солдатам своей армии.

¹⁰⁸⁰ Энгельс Ф. Бородино // URL: <https://fil.wikireading.ru/35188>

¹⁰⁸¹ Suckow K. Op. cit.; Martens C. Op. cit.; Meerheim F.L. A., von. Erlebnisse eines Veteranen der Grossen Armee während des Feldzuges in Russland, 1812, herausgegeben von dessen Sohn Richard von Meerheimb. Dresden: C.C. Meinhold & Sohne, 1860. 350 s.

¹⁰⁸² Hausser L. Deutsche Geschichte: vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Cründung. Berlin: Weidmann, T. 3. 577 s.

¹⁰⁸³ Ibid. S. 677.

¹⁰⁸⁴ Ibid. S. 577.

¹⁰⁸⁵ Ibid.

Когда император получил предложение оставить армию и сбежать в Париж, он отверг его и перенес все трудности переправы через Березину вместе со своими солдатами¹⁰⁸⁶.

Однако, в целом, описание сражения у Кёрбера не отличалось убедительностью. Он обратился лишь к картинам переправы и к бою на левом берегу реки. По его мнению, битва на Березине началась с внезапного обстрела русскими переправы: «28 ноября с возвышенности возле Студянки русские начали стрелять по толпам людей на переправе»¹⁰⁸⁷. Несмотря на проявленный солдатами Великой армией героизм, общие итоги боя оказались для нее неблагоприятными: «Маршал Виктор, отступив, поджог мост. Березина была самым страшным бедствием. Русские продолжали преследование французов»¹⁰⁸⁸.

Таким образом, немецкая память о русской кампании изначально формировалась на основе противоречивых сюжетов, связанных, с одной стороны, с героизмом, проявленным воинами Великой армии и самим Наполеоном, а, с другой стороны, – с описанием бедствий и критикой действий французского императора. «Немецкая» война как героическая страница истории Германии окончательно сформировалась лишь после победы над Францией в 1870–1871 гг. Теперь главная идея была такой: только благодаря немецким солдатам Наполеону удалось избежать окончательного уничтожения в России.

Среди множества работ рубежа XIX–XX вв. выделяется несколько трудов. В исследовании, опубликованном в 1901 г., авторитетный военный историк Ф. Остен-Сакен, акцентируя внимание на бессмысленности жертв той войны, все же отдал должное мужеству немецких солдат во время отступления из России. Историк высказал оригинальную мысль применительно к проектам отступления Наполеона, отметив, что император

¹⁰⁸⁶ Körber F. Napoleon's Feldzug nach Russland im Jahre 1812. Rürnberg: Hempel, 154 s.

¹⁰⁸⁷ Ibid. S. 159.

¹⁰⁸⁸ Ibid. S. 164.

планировал продвижение не к Минску, но к Вильно¹⁰⁸⁹, и в связи с этим, по его мнению, сражение на Березине произошло случайно, непреднамеренно, как с той, так и с другой стороны. Историк, дискутируя с французскими исследователями, утверждал, что Наполеон разными способами, маневрируя, пытался избежать встречи с русской армией. Автор высказал предположение, что и Чичагов хотел избежать сражения: «На правом берегу Чаплиц получил указание не спешить нападать на врага»¹⁰⁹⁰. Автор попытался создать впечатление у читателя в том, что с обеих сторон бой завязался в целях самозащиты.

Сражению на правом берегу реки историк уделил незначительное внимание. Более подробно он раскрыл действия корпуса Виктора, отметив бесполезность жертв, понесенных немецкими солдатами.

Писатель К. Бляйбтрой также преследовал целью показать бессмысленность жертв, понесенных немцами ради призрачных идей Наполеона. По его мнению, именно солдаты разных наций наделили силой и мощью французского императора, перед которым дрожали все враги, и даже на Березине русских одолевал страх перед призраком Великой армии. И тоже благодаря немцам.

Однако писатель, будучи ярким поклонником Ф. Ницше, в образе Наполеона выразил идею сверхчеловека. Так, в описании военных действий Бляйбтрой изобразил русскую армию, как армию недостойного Наполеону противника¹⁰⁹¹. Вместе с тем, автор осуждал французского императора за то, что тот деспотически использовал готовность солдат к самопожертвованию для достижения своих корыстных целей: «Наполеон грубо использовал доверчивость терпеливых немецких и польских солдат. Их жертвенность достойна жалости»¹⁰⁹². Все сражения, в которых Великая армия одержала победу, преследовали лишь одну цель – удовлетворить амбиции Наполеона.

¹⁰⁸⁹ Osten-Sacken F. Op. cit. S. 249.

¹⁰⁹⁰ Ibid. S. 259.

¹⁰⁹¹ Bleibtreu K. Der russische Feldzug. Stuttgart: Süddeutsche Monatshefte, 1908. S. 170.

¹⁰⁹² Ibidem.

По мнению автора, в итоге, это привело к гибели целой армии. Но Блайбтрой не увидел в этой катастрофе заслуги русских. Крах Наполеона в России был представлен им бессознательным исполнением какой-то вне человека находящейся воли.

Восхищение героизмом немецких солдат в Бородинском сражении оказалось свойственно историку М. фон Дитфурту, который подчеркивал ключевую роль немецкой кавалерии в этой битве¹⁰⁹³. Подробно описав ход сражения, он отметил ошибки французского командования и уже проявившийся к тому времени у солдат упадок моральных сил, что и не позволило Наполеону одержать абсолютную победу.

Описание преимущественно участия немецких солдат в русской кампании становится приоритетным в немецкой историографии конца XIX в. Так, в 1896 г. было опубликовано исследование о событиях на Березине генерал-майора В.А. Линденау. Проанализировав военные действия Великой армии в ноябре 1812 г., он уделил основное внимание сражению на левом берегу Березины. Подчеркивая героизм немецких солдат, Линденау отметил, что они, жертвуя своими жизнями, смогли отстоять переправу¹⁰⁹⁴. Автор обвинил Наполеона в том, что он неразумно расходовал людские ресурсы ради собственного спасения: «Наполеон спас себя на Березине, но это место стало могилой Великой армии»¹⁰⁹⁵. В этом же году в Германии впервые были опубликованы мемуары саксонского генерала И.А. фон Тильмана¹⁰⁹⁶, которые стали важным источником для реконструкции участия немцев в событиях кампании.

Таким образом, в конце XIX в. русская кампания становится исключительно немецкой победой, предопределившей исход следующего, 1813 года. Внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в начале XX в., еще более усилила этот момент в памяти немецкого общества. Дело в том, что

¹⁰⁹³ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении.

¹⁰⁹⁴ Lindenau V.A. Der Berezina. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, königliche Hofbuchhandlung, 1896. 230 s. S. 47.

¹⁰⁹⁵ Ibid. S. 49.

¹⁰⁹⁶ Thielmann J. A. Les Allemands sous les aigles Francaises // Carnet de la sabretache. 1906. Ser 2. № 157.

перед Первой мировой войной Франция и Россия, основные враги в 1812 г., теперь объединились против Германии. Немецкие исследователи, пытаясь умалить боеспособность как Франции, так и России, с одной стороны, подвергли сомнению факт победы Наполеона в сражениях войны, а, с другой стороны, – не жалели критики в адрес русского командования. В связи с этим русская (ставшая фактически «немецкой») кампания, оставаясь символом героизма немцев, в то же время была провозглашена великим поражением и для Франции, и для России.

Перед Первой мировой войной тема русской кампании становится особенно популярной в немецкой литературе¹⁰⁹⁷. Примером того может служить работа социал-демократа Франца Меринга «От Тильзита до Таурогена», опубликованная в 1913 г. Историк рассматривал кампанию как конфликт исключительно Франции и Англии. В своем обзоре хода военных действий автор оправдывал тактику отступления русских в начале открытия военных действий, считая, что это было необходимым¹⁰⁹⁸.

Результаты Бородинского сражения им были оценены как неопределенные: «Эта ужасная битва кончилась в общем почетно для русских: они не были разбиты, хотя и понесли тяжелые потери и вынуждены были частично очистить поле сражения. Дальнейшее отступление русской армии отдало 14 сентября Москву в руки Наполеона»¹⁰⁹⁹. По мнению автора, огромную роль в поражении Наполеона сыграло народное сопротивление. Подводя итоги кампании, он

---

¹⁰⁹⁷ В те годы в Германии был издан и переиздан большой объем мемуарной литературы: Lossberg F. W. Briefe des Westphälischen Stabsoffiziers vom russischen Feldzug des Jahre 1812. Berlin, 1910; Wachsmuth J. Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft... Magdeburg, 1910; Morgenstern F. Kriegserinnerungen aus Westfälischer Zeit. Wolfenbüttel, 1912; Behm W. Die Mecklenburger 1812. Hamburg, 1912; Furtenbach F. Krieg gegen Rußland und russische Gefangenschaft. Nürnberg; Leipzig, 1912; Roos H. Mit Napoleon in Rußland. Stuttgart, 1911; Rüppell E. Kriegsgefangen im Herzen Rußlands. 1812–1814. Berlin, 1912; Schehl K. Mit der Grossen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf, 1912; etc.

¹⁰⁹⁸ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М.: Воениздат, 1956. 544 с. С. 265

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 263.

отметил, что дезорганизация после войны была характерна не только для французской армии, но и для русской тоже.

Известный историк П. Хольцхаузен, обратившись перед Первой мировой войной к русской кампании 1812 г., акцентировал внимание на участии в ней исключительно немцев. Используя внушительное количество мемуаров, он попытался описать события войны с точки зрения обычного солдата. Так, на страницах исследования предстают кровавые картины битв, полные человеческих страданий.

В предисловии автор отметил разрушительный масштаб этой войны для немцев: «В 1812 г. слова “Не вернулся!” были ужасны и обошли тысячи немецких семей в то время. Те, кто выжил, рассказали только о суровом холоде и нападении казаков»¹¹⁰⁰. Описав Бородинское сражение, он акцентировал внимание на бессмысленности жертв: «В любом случае, победители, как и после битвы под Смоленском, не достигли необходимых результатов»¹¹⁰¹. Обратившись к сценам страданий солдат во время отступления, автор назвал сражение на Березине ключевой ошибкой Наполеона, которая привела к окончательному уничтожению его армии¹¹⁰². Так, вполне очевидно, что авторы стремились умалить боеспособность как французской, так и русской армий.

Стремление критически оценить действия как французской, так и русской армии, оказалось в центре повествования и историка О. Белингхауса. Основное внимание он акцентировал на периоде отступления из России, пытаясь проанализировать ошибки, допущенные обеими сторонами. Обратившись к действиям русской армии на Березине, автор подверг критике нерешительность ее командования. Проигнорировав роль французских частей в спасении армии, он вместе с тем с восхищением писал о мужестве немцев в битве на левом берегу. Контрастом героическому поведению немецких солдат выглядела ситуация на самой переправе: «Каждый со всей

---

¹¹⁰⁰ Там же. С. 11.

¹¹⁰¹ Там же. С. 106.

¹¹⁰² Holzhausen P. Op. cit. S. 86.

возможной поспешностью стремился перейти Березину»¹¹⁰³. Несмотря на бездарность и русского, и французского командования, по мнению автора, немецкие солдаты Великой армии дали возможность неорганизованной массе наполеоновских войск спастись¹¹⁰⁴.

Поражение в Первой мировой войне, унижительные условия Версальского договора, крах надежд на европейское лидерство привели Германию к необходимости переосмысления своего прошлого. В отношении войны 1812 г. в 1920-е гг. стал наблюдаться еще более критический, чем ранее, подход.

Образ русской кампании как символ великого поражения нашел отражение в исследовании известного военного историка Г. Дельбрюка. В целом, автор склонялся к той версии, что Наполеон победил русских на Бородино, но в Москве и на Березине потерял всю армию¹¹⁰⁵.

Траектория формирования памяти значительно изменилась с приходом к власти нацистов. Вновь возрождается образ войны 1812 г. как пример проявленного немецкими солдатами героизма¹¹⁰⁶. Очевидно, что немецкое командование перед наступлением на СССР изучало опыт вторжения Наполеона в Россию. К примеру, генерал Г. Блюментрит после Второй мировой войны вспоминал: «Наполеоновская кампания 1812 г. стала предметом особого изучения. С большим вниманием Клюге читал отчёты генерала де Коленкура об этой кампании. В них раскрывались трудности ведения войны и даже жизнь в России. Места боев Великой армии Наполеона были нанесены на наши карты. Мы знали, что вскоре пойдём по следам Наполеона»¹¹⁰⁷.

¹¹⁰³ Bellinghaus Otto. Denkwürdigkeiten aus dem Jahre 1812. Freiburg: Rus Neb, 1913. 236 s. S. 206.

¹¹⁰⁴ Ibid. S. 199.

¹¹⁰⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб.: Госвоениздат, 1997. Т. 4. 422 с.

¹¹⁰⁶ Lünsmann F. Die Armee des Königsreichs Westfalen 1807–1813. Berlin: C. Leddihn, 1935. 328 s.; Gerhardt O. Die Württemberger in Rußland 1812. Stuttgart: Steinkopf, 1937. 280 s.; Blankenhorn E. 1812. Badischen Truppen in Rußland. Karlsruhe, 1937.

¹¹⁰⁷ Г. Блюментрит. Московская битва // URL: <https://history.wikireading.ru/111561>

По итогам Второй мировой войны Германия оказалась разделенной. Это предопределило то, что два германских государства пошли разными путями в осмыслении событий прошлого, и образ русской кампании оказался расколотым на два противоположных сюжета. Историки ГДР, находившиеся под влиянием советских исследователей, прониклись духом совместных победоносных действий немецких и русских солдат против деспотизма Наполеона, стараясь обойти темы, касающиеся действий немцев в составе Великой армии. Так, историки ГДР на страницах своих исследований описывали сюжеты поспешного бегства Великой армии из России и войны как результат грубейшей ошибки Наполеона, решившегося начать войну с Россией¹¹⁰⁸.

В то же время исторические сюжеты, связанные с франко-немецким сотрудничеством в 1812 г., приобрели актуальность в исторической науке ФРГ в качестве обоснования продуктивного союза К. Аденауэра и Ш. де Голля, заложившего основы процессов европейской интеграции. Историки ФРГ этого периода, обращаясь к эпохе русской кампании, акцентировали внимание на совместных франко-немецких победах, одержанных в России¹¹⁰⁹. Впрочем, историки ФРГ не задавались целью подробного исследования военных действий русской кампании 1812 г., они вполне были удовлетворены лишь упоминаниями об этом событии.

Одним из немногих немецких авторов, кто более подробно остановился на интересующих нас событиях, был историк Г. Мэй. Игнорируя немецкие источники, обратившись исключительно к французским мемуарам, он попытался проанализировать события войны 1812 года. Не останавливаясь подробно на ходе военных действий, Мэй повторил мысль, часто звучавшую

¹¹⁰⁸ См., например: Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии / Под ред. Бескровного. М.: Наука, 1964. 539 с.

¹¹⁰⁹ Kraft H. Die Württemberger in den Napoleonischen Kriegen. Stuttgart: Heinz, 1953. 321 s.; Schubert F. Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789–1814. Stuttgart: K. F. Koehler Verlag, 1962. 388 s.; Wesemann J. H. Kanonier des Kaisers. Kriegstagenbuch der Heinrich Wesemann. Köln: Wissenschaft und Politik, 1971. 109 s.; Lenscher P. Nur Wenige Kamen Zurück 3000 Bayern mit Napoleon im Rußland. Pfaffenhofen: Ludwig Verlag, 1980. 230 s.; Kersten F., Ortenburg G. Die Sachische Armee von 1763 bis 1862. Berum: Deutsche Gesellschaft für Heereskunde, 1982. 52 s.

во французской историографии, что Великую армию победил русский климат: «Голод и холод, нападения казаков, безжалостная партизанская война разобщили французов. Уставшие, они достигли Вильно. Наполеон распространил легенду, что его армия победила русских, но ее убил холод»¹¹¹⁰. Помимо теории «русской зимы» как причины поражения французов в России автор отметил и чрезмерное тщеславие Наполеона: «Многие католики толковали несчастья Великой армии в период отступления как божественное предзнаменование, наказание Наполеона за его тщеславие»¹¹¹¹.

Интересно, что в концепции историков ФРГ также звучала идея о «русской зиме» как основной причине поражения Великой армии, но в контексте сюжетов проявленного солдатами Наполеона героизма¹¹¹². Так, «немецкая» память раскололась под воздействием, с одной стороны, французской версии войны 1812 г., а с другой стороны – советской версии. Один вариант стал формальным обоснованием исторической закономерности сближения Франции и ФРГ, другой вариант – сотрудничества СССР и ГДР.

Объединение Германии вызвало необходимость поиска единого образа войны 1812 г. Стараясь не затрагивать чувства национальной гордости Франции и России, немецкие историки в начале 90-х гг. XX в. обратились к событиям начала войны, фактически проигнорировав период отступления Великой армии и переправу через Березину¹¹¹³.

Так как в конце XX в. началась новая история Германии, как страны, претендующей на статус европейского лидера, образ русской кампании стал играть значимую роль в обосновании франко-немецкого сотрудничества. Признавая эту войну катастрофой, немецкие историки стали склонны

¹¹¹⁰ May G. Das Recht des Cottesdienstes in der Diözese Mainz zur zeit von J.L. Calmar. Berlin: John Benjamins Publishing, 1987. 180 s. S. 179.

¹¹¹¹ Ibid.

¹¹¹² Deutsche Geschichte. Berlin: Ploetz, 1967. 400 s.; Deutsche Geschichte. Berlin: Ploetz, 1968. 507 s.; Deutsche Geschichte. Berlin: Ploetz, 1970. 404 s.; Deutsche Geschichte. Goettingen: Metzler, 1985. 916 s.

¹¹¹³ Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. München, 1991. Pivka O. von Napoleon's German allies.

утверждать, что солдаты Великой армии смогли преодолеть эту трагедию только благодаря совместным действиям¹¹¹⁴.

И все же под воздействием процессов европейской интеграции к началу XXI в. интерес к событийной стороне войны 1812 г. в немецкой историографии заметно угас. Немцы, увлеченные проблемами создания единой Европы, теперь оказались склонны обращаться к истории Великой армии, главным образом, как к своеобразной форме объединения европейских стран, а также к вопросу о том, какое воздействие русская кампания имела на дальнейшую судьбу государств, принявших в ней участие¹¹¹⁵.

Очевидно, что немецкая наука в большей степени проявляет оживленный интерес к проектам Наполеона по объединению Европы, но не к его войнам. Так, историк Г. Руж представил французского императора как великого демократа, способствовавшего уничтожению тиранических режимов в Европе¹¹¹⁶. Под воздействием «антропологического поворота» в науке немецкие историки обратились и к сюжетам, связанным с человеком на войне. В связи с этим, русская кампания стала примером великой человеческой катастрофы и предостережением от новых войн¹¹¹⁷.

Проблемы Евросоюза, связанные с межгосударственными и межнациональными отношениями, направили историческую науку на ретроспективный анализ подобных вопросов. Так, историк Р. Топпель, проанализировав действия разных наций в войне 1812 г. на основе немецких источников, пришел к выводу, что именно межнациональные раздоры привели Великую армию к краху¹¹¹⁸.

Таким образом, «немецкая» версия войны 1812 г. формировались под воздействием ключевых вех национальной истории Германии, факторов

¹¹¹⁴ См., например: Ernst von Raven O.G., Keubke K.U. Tagebuch des Feldzuges in Russland Jahre 1812. Berlin: Edition Temmen, 1998. 173 s. S. 145.

¹¹¹⁵ Baumgart A. Op. cit. S. 29.

¹¹¹⁶ Ruge G. Russland. Berlin: C. H. Beck, 2008. 250 s. S. 95.

¹¹¹⁷ Esser B. Daten der Weltgeschichte. Münche: Wissenmedia, 2004. 880 s. S. 500.

¹¹¹⁸ Töppel R. Die Sachsen und Napoleon. Berlin: Böhlau, 2009. 363 s. S. 279.

внутриполитического и внешнеполитического характера. Память немецких участников кампании была связана почти исключительно с идеями бессмысленности войны и человеческих жертв, брошенных на алтарь тщеславия Наполеона.

Изначально историографическая траектория немецкой памяти развивалась независимо от мемуаристики. Историки, основываясь на французских документах, проявляли стремление воссоздать объективную картину событий с точки зрения ученого-наблюдателя. Немецким исследователям первым удалось глубоко проанализировать военно-стратегическую сторону русской кампании. Как правило, немецкие историки, отмечая превосходство Великой армии, провведенное в сражениях войны, в то же время подвергали критике тщеславные намерения Наполеона, развязавшего очередной конфликт. И только постепенно, под влиянием революции 1848 г., а затем франко-прусской войны немецкий образ постепенно стал утрачивать свои первоначальные элементы, оказавшись значимым сюжетом национальной истории единой Германии. Так, к концу XIX в. русская кампания становится в глазах немцев катастрофой, поражением Наполеона, но при этом остается примером героизма, проявленного немецкими солдатами.

Разделение Германии на ФРГ и ГДР предало образ войны 1812 г. фактическому забвению. Новое возрождение памяти о войне в объединенной Германии продемонстрировало утрату ею связи с прежними традициями, став элементом транснационального образа, отразившего сюжеты участия Великой армии в войне 1812 г. как примера общеевропейского единства.

4.4. «Итальянская» война: память-трагедия

Итальянцы, осознавшие в годы правления Наполеона свое национальное единство, на протяжении всего XIX в. возрождали сюжеты участия своих соотечественников в войнах Первой империи. Воскрешая образы русской кампании, итальянцы, как правило, связывали с событиями в России крах той идеи государственного объединения, которая вынашивалась французским императором.

После падения Наполеона итальянское общество, расколовшись в вопросе о дальнейшем пути развития, оказалось в замешательстве. Внутриполитическая ситуация не располагала к осмыслению событий войны 1812 г. В 1815 г. после Венского конгресса Северная Италия вновь оказалась под австрийским владычеством. Идея итальянской свободы теперь переместилась на страницы мемуаров и исторических исследований, в которых подчеркивался особый, не соотносимый с историей других народов, путь развития Италии.

Самым известным из тех итальянцев, который оставили воспоминания о войне 1812 г., был Ц. Ложье, лейтенант итальянской гвардии. Он, вернувшись из русского плена в Неаполитанское королевство, поступил на государственную службу. Став крупным чиновником, Ложье тем не менее, не смог предать забвению события войны 1812 г. Проявившийся во французской науке в 20-е гг. XIX в. интерес к русской кампании актуализировал воспоминания о ней и в памяти итальянского ветерана. На основе собственного дневника и ранее вышедших французских исследований он создал труд о войне 1812 г.¹¹¹⁹

Ложье охарактеризовал русскую кампанию как поход в Азию, призванный удовлетворить тщеславные амбиции Наполеона: «Еще не будучи

---

¹¹¹⁹ Ложье Ц. Указ. соч.

осведомлены о войне с Россией, мы думали, что цель нашего путешествия — поход в Азию! Теперь наше предположение приняло вид вероятия. Если покорена Россия, то тем самым открыто уязвимое место Англии. Наполеон не замедлит со своей мстостью; мы явимся туда, куда не проникала ни одна южная армия»¹¹²⁰.

Обратившись к началу военных действий, Ложье особо отметил гостеприимство поляков, с которым они встретили своих освободителей: «Наш поход казался нам блестящей и приятной военной прогулкой. Добродушное, терпеливое, флегматичное, культурное население всюду принимало нас ласково; и несмотря на свое утомление слишком частыми визитами французской армии, оно не потеряло своего природного добродушия, и столь же гостеприимно, как и раньше»¹¹²¹.

В описании военных действий автор акцентировал внимание только на фактах бессмысленных потерь Великой армии. Так, признав победу Наполеона в Бородинской битве, Ложье все же оставил описание страшной кровавой баталии на страницах мемуаров: «Мы видим ужасное зрелище корчащихся и изуродованных тел людей и лошадей, делающих последние усилия в борьбе со смертью; перед нами и вокруг нас обезображенные трупы, туловища, оторванные части тела – все это покрывает землю»¹¹²².

Сцены отступления Великой армии, представленные мемуаристом, также внушают страх. По мнению автора, на этом этапе, особенно на подступах к Березине, Великая армия уже превратилась в толпу дикарей, которые дрались за кусок хлеба¹¹²³. Переправа через Березину, как утверждал автор, окончательно привела Великую армию к гибели. В описании последнего сражения кампании автор особо отметил проявленный итальянцами героизм: «Наши товарищи: Пьеронни, Тирабоски, Пизони, Манегати и многие другие храбрецы из офицеров и солдат, также отставших

---

¹¹²⁰ Там же. С. 3.

¹¹²¹ Там же. С. 10.

¹¹²² Там же. С. 50.

¹¹²³ Там же. С. 138.

от своих полков, сочли своим долгом принять теперь горячее участие в этой борьбе и первыми напали на русские орудия»¹¹²⁴.

Воспоминания о войне 1812 г., увлеченность идеей объединения Италии, вызвали у Ложье интерес к истории своего народа и других наций. Это подвигло его на создание труда, в котором он описал участие поляков в событиях 1812 г.¹¹²⁵ Однако, отметив их роль в сражениях русской кампании, он постарался избежать упоминаний об отступлении из России.

Подобные же картины русской кампании были представлены и на страницах мемуаров других участников событий¹¹²⁶. В эти годы борьбы итальянцев за объединение страны приступил к написанию мемуаров Ж.Т. Колоссо, участвовавший в русской кампании в чине старшего сержанта 24-го конно-егерского полка¹¹²⁷. В предисловии автор вспоминает о своем товарище, который стал «жертвой страшной кампании 1812 г.»¹¹²⁸. Колоссо отметил, что именно в знак памяти об итальянцах, участниках тех войн, он и взялся за написание мемуаров.

На страницах воспоминаний автор дал краткое описание сражений, в которых Великая армия одержала победы. Однако его личные впечатления, как и у Ложье, были связаны лишь со страданиями и трудностями, которые пришлось перенести итальянским солдатам ради удовлетворения тщеславных амбиций французского императора: «Это была бессмысленная катастрофа. Храбрые солдаты не смогли выдержать этот ужасный климат!»¹¹²⁹

Более подробное описание русской кампании оставил итальянский участник событий Ф. Багги¹¹³⁰. В предисловии к мемуарам издатель

¹¹²⁴ Там же. С. 141.

¹¹²⁵ Laugier C. *Observation sur la Pologne et les polonais*. P.: Ponthieu, 1827. 148 p.

¹¹²⁶ Venturini J. L.A. *Carnets d'un Italien au service de la France // Nouvelle Revue Retrospective*. P., 1904; Canfalonieri F. *Memoire*. Milano: U. Hoepli, 1890. 320 p.; Baggi F. *Memorie*. Bologna: Edite da C. Ricci, 1898. 148 p.; Colosso J.T. *Mémoires d'un vieux soldat*. Turin: Société Typographique, 1857. 307 p.

¹¹²⁷ Colosso J.T. *Op. cit.*

¹¹²⁸ *Ibid.* P. 27.

¹¹²⁹ *Ibid.* P. 67.

¹¹³⁰ Baggi F. *Op. cit.*

опубликовал красочное описание автора: «В Модене до сих пор помнят Франческо Багги, который умер в 1868 году. Описывают его как открытого, яркого человека, любителя театра, кафе, длительных прогулок, даже несмотря на отсутствие двух пальцев, атрофированных из-за холода во время отступления из Москвы»¹¹³¹. Причину своего обращения к воспоминаниям участник похода объяснил следующим образом: «Победы больших армий, как правило, приносят несчастье отдельным солдатам. Для восстановления истины необходимо описать их участие в гигантской трагедии, которой явилось отступление из Москвы»¹¹³².

Воспоминания Багги отличались от мемуаров других итальянцев-участников похода нескрываемым восхищением автора личностью Наполеона. По мнению Багги, основной причиной войны были не амбиции французского императора, но нарушение Россией условий континентальной блокады¹¹³³. Описывая события в России, автор особо отметил «героические битвы, в которых итальянцы покрыли себя славой, под Москвой и при Малоярославце»¹¹³⁴.

Главной причиной поражения Наполеона автор назвал длительную задержку в Москве, представив картины грабежей и пьянства французских солдат в этом городе¹¹³⁵. Он привел фрагмент письма, отправленного матери из Москвы в 1812 г., в котором описал бедственное положение армии: «Я возненавидел эти дни войны. Нам задерживают выплаты, здесь невозможно существовать без денег. Мы были в изобилии несколько дней, но сейчас мы находимся в самом бедственном положении, и те, у кого есть деньги, могут назвать себя счастливыми»¹¹³⁶. Обратившись к сюжетам отступления из России, автор особо отметил переправу через Березину: «Вспоминая это событие, я думаю, что мы тогда совершили невозможное»¹¹³⁷.

---

¹¹³¹ Ibid. P. 2.

¹¹³² Ibid. P. 14.

¹¹³³ Ibid. P. 13.

¹¹³⁴ Ibid. P. 16.

¹¹³⁵ Ibid. P. 97.

¹¹³⁶ Ibid. P. 99.

¹¹³⁷ Ibid. P. 119.

Очевидно, что в памяти участников эта война стала символизировать лишь трагедию и бессмысленность жертв. Однако в исторической и общественно-политической мысли Италии сформировалась иные коммеморативные практики войны. Уже 1820-е г. историк и общественный деятель К. Ботта опубликовал свой труд, ставший одним из первых исследований по истории Италии, в котором упоминалась война 1812 г. Он расценивал наполеоновскую эпоху тем периодом истории, который способствовал зарождению в итальянском обществе идеи объединения. Не вдаваясь в подробности военных действий в 1812 г., он назвал кампанию крахом политического и военного здания Наполеона¹¹³⁸. Так, постепенно русская кампания начинала в глазах итальянцев символизировать крах проектов объединения наций в начале XIX в.

Европейский проект Наполеона оказался предметом дискуссий в 30-е гг. XIX в. и среди бывших чиновников наполеоновской эпохи. Начал это обсуждение П. Коллетта, историк и государственный деятель, опубликовав исследование о Неаполитанском королевстве, основываясь на своих личных воспоминаниях. Автор принимал участие в подготовке гражданских реформ в этом государстве при Мюрате. В концепции Коллетта вновь возник образ войны 1812 г. как краха идеи объединения Италии.

Так, автор, упомянув события русской кампании, выразил сожаление, что отступление Великой армии из России привело к падению Наполеона и к восстановлению прежнего режима¹¹³⁹. Автор не упустил возможности упрекнуть Наполеона в том, что он, не завершив начатое дело, оставил итальянцев на полпути к долгожданному объединению. Другой общественный деятель наполеоновского времени Ф.П. Стронголи, со своей стороны, попытался оспорить идею о том, что Наполеон вообще собирался осуществить это объединение¹¹⁴⁰.

¹¹³⁸ Botta C. Storia dei popoli italiani. Liborno: G. Allen & company, 1826. T.1. 730 p. P. 716.

¹¹³⁹ Collette P. Storia del reame di Napoli. Parigi, T. 2. 1835. P. 99.

¹¹⁴⁰ Strongoli F.P. Discorsi critici sulla storia del reame di Napoli del general Colletta. Lucano: Presso Normand figlio, 1836. 130 p.

К середине XIX в. эти споры отошли в сторону, и итальянцы обратились к иным сюжетам своего прошлого, вдохновляющим их на объединение государства. Русская кампания стала для них всего лишь одним из сюжетов участия соотечественников в великих событиях европейской истории. Среди работ, опубликованных в те годы, наибольшую известность приобрело исследование Ф. Туротти «История итальянской армии с 1796 по 1814 г.»¹¹⁴¹ Автор кратко описал ход основных событий кампании, не вдаваясь в подробности военных действий. Туротти отметил, что основной причиной войны стало нарушение Россией условий Тильзитского мира¹¹⁴². Однако вместе с тем автор подверг критике и действия Наполеона, отметив, что из-за стремления удовлетворить свои тщеславные амбиции он обрек на уничтожение свою армию¹¹⁴³.

В эти же годы был опубликован труд историка Ф.А. Пинелли¹¹⁴⁴. Проследив боевой путь итальянцев в составе 4-го армейского корпуса в период войны 1812 г., он особо отметил победы в сражениях при Бородино и Малоярославце¹¹⁴⁵. Отступление Великой армии стало для него неким символом краха европейского единства: «Тем временем эпоха объединения потонула в реке Березине»¹¹⁴⁶.

Завершение Рисорджименто только усилило поиски Италией своего места в Европе. Интерес к войне 1812 г. сохранился, но не с целью выявления и восстановления каких-либо фактов, а в связи с необходимостью «вхождения» итальянцев в единую европейскую историю. С этого момента русская кампания, как символ краха идей Наполеона, исчезает со страниц исторических исследований; она трансформируется в памяти итальянцев только лишь в факт участия итальянского народа в войне 1812 г., не более. К примеру, общественный деятель П.Ц. Боджио, описывая историю

¹¹⁴¹ Turotti F. Storia dell'armi italiane dal 1796 al 1814. Milano: Boniotti, 1855. Т. 1–3. Т. 3. 418 p.

¹¹⁴² Ibid. P. 378.

¹¹⁴³ Ibid. P. 440.

¹¹⁴⁴ Pinelli F. Piemont's Militair-Geschichte. Leipzig: Epoca prima, 1856. Т. 2. 449 p.

¹¹⁴⁵ Ibid. P. 329.

¹¹⁴⁶ Pinelli F.A. Storia militare de Piemonte. Torino, 1854. 320 p.

независимой Италии, вспомнил войну 1812 г. как одно из многих событий, даже не упомянув при этом о сражениях войны¹¹⁴⁷. Историк Г. Ламброзо, так же не вдаваясь в подробности русской кампании, представил ее как конфликт татарской расы с латинской¹¹⁴⁸.

Появление новых национальных государств – Германии и Италии, претендующих на европейское лидерство, разрушило систему международных отношений, существовавшую более двух столетий. Все европейские страны внезапно оказались в ситуации вынужденного поиска новых союзников. При этом на фоне общей ситуации, сложившейся в международных отношениях в тот период, сближение Италии и Германии выглядело весьма закономерным. В этой связи русскую кампанию 1812 г. стали вспоминать как яркий пример итало-немецкого сотрудничества, а события в России как безжалостное использование Наполеоном сил других наций. Историк Н. Бьянки, осмысливая в ретроспективе дипломатию Италии, пришел к выводу, что итальянцы и немцы на протяжении всего XIX в. находились в схожей внешнеполитической ситуации, претерпевая обиды и унижения со стороны более могущественных европейских держав. По его мнению, война 1812 г. явилась событием, способствующим Италии и Германии осознать родственность их положения в Европе¹¹⁴⁹.

Таким образом, на протяжении XIX в. образ войны 1812 г. в сознании итальянцев постоянно трансформировался от олицетворения краха идеи объединения до воплощения деспотизма Наполеона. В преддверии Первой мировой войны итальянское общество проявило повышенный интерес к военно-стратегической стороне событий русской кампании 1812 г. Стали появляться исторические исследования, раскрывающие участие итальянцев в сражениях этой войны. Авторы, мысленно двигаясь по следам Великой армии, пытались проанализировать военные действия своих

---

¹¹⁴⁷ Boggio P.C. Storia politico-militare della Guerra dell'indipendenza Italiana. Lucano: S. Franco e figli, 1860. 532 p.

¹¹⁴⁸ Lombroso G. Storia di Dodicianni. Milano: G. Fravega, 1868. 232 p. P. 133.

¹¹⁴⁹ Bianchi N. Storia documentata della diplomazia europea in Italia. Torino, 1870. T. 1. P. 194.

соотечественников, особо выделяя те моменты, которые были связаны с проявлением итальянцами героизма¹¹⁵⁰.

Бурные события, произошедшие в Италии в первой половине XX в., привели к временному «забыванию» войны 1812 г. Но постепенное возвращение страны в большую мировую политику возродило к концу XX в. интерес итальянцев к участию их соотечественников в войнах Наполеона. Современные историки, повторяя опыт своих предшественников, стали возрождать сюжеты, связанные с участием итальянских солдат в войне 1812 г. Как правило, их вниманию достаиваются лишь события начала русской кампании, в которых итальянцы приняли активное участие. Отступление Великой армии историки представляют как катастрофу, не вдаваясь в подробности военных действий¹¹⁵¹.

Среди современных работ особый интерес представляет исследование историка Л. Рати, который на основе итальянских, французских и русских мемуаров реконструировал ход сражения под Малоярославцем, где итальянцы приняли активное участие¹¹⁵².

Таким образом, воспоминания итальянских солдат о русской кампании были связаны, прежде всего, с сюжетами, проникнутыми чувством трагедии и бессмысленности жертв. В свою очередь, историки и общественные деятели в период Рисорджименто попытались возродить эти сюжеты как символ краха идей объединения Италии в эпоху Наполеона. Однако события XX в. вытеснили из памяти итальянцев эти сюжеты прошлого. Так, на современном этапе итальянская кампания, утратив связь с национальной традицией, возрождается на страницах исторических исследований лишь как пример сопричастности итальянцев к событиям европейской истории.

---

¹¹⁵⁰ Lemmi F., Fiorini V. *Storia politica d'Italia*. Milano, 1897; Guerini D., Curti A. *L'Italiani nella guerra di Russia*. Milano, 1913; Capello G. *Gli italiani in Russia*. Citta di Castello, 1912; Salaris E. *L'artigleria e il Genio dell'Esercito Italiano nella campagna di Russia*. Borgo, 1915.

¹¹⁵¹ Pigne E. *La Guardia di Napoleone re d'Italia*. Milano, 2001. P. 224.

¹¹⁵² Ratti L. *Russia, 1812 Malojarslavets "La Battaglia Degli Italiani"*. Milano, 2001.

Подведем итоги. Важную роль в формировании исторической памяти о русской кампании сыграли воспоминания участников. Так, швейцарцы, поляки, немцы и итальянцы, принявшие участие в войне, заложили основу для формирования памяти своих народов. При этом, швейцарские и польские солдаты в момент написания мемуаров стремились передать чувство верности Наполеону, и поэтому их воспоминания воспроизводили картины героического, победоносного шествия Великой армии по России. В свою очередь, немецкие и итальянские солдаты, утратившие к моменту написания воспоминаний ощущение сопричастности к произошедшим событиям, передавали идеи бессмысленности жертв и трагичности войны.

В итоге, швейцарская и польская траектории памяти на протяжении двух столетий конструировались на основе героического нарратива, не раздираясь внутренними сомнениям, что и обеспечило их воплощение в «живых», ритуальных коммеморативных национальных практиках.

В свою очередь, немецкая и итальянская память формировались на основе историографической версии, утратившей связь с мемуарной традицией. Поэтому для представителей этих наций русская кампания со временем стала «чужой» войной.

Важным этапом в возрождении польской, немецкой и итальянской версий русской кампании оказалось создание Евросоюза. Под воздействием данного процесса образ войны стал использоваться как сюжет причастности представителей этих наций к общей европейской истории. При этом в немецкой и итальянской версии вновь возродилась интерпретация кампании как катастрофы, погубившей Великую армию, а в польской памяти – как символ «моральной победы» общеевропейского объединения.

Очевидно, что внешнеполитический фактор, связанный с отношениями с Россией и Францией, воздействовал на траекторию формирования польской, немецкой и итальянской памяти на протяжении двух столетий, возрождая соответствующие конъюнктуре интерпретации событий войны. Так сложилось, что образ кампании в польской памяти оказался тесно связан с

противостоянием русской агрессии, что и предопределило формирование героического мифа о Великой армии в России.

Подобные польской версии характеристики свойственны и швейцарской памяти. Однако образ войны 1812 г. использовался швейцарцами только для конструирования национальной идентичности. В силу того, что основная часть швейцарских солдат находилась в составе 2-го армейского корпуса Великой армии, им удалось избежать трагического отступления из России и пришлось сыграть одну из главных ролей в событиях на Березине. Образ именно последнего сражения войны и стал для швейцарцев символом героизма и моральной стойкости их соотечественников.

Глава 5. Русская кампания Наполеона: история «британского мифа»

События в России в 1812 г. стали достоянием исторической памяти тех народов, которые приняли в них участие, но также и тех, которые издалека пристально наблюдали за ходом русского похода Наполеона. Почти два столетия регулярно обращаются к картинам ужасных событий русской кампании британцы. 200 лет назад сюжеты этого катастрофического события истории континентальной Европы они использовали с целью критики политики Наполеона и подтверждения закономерности краха подобных тщеславных амбиций континентальных европейских правителей. Но, спустя столетие, британская траектория формирования памяти о войне в своем восхищении героизмом Великой армии, проявленном в период отступления из России, оказалась солидарна с французской версией тех событий. Каким же образом «исконный» враг наполеоновской Франции превратился в основного защитника «французского» мифа? В данной главе мы постараемся ответить на этот вопрос, пройдя весь путь формирования британского образа кампании, рассмотрев версии событий, созданные в 1812 г., и их последующую трансформацию в течение двух столетий.

5.1. Русская кампания 1812 г.: взгляд из Лондона

В январе 2015 г. в Британском музее была открыта интереснейшая выставка «Бонапарт и Британия: пропаганда Наполеоновской эпохи», на которой можно было увидеть подлинные карикатуры тех далеких времен. Как, вероятно, и следовало ожидать, экспонаты убеждали посетителей в том, что именно Великобритания, и никакая другая страна, сыграла главную роль в разгроме наполеоновской Франции. Несколько карикатур оказались посвящены русской кампании 1812 г. Наиболее примечательными из них

были две. На одной из них (автор Уильям Элмс) Генерал Мороз на фоне горячей Москвы брил маленького Бони, а на другой (автор Джордж Круикшанк) суровый русский мужик учил Наполеона танцам. Подобные изображения, как полагаем, хорошо отразили стереотипы британцев в отношении войны 1812 г., когда победителями Наполеона оказывались зима и суровый народ, сам являвшийся воплощением природной стихии, но отнюдь не русская армия.

Каким образом шло формирование подобных стереотипов применительно к русской кампании 1812 г. у британцев? Какую роль в этом сыграла государственная политика британских правящих кругов? Каким образом первоначальные представления о событии трансформировались в последующие годы? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Британское правительство и общественные круги, как политические, так и деловые, начиная с 1807 г., внимательно наблюдали за развитием российско-французских отношений, с нетерпением ожидая разрыва Тильзитского договора. С начала 1811 г., британский кабинет уже ждал того момента, когда Россия начнет военные действия против Франции. В этот период британским агентом в Санкт-Петербурге был португальский капитан Гуердес (Guerdes), который с весны 1811 г. отправлял в Лондон сообщения о развитии российско-французских отношений¹¹⁵³.

В своих секретных посланиях он неоднократно отмечал нерешительность русского императора по отношению к вопросу о войне с Францией. Так, в мае 1811 г. Гуердес, пристально наблюдая за реакцией российского правительства на агрессивные действия Наполеона, написал в Лондон несколько писем. В письме от 8 мая он отмечал, что «Россия не хочет войны и будет воевать лишь тогда, когда встанет вопрос о ее существовании. Император Александр делает все возможное для сохранения союза (русско-французского – А.П.)»¹¹⁵⁴.

¹¹⁵³ Секретная переписка Гуердеса, адресат не указан // The National Archives (NA). FO 65/77.

¹¹⁵⁴ Письмо Гуердеса, Санкт-Петербург, 8 мая 1811 г. // Ibidem.

Через два дня, размышляя о позиции Франции, он сообщил, что Бонапарт не намерен развязывать войну с Россией. По мнению Гуердеса, нерешительность русской стороны значительно «способствует усилению Франции и приводит к увеличению ее войск на границе с Россией. И это при том, что российское правительство воспринимает войну как неизбежность и осуществляет всю необходимую подготовку к обороне, но не к наступлению»¹¹⁵⁵. По мнению португальского капитана, подобная нерешительная позиция характерна только для российского императора, в то время как двор настроен более решительно и в особенности возмущен оккупацией Ольденбурга Францией¹¹⁵⁶.

В последующих письмах в Лондон Гуердес высказал предположение о том, что, возможно, позиция Александра I изменится после подписания мира с Турцией¹¹⁵⁷. Однако в мае 1812 г., когда согласие с Турцией было достигнуто, Гуердес вновь выразил возмущение нерешительностью русских в ситуации, когда «со стороны Франции война уже очевидна»¹¹⁵⁸.

С началом войны между Россией и Францией в английской периодической печати стали активно публиковаться как русские, так и французские сообщения о ходе действия, создавая видимость того, что Великобритания является только сторонним наблюдателем и никакой роли в событиях в далекой России играть не будет. Однако в действительности Лондон все же с нетерпением ожидал первых результатов боевых столкновений. 7 июля Гуердес сообщил из Санкт-Петербурга, что, «согласно рапортам, Бонапарт, к счастью, вынужден был отказаться от своих первоначальных намерений молниеносного разгрома русских сил»¹¹⁵⁹.

Сомнения по поводу способности русских победить Наполеона продолжали одолевать англичан и после подписания договора в Эрebro¹¹⁶⁰,

¹¹⁵⁵ Письмо Гуердеса, Санкт-Петербург, 10 мая 1811 г.// Ibidem.

¹¹⁵⁶ Письмо Гуердеса от 13 мая 1811 г.// Ibidem.

¹¹⁵⁷ Письма Гуердеса от 28 июля, 18 декабря 1811 г.// Ibidem.

¹¹⁵⁸ Письмо Гуердеса от 13 мая 1812 г.// Ibidem.

¹¹⁵⁹ Письмо Гуердеса от 7 июля 1812 г.// Ibidem.

¹¹⁶⁰ Два идентичных по тексту мирных договора между Великобританией и Россией и между Великобританией и Швецией, завершившие англо-русскую и англо-шведскую войны, и заключавшие

который не обязывал Лондон занимать активную позицию в ходе и по отношению к войне, идущей в России. Английское правительство только заявило, что поможет России поставками оружия и отправит в Санкт-Петербург в качестве чрезвычайного и полномочного посла лорда Дж. Каткарта¹¹⁶¹.

Пассивная позиция Лондона по отношению к русско-французской войне во многом была predetermined не мнением принца-регента Георга и министров, но позицией политических кругов Великобритании. 21 июля, после подписания русско-английского договора, депутаты парламента обсуждали вопрос о войне между Россией и Францией. Дебаты открыл министр иностранных дел Р.Б. Каслри. Он акцентировал внимание на том, что Великобритания в данной ситуации выступает мировым арбитром и стремится к достижению мира в Европе¹¹⁶². В соответствии с этой позицией Каслри попытался убедить депутатов в том, что основная причина войны – это агрессивные действия Франции.

После выступления Каслри начались жаркие дебаты по поводу причин войны. Большинство депутатов выразило сомнение в том, что Англия действительно владеет всей необходимой информацией о начале войны. Поэтому депутаты выразили желание, чтобы Великобритания не спешила с оказанием помощи России и тем более не принимала участия в военных действиях. Так, член палаты общин А. Хатчинсон заявил, что отправка британских войск в Россию «ухудшило бы наше положение»¹¹⁶³. Он высказал мысль, что «Россия вообще не имела права требовать от Франции освобождения каких-либо территорий»¹¹⁶⁴, представив тем самым

союзы, направленные против наполеоновской Франции. Оба договора были подписаны 6 (18) июля 1812 года в шведском городе Эребро..

¹¹⁶¹ Дж. Каткарт привез с собой в Россию 500 тыс. ф.ст. Однако российское правительство так и не запросило этой суммы в течение 1812 г. Как отмечает российский историк А.А. Орлов, «равнодушие Александра к британским деньгам поразило Каткарта...» (Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 216).

¹¹⁶² The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII. P. 1139.

¹¹⁶³ Ibid. P. 1141.

¹¹⁶⁴ Ibid. P. 1142. Речь шла о требовании России вывести наполеоновские войска с территории Пруссии и эвакуировать ряд крепостей.

императора Александра I в качестве агрессора. Часть депутатов поддержала эту мысль, выразив сомнения по поводу искренности русского императора в отношении Великобритании и отметила, что Россия уже однажды предала интересы англичан, подписав Тильзитский мир.

Каслри был вынужден выразить солидарность с депутатами, заявив, что правительство Великобритании всегда осторожно относилось к России. Он сообщил, что британский кабинет дал знать России о невозможности оказать ей помощь, так как она сама решилась на войну¹¹⁶⁵. Дж. Каннинг, ранее занимавший пост министра иностранных дел, подводя итоги данного обсуждения, высказал пожелание, чтобы правительство не отходило от принципов британской внешней политики и служило европейским интересам, а не желаниям отдельной страны.

В результате дебатов, прошедших в парламенте 24 июля 1812 г., Каслри пишет Каткарту письмо, в котором старается убедить его в необходимости дать понять русскому двору, что Великобритания не может оказать существенную помощь России в этой войне. Обратившись к проблеме «голландского долга» России, Каслри написал, что Великобритания сможет в ближайшей перспективе частично этот долг покрыть, выплатив 4,5 млн ф. ст. Однако в ближайшее время, по словам министра, английский парламент не одобрит эти выплаты: «Вы должны показать российскому двору, что английское правительства совершенно не имеет возможности обратиться к парламенту с просьбой об оказании денежной помощи (России – А.П.), так как война (России – А.П.) с Францией только началась, и Британии, возможно, еще придется понести расходы»¹¹⁶⁶.

В сущности, Каслри попытался донести до Петербурга мысль о том, что вопрос о денежных выплатах британский кабинет поставит перед парламентом только после завершения кампании победой русской армии.

---

¹¹⁶⁵ Ibid. P. 1147.

¹¹⁶⁶ Каслри – Каткарту. Лондон, 24 июля 1812 г. // NA. FO 95/ 229.

В том же письме Каслри выразил сомнения в решимости России вести войну с Францией до победного конца: «Если граф Румянцев обратит внимание на задержку, которая имела место в отношении отправки Вашей Светлости в Санкт-Петербург, Вы напомните ему, что Россия согласилась подписать договор с Великобританией только в ситуации войны с Францией. В связи с этим у английского правительства есть все основания на данном этапе не доверять России»¹¹⁶⁷. Это послание было получено Каткартом 5 августа 1812 г. В тот же день британский посол подтвердил в письме Каслри, что будет следовать обозначенным инструкциям¹¹⁶⁸. Таким образом, факт того, что Россия решилась на сближение с Великобританией только под угрозой и в состоянии войны с Францией, стал главным аргументом английского правительства, оправдывающим его пассивную позицию.

Вместе с тем Лондон не мог не осознавать, что для координации совместных действий против французов неразумно было бы полностью отказаться от предоставления какой-либо союзнической помощи. 30 августа Каслри написал Каткарту, что британское правительство решило оказать помощь России, отправив ей оружие: «Милорд, Ваша Светлость представили необходимость оказания экстренной помощи российскому правительству в деле снабжения армии. Я распорядился об отправке в Россию 50 тыс. ружей»¹¹⁶⁹.

Помимо этого, Каслри начал дипломатическую переписку с австрийским правительством, чтобы выяснить его настроения по поводу войны с Россией. 4 сентября Каслри сообщил Каткарту о первых итогах переговоров с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, отметив, что австрийский двор поддерживает англичан в их стремлении восстановить независимость европейских государств. Однако, по словам Каслри, Австрия не намерена на данном этапе осложнять отношения с Парижем из-за возникших между Францией и Россией серьезных

---

¹¹⁶⁷ Ibidem.

¹¹⁶⁸ Журнал входящих бумаг, 5 августа 1812 г. // Ibid.

¹¹⁶⁹ Каслри – Каткарту, Лондон, 30 августа 1812 г. // Ibid.

противоречий: «Я полагаю, что граф Меттерних в большей степени недоволен поведением России (чем действиями Франции – А.П.) и ее вмешательством в дела Австрии и Пруссии»¹¹⁷⁰.

Таким образом, британское правительство к началу сентября, находясь в «ловушке» обстоятельств, было вынуждено вести себя по отношению к России очень осторожно. Это было predetermined, с одной стороны, сомнениями парламента по поводу прочности русско-английского союза, а с другой стороны, профранцузской, в целом, позицией Австрии в отношении России.

Учитывая данное обстоятельство, Лондон не стремился к тому, чтобы афишировать свою поддержку России. Так, британский дипломат Э. Тортона в письме от 4 сентября 1812 г. убеждал Каткарта в том, что английское общество не должно знать о действиях британского правительства в России: «...общественное мнение не должно считать, что принц-регент ввязался в войну на континенте против французской армии. Россия, возможно, тоже не планирует жертвовать своими силами... Хотя у нашего двора и есть надежда, что русские силы окажутся пригодными для ведения войны»¹¹⁷¹.

Несмотря на сомнения в способностях русской армии успешно вести военные действия, ключевые британские политики пытались преодолеть стереотипные представления, господствовавшие тогда в Лондоне.

Так, 9 сентября Каткорт на основе сообщения генерала Р.Т. Вильсона написал в Лондон о сражении в Смоленске. Он, стремясь убедить английских министров в способности России победить Наполеона, обратил внимание на то, что, несмотря на отступление русской армии, солдаты императора Александра проявляют редкую храбрость.

Каткорт, ссылаясь на мнение Вильсона, главным виновником в тактике отступления назвал главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли и выразил надежду, что назначение главнокомандующим

---

¹¹⁷⁰ Каслри – Каткарту, Лондон, 4 сентября 1812 г. // Ibid.

¹¹⁷¹ Тортона – Каткарту, 4 сентября 1812 г. // NA. FO 65/78.

объединенными армиями М.И. Кутузова приведет к изменению в действиях русских войск.

В следующем письме от 13 сентября в Лондон Каткарт с радостью сообщил о победе русских при Бородино: «Его Императорское Величество победил в самом масштабном действе этой кампании»¹¹⁷². Получив это сообщение 7 октября одновременно с бюллетенями Великой армии, где говорилось о победе Наполеона в этом сражении и его вхождении в Москву, Каслри был в недоумении. Поэтому в письме Каткарту от 10 октября он потребовал разъяснить это противоречие: «Милорд, я получил ваши письма от 12 и 18 сентября о сражении на Бородино, которое, по Вашим словам, завершилось великой победой русской армии. В то же время выясняется, что Бонапарт смог войти в Москву. Невозможно соединить два этих факта. Я не сомневаюсь относительно Вашей преданности и думаю, что Ваша Светлость разъяснит подобное противоречие. На данный момент меня тревожат сомнения по поводу устойчивости нашего положения. В соответствии с 19-м бюллетенем французской армии мы остаемся в тяжелой ситуации, так как русская армия продолжает отступление»¹¹⁷³.

Оккупация Наполеоном Москвы вызвала еще большее недоверие к русскому императору со стороны английских правящих кругов. Каслри сообщил Каткарту, что принц-регент, узнав о вхождении Великой армии в Москву, отреагировал довольно агрессивно по отношению к России, заявив, что после подобного события «ресурсы Великобритании не могут быть использованы в целях оказания помощи армии Его Императорского Величества. Россия должна обходиться исключительно силами своей армии»¹¹⁷⁴.

Каткарт в последующих письмах попытался реабилитировать авторитет императора Александра I в глазах британского кабинета. 22 сентября он объяснил Каслри, что оставление Москвы в данных обстоятельствах является

---

¹¹⁷² Каткарт – Каслри, 13 сентября 1812 г. // NA. FO 95/228.

¹¹⁷³ Каслри – Каткарту, Лондон, 10 октября 1812 г. // NA. FO 95/229.

¹¹⁷⁴ Каслри – Каткарту, 17 октября 1812 г. // Ibid.

разумным стратегическим маневром русской армии. Каткарт пояснил, что поджег город сам народ, благодаря чему армия Наполеона в Москве претерпевает серьезные трудности. Получив это письмо, Каслри ответил на него 20 октября, настаивая на том, что принц-регент под влиянием подобного объяснения не изменит своей позиции¹¹⁷⁵. Министр отметил, что факт сожжения Москвы не может рассматриваться как пример военных успехов России: «Когда национальное бедствие настолько масштабно, как оккупация врагом древней столицы в сердце Империи, правительству остается уповать только на мужество и героизм своего народа»¹¹⁷⁶.

Оккупация Наполеоном Москвы беспокоила не только британское правительство, но и английскую общественность. Несмотря на то, что официальные круги не давали повода для заявлений о совместных действиях Великобритании и России против Франции, все же оппозиционные политические круги воспользовались фактом неудач русской армии для критики правительства. В частности, публицист и историк У. Коббет в своем журнале «Политикал Регистер» на основе анализа бюллетеней Великой армии подверг сомнению ту информацию, которую предоставляли официальные газеты в отношении хода русской кампании: «Наполеон уже в Москве, и все же нам постоянно напоминают о храбрости и патриотизме русских. Разве они оставили неприятелю древнюю столицу из чувства патриотизма?»¹¹⁷⁷.

Коббет обратился к отзывам на известия о Бородинском сражении, обратив внимание на некое противоречие между опубликованным в газетах донесением Каткарта, сообщавшем о победе русских, и бюллетенем Великой армии, в котором говорилось о победе Наполеона. Публикации, подобные тем, которые делал Коббет, конечно же ослабляли веру английского общественного мнения в успех русского оружия.

---

¹¹⁷⁵ Каткарт – Каслри, 22 сентября 1812 г.// Ibid.

¹¹⁷⁶ Ibidem.

¹¹⁷⁷ Political Register. L., 1812. 520 p.

Между тем, Каткарт ненавязчиво продолжал убеждать в своих письмах английское правительство в том, что русский император уверен в благоприятном для русских исходе войны, и что он заинтересован в сотрудничестве с Лондоном. В этом ключе Каткарт и описал Каслри 30 сентября две примечательные беседы с Александром I. В ходе них русский император убеждал Каткарта в том, что потеря Москвы не является важным событием стратегического характера, так как главной задачей является сохранение Санкт-Петербурга, которому опасность не угрожает¹¹⁷⁸.

В целях укрепления русско-английских отношений и в плане подтверждения готовности вести войну до победного конца Александр I отправляет в Лондон в качестве посла Х.В. Ливена, дав ему следующие устные инструкции: «Эти решения остаются постоянно неизменными, и именно в то время, когда Наполеон находится в моем кабинете в Кремле, я посылаю вас в Лондон, чтобы выразить твердую уверенность, что я не заключу мира до тех пор, пока враг не будет изгнан из пределов нашей страны... Но я прошу у него всего лишь военные снаряжение и оружие»¹¹⁷⁹. Александр I стремился убедить Лондон в том, что Россия готова идти на решение общеевропейских проблем совместно с британцами и ждет от них помощи только в виде военного снаряжения.

В свою очередь, английское правительство, осознавая, что Александр I вынужден сейчас искать компромиссы, стремилось этим воспользоваться для решения собственных проблем. В этом плане, возможно, что постоянное напоминание о неудачах русской армии в сообщениях министерства иностранных дел Великобритании служило весомым аргументом, чтобы склонить Россию к решению вопросов экономического характера к выгоде Великобритании. Лондон с начала сентября 1812 г. неоднократно настаивал на том, чтобы восстановить торговые отношения между странами,

---

¹¹⁷⁸ Каткарт – Каслри, 30 сентября 1812 г.// NA. FO 95/228. Каслри получил это письмо 22 октября.

¹¹⁷⁹ Документы внешней политики России. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 6., 620 с. С. 778.

существовавшие до 1807 г., без учета русского таможенного тарифа от 19 декабря 1810 г.

Уже после того как отгремели орудия на Бородинском поле, Каткарт во время встречи с министром иностранных дел графом Н.П. Румянцевым поднял этот вопрос¹¹⁸⁰. По словам Каткарта, Румянцев достаточно скептически отреагировал на подобное предложение и начал приводить массу аргументов, убеждая собеседника в том, что Петербург не может повлиять на стихийный характер проблем экономического характера. Получив сообщение об этой встрече, Каслри решительно заявил, что «Великобритания требует сделать все возможное, чтобы восстановить торговое законодательство в соответствии с ее интересами»¹¹⁸¹.

В своих письмах Каслри неоднократно возвращался к этой проблеме. С конца ноября, когда победа России в войне была уже очевидной, он все более настойчиво начал требовать решения вопроса о восстановлении российско-британских торговых отношений. Так, 26 ноября он отправляет Каткарту следующие инструкции: «Я надеюсь, что правительство России в ближайшее время осознает целесообразность восстановления торговых отношений. Я предполагаю, что лучшее средство осуществления этой прекрасной идеи – восстановить торговый договор 1807 г.»¹¹⁸² Тем самым, английское правительство, занимая пассивную позицию в отношении войны, которую вела Россия, вместе с тем с нетерпением ожидало от русских уступок в области экономических соглашений.

Как представляется, российское правительство не стремилось идти на безоговорочное удовлетворение требований англичан, ожидая от них более активных действий. И все же в начале октября Александр I вновь продемонстрировал пример союзнической помощи, подняв вопрос об отправке в Британию двух эскадр Балтийского флота. 3 октября Каткарт написал Каслри о том, что общался с министром военно-морского флота по

---

¹¹⁸⁰ Каткарт – Каслри, 16 сентября 1812 г. // NA. FO 95/228. Получено 17 октября.

¹¹⁸¹ Каслри – Каткарту, 20 октября 1812 г. // NA. FO 95/229.

¹¹⁸² Каслри – Каткарту, 26 ноября 1812 г. // NA. FO 95/229.

поводу отправки русских кораблей в Великобританию. Каткерт с возмущением сообщил, что министр интересовался, будут ли британцы платить русским за службу. На этот вопрос он ответил, что хотя правительство России проявляет в этом вопросе заинтересованность, Великобритания не предполагала и не предполагает давать каких-либо денежных обязательств¹¹⁸³. В этот же день Каткерт уведомил русского императора о поставках британского оружия. «Русский император выразил свою благодарность за эту важную услугу», – отметил он в письме в Лондон¹¹⁸⁴.

В своих посланиях, начиная с середины октября, Каткерт сообщает о множестве проблем, с которыми столкнулся Наполеон в период отступления, и убеждает Лондон в скорой победе русских¹¹⁸⁵. Убедившись в положительном для России исходе войны, Каткерт и Каслри вновь предпринимают действия, дабы расстроить союзнические отношения Франции с другими государствами. 30 октября Каткерт информировал Каслри о результатах своей переписки с Пруссией: «Я представил правительству Пруссии достаточные доводы в пользу необходимости проявить независимость по отношению к Франции, руководствуясь не только общими интересами, но также и стремлением освободиться от влияния со стороны той силы, которая может стремиться к уничтожению [в Пруссии] правящей династии. Я надеюсь, что правительство Пруссии осознает этот момент»¹¹⁸⁶.

В письмах начала ноября Каткерт выражал восхищение патриотизмом русского народа, благодаря которому удалось одержать победу над Наполеоном. В послании от 11 ноября Каткерт так описал Каслри

¹¹⁸³ Каткерт – Каслри, 3 октября 1812 г. // NA. FO 65/80. Получено 22 октября.

¹¹⁸⁴ Каткерт – Каслри, 3 октября 1812 г. // NA. FO 95/228.

¹¹⁸⁵ Письма Каткерта с 16 по 24 октября 1812 г. // NA. FO 65/80.

¹¹⁸⁶ Каткерт – Каслри, 30 октября 1812 г. // Ibid.

положение, в котором оказалась Великая армия в период отступления к Смоленску: «Вся дорога покрыта обозами, лошадьми, телами солдат»¹¹⁸⁷.

Он отметил, что Кутузов, оттеснив Наполеона при Малоярославце, смог прикрыть Калугу и заставить французов идти по разоренной дороге. В заключении Каткарт написал: «События явили патриотизм народа Российской империи»¹¹⁸⁸. В то же время, основываясь на сообщениях Вильсона, Каткарт неоднократно докладывал о варварском поведении французов. 25 ноября, к примеру, он сообщил о бесчинствах наполеоновских солдат в Смоленске: «Французы с обычной жестокостью и безрассудностью осквернили древний собор в Смоленске»¹¹⁸⁹.

Каслри, получая письма, свидетельствующие о неудачах Наполеона, наконец, решил выразить благодарность России через русского посла П.А. Николаи. 12 ноября он пригласил Николаи в свою личную резиденцию, «зачитав [там] последние письма милорда Каткарта, относящиеся к военным событиям и с благородной правдивостью повествующие о великом подвиге, свидетелем которого имеет счастье быть этот посол, совершенном народом в борьбе против самого жестокого врага, когда-либо осквернявшего землю»¹¹⁹⁰. Во время этой беседы Николаи поднял вопрос об оказании Англией денежной помощи России. Однако, как отметил Николаи в своем сообщении в Петербург, министр уклончиво дал понять, что по этому вопросу русскому правительству не на что надеяться¹¹⁹¹.

23 ноября Каткарт сообщил в Лондон, что Наполеона в России ожидает окончательное поражение¹¹⁹². Однако 30 ноября, получив информацию о том, что французский император преодолел р. Березину, он, с недоумением, написал в Лондон: «Витгенштейн и Чичагов должны были незамедлительно

¹¹⁸⁷ Каткарт – Каслри, 11 ноября 1812 г.// Ibid.

¹¹⁸⁸ Ibidem.

¹¹⁸⁹ Каткарт – Каслри, 25 ноября 1812 г.// Ibid.

¹¹⁹⁰ Документы внешней политики России. С. 599.

¹¹⁹¹ Там же.

¹¹⁹² Каткарт – Каслри, 23 ноября 1812 г.// NA.FO 65/80.

атаковать силы Бонапарта при переправе через Березину, но адмирал не вступил в сражение»¹¹⁹³.

Каткарт сообщил, что в соответствии с донесениями генерала П.Х. Витгенштейна, адмирал П.В. Чичагов стоял поблизости, но не вступил в сражение. Каткарт выразил недоумение в отношении того, что русские дали Наполеону спокойно пересечь Березину с незначительными потерями: «В настоящий момент я не имею никаких объяснений на тот счет, почему неприятелю позволили беспрепятственно расположиться на высотах Березины и перейти с незначительными трудностями на правый берег, в то время как адмирал находился между Борисовым и Минском»¹¹⁹⁴.

Только 12 декабря Каткарт смог с определенностью заявить о победе русских и разгроме армии Наполеона¹¹⁹⁵. Те же письма, в которых посол выражал сомнения в успехе русских, дойдут до Лондона только 6 декабря, когда вопрос о создании антифранцузской коалиции стоял уже на повестке дня.

Под воздействием сообщений об успехах русской армии позиция британского кабинета в отношении России кардинально изменилась. Однако многие политики все еще продолжали находиться под властью сомнений по поводу исхода русской кампании. Это явственно проявилось в ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте 30 ноября.

Сессия парламента открылась с дискуссии в палате общин вокруг послания принца-регента, в котором Георг отметил военные успехи сил, борющихся с Наполеоном в Испании и в России. Рассуждая о причинах победы русских, он не связывал эти успехи с действиями русской армии, а лишь уклончиво сослался на слова великого полководца древности: «Александр Великий под воздействием некоторых обстоятельств

¹¹⁹³ Каткарт – Каслри, 30 ноября 1812 г.// Ibid.

¹¹⁹⁴ Ibidem.

¹¹⁹⁵ Каткарт – Каслри, 12 декабря 1812 г.// NA. FO 65/90.

охарактеризовал предков русских как грабителей и варваров, обладавших храбростью дикарей во время борьбы с теми, кто к ним вторгся»¹¹⁹⁶.

Дискуссию открыл член парламента Харт Девис. Он произнес слова благодарности русскому народу за его подвиги. Однако большинство членов парламента не поддержало выступающего. Основная часть депутатов была склонна объяснять успехи России исключительно «варварским» патриотизмом. От лица скептически настроенных депутатов выступил Каннинг, который произнес следующее: «...захватчик, вторгшийся в Россию, польстил этой стране, считая ее жителей цивилизованными. Как благородный адресант (принц-регент – А.П.) справедливо заметил, страна, по отношению к которой он употребил слово варварство, и которая находится в состоянии рабства, не могла вдохновиться на борьбу благородным патриотическим чувством. Это скорее пример инстинктивного патриотизма... это не война народа, это война правительства»¹¹⁹⁷.

По всей видимости, в своем стремлении принизить успехи России часть членов парламента преследовала целью отказать кабинету в реализации планов помощи русским. Так, Каннинг заявил, что британское правительство должно обратиться к императору Александру со следующими словами: «Если Вы ввязались в войну с Францией, преследуя свои интересы, мы будем помогать Вам, насколько позволяют наши ресурсы; но эта помощь не будет ориентирована на реализацию целей вашей политики, так как наши основные интересы связаны с Испанией»¹¹⁹⁸.

Каслри выразил согласие со словами Каннинга, заявив, что, действительно, Англия не должна оказывать помощь России в ущерб испанским делам¹¹⁹⁹. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что император России, будучи человеком благородным, не обращался за денежной помощью. Министр считал также необходимым возразить на

---

¹¹⁹⁶ The Parliamentary Debates. L.: Printed for Longman, Vol. XXIV. 920 p. P. 52.

¹¹⁹⁷ Ibid. P. 64.

¹¹⁹⁸ Ibid. P. 66.

¹¹⁹⁹ Ibid. P. 83.

заявления о варварстве русских, отметив, что только народ, обладающий «героической доблестью и благородством», мог достичь таких значимых результатов¹²⁰⁰.

Слова министра встретили возражение со стороны депутата Витбрета, который поставил под сомнение благородство того народа и той власти, которые оказались способны сжечь Москву, подвергнув собственных жителей великой опасности¹²⁰¹. Разгоревшуюся дискуссию остановил Понсонби, который заявил, что бессмысленно обсуждать проблемы варварства или цивилизованности России, и что просто нужно признать факт достойного поведения русского народа¹²⁰².

Несмотря на скептическое отношение, проявившееся в британских политических кругах по отношению к военным успехам России, английская общественность встретила это сообщение в целом восторженно. Ливен писал Румянцеву: «22 ноября были получены письма от Каткарта. Впервые успехи союзной державы отмечались здесь столь торжественно, все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило представителей всех классов. Он узнал из дневных газет, что принц-регент направил послание парламенту»¹²⁰³. Ни русский посол, ни Каслри не сочли нужным информировать Петербург о ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте, создав у российского правительства впечатление, будто весь Лондон охвачен восторгом по поводу успехов русской армии.

15 декабря Каслри направил письмо Каткарту, в котором радостно сообщал, что результаты войны имели следствием существенный дипломатический успех, так как Австрия и Пруссия изменили свою позицию в отношении Франции.¹²⁰⁴ Министр отметил, что в своем недавнем письме граф Меттерних заявил, что «вне границ России не будет поддерживать Бонапарта». Однако Каслри выразил сомнение в том, что Австрия предъявит

---

¹²⁰⁰ Ibid. P. 89.

¹²⁰¹ Ibid. P. 94.

¹²⁰² Ibid. P. 110.

¹²⁰³ Документы внешней политики России. С. 626.

¹²⁰⁴ Каслри – Каткарту, 15 декабря 1812 г. // NA. FO 65/78.

ультиматум Бонапарту и начнет против него военные действия: «Необходимо готовиться к значительным трудностям в том, чтобы убедить Австрию, будто свобода Германии в данный момент полностью зависит от ее решения»¹²⁰⁵. В качестве главной причины этих трудностей Каслри отметил серьезные противоречия, существующие между Россией и Австрией.

Учитывая факт победы русского оружия и будучи заинтересованным в продолжении Россией войны против Наполеона, британское правительство стало демонстративно проявлять солидарность с русскими. 17 декабря Каслри сообщил Каткарту, что, учитывая все обстоятельства успехов русской армии, принц-регент направил послание парламенту с просьбой одобрить оказание России денежной помощи: «Патриотические усилия, которые были проявлены жителями России, их жертвы, их страдания от варварских разрушительных действий неприятеля, вызвали у британской нации чувства сострадания»¹²⁰⁶.

В тот же день состоялось обсуждение вопроса о финансовой поддержке России в парламенте. Принц-регент направил послание обеим палатам, в котором просил одобрить финансовую помощь России, аргументируя это тем, что народ этой страны понес значительные убытки от французской агрессии¹²⁰⁷. Однако, несмотря на просьбу принца-регента, общее настроение депутатов парламента было не на стороне России. Речь лорда Холланда продемонстрировала, что парламент не намерен одобрять подобные устремления кабинета. Хотя он выразил восхищение патриотизмом русского народа, однако задался вопросом: «Почему необходимо 200 тыс. фунтов отдавать России на войну, в которую она сама ввязалась, а не предоставить эти деньги Испании?»¹²⁰⁸.

Каслри, пытаясь убедить депутатов парламента, пояснил, что эта денежная помощь обеспечит участие России в дальнейшей борьбе против

---

¹²⁰⁵ Ibidem.

¹²⁰⁶ Каслри – Каткарту, 17 декабря 1812 г.// NA. FO 95/229.

¹²⁰⁷ The Parliamentary Debates. Vol. XXIV. P. 316.

¹²⁰⁸ Ibid. P. 331.

Наполеона¹²⁰⁹. После его выступления несколько депутатов выразили возмущение тем, что британское правительство собирается забрать эти деньги у собственного народа¹²¹⁰.

Британское правительство сделало все возможное, чтобы мнение парламента никоим образом не повлияло на развитие российско-английских отношений. Этим объясняется тот факт, что из Лондона в Санкт-Петербург направлялась информация исключительно о положительных отзывах британцев по поводу победы русских в войне с Наполеоном. Так, Ливен, к примеру, в письме к Румянцеву от 15 декабря отмечал «энтузиазм, который выражает английский народ по отношению к нашему народу и нашему августейшему монарху»¹²¹¹. 31 декабря в лондонской газете были опубликованы итоги русской кампании 1812 г., свидетельствующие о разгроме Наполеона. Пресса особо отмечала победу русской армии в сражении на Березине.

Таким образом, представления Лондона о русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий. В начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. При этом британскому кабинету приходилось действовать осторожно в связи со скептическим отношением к России со стороны парламента. Все это предопределило относительно пассивную позицию Британии по отношению к тому, что происходило на российском театре военных действий.

После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по

---

¹²⁰⁹ Ibid. P. 332.

¹²¹⁰ Ibid. P. 334.

¹²¹¹ Документы внешней политики России. С. 616.

отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Именно подобные представления, но не сообщения Каткарта и Вильсона о военных победах русской армии, стали основой для формирования «британского» образа русской кампании. Основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

5.2. Русская кампания: между памятью и историографией в Великобритании

Траектория развития исторической памяти британцев о русской кампании уже после 1812 г. неразрывно связана с теми представлениями, которые сложились в период войны. В этой связи, образ кампании в большей степени использовался для критики действий Наполеона, а не как повод для того, чтобы выразить восхищение победами русской армии.

В 1814 г. сюжеты русской кампании на страницах британской публицистики и художественной литературы использовались всего лишь как фон, подтверждающий тщеславие и деспотизм Наполеона. Так, «Таймс» опубликовала заметку из французских газет, свидетельствующую о том, что парижане с восторгом приняли известие о свержении императора: «Франция стонала из-за ужасной тирании, от которой она только что чудесным образом была избавлена. Вернулась та свобода, которой наша несчастная страна, раздираемая противоречиями в течение многих лет, может теперь наслаждаться под сенью отеческого правительства»¹²¹².

Подобные публикации являлись своеобразным подтверждением благородных действий союзников, а описание русской кампании преследовало целью донести до современников ощущение победы над

---

¹²¹² The Times. 1814. 27 April.

деспотизмом Наполеона. Так, сюжеты событий в России использовались для развенчания «военного гения» французского императора.

Одним из первых включился в процесс формирования памяти о кампании «придворный» поэт Р. Саути. В поэме «Триумфальная песнь» он, используя уничижительную лексику, высмеивает французскую армию и ее предводителя. Согласно концепции автора, именно «русская зима» погубила Наполеона:

Что же он сделал, великий Нап,
 Когда в русских снегах ослаб и озяб?
 Он решил, что дрожать и мерзнуть ему,
 Как простому солдату, совсем ни к чему,
 Подвергая риску в неравном бою
 Драгоценную шкуру свою.
 Пусть другие рискуют своей головой,
 Пусть гибнут они, был бы я живой!
 И бросив армию средь невзгод,
 Поскакал во всю прыть вперед.
 Морблё, парблё и парле ву!
 Кончен поход на Москву¹²¹³

Своеобразным дополнением к концепции Саути стали гравюры Д.А. Аткинсона, которые долгие годы были для англичан важным источником сведений о кампании. На одном из своих творений художник запечатлел Наполеона среди отступающих, просящих о помощи французских солдат¹²¹⁴.

Параллельно развивался и иной романтический дискурс, представители которого, признавая тщеславие Наполеона, в то же время выражали чувство сожаления о завершении этой героической эпохи. Процесс конструирования романтического образа императора нашел отражение в творчестве Дж. Г.

¹²¹³ Саути Р. Триумфальная песнь // Поэзия английского романтизма XIX века. М. : Художественная литература, 1975.

¹²¹⁴ The murmer of the French Grand Armee in their Retreat through Russia [estampe] // URL: gallica.bnf.fr/images&q=Berezina

Байрона. Поэт, идеализировавший в юности Наполеона, признавая его как героического лидера, выразил свое разочарование результатами военных действий.

После первого отречения Наполеона в 1814 г. Байрон написал оду «К Наполеону Бонапарту», в которой отметил, что создавшаяся политическая ситуация стала личной трагедией поэта:

Все кончено!

Вчера венчанный Владыка, страх царей земных,

Ты нынче – облик безымянный!

Так низко пасть – и быть в живых!¹²¹⁵

Обращаясь к Наполеону, он подверг его критике за тщеславие, которое уничтожило не только надежды императора, но и людей «его боготворивших»:

Ребенок бедный!

Жертва славы!

Скажи, где все твои забавы?

Байрон в строках этой оды выразил недоумение, как гений Наполеона мог быть покорен «лесными зверями», видимо, намекая на русских.

Сюжеты войны 1812 г. нашли отражение и в других произведениях поэта. Еще в 1812 г. он написал шуточную поэму «Вальс», впервые опубликованную в 1813 г., в которой встречается образ «не сожженной Москвы», отсылающий к известным событиям 1812 г.¹²¹⁶ Спустя несколько лет в 20-е гг. XIX в., после подавления революций в Италии и Испании, Байрон вновь вспомнил о наследии Наполеона в поэме «Бронзовый век», в которой московский пожар явился примером проявления варварства русских¹²¹⁷.

¹²¹⁵ Байрон Дж. Ода к Наполеону Бонапарту // URL: <https://rustih.ru/dzhordzh-bajron-oda-k-napoleonu-bonapartu/>

¹²¹⁶ Байрон Дж. Вальс // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=48453&p=1>

¹²¹⁷ Байрон Дж. Бронзовый век // URL: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_1823_bronzovy_vek_oldorfo.shtml

Следует отметить, что в большинстве первых произведений, созданных британцами по следам войны, поддерживался тезис о «варварстве» русских и о зиме как основных причинах поражения Наполеона, что способствовало усилению комичности и нелепости завершения столь героической эпохи¹²¹⁸.

Популярной в эти годы была юмористическая иллюстрированная поэма «Жизнь Наполеона», созданная в 1815 г. известным писателем и поэтом У. Комбом и карикатуристом Дж. Крушинаком¹²¹⁹. На протяжении всего произведения авторы называют Наполеона шуточным, принятым в британской традиции, именем «Бони». В описании русской кампании они вновь придерживаются позиции, что от «голода и холода» погибли французы¹²²⁰. Все сюжеты войны в поэме сводятся к бесконечным пожарам, устроенным по инициативе русских. Однако, все же, обратившись к описанию Бородинской битвы, авторы отметили, что «потери были равными», и «ни одна из сторон не одержала победы»¹²²¹.

Одна из первых работ, в которой сделана попытка осмыслить события русской кампании на основе исторических документов, принадлежит перу политического деятеля Дж. Макквина. Его книга стала своего рода взрывом восторга по поводу поражения Наполеона в России. В предисловии к книге Макквин написал следующие строки: «После неудачной погони за удовлетворением своих амбиций Франция и Наполеон никогда более не будут иметь шанса на победу. Нет, никогда!»¹²²².

Автор особо выделил ключевую роль Англии в исходе событий 1812 г.: «Мы будем долго наслаждаться сей победой, которая должна стать примером для всего мира»¹²²³. Если в художественных произведениях создается впечатление, что французы в период войны боролись только с пожаром, холодом и голодом, то в произведении Макквина появляется образ русской

¹²¹⁸ The Vision of Napoleon, a Poem. Edinburgh: George Goldie, 1813. 62 p. P. 18; Bonaparte's Journey to Moscow. L.: Stationer's Hall, 1814. 16 p.

¹²¹⁹ Combe W., Cruikshank G. Life of Napoleon. L.: T. Tegg, Wm. Allason and J. Dick, 1815. 260 p.

¹²²⁰ Ibid. P. 171.

¹²²¹ Ibid. P. 172.

¹²²² McQueen J. The Campaigns of 1812, 1813 and 1814. Glasgow: Edward Khull, 1815. 418 p.

¹²²³ Ibid. P. VI.

армии. Однако он подверг критике тактику отступления русских в начале кампании¹²²⁴. Так, в описании Смоленской битвы, автор отметил, что «противник насмеялся над русскими генералами, которые отступили и оставили выгодную позицию»¹²²⁵.

Тем не менее, обратившись к Бородинскому сражению, он, признав, что русские оставили поле битвы, все же посчитал это разумным действием в создавшихся обстоятельствах¹²²⁶. По мнению автора, пребывание в Москве оказалось «фатальным для Наполеона».

Отступление из России в интерпретации Макквина предстает как крушение Великой армии, произошедшего из-за амбиций французского императора: «Возмущение Наполеоном в армии возрастало. Они (солдаты – А.П.) указывали на него как на виновника своих страданий. Но разве в этой ситуации они могли предпринять что-либо? Холодный, бесчувственный деспот мог бы наказать их за неповиновение»¹²²⁷.

Обратившись к сражению на Березине, автор вышел на более глобальные проблемы истории Франции. Так, его заинтересовало влияние Французской революции и империи Наполеона на духовный мир французских солдат. Размышляя над этим вопросом, автор выразил свое удивление тому, как искусно Наполеон уничтожил дух французской революции в солдатах и склонил их к покорности: «Каждый из этих детей Парижа бросил вызов своему правителю в 1793 г. Почему же эти люди корчились в агонии на Березине, терпели страдания, которые простые смертные не смогли бы вынести? Могущество той власти, которой они в свое время так решительно бросили вызов, покорило их дух»¹²²⁸.

Макквин упорно убеждал читателя в том, что деспот Наполеон погубил всю мощь французской армии, и предел его власти и тщеславия должен был

---

¹²²⁴ Ibid. P. 46.

¹²²⁵ Ibid. P. 49.

¹²²⁶ Ibid. P. 52.

¹²²⁷ Ibid. P. 145.

¹²²⁸ Ibidem.

вскоре наступить. Одним из предвестников его падения, как считал автор, и явилась Березина, ставшая абсолютным поражением Наполеона.

Макквин подверг осуждению французов, поправших правила чести и присвоивших себе победу без каких-либо на то оснований: «29-й бюллетень бросил вызов всем чувствам: чести, справедливости и гуманизму. “Монитёр” провозгласил: “Детали этого похода не известны, но он добавил французской армии еще одну победу”»¹²²⁹.

Очевидно, что в первых британских произведениях русская кампания использовалась как иллюстрация тщеславия и деспотизма Наполеона. Однако не все в политических кругах разделяли подобное мнение. Как и когда-то в 1812 г., оппозиция продолжала использовать имя императора, критикуя действия британского правительства. Так, У. Коббет на одном из заседаний парламента в 1815 г. произнес фразу, ставшую пророческой для дальнейшего процесса формирования британской памяти: «Наполеон – человек, который даст имя эпохе, в которой он живет»¹²³⁰.

После смерти бывшего французского императора британцы вспомнили о словах Коббета, запустив процесс романтизации образа Наполеона. Безусловно, они, уже не считая его национальным врагом, оценили вклад императора в развитие Европы. Ко всему прочему, британцы уже преодолели этап гордости за победы над «деспотом и дьяволом» и, в отличие от Франции этого периода, в Англии отсутствовала цензура применительно к наполеоновской эпохе.

П.Б. Шелли, который, как и большинство поэтов-романтиков, в свое время прошел путь через восхищение до разочарования образом императора, отреагировал на смерть Наполеона поэтическими строками. Поэт, признавая всю противоречивость и жестокость личности бывшего императора, выразил свое опасение за будущее Европы, заявив, что со смертью Наполеона

---

¹²²⁹ Ibid. P. 148.

¹²³⁰ Political Register. 1815. 12 Aug.

«погибла душа Земли»¹²³¹. Б. Бартон, разделив подобное мнение, в своей поэме «Наполеон» признал его бесспорное величие: «Он, чудо нашей последней эпохи, Наполеон! Казалось, он смотрел на землю сверху, выступая как актёр на сцене...»¹²³².

По всей видимости, русская кампания как расплата за «тщеславие и деспотизм» Наполеона исчезла со страниц произведений. Это позволило более осмысленно взглянуть на, уже ставшими историческими, события. Важной вехой в формировании английского образа войны 1812 г. стал выход в свет труда великого писателя В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта». Идея этой книги зародилась еще в 1825 г. По всей видимости, Скотт рассчитывал воспользоваться растущей популярностью личности бывшего императора. В предисловии к «Рассказам крестоносцев» писатель, раскрыв читателям свои намерения обратиться к биографии Наполеона, сообщил, что опубликует «самую великолепную книгу, которую когда-либо видел мир»¹²³³.

Из дневника писателя нам известно, что в эти годы он переживал серьезные финансовые проблемы и возлагал надежды на их решение именно с помощью публикации данной книги: «Если биография Наполеона станет популярной, это полностью возместит мои потери и даст мне более прочную финансовую основу»¹²³⁴. Очевидно, что писатель, будучи честным перед собой, открыто заявлял о своих намерениях, не предполагая, что пытливые читатели и историки, когда-нибудь смогут заглянуть в его «тайную жизнь». Несмотря на материальную составляющую его труда, на страницах дневника мы видим, как он увлеченно работал над книгой, глубоко погружаясь в источники¹²³⁵.

¹²³¹ Шелли П. Б. Строки, написанные при известии о смерти Наполеона // URL:

[https://ru.wikisource.org/wiki/Строки,_написанные_при_известии_о_смерти_Наполеона_\(Шелли;_Бальмонт\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Строки,_написанные_при_известии_о_смерти_Наполеона_(Шелли;_Бальмонт))

¹²³² Barton B. Napoleon and Other Poems. L., 1822.

¹²³³ Scott W. The Betrothed // URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6490>

¹²³⁴ The Journal of Sir Walter Scott. N.Y.: Harper, 1891. Vol. I. 438 p. P. 167.

¹²³⁵ Ibid. P. 97.

Скотт был намерен создать историческое исследование, переписываясь с участниками событий и анализируя их мемуары. Однако в какие-то моменты он не смог удержаться от идеи художественной, романтической интерпретации событий. Так, по поводу письма ему от Д. Давыдова он написал в дневнике: «Этим утром я получил письмо от известного Дениса Давыдова, который руководил партизанами во время отступления из Москвы. Если бы я мог получить от него какие-нибудь анекдоты, я был бы счастлив»¹²³⁶.

В. Скотт, находившийся под влиянием романтизма, создал образ рыцарской войны. Умалая личность Наполеона, писатель в то же время показал беспримерную в своем героизме трагедию Великой армии. Писатель, видимо, находясь под влиянием предыдущих произведений, представил кампанию как столкновение цивилизованной Европы с варварским Севером: «Из древней истории мы знаем, что жители севера часто вторгались на более цивилизованную, теплую территорию. Но наше поколение увидело обратное: вторжение европейцев на бесплодные пустыни Скифии»¹²³⁷.

Писатель, признавая эффективность отступательных действий русской армии, все же называет ее «скифской тактикой», которая в итоге одержала победу над цивилизованными методами войны. Следует отметить, что Скотт, оценивая по достоинству уничтожение собственных ресурсов русскими, за несколько лет до Л.Н. Толстого создал концепцию войны 1812 г. как «патриотической»¹²³⁸.

Концепция Скотта расходится с предыдущей британской традицией и даже с французскими исследованиями того времени в интерпретации Бородинской битвы. Отметив мужество русской армии, он все же отдал победу французам¹²³⁹. Подробно описав события в Москве, он предложил

---

¹²³⁶ Ibid. P. 176.

¹²³⁷ Ibid. P. 114.

¹²³⁸ Ibid. P. 136.

¹²³⁹ Ibid. P. 148.

противоречивую трактовку причин пожара, назвав «его возвышенным, но ужасным патриотическим актом русских»¹²⁴⁰.

Обратившись к событиям отступления, автор последовательно описал, как угасал рыцарский дух Великой армии: «В целом, только незначительной части армии удалось сохранить имя и дисциплину»¹²⁴¹. В описании событий на Березине писатель не смог удержаться от восхищения французскими солдатами, которые вопреки всем препятствиям решились перейти реку и вступить в сражение: «Несмотря на действия русской армии, переход через Березину был осуществлен. Звезда Наполеона еще горела»¹²⁴². Итог битве писатель подвел весьма абстрактно: «Судьба императора была спасена благодаря успешным действиям Виктора и Удино»¹²⁴³.

Писатель заинтриговал читателей вопросом, каким же образом эта разрозненная солдатская масса вступила в сражение с врагом? Однако Скотт подробно не остановился на описании сражений и не дал ответа на им же самим поставленный вопрос. Итоги сражения автор подвел так: «Чаплиц был побежден французами, которые численно превосходили его, он не получил никакой помощи от адмирала»¹²⁴⁴. Описание сражения на левом берегу автор закончил фразой: «Виктор с остатками своей армии, которая намного уменьшилась, защищался мужественно»¹²⁴⁵.

Вторгшись в сферу исторической науки, В. Скотт значительно повлиял на представления британцев о войне 1812 г., заявив о французской победе на Бородино и «моральной стойкости» на Березине. В течение многих лет эта концепция будет актуальна для Англии, особенно в связи с нормализацией франко-британских отношений в преддверии Крымской войны.

Следующей важной вехой в формировании британской памяти стал выход книги Каткарта, который принимал непосредственное участие в

---

¹²⁴⁰ Ibid. P. 156.

¹²⁴¹ Scott W. Napoleon. P. 152.

¹²⁴² Ibid. P. 153.

¹²⁴³ Ibid. P. 154.

¹²⁴⁴ Ibidem.

¹²⁴⁵ Ibid. P. 156.

событиях наполеоновских войн¹²⁴⁶. Его представления о России в 1812 г. оказались в русле британской традиции: «Россию нельзя было включить в число достаточно продвинутых цивилизованных наций, но русские солдаты отличались дисциплиной и животным мужеством... Французы также были храбры и превосходны в военных сражениях»¹²⁴⁷. В отличие от своего предшественника Скотта, автор проявил большую осторожность в подведении итогов Бородинского сражения: «Никто не одержал решающую победу. Кутузов решил спасти свои силы и ресурсы»¹²⁴⁸.

Однако применительно к сражению на Березине он отдал победу французам: «Чичагов был побежден, или, скорее, был отражен; и для Наполеона не могло быть большего успеха, чем спокойное продвижение к Вильно, что он осуществил»¹²⁴⁹.

После Крымской войны британцы охладели к описанию событий русской кампании 1812 г. Только в 90-е гг. XIX в. появился обзорный труд М. Борроуса, посвященный внешней политике Великобритании¹²⁵⁰. Событиям в России он уделил всего лишь пару строк, рассмотрев их в контексте системы Континентальной блокады.

В эти годы инициатива в формировании памяти о Наполеоне и русской кампании перешла к писателям. Как когда-то французские деятели искусства, они оказались впечатлены картинами отчаянной борьбы солдат Великой армии за честь своей страны «в снегах России»¹²⁵¹. Изменение траектории формирования памяти о Наполеоне ярко отразил писатель А. Росбери во введении к своему роману: «Цель этой книги очевидна. История Наполеона всегда вызывает исторический и человеческий интерес. Однако в последние годы эта тема была объектом критики и спекуляций. Я хотел бы

---

¹²⁴⁶ Cathkart G. Op. cit.

¹²⁴⁷ Ibid. P. 24.

¹²⁴⁸ Ibid. P. 71.

¹²⁴⁹ Ibid. P. 107.

¹²⁵⁰ Burrows M. The history of the foreign policy of Great Britain. Edinburgh: Blackwood, 1895. 436 p.

¹²⁵¹ O'Connor T.P. Napoleon. L.: H. S. Nichols, 1896. 250 p.; Rosebery A. Ph. Napoleon: the last phase. L.: Kessinger Publishing, 1900. 288 p.; Hutchinson H.D. The story of 1812. L.: William Durell, 1897. 450 p.; Teegan T. H. With the Grand Army to Moscow. An historical Novel. L.: Cassell & Co, 1900. 345 p.; Whishaw F. J. Moscow. A Story of the French Invasion 1812. L.: Blackie & Son, 1905. 420 p.

отметить достоинства этой эпохи. Бесспорным достижением его правления можно уже считать тот факт, что он заставил французов забыть о революции»¹²⁵².

По всей видимости, писатели перед Первой мировой войной, используя сюжеты русской кампании, стремились донести до читателей ужасы подобного конфликта. Так, Дж. Хенти следующим образом объяснил причину своего обращения к данной теме: «В истории мало кампаний, которые привели бы к полнейшей неудачи и огромным человеческим жертвам. Одной из таких войн была война Наполеона против России. Это была кровавая жестокая битва, превосходящая своим ужасом что-либо в современной истории»¹²⁵³.

Не удержался от обращения к сюжетам русской кампании и великий писатель Артур Конан Дойль. Он, изучив мемуары французских солдат, создал роман, посвященный наполеоновским войнам¹²⁵⁴. Из всех сюжетов войны 1812 г. его привлекло именно отступление из России. Писатель от лица героя романа, французского солдата, отметил те факторы, которые позволили Великой армии избежать окончательного уничтожения: «Но почему эти беспомощные мужчины не были разбиты русскими? ...Причина заключалась в том, что снега России не могли охладить горячие сердца наших солдат. Они всегда были готовы вступить в бой с этими дикарями. Особенно один человек был выше всех бедствий. Именно он привел нас к победе. За него я поднимаю этот стакан — за Нея. Его треуголка была знаменем, которое сплотило Францию в те ужасные дни»¹²⁵⁵.

Популярной книгой в начале XX в., ставшей мировым бестселлером, был роман современника Конан Дойля писателя М. Пембертона. Заинтересовавшись русской кампанией Наполеона, он назвал отступление

---

¹²⁵² Rosebery A. Ph. Napoleon: the last phase. L.: Kessinger Publishing, 1900. 288 p. P. 3.

¹²⁵³ Henty G. A. Through Russian Snows. A Story of Napoleon's Retreat from Moscow. L.: Book Society & Bazaar, 1896. 172 p. P. 3.

¹²⁵⁴ Doyle A. C. Adventures of Gerard. Tales of the Napoleonic Soldier. L.: G. Newnes, 1904. 195 p.

¹²⁵⁵ Ibid. P. 285.

Великой армии «самой большой военной трагедией в истории»¹²⁵⁶. Повествование романа начинается с пребывания Великой армии в Москве, когда французские солдаты осознали, что в этом городе война еще не закончится: «Мы с уверенностью думали, что здесь больше не будет речи о войне. Русские усвоили урок в битве при Бородино. Все, что оставалось сделать русскому царю, – заключить мир с нашим императором»¹²⁵⁷.

Испытав все бедствия на непростом пути отступления, герои романа, французские солдаты, достигли Березины, где им пришлось вступить в сражение с русской армией. Писатель, проникнувшись чувством уважения к мужеству солдат, подвел следующий итог битве на Березине: «Следует признать, что никогда не совершалось более благородное действие, никакая цель не была достигнута столь героически такими усилиями за все годы правления императора»¹²⁵⁸.

Все вышеперечисленные романы, авторы которых с присущей им романтичностью увидели героизм, самопожертвование, «искусство умирать» за императора, приобрели известность и регулярно переиздавались в годы Первой мировой войны. Тем самым «британский миф» в начале XX в. сблизился с французской памятью о событиях русской кампании.

Мировые войны вытеснили из памяти британцев иные сюжеты прошлого. Только в 1960-е гг. они вновь вспомнили о русской кампании 1812 г. под воздействием событий «холодной войны»¹²⁵⁹. Важной вехой в формировании современной британской историографии наполеоновской эпохи стал выход в 1966 г. книги «Кампании Наполеона» выдающегося историка Д. Чандлера¹²⁶⁰. Описывая первый период войны 1812 г., автор проявил явную осторожность в подведении итогов. Однако, обращаясь к отступлению Великой армии, он не мог не восхититься мужеством

¹²⁵⁶ Pemberton M. The great white Army. L.: S. W. Partridge, 1915. 220 p. P. 3.

¹²⁵⁷ Ibidem.

¹²⁵⁸ Ibid. P. 126.

¹²⁵⁹ Delderfield R.F. The retreat from Moskow. L.: Hodder & Stoughton, 1967. 256 p.; Palmer A. Napoleon in Russia. L.: Carroll & Graf, 1967. 320 p.

¹²⁶⁰ Chandler D.G. The campaigns of Napoleon. L.: Scribner, 1995. 506 p.

французских солдат, отдав «военно-стратегическую победу» на Березине Наполеону¹²⁶¹.

После исследования Чандлера в 1967 г. выходят книги историка А. Палмера и писателя Р. Делдерфильда. Работа Палмера была основана на широком круге франкоязычных источников. Автор, пытаясь проникнуть во внутренний мир французских солдат, все же не привнес в науку что-либо новое в прочтение результатов кампании. Его выводы свелись к уже устоявшейся концепции, заключающейся в том, что пожар Москвы и «русская зима» погубили Великую армию. Подобный же взгляд на русскую кампанию разделил и Делдерфильд, обратившись к полным ужаса сценам отступления французов.

Заметный след в британской историографии оставили исследования, вышедшие в 1970-е гг., авторы которых стремились соединить разные аспекты войны (материальные ресурсы, военные потери, впечатления французских солдат), предложив благодаря этому иные варианты интерпретации событий, основанные на фактах¹²⁶².

Исторические исследования, вышедшие в этот период, привлекли внимание к биографии Наполеона известного британского писателя Э. Берджесса, опубликовавшего роман «Наполеоновская симфония», название которого отсылало к «Героической симфонии» Бетховена¹²⁶³. Роман представлял собой постмодернистский эксперимент, явно исключающий однозначность интерпретации образа императора. События наполеоновских войн автор представил фрагментарно. Из всех сюжетов войны 1812 г. он обратился только к пожару Москвы, пытаясь описать ощущения и мысли Наполеона в те дни.

Заметным этапом, предопределившим историко-антропологический поворот в европейских исследованиях, стал выход книги писателя П.Б.

¹²⁶¹ Ibid. P. 844.

¹²⁶² Holmes E. R. Borodino. 1812. L.: C. Knight, 1971. 69 p.; Duffy Ch. Borodino and the War of 1812. L.: Scribner's Sons, 1972. 208 p.; Pivka O., von. Armies of 1812; Idem. Armies of the Napoleonic Era. Newton Abbey, 1979.

¹²⁶³ Burgess A. Napoleon Symphony. London: Jonathan Cape, 1974. 263 p.

Остина¹²⁶⁴. Автор использовал внушительное количество французских мемуаров, на основе которых довольно критически подошел к действиям Наполеона, сделав вывод, что полководец не достиг желаемых стратегических результатов в Бородинском сражении, а затем и в Москве. Обращаясь к периоду отступления, он описал «моральное разложение» Великой армии, развеяв «героический миф», господствовавший до этого момента в британской историографии.

В начале XXI в. в науке продолжают сосуществовать разные направления исторических исследований. Вместе с тем, активно развивается и традиционная военная история¹²⁶⁵. В этом плане следует особо отметить исследование А. Замойского, которое пользуется популярностью среди англочитающей публики¹²⁶⁶.

В отличие от предыдущих работ, автор внес новое осмысление событий отступления из России, в частности, сражения на Березине. Он подробно остановился на планах воюющих сторон перед битвой. Так, по его мнению, цель адмирала П.В. Чичагова заключалась в объединении с Кутузовым: «Чичагов маневрировал, чтобы соединиться с Кутузовым. В итоге же он получил от Кутузова слабую поддержку. Витгенштейн планировал пересечь Березину севернее и соединиться с ним»¹²⁶⁷.

Автор пришел к выводу, что адмирал не планировал дать французам сражение на Березине. Все его действия Замойский определил как неосознанные: «Адмирал, который уважал Наполеона, очевидно, не осознавал, что идет на столкновение с ним»¹²⁶⁸. Тем самым, на страницах исследования на фоне безрассудности русского командования фигура Наполеона приобретает значимость. Император представлен человеком, который в критические минуты никогда не отчаивался.

---

¹²⁶⁴ Austin P. B. The March on Moscow. L.: Greenhill Books, 1993. 364 p.

¹²⁶⁵ Britt A.S. The wars of Napoleon. Griess: Square One Publishers, 2003. 184 p.; Burton R.G. Napoleon's invasion of Russia. L.: G. Allen & company, 2007. 347 p.; Connelly O. Blundering to glory Napoleon's military campaigns. L.: Wilmington, 2006. 250 p.

¹²⁶⁶ Zamoyski A. 1812. Napoleon's Fatal March on Moscow. L.: Harper Perennial, 2004. 644 p.

¹²⁶⁷ Ibid. P. 458.

¹²⁶⁸ Ibid. P. 459.

Предчувствуя опасность, ждавшую его на Березине, Наполеон начал безудержно искать варианты выхода из создавшейся ситуации: «Он моментально загорелся планом собрать свои силы, двинуться на север, нанести удар Витгенштейну, затем следовать к Вильно, обойдя Березину. Но ему сообщили, что территория не благоприятствует проведению операции. Он решил перейти Березину в Борисове, разделив силы Чичагова»¹²⁶⁹.

Осознав, что переход к Вильно безнадежен, Наполеон решил пробиться к Минску: «Удино моментально информировал Бертье о лучшем месте для переправы. Но Наполеон настаивал на переходе в Борисове. Одержав победу над Чичаговым, он хотел пройти к Минску, где надеялся соединиться со Шварценбергом. 25 ноября он в очередной раз повторил указание Удино начать переход той же ночью»¹²⁷⁰.

Автор не упоминает причин, которые вынудили Наполеона отказаться от движения на Минск и направиться в Вильно через Студянку. Так, подводя итоги сражению, историк отдал победу французам: «Сражение закончилось в 11 часов вечера, когда русские отступили, будучи не в состоянии более держать оборону. Это была великолепная и одновременно горькая победа французов!»¹²⁷¹

Интересный поворот в осмыслении событий войны 1812 г. связан с исследованием историка Л. Спринга, название которого «Патриотическая война» уже наводило на определенные размышления. Автор, проанализировав русские документы, развеял концепцию «скифской тактики» в начале кампании и «русской зимы» как основной причины поражения французов. Автор довольно критически подошел к анализу действий Наполеона при Бородино и в Москве. Однако он, отметив мужество французских солдат в период отступления, пришел к выводу, что «Великой армии все-таки удалось перейти Березину»¹²⁷².

---

¹²⁶⁹ Ibid. P. 460.

¹²⁷⁰ Ibid. P. 461.

¹²⁷¹ Ibid. P. 473.

¹²⁷² Spring L. 1812: Russia's Patriotic war. L.: The History press, 2009. 288 p.

Так, в современных англоязычных исследованиях кампании 1812 г. основное внимание уделяется анализу ошибок Наполеона, а также описанию ужасов и примеров героического поведения в рядах солдат наполеоновской армии в ходе ее отступления из Москвы. В этом плане значительно выделяется в британской традиции исследование историка Д. Ливена, которое пользуется популярностью не только в англоязычной, но и в русскоязычной среде¹²⁷³.

Во введении к русскому переводу своей книги историк выразил благодарность за возможность представить научные результаты российским читателям: «Но я и правда испытываю некоторую радость от того, что историк русского происхождения, каковым я являюсь, имеет возможность опубликовать свой труд на русском языке и внести скромный вклад в удовлетворение интереса русских людей к прошлому своей страны»¹²⁷⁴.

Особо следует отметить, что Ливен вписал историю войны в более широкий международный контекст, отметив тем самым, что русская кампания не привела к окончательному уничтожению Первой империи. По его мнению, главную роль в этом процессе сыграли последующие события. Ко всему прочему, Ливен выступил против традиции, которая связывает причины неудач французов только с русским климатом и пожаром Москвы, снимая тем самым ответственность с Наполеона за провал кампании¹²⁷⁵.

Еще одним важным достоинством исследования является обращение автора не только к анализу военной стратегии, но также к политической и социальной структуре российского общества. Подобный научный синтез создает более глубокую картину войны как столкновения двух разных культурных сообществ.

Историк, обращаясь к противоречивой трактовке событий первого этапа войны в разных источниках, отметил, что «французские мемуаристы

---

¹²⁷³ Lieven D. *Russia against Napoleon. The True Story of the Campaigns of War and Peace*. L.: Allen Lane, 2010. 605 p. (русское изд.: Ливен Д. *Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814*. М., 2012).

¹²⁷⁴ Ливен. Указ. соч. С. 5.

¹²⁷⁵ Там же. С. 82.

были проникнуты чувством превосходства собственной культуры»¹²⁷⁶. Применительно к событиям отступления историк смог выйти за пределы «европейского мифа», отметив, что основная цель французского императора, которую он преследовал на этом этапе, заключалась в спасении своей армии: «Переход через Березину был бедствием для Наполеона. Ему удалось спастись только благодаря смелости его солдат»¹²⁷⁷.

Несмотря на появление подобных работ, все же британцам, подобно французам, свойственно восхищение мужеством солдат Великой армии в период отступления из России. Это нашло отражение и в документальном кино, которое в упрощенном варианте транслирует для широкой публики результаты научных исследований. В 2001 г. вышел документальный фильм, посвященный отступлению Великой армии, под названием «Наполеон: зима в России», в котором было представлено прямо таки героическое шествие Великой армии по заснеженной русской пустыне. Комментарии к сюжетам фильма ведущих английских историков создавали представление о Березине как о великолепной военно-стратегической победе Наполеона.

В июле 2012 г. на конференции «Отечественная война 1812 г. в контексте мировой истории» ведущий английский историк А. Форрест, обратившись к теме отступления французов, не смог скрыть своего восхищения мужеством солдат и талантом Наполеона. Очевидно, что сегодня британская наука оказалась под влиянием «наполеоновской легенды».

Восхищение Наполеоном наблюдается и в художественной литературе жанра альтернативной истории¹²⁷⁸. В основном, писатели обращаются к наиболее памятного для британцев сражению при Ватерлоо. Однако Ж. Норт, предложив вариант решающей победы Наполеона при Бородино,

---

¹²⁷⁶ Там же. С. 138.

¹²⁷⁷ Lieven D. Op. cit. P. 346.

¹²⁷⁸ Marthinsen S. Napoleon's Waterloo Campaign: An Alternate History L.: Xlibris, 2003. 444 p.; Scott L. Napoleon's Wolf. L.: Third Millennium, 2008. 466 p.; McCrae C. A Set of Lies. L.: Troubador, 2015. 180 p.; Tsouras P. Napoleon Victorious: An Alternative History of the Battle of Waterloo. L.: Greenhill books, 2018. 288 p.

описал сюжет дальнейшего формирования прочной европейской империи под эгидой Франции¹²⁷⁹.

Таким образом, в течение двух столетий траектория формирования британской памяти о русской кампании была тесно связана с сконструированным политической конъюнктурой образом Наполеона. Так, начиная с падения Первой империи, война 1812 г. для публицистов и писателей стала служить своеобразным фоном, умаляющим военно-стратегический талант Наполеона. Однако, как показала история, эти представления носили временный эффект. После смерти бывшего французского императора британцы перешли от отрицания к восхищению его личностью и деяниями.

Одну из главных ролей в формировании британской традиции сыграл В. Скотт, признав французскую победу при Бородино и «моральную стойкость» на Березине. Последующие писатели, поддержав эту концепцию, на страницах своих романов создали картину героической эпопеи Великой армии в России, сформировав своеобразную «ловушку памяти» для историков. Так, «британский миф» в начале XX в. сблизился с французской памятью о событиях русской кампании.

В XX в. инициатива в формировании образа войны перешла к историкам, что открыло новые возможности для более объективного анализа тех событий. Исследователи, обладая беспристрастностью, подвергли сомнению результаты войны и причины поражения французов. Вместе с тем, героизация отступления Великой армии все же присуща большинству работ; лишь немногие историки смогли выйти за пределы созданного «европейского мифа».

Подведем итоги. Возвращаясь к выставке карикатур в Британском музее в 2015 г., мы полагаем, что она явилась своеобразным завершением

---

¹²⁷⁹ North J. The Napoleon Options: Alternate Decisions of the Napoleonic Wars. L.: Casemate Publishers, 2000. 304 p.

цикла трансформации памяти о русской кампании, обозначив характерные стереотипы, свойственные «британскому мифу». Вполне очевидно, что изначально англичане скептически, даже в какие-то моменты с долей критики, относились к действиям русской армии в 1812 г., объясняя успехи России «инстинктивным патриотизмом» и варварством. Эти характерные черты нашли отражение в британской прессе, карикатурах и последующих художественных произведениях.

Сцены побежденного «Русским Морозом» Наполеона соответствовали политическим и общественным настроениям британцев в начале XIX в. Однако в связи со смертью бывшего императора и дальнейшим процессом франко-британского внешнеполитического сближения образ Наполеона «перезформатировался» в героя, а представления о России и о причинах поражения Великой армии остались в «ловушке» изначальных представлений.

Заключение

Процесс формирования и конденсации европейской памяти о 1812 годе был предопределен, прежде всего, опытом непосредственных участников русской кампании. Во время войны солдаты под воздействием официальной пропаганды создали на страницах писем и дневников такой героический нарратив, который стал своеобразной поддержкой в катастрофически безысходной ситуации, возникшей для Великой армии сначала в Москве, а потом в период отступления.

Однако если во время войны все понесенные жертвы казались оправданными, а «коллективная иллюзия» одержанных побед объединяла солдат перед лицом опасности, то годы спустя большинство участников представили на страницах мемуаров, главным образом, трагический образ русского похода. В сущности, именно участники кампании и создали противоречивую картину событий 1812 года, обозначив на будущее ту многовекторную траекторию развития памяти, которая на протяжении двух столетий балансирует между «коллективной героической иллюзией» и критикой Наполеона в европейской мемориальной традиции. Единственным сюжетом, объединяющим версии, созданные участниками похода, стал образ отступления Великой армии как «моральной победы».

Изучение русской кампании через призму исторической памяти показало, что сфера французской мемуаристики и политическое пространство, воздействуя друг на друга, создавали востребованные тем или иным временем представления о войне. В сущности, именно противоречивость хода и результатов русской кампании способствовали актуализации памяти о ней при всех существовавших в течение двух столетий режимах. Образы войны 1812 г. оказались вне исторической политики; они скорее находились в центре политики памяти, акторами которой были общественные, но не государственные структуры, что во

многим и обеспечило естественный процесс трансформации представлений о кампании в сознании французской нации.

В годы Июльской монархии инициатива в формировании памяти оказалась в руках деятелей искусства, которые объединили противоречивые элементы восприятия русской кампании в единый образ «героической трагедии». Исследование показало, что все попытки историков подвергнуть сомнению концепцию войны, созданную в рамках «наполеоновской легенды» и подкрепленную художественными произведениями, не оказали существенного влияния на французское общество XIX в.

Другим примером преемственности мемориальной традиции стало использование оппозицией правящим режимам образа русской кампании как катастрофы, обусловленной ошибками Наполеона. Это делалось с целью предупреждения возможных последствий авторитарных имперских методов правления. В свою очередь, героический элемент этих событий на протяжении двух столетий оказался неразрывно связан с деятелями искусства, которых продолжала привлекать «героика поражений» при отступлении армии из России. Это заметно способствовало сохранению восприятия похода как некоего мифологического и даже сакрального события в сознании французов.

Важным этапом конденсации образов русской кампании как военно-стратегической и «моральной» победы французской нации стал XX в. В этот период усилия всех акторов памяти объединились с целью консолидации общества вокруг героического прошлого ради «преодоления травмы» Второй мировой войны.

Тем не менее, на современном этапе образ кампании вновь раскололся под воздействием процесса «переформатирования» памяти. Во многом, это оказалось обусловлено стремлением исторической науки к преодолению «устоявшихся мифов», интересом со стороны общественной оппозиции к использованию образа отступления с целью критики действий властных структур. Удивительно, что если в XIX в. «Березина» была символом неудач

политики имперскости, то в ХХI в. она перевоплотилась в метафору катастрофических последствий политики мультикультурализма и европейской интеграции.

Однако 200-летний юбилей способствовал проявлению сложных, комбинированных вариантов исторической памяти, сохраняющих устойчивость на протяжении длительного исторического времени. Одним из них стал феномен переплетения «памяти-славы» с «памятью-поражением» применительно к русской кампании.

Исследование показало, что развитие исторической памяти о русской кампании во Франции стало своего рода естественным процессом преодоления обществом «травматического прошлого» и является неким «идеальным образцом» формирования национальной идентичности.

В этом отношении следует отметить, что образ русской кампании по сравнению с другими событиями наполеоновской эпохи редко становился объектом использования со стороны государства. Мы не наблюдали этого даже в те периоды, когда происходило возрождение «наполеоновской легенды». Отсутствие целенаправленных методов исторической политики обеспечило достаточно естественное развитие траектории исторической памяти французов о русской кампании, на которое воздействовали разные акторы, сохраняя эмоции и впечатления, пережитые еще участниками войны.

Швейцарская версия также продемонстрировала естественный процесс конденсации памяти под воздействием следующих факторов: мемуарной традиции, политической и научной изолированности этой страны, предопределившей устойчивость «героического мифа». Несмотря на то, что швейцарские солдаты отстаивали честь чужой для них страны, война по прошествии времени стала частью их независимой истории, а образ Наполеона оставался источником вдохновения.

Исследование показало, что противостояние разных акторов памяти на протяжении двух столетий применительно к образу войны было характерно только для французского нарратива, что было вызвано неоднозначностью

результатов кампании для Великой армии, предопределив формирование многовекторной памяти. Иные национальные традиции развивались в границах единого нарратива. Так, немцы и итальянцы со временем, утратив эмоциональную связь с историей тех событий, представляли войну 1812 г. исключительно как трагедию. В свою очередь, для поляков и швейцарцев образ Наполеона на протяжении двух столетий был важным элементом процесса формирования национальной идентичности, что предопределило конструирование единого героического нарратива.

Исследование показало, что факторы исторической политики в определенные временные периоды были ярко выражены в немецком и британском нарративе. Так, британская традиция трансформировалась под воздействием тесных внешнеполитических контактов с Францией, продемонстрировав уникальный вариант коммеморативных практик. Изначально зародившаяся как оппозиционный нарратив Наполеону, британская версия в итоге под влиянием французской традиции пришла к восхищению действиями Великой армии в России. Немецкий вариант исторической политики применительно к русской кампании возрождался перед мировыми войнами для осмысления допущенных военно-стратегических ошибок Великой армии в 1812 г.

Исследование показало, что представления участников формируют основу для последующих интерпретаций событий. Очевидно, что героический нарратив в течение почти двух столетий характерен для польской, швейцарской и французской версии, так как изначально солдаты именно этих наций в эпистолярном наследии зафиксировали победы Великой армии в сражениях войны 1812 г. Однако героическая традиция этих наций, в основном, конструировалась вокруг образа отступления, в отличие от символа русской памяти – Бородинского сражения.

Первоначальные представления немецких и итальянских участников войны были связаны с воспоминаниями о трагедии и бессмысленности русской кампании. В итоге, именно эти образы стали основой их

национальных нарративов. Истоки британской версии 1812 г. изначально оказались связаны со стремлением умалить военно-стратегические успехи как французов, так и русских. Очевидно, что образы «русской зимы», проявления варварства русских соответствовали политическим настроениям британцев в начале XIX в. После «перезаформатирования» образа Наполеона из неприятеля в героя британцы признали военно-стратегические успехи Великой армии в войне 1812 г., а представления о России и о причинах поражения французов остались в «ловушке» изначальных стереотипов. Тем самым, тезис о русской кампании как столкновении варварства и цивилизации был более характерен для британской традиции, чем для иных европейских мемориальных практик.

Исследование показало, что сохранение эмоциональной составляющей, регулярное воспроизведение национальной традиции способствует формированию коммуникативной, «ритуальной» памяти о прошлом. Именно подобные коммеморативные практики продемонстрировали французская, швейцарская и польская версия событий. В свою очередь, немецкая и итальянская траектории памяти, утратив связь с национальной традицией, «перезаформатировались» в историографические версии прошлого.

Очевидно, что устойчивость национальных моделей прошлого определяется естественным процессом трансформации в пространстве исторической памяти и регулярным воспроизведением мемориальных практик. Как правило, эти тенденции связаны с образом героического прошлого или трагедии, которая на протяжении многих лет становилась объектом дискуссий и процесса «преодоления прошлого».

Использование концепции исторической памяти применительно к русской кампании открывает новые горизонты методологического осмысления в гуманитарных науках. Исследование показало, что образы прошлого в разных национальных традициях подчинялись своим собственным, особенным, механизмам трансформации, что, по нашему

убеждению, исключает возможность использования какого-либо универсального методологического инструментария.

Так, исследование двухсотлетней трансформации памяти о войне 1812 г. показало невозможность безусловного принятия идеи Нора о противопоставлении истории и памяти, поскольку применительно к французской, польской и швейцарской традициям именно воспоминания участников событий и определили последующую траекторию коммеморативных процессов. Вместе с тем мы убедились и в том, что для немцев, итальянцев и британцев русская кампания в результате переформатирования мемориальных практик превратилась в такое «место памяти», которое утратило связь с интерпретациями очевидцев событий.

Очевидно, что тезис Козеллека и Ассман применительно к тому, что методы исторической политики уничтожают память общества, не работает в случаях со швейцарским, польским и британским вариантами коммемораций. Эти национальные традиции продемонстрировали успешный вариант диалога государственной политики и общества, что и обеспечило устойчивость образа русской кампании в исторической памяти наций. Напротив, немецкая и итальянская традиции подтвердили тезис о том, что историческая политика, не подкреплённая соответствующими ожиданиями общества, уничтожает общую память.

На основе проведенного сравнительного анализа образа войны в европейских мемориальных практиках представляется возможным согласиться с идеями Кардини и Шивельбуша о том, что образ трагедии существует в коллективной памяти намного дольше, чем победа, которая переходит в «символические церемонии» и подвергается забвению. Так, из всех событий русской кампании именно трагедия отступления оказалась наиболее памятной для наций-участников, а механизмом компенсации поражения стал образ моральной победы.

Исследование подтвердило существование таких черт идеальной модели трансформации памяти, которые выявила А. Ассман. Они сводятся к двум

моментам – к естественному процессу формирования образа прошлого и к отсутствию четкого противостояния истории и памяти. В соответствии с этой концепцией мы выделили три идеальных варианта коммеморативных практик, которые соотносятся с французской, швейцарской и польской традициями.

Французская модель русской кампании, изначально развиваясь как многовекторная, естественным образом конденсировалась после Второй мировой войны в базовое представление о военно-стратегической и моральной победе Наполеона. Процесс трансформации памяти о войне 1812 г. подтвердил, что основными факторами устойчивости образа прошлого для французов является деятельность таких акторов, как историческая наука, деятели искусства и политическая оппозиция, но не государственные структуры. При этом устойчивые коммеморативные практики применительно к образу войны 1812 г. помогли французам преодолеть и очередную трагедию – Вторую мировую войну.

Совершенно иные факторы обеспечили устойчивость польского и швейцарского вариантов образа войны 1812 г. Если французская традиция на протяжении многих лет развивалась в ключе противоречивого нарратива осмысления событий войны, то польская и швейцарская изначально сформировались на основе героического образа. Польская траектория памяти на протяжении всего XIX и первой половины XX в. развертывалась в рамках такого общественного дискурса, который был оппозиционен России. В конце XX в. подобный вариант польского нарратива, который временно в эпоху социалистической Польши отошел на второй план, вновь усилился, на этот раз в виде сопричастности нации с общеевропейской идеей. В данном случае внешнеполитический фактор, соединенный с диалогической моделью исторической политики и общества, оказались определяющими в развитии национальной традиции. Подобные механизмы, связанные с героизацией образа Наполеона в рамках национальной консолидации, оказались характерными и для швейцарского варианта.

В целом, уникальность моделей и факторов развития исторической памяти о русской кампании 1812 г. в очередной раз подтверждает вывод А. Ассман о невозможности достижения какой-либо универсальной методологии. Очевидно, что конкретный исторический материал (но не умозрительные, оторванные от исторической почвы умозаключения) и должен с неизбежностью определять методологические подходы, подобно тому, как много лет назад «Бувинское воскресенье» Ж. Дюби запустило процесс формирования концепции исторической памяти.

Рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы.

В перспективе предложенное нами исследование может стать основой не только для изучения образов других наполеоновских войн в мемориальных практиках стран-участников, но в плане дальнейшей апробации методов военно-исторической антропологии и постижения механизмов трансформации индивидуальной памяти участников войны в государственный и социальный нарратив, а также при анализе проблем соотношения исторической памяти и исторической политики в процессе конструирования образов прошлого.

Список источников и литературы

I. Источники

1. Официальная и личная переписка

А) Неопубликованные источники

1. Национальный архив Франции (AN) IV. cart. 1644, 1645, 1646.
2. Российский архив древних актов (РГАДА). Ф. 30. Оп. 1.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942.
4. Service historiques de la Defence (SHD) 2 C 128, 290, 131, 132, 133, 134; 1 K 196, 1 K 11, GR 1. K 111, 1 M 673; 1 M 1489. 1M. 2138

Б) Опубликованные источники

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильна : тип. А. К. Киркора, 1912. – Т. 37. – 411 с. – Текст : непосредственный.
2. Беларусь и война 1812 года : документы / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич. – Минск : Беларусь, 2011. – 558 с. – Текст : непосредственный.
3. Beauharnais, E. de. Mémoires et correspondance politique du Prince Eugène / E. de Beauharnais. – Paris : Michel Lévy frères, 1860. – 502 p. – Текст : непосредственный.

4. Boudon, J. O. Lettres de la campagne de Russie / J. O. Boudon. – Paris : Pierrede Taillac, 2012. – 352 p. – Текст : непосредственный.
5. Breaut, J. 1812. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie / J. Breaut. – Paris : Poitiers, 1885. – 70 p. – Текст : непосредственный.
6. Chuquet, A. Lettres 1812 / A. Chuquet. – Paris : Fontemoing, 1911. – 405 p. – Текст : непосредственный.
7. Chuquet, A. 1812, la guerre de Russie / A. Chuquet. – Paris : Fontemoing, 1912. – V. 1-3. – 370 p. – Текст : непосредственный.
8. Davout, L.-N. Correspondance du maréchal Davout / L.-N. Davout. – Paris : Plon, 1885. – V. 3. – 305 p. – Текст : непосредственный.
9. Fabry, G. La campagne de Russie : documents relatifs a l'aile droit / G. Fabry. – Paris : Librairie militaire R. Chapelot, 1912. – 271 p. – Текст : непосредственный.
10. Fabry, G. La campagne de Russie : documents relatifs a l'aile gauche / G. Fabry. – Paris : Librairie militaire R. Chapelot, 1912. – 255 p. – Текст : непосредственный.
11. Fabry, G. La campagne de Russie : mémoires relatifs a l'aile droit / G. Fabry. – Paris : Librairie militaire R. Chapelot, 1912. – 109 p. – Текст : непосредственный.
12. Lettres interceptées par les Russes Durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. – Paris : La Sabretache, 1913. – 440 p. – Текст : непосредственный.
13. Mikaberidze, A. D'aupias, Mémoire historique de la campagne de 1812 (1813) / A. Mikaberidze, R. Ouvrard, P. Hicks. – Текст : непосредственный // *Napoleonica. La Revue.* – 2009. – № 6 (3), – pp. 2-42.
14. Napoléon Bonapart. Correspondance de Napoléon 1-er / Napoléon Bonapart. – Paris : H. Plon, J. Dumaine, 1868. – V. 23. – 369 p. – Текст : непосредственный.

15. Napoléon Bonapart Correspondance générale / Napoléon Bonapart. – Paris : Fayard, 2012. – V. 12. – 128 p. – Текст : непосредственный.
16. Partonneaux, L. Lettre du lieutenant-général Cte Partouneaux sur le compte rendu de l'affaire du 27 au 28 novembre 1812 / L. Partonneaux. – Paris : Impr. de Vve Agasse, 1817. – 12 p. – Текст : непосредственный.
17. Peyrusse, M. 1809-1815 : mémorial et archives de M. le baron Peyrusse / M. Peyrusse. – Paris : P. Labau et Lajoux, 1869. – 544 p. – Текст : непосредственный.
18. Puibusque, L. V. Lettres sur la guerre de Russie en 1812 / L. V. Puibusque. – Paris : Anselin et Pochard, 1816. – 264 p. – Текст : непосредственный.
19. Stendhal. Correspondance / Stendhal. – Paris : Le Divan, 1937. – V. 4. – 414 p. – Текст : непосредственный.
20. Stendhal. Journal / Stendhal. – Paris : Le Divan, 1937. – V. 5. – 369 p. – Текст : непосредственный.
21. Surugues, A. Lettres sur l'incendie de Moscou / A. Surugues. – Paris : Plancher, 1823. 56 p. – Текст : непосредственный.

2. Дневники имемуары

А) Дневники

1. Ложье, Ч. Б. Дневник офицера Великой армии / Ч. Б. Ложье – Москва : Правда-Пресс, 2005. – 280 с.. – Текст : непосредственный.
2. Попов, А. И. Дневник и письма голландского капитана К. А. Гайзвайт ван дер Неттена о плене в России / А. И. Попов, С. Н. Хомченко. – Текст : непосредственный // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография : сб. материалов / сост. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. – Москва : Кучково поле, 2016. – Вып. 15. – С. 333-345.

3. Фоссен, В.-А. К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена / В.-А. Фоссен. – Текст : непосредственный // Русский архив. – 1903. – № 11. – С. 467-479.
4. Фосслер, Г. фон. На войне под наполеоновским орлом : дневник и мемуары вюртемберг. обер-лейтенанта Г. фон Фосслера / Г. фон Фосслер ; пер. с нем. Ю. В. Корякова. – Москва : Новое лит. обозрение, 2017. – 466 с. – Текст : непосредственный.
5. Lünsmann, F. Die Armee des Konigsreichs Westfalen / F. Lünsmann. – Berlin : C. Leddihn, 1935. – 201 s. – Текст : непосредственный.
6. Bonnet, G. Journal du capitaine / G. Bonnet. – Текст : непосредственный // Carnet de la Sabretache: evue d'histoire militaire rétrospective. – Paris : Leroy, 1912. – pp. 641-672.
7. Castellane, E. V. Journal / E. V. Castellane. – Paris : Charles Carrington, 1895. – V. 1. – 358 p. – Текст : непосредственный.
8. Cornereau, A. Relation de la campagne de Russie (1812-1813) / A. Cornereau. – Paris : Librairie Historique F. Teissèdre, 2003. – 37 p. – Текст : непосредственный.
9. Fantin des Odoards, L. F. Journal du général Fantin des Odoards: Étapes d'un officier de la Grande Armée / L. F. Fantin des Odoards. – Paris : H. Le Soudier, 1895. – 230 p. – Текст : непосредственный.
10. Fezensac, M. Journal de la campagne de Russie en 1812 / M. Fezensac. – Paris : L'Académie française. 1850. – 560 p. – Текст : непосредственный.
11. François, C. Journal du capitaine François / C. François. – Paris : Société d'éditions littéraire et artistiques, 1904. – V. 2. – 280 p. – Текст : непосредственный.
12. Gardier, L. Journal de la campagne de Russie en 1812 / L. Gardier. – Paris : Librairie Historique F. Teissèdre, 1999. – 108 p. – Текст : непосредственный.
13. Lecoq, G. Journal d'un grenadier de la Garde / G. Lecoq. – Paris : La Revue de Paris. 1911. – 48 p. – Текст : непосредственный.

14. Pils, F. Journal de marche du grenadier Pils / F. Pils. – Paris : Ollendorf, 1895. – 419 p. – Текст : непосредственный.

В) мемуары

1. Брандт, Г. Записки о походе Наполеона в Россию в 1812 г. / Г. Брандт. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1870. – №№ 1-2, №№ 4-6.
2. Записки генерала К.-И. Е. Колачковского о войне 1812 года. – Текст : непосредственный // Варшавский военный журнал. – 1899. – № 2. – С. 206-252.
3. Извлечение из записок гессен-дармштадского капитана Франца Редера о походе Наполеона в Россию в 1812. – Текст : непосредственный // Сын Отечества. – 1851. – №№ 8-11..
4. Клаузевиц, К. фон. 1812 год. Поход в Россию / К. фон Клаузевиц. – Москва : Захаров, 2004. – 247 с. – Текст : непосредственный.
5. Лоссберг, Ф. В. Письма вестфальского штаб-офицера : пер. с нем. / Ф. В. Лоссберг. – Москва : Наследие, 2003. – 250 с. – Текст : непосредственный.
6. Роос, Г. С Наполеоном в Россию : пер. с нем. / Г. С. Роос. – Москва : Наследие, 2003. – 208 с. – Текст : непосредственный.
7. Pivka, O. Napoleon's polish troops / O. Pivka. – London : Osprey Publishin, 1974. – 48 p. – Текст : непосредственный.
8. Rapp, J. Memoires / J. Rapp. – London : Henry Colburn, 1823. – 431 p. – Текст : непосредственный.
9. Canfalonieri, F. Memoire / F. Canfalonieri. – Milano : U. Hoepli, 1890. – 320 p. – Текст : непосредственный.

10. Pini, C. G. In Russia nel 1812. Memorie d'un ufficiale italiano conte Cesare de Laugier de Bellecour con una prefazione del generale Giovanni Gamerra / C. G. Pini, C. Laugier de Bellecour. – Livorno : Raffaello Giusti, 1913. – 143 p. – Текст : непосредственный.
11. Bismark, F. W. «Aufzeichnungen des generallieutenants Friedrich Wilhelm grafen von Bismark» / F. W. Bismark. – Karlsruhe : Verlag von Franz Noldere, 1847. – 568 s. – Текст : непосредственный.
12. Burkersroda von. Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Feldzugs im Jahre 1812, besonders im Bezug auf das Schicksal der königl. sächsischen Truppen-Abtheilung bei der grossen französischen Armee / von Burkersroda. – Naumburg : Weber Paskelbta, 1846. – 64 s. – Текст : непосредственный.
13. Clausewitz, C. Der Feldzug von 1812 / C. Clausewitz. – Berlin : Verlag von Wilhelm Scholz, 1834. – 480 s. – Текст : непосредственный.
14. Fleck, A. Beschreibung meiner Leiben und Schicksale / A. Fleck. – Hildesheim : Gerstenberg, 1845. – 176 s. – Текст : непосредственный.
15. Haars. J. G. Ein Braunschweiger in Russischen Feldzuge von 1812 / J. G. Haars. – Braunschweig : W. Schoiz, 1897. – 320 s. – Текст : непосредственный.
16. Holzhausen, P. Ein Verwandter Goethes im russischen Feldzuge 1812 / P. Holzhausen. – Berlin : Morawe und Scheffetverlag, 1912. – 178 s. – Текст : непосредственный.
17. Liebenstein, L. A. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813 / L. A. Liebenstein. – Frankfurt : Hermannsche Buchhandlung, 1819. – 340 s. – Текст : непосредственный.
18. Lindeman, F. L. Meine Gefangenschaft in Rußland in den Jahren 1812 und 1813 / F. L. Lindeman. – Gera : Schumann, 1835. – 340 s. – Текст : непосредственный.

19. Martens, C. von. Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812 / C. von Martens. – Stuttgart : Verlag von Aug. Schaber, 1862. – 200 s. – Текст : непосредственный.
20. Muralt, A. Beresina / A. Muralt, T. Legler. – Bern : Verlag Hallwag, 1942. – 231 s. – Текст : непосредственный.
21. Roos, H. U. L. von. Ein Jahr aus meinen Leben, oder Reise von den westlichen Ufern der Donau an die Nara, südlich von Moskwa, und zurück an die Beresina mit der grossen Armee Napoleons, im Jahre 1812 / H. U. L. von Roos. – Berlin : Karl Kray, 1832. – 353 s. – Текст : непосредственный.
22. Röder, F. Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812 / F. Röder. – Leipzig : Teubner, 1848. – 560 s. – Текст : непосредственный.
23. Schehl, C. Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Armee von 1812 / C. Schehl. – Krefeld : Oberman, 1862. – 144 s. – Текст : непосредственный.
24. Steger, F. Der Feldzug von 1812 / F. Steger. – Braunschweig : Oehme und Müller, 1845. – 373 s. – Текст : непосредственный.
25. Suckow, K. von. Aus meinem Soldatenleben / K. von Suckow. – Stuttgart : A. Krabbe, 1862. – 365 s. – Текст : непосредственный.
26. Wolzogen, L. F. Memoiren / L. F. Wolzogen. – Leipzig : O. Wigand, 1851. – 310 s. – Текст : непосредственный.
27. Kolaczowski, K. Wspomnienia / K. Kolaczowski. – Kraków : Spółka Wydawnicza Polska, 1898. – 285 s. – Текст : непосредственный.
28. Krasiński, J. I. Pamiętniki / J. I. Krasiński. – Poznań : Spółka Wydawnicza Polska, 1871. – 220 s. – Текст : непосредственный.
29. Malachowski, S. Pamiętniki / S. Malachowski. – Poznań : Nakładem księgarni Zupanskiego, 1885. – 215 s. – Текст : непосредственный.
30. Zaluski, J. Wspomnienia o pulku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona / J. Zaluski. – Kraków : Nakładem drukarzu Czasu, 1865. – 364 s. – Текст : непосредственный.

31. Baggi, F. *Memorie* / F. Baggi. – Bologna : Edite da C. Ricci, 1898. – 268 p. – Текст : непосредственный.
32. Bailly, J. *Souvenirs et anecdotes* / J. Bailly. – Текст : непосредственный // *Revue des Études historigues* / by Société des Études Historiques. – Paris : Institut Historique, 1904. – pp. 585-597.
33. Baudus, G. *Études sur Napoléon* / G. Baudus. – Paris : Librairie-Éditeur, 1841. – V. 1. – 414 p. – Текст : непосредственный.
34. Bellot Kergorre, A. de. *Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire* / A. Bellot de Kergorre. – Paris : Emile Paul, 1899. – 171 p. – Текст : непосредственный.
35. Berthezéne, P. *Souvenirs militaires de la République et de l'Empire* / P. Berthezéne. – Paris : Berger-Levrault, 1855. – V. 2. – 280 p. – Текст : непосредственный.
36. Bertolini, B. D. *Sciabola di Bartolomeo Bertolini* / B. D. Bertolini. – Trieste : Trieste Publishing, 1842. – 270 p. – Текст : непосредственный.
37. Bertrand, V. *Mémoires du Capitaine Bertrand* / V. Bertrand. – Paris : Augers, 1971. – 182 p. – Текст : непосредственный.
38. Biot, H. F. *Souvenirs anecdotiques et militaires* / H. F. Biot. – Paris : Henri Vivien, 1901. – 554 p. – Текст : непосредственный.
39. Boulart, F. *Mémoires militaires sur les guerres de la République et de l'Empire* / F. Boulart. – Paris : Libraire illustèe, 1892. – 368 p. – Текст : непосредственный.
40. Brandt, H. *Souvenirs d'un officiers polonais* / H. Brandt. – Paris : Plon, 1877. – 615 p. – Текст : непосредственный.
41. Bro, L. *Mémoires du général Bro* / L. Bro. – Paris : Hachette, 1914. – 316 p. – Текст : непосредственный.
42. Chapuis, F. C. *Bérézina: campagne de 1812 en Russie* / F. C. Chapuis. – Paris : Corréard, 1857. – 172 p. – Текст : непосредственный.

43. Cheron, A. *Memoires ineditis sur la campagne de Russie* / A. Cheron. – Paris : Editions Historiques Teissèdre, 2001. – 80 p. – Текст : непосредственный.
44. Chlapowski, D. *Lettre du général Chlapowski sur les évènements militaires en Pologne* / D. Chlapowski. – Paris : Chez ad. Martin Schlesinger, 1831. – 400 p. – Текст : непосредственный.
45. Coignet, J. R. *Les cahiers du capitaine Coignet* / J. R. Coignet. – Paris : Hachette, 1888. – 394 p. – Текст : непосредственный.
46. Colosso, J. T. *Mémoires d'un vieux soldat* / J. T. Colosso. – Nice : Société Typographique, 1857. – 307 p. – Текст : непосредственный.
47. Combe, M. *Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie, 1812, de Saxe, 1813, de France, 1814 et 1815* / M. Combe. – Paris : Librairie militaire de Blot, 1853. – 338 p. – Текст : непосредственный.
48. Curély, J. N. *Itinéraire d'un cavalier léger de la Grande-Armée* / J. N. Curély. – Paris : E. Dubois, 1887. – 233 p. – Текст : непосредственный.
49. Dedem Gelder, A. B. G. de. *Mémoires du général Dedem de Gelder* / A. B. G. Dedem de Gelder. – Paris : Plon, 1900. – 310 p. – Текст : непосредственный.
50. Dumas, M. *Souvenirs* / M. Dumas. – Paris : Société typographique belge, 1839. – 476 p. – Текст : непосредственный.
51. Dumonceau, F. *Mémoires* / F. Dumonceau. – Bruxelles : Bripols, 1825. – V. 2. – 855 p. – Текст : непосредственный.
52. Everts, H. P. *Campagne et captivité de Russie* / H. P. Everts. – Текст : непосредственный // *Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective*. – 1901. – № 9. – pp 43-62.
53. Girod l'Ain, J. M. de. *Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 a 1815* / J. M. Girod de l'Ain. – Paris : J. Dumaine, 1873. – 412 p. – Текст : непосредственный.

54. Gourgaud, G. Napoléon et la Grand armée en Russie / G. Gourgaud. – Paris : Bossange frères, 1825. – 512 p. – Текст : непосредственный.
55. Griois, P. Mémoires / P. Griois. – Paris : Plon-Nourrit, 1909. – V. 2. – 220 p. – Текст : непосредственный.
56. Labaume, E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812 / E. Labaume. – Paris : French edition, 2001. – 292 p. – Текст : непосредственный.
57. Lagneau, L. V. Journal d'un chirurgien de la Grande Armée / L. V. Lagneau. – Paris : Emile-Paul Frères, 1913. – 127 p. – Текст : непосредственный.
58. Larrey, D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne / D. J. Larrey. – Paris : Chez J. Smith, 1817. – 500 p. – Текст : непосредственный.
59. Lassus-Marcilly, M. Notes sur ma campagne de Russie / M. Lassus-Marcilly. – Текст : непосредственный // Carnet de la Sabretache: revue d'histoire militaire rétrospective. – Paris : Berger-Levrault, 1914. – pp. 124-147.
60. Lejeune, L. F. Mémoires du générale Lejeune / L. F. Lejeune. – Paris : Firmin-Didot, 1895. – 385 p. – Текст : непосредственный.
61. Lorencez, G. Souvenirs militaires du général Lorencez / G. Lorencez. – Paris : Émile-Paul, 1902. – 117 p. – Текст : непосредственный.
62. Marbot, B. Mémoires / B. Marbot. – Paris : Ancienne librairie Germer Baillièrre, 1892. – 750 p. – Текст : непосредственный.
63. Maringone, L. S. La campagne de Russie / L. S. Maringone. – Paris : Librairie illustrée, 1899. – 428 p. – Текст : непосредственный.
64. Merme, J. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier / J. Merme. – Paris : Moûtiers, 2011. – 144 p. – Текст : непосредственный.
65. Montigny, L. G. Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée / L. G. Montigny. – Paris : C. Gosselin, 1833. – 395 p. – Текст : непосредственный.

66. Noël, J. N. Souvenirs militaires d'un officier du premier Empire, 1795-1832 / J. N. A. Noel. – Paris : Berger-Levrault et Cie, 1895. – 300 p. – Текст : непосредственный.
67. Pelleport, P. Souvenirs militaires et intimes / P. Pelleport. – Paris : A. de Vresse, 1857. – 320 p. – Текст : непосредственный.
68. Pele. Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney / Pele. – Текст : непосредственный // Carnet de la sabretache. – 1906. – № 157. – pp. 535-542.
69. Pelet, J. Carnets et Journal sur la campagne de Russie / J. Pelet, G. Bonnet, H. Everts. – Paris : Librairie Historique F. Teissédre, 1997. – 172 p. – Текст : непосредственный.
70. Pelleport, P. Souvenirs militaires et intimes / P. Pelleport. – Paris : A. de Vresse, 1857. – 320 p. – Текст : непосредственный.
71. Pion des Loches, A. A. Mes campagnes / A. A. Pion des Loches. – Paris : Fermin-Didot, 1889. – 190 p. – Текст : непосредственный.
72. Puibusque, L. G. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les mœurs et les usages des habitans de la Russie et de la Pologne / L. G. Puibusque. – Paris : Magimel Anselin et Pochard, 1817. – 246 p. – Текст : непосредственный.
73. Raymond, F. Souvenirs du Nord , ou La guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage / F. Raymond. – Paris : Pélicier et Mongie, 1821. – 321 p. – Текст : непосредственный.
74. Réguinot, S. Le Sergent isolé. Histoire d'un soldat pendant la campagne de Russie en 1812 / S. Réguinot. – Paris : Au bureau de l'état-major de la 6e légion de la garde nationale, 1831. – 120 p. – Текст : непосредственный.
75. Rigau, D. Souvenirs des guerres de l'empire: réflexions, pensées, maximes, anecdotes, lettres diverses, testament philosophique / D. Rigau. – Paris : A. Poilleux, 1846. – 328 p. – Текст : непосредственный.

76. Saint-Chamans, A. Mémoires du général Cte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult, 1802-1832 / A. Saint-Chamans. – Paris : E. Plon, Nourrit et Cie, 1896. – 576 p. – Текст : непосредственный.
77. Segur, F. Histoire de Napoléon et de la Grande armée / F. Segur. – Paris : Imprimerie de Fain. 1825. – 424 p. – Текст : непосредственный.
78. Sérurier, T. Mémoires militaires du baron Sérurier, colonel d'artillerie légère / T. Sérurier. – Paris : Anselin et Pochard, 1894. – 359 p. – Текст : непосредственный.
79. Tascher, M. Le journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806-1813) / M. Tascher. – Paris : Plon, 1869. – 342 p. – Текст : непосредственный.
80. Ternaux-Compans, H. Le général Compans d'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812-1813 / H. Ternaux-Compans. – Paris : Plon-Nourrit, 1912. – 390 p. – Текст : непосредственный.
81. Thirion, A. Souvenirs militaires / A. Thirion. – Paris : Berger-Levrault et cie, 1892. – 359 p. – Текст : непосредственный.
82. Vaudoncourt, F. G. Mémoires pour servir a l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812 / F. G. Vaudoncourt. – Paris : Berger-Levrault et cie, 1817. – 345 p. – Текст : непосредственный.

II. Исторические исследования

1. Бретшнейдер, К. Г. Четырехлетняя война союзных держав противу Наполеона Бонапарта / К. Г. Бретшнейдер. – Санкт-Петербург : Морская тип., 1820. – 227 с. – Текст : непосредственный.
2. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк. – Москва : Госвоениздат, 1933. – 422 с. – Текст : непосредственный.
3. Исдейл, Ч. Д. Наполеоновские войны / Ч. Д. Исдейл. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 483 с. – Текст : непосредственный.

4. Меринг, Ф. Очерки по истории войн и военного искусства / Ф. Меринг. – Москва : Воениздат, 1956. – 544 с. – Текст : непосредственный.
5. Мильчина, В. История Франции глазами Н. Саркози / В. Мильчина. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 2008. – № 5. – С. 110-125.
6. Тюлар, Ж. Мюрат, или Пробуждение нации / Ж. Тюлар. – Москва : Терра, 1993. – 384 с. – Текст : непосредственный.
7. Шлоссер, Ф. Всемирная история : в 18 т. Т. 6 / Ф. Шлоссера ; пер. под ред. Н. Чернышевского. – Санкт-Петербург : А. Серно-Соловьевич, 1872. – 590 с. – Текст : непосредственный.
8. Энгельс, Ф. Бородино / Ф. Энгельс. – Текст : электронный // Вики Чтение : [сайт]. – URL: <https://fil.wikireading.ru/35188> (дата обращения: 12.04.2019).
9. Austin, P. V. 1812. Napoleon in Moscow / P. V. Austin. – London : Greenhill Books, 1995. – 364 p. – Текст : непосредственный.
10. Austin, P. V. 1812. The Great Retreat / P. V. Austin. – London : Greenhill Books, 1996. – 460 p. – Текст : непосредственный.
11. Bertaut, J. Napoléon ignore / J. Bertaut. – Paris : SFELT, 1951. – 300 p. – Текст : непосредственный.
12. Britt, A. S. The wars of Napoleon / A. S. Britt. – Griess : Square One Publishers, 2003. – 184 p. – Текст : непосредственный.
13. Burgess, A. Napoleon Symphony / A. Burgess. – London : Jonathan Cape, 1974. – 263 p. – Текст : непосредственный.
14. Burrows, M. The history of the foreign policy of Great Britain / M. Burrows. – Edinburgh : Blackwood, 1895. – 436 p. – Текст : непосредственный.
15. Burton, R. G. Napoleon's invasion of Russia / R. G. Burton. – London : G. Allen & company, 2007. – 347 p. – Текст : непосредственный.

16. Cathcart, G. Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813 / G. Cathcart. – London : J. Murray, 1850. – 381 p. – Текст : непосредственный.
17. Chandler, D. G. The campaigns of Napoleon / D. G. Chandler. – London : Scribner, 1995. – 506 p. – Текст : непосредственный.
18. Connelly, O. Blundering to glory Napoleon's military campaigns / O. Connelly. – London : Wilmington, 2006. – 250 p. – Текст : непосредственный.
19. Delderfield, R. F. The retreat from Moskow / R.F. Delderfield. – London : Hodder & Stoughton, 1967. – 256 p. – Текст : непосредственный.
20. Dodge, T. A. Napoleon. A history of the art of war / T. A. Dodge. – New York : Houghton, 1906. – 615 p. – Текст : непосредственный.
21. Duffy, Ch. Borodino and the War of 1812 / Ch. Duffy. – London : Scribner's Sons, 1972. – 208 p. – Текст : непосредственный.
22. Halecki, O. A history of Poland / O. Halecki. – London : Oxford University Press, 1978. – 360 p. – Текст : непосредственный.
23. Holmes, E. R. Borodino. 1812 / E. R. Holmes. – London : C. Knight, 1971. – 69 p. – Текст : непосредственный.
24. Hutchinson, H. D. The story of 1812 / H. D. Hutchinson. – London : William Durell, 1897. – 450 p. – Текст : непосредственный.
25. Lieven, D. Russia against Napoleon / D. Lieven. – London : Allen Lane, 2010. – 600 p. – Текст : непосредственный.
26. MacQueen, J. The campaigns of 1812, 1813, 1814 / J. MacQueen. – Glasgow : Printed by Edward Khull for W. Sommerville, A. Fullarton, J. Blackie, 1814. – 230 p. – Текст : непосредственный.
27. Nafziger, G. Napoleon's Invasion of Russia / G. Nafziger. – Novato : Presidio Press, 1988. – 649 p. – Текст : непосредственный.
28. O'Connor, T. P. Napoleon / T. P. O'Connor. – London : H. S. Nichols, 1896. – 250 p. – Текст : непосредственный.

29. Palmer, A. Napoleon in Russia / A. Palmer. – London : Carroll & Graf, 1967. – 320 p. – Текст : непосредственный.
30. Pivka, O. Napoleon's polish troops / O. Pivka. – London : Osprey Publishing, 1974. – 220 p. – Текст : непосредственный.
31. Rosebery, A. P. Napoleon: the last phase / A. P. Rosebery. – London : Cosimo, 1900. – 272 p. – Текст : непосредственный.
32. Ruge, G. Russland / G. Ruge. – Berlin : C. H. Beck, 2008. – 250 s. – Текст : непосредственный.
33. Scott, W. The life of Napoleon Buonaparte / W. Scott. – London : Cadell & Co., 1834. – V. 2. – 623 p. – Текст : непосредственный.
34. Sloane, W. M. The life of Napoleon Bonapar / W. M. Sloane. – New York : Kessinger Publishing, 1896. – V. 3. – 492 p. – Текст : непосредственный.
35. Spring, L. 1812: Russia's Patriotic war / L. Spring. – London : The History press, 2009. – 288 p.. – Текст : непосредственный.
36. Zamoyski, A. 1812: Napoleon's fatal march on Moscow / A. Zamoyski. – London : Harper Perennial, 2004. – 644 p. – Текст : непосредственный.
37. Bianchi, N. Storia documentata della diplomazia europea in Italia / N. Bianchi. – Torino : Unione tipografico-editrice, 1870. – V. 1. – 212 p. – Текст : непосредственный.
38. Botta, C. Storia dei popoli italiani / C. Botta. – Liborno : G. Allen & company, 1826. – V. 1. – 730 p. – Текст : непосредственный.
39. Del Negro, P. Guerra ed eserciti da Machiavelli a Napoleone / P. Del Negro. – Bari : Laterza, 2001. – 180 p. – Текст : непосредственный.
40. Guerini, D. L'Italiani nella guerra di Russia / D. Guerini, A. Curtii. – Milano : L. F. Cogliati, 1913. – 420 p. – Текст : непосредственный.
41. Lemmi, F. Storia politica d'Italia / F. Lemmi, V. Fiorini. – Milano : Firenze, 1897. – 320 p. – Текст : непосредственный.
42. Lombroso, G. Storia di Dodicianni / G.. Lombroso. – Milano : G. Fravega, 1868. – 233 p. – Текст : непосредственный.

43. Pinelli, F. A. Storia militare de Piemonte / F. A. Pinelli. – Torino : Epoca prima, 1854. – 449 p. – Текст : непосредственный.
44. Pigni, E. La Cuardia di Napoleone re d'Italia / E. Pigni. – Milano : Vita e pensiero, 2001. – 323 p. – Текст : непосредственный.
45. Ratti, L. Russia, 1812 Malojaroslavets «La Battaglia Degli Italiani» / L. Ratti. – Milano : Abeditore srl, 2001. – 230 p. – Текст : непосредственный.
46. Strongoli, F. P. Discorsi critici sulla storia del reame di Napoli del general Colletta / F. P. Strongoli. – Lucano : Presso Normand figlio, 1836. – 140 p. – Текст : непосредственный.
47. Turotti, F. Storia dell'armee italiane dal 1796 al 1814 / F. Turotti. – Milano : Boniotti, 1855. – 418 p. – Текст : непосредственный.
48. Baumgart, A. Rusland Knigge / A. Baumgart. – Oldenbourg : Oldenbourg Verlag, 2005. – 275 s. – Текст : непосредственный.
49. Bellinghaus, O. Denkwürdigkeiten aus dem Jahre 1812 / O. Bellinghaus. – Freiburg : Rus Neb, 1913. – 236 s. – Текст : непосредственный.
50. Bielecki, R. Berezyna 1812 / R. Bielecki. – Warszawa : Encyklopedia wojen napoleońskich, 1990. – 245 s. – Текст : непосредственный.
51. Beitske, H. Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812 / H. Beitske. – Berlin : Verlag von B. Brill, 1856. – 381 s. – Текст : непосредственный.
52. Blankenhorn, E. 1812. Badischen Truppen in Rußland / E. Blankenhorn. – Karlsruhe : Deutsche Wehr am Oberrhein, 1937. – 320 s. – Текст : непосредственный.
53. Bliedtner, C. Die Grosse Armee / C. Bliedtner. – Stuttgart : Süddeutsche Monatshefte, 1908. – 350 s. – Текст : непосредственный.
54. Bodenhausen, F. von. Tagebuch eines Ordonnanzoffiziers von 1812-1813, und über seine späteren Staatsdienste bis 1848 / F. von Bodenhausen. – Braunschweig : G. Westermann, 1912. – 220 s. – Текст : непосредственный.

55. Cerrini di Monte Varchi C. F. X. Die Feldzuge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. – Dresden : In der Arnoldischen Buchhandlung, 1821. – 320 s. – Текст : непосредственный.
56. Deutsche Geschichte. – Berlin : Ploetz, 1967. – 400 s. – Текст : непосредственный.
57. Deutsche Geschichte. – Berlin : Ploetz, 1968. – 507 s. – Текст : непосредственный.
58. Deutsche Geschichte. – Berlin : Ploetz, 1970. – 404 s. – Текст : непосредственный.
59. Deutsche Geschichte. – Goettingen : Metzler, 1991. – 916 s. – Текст : непосредственный.
60. Ernst Raven O. G. von. Tagebuch des Feldzuges in Russland Jahre 1812 / O. G. Ernst von Raven, K. U. Keubke. – Berlin : Edition Temmen, 1998. – 173 s. – Текст : непосредственный.
61. Förster, F. C. Napoleon's Russischer Feldzug 1812 / F. C. Förster. – Berlin : Hempel, 1856. – 134 s. – Текст : непосредственный.
62. Gerhardt, O. Die Württemberger in Rußland 1812 / O. Gerhardt. – Stuttgart : Steinkopf, 1937. – 177 s. – Текст : непосредственный.
63. Hausser, L. Deutsche Geschichte: vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Cründung / L. Hausser. – Berlin : Weidmann, 1855. – V. 3. – 577 s. – Текст : непосредственный.
64. Holzhausen, P. Ein Verwandter Goethes im russischen Feldzuge 1812 / P. Holzhausen. – Berlin : Morawe und Scheffetverlag, 1912. – 178 s. – Текст : непосредственный.
65. Kersten, F. Die Sachische Armee von 1763 bis 1862 / F. Kersten, G. Ortenburg. – Beckum : Deutsche Gesellschaft für Heereskunde, 1982. – 52 s. – Текст : непосредственный.
66. Kraft, H. Die Württemberger in den Napolionischen Kriegen / H. Kraft. – Stuttgart : Heinz, 1953. – 321 s. – Текст : непосредственный.

67. Lenschrer, P. Nur Wenige Kamen Zuruck 3000 Bayern mit Napoleon im Rußland / P. Lenschrer. – Pfaffenhofen : Ludwig Verlag, 1980. – 230 s. – Текст : непосредственный.
68. Leissnig, W. L. Märsche und Kriegerlebnisse im Jahre 1812 / W. L. Leissnig. – Budissen : Wagvier, 1828. – 340 s. – Текст : непосредственный.
69. Lünsmann, F. Die Armee des Königsreichs Westfalen 1807-1813 / F. Lünsmann. – Berlin : Einklappen, 1935. – 260 s. – Текст : непосредственный.
70. Lindenau, V. A. Der Berezina / V. A. Lindenau. – Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1896. – 185 s. – Текст : непосредственный.
71. Lossau, S. F. von. Charakteristik der Kriege Napoleons: Feldzüge der Jahre 1809 und 1812 / S. F. von Lossau. – Berlin : Herder, 1847. – V. 3. – 530 s. – Текст : непосредственный.
72. Maag, A. Die schicksale der Schweizer-Regimenter in Napoleons / A. Maag. – Biel : Ernst Kuhn, 1890. – 413 s. – Текст : непосредственный.
73. May, G. Das Recht des Cottesdienstes in der Diözese Mainz zur zeit von J. L. Calmar / G. May. – Berlin : John Benjamins Publishing, 1987. – 180 s. – Текст : непосредственный.
74. Osten-Sacken, F. Der Feldzug von 1812 / F. Osten-Sacken. – Berlin : Rhein, 1901. – 343 s. – Текст : непосредственный.
75. Schubert, F. Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789-1814 / F. Schubert. – Stuttgart : K. F. Koehler Verlag, 1962. – 388 s. – Текст : непосредственный.
76. Sporschil, J. Österreich und die Broschürenschieme gegen dieses Kaiserthum / J. Sporschil. – Leipzig : I. Jackowitz, 1847. – 235 s. – Текст : непосредственный.
77. Schneidawind, F. U. Die Feldzüge in de Jahren 1812, 1813 / F. U. Schneidawind. – Bamberg : Dresch, 1826. – 203 s. – Текст : непосредственный.

78. Steger, F. Der Feldzug von 1812 / F. Steger. – Braunschweig : Ruller, 1845. – 287 s. – Текст : непосредственный.
79. Sporschil, J. Österreich und die Broschürensehmiede gegen dieses Kaiserthum / J. Sporschil. – Leipzig : I. Jackowitz, 1847. – 345 s. – Текст : непосредственный.
80. Töppel, R. Die Sachsen und Napoleon / R. Töppel. – Berlin : Weimar, 2009. – 340 s. – Текст : непосредственный.
81. Wesemann, J. Kanonier des Kaisers. Kriegstagenbuch der Heinrich / J. Wesemann. – Köln : Wissenschaft und Politik, 1971. – 109 s. – Текст : непосредственный.
82. Askenazy, S. Książę Józef Poniatowski / S. Askenazy. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – 305 s. – Текст : непосредственный.
83. Boguslawski, S. Życie księcia Józefa Poniatowskiego / S. Boguslawski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1831. – 350 s. – Текст : непосредственный.
84. Handelsman, M. Francja – Polska 1807-1813 / M. Handelsman. – Warszawa : Wolf, 1914. – 230 s. – Текст : непосредственный.
85. Jezierski, E. Napoleon zdobywca świata / E. Jezierski. – Warszawa : Świata, 1913. – 313 s. – Текст : непосредственный.
86. Kukiel, M. Wojna 1812 roku / M. Kukiel. – Kraków : Polska Akademia Umiejetnosci, 1937. – V. 2. – 420 s. – Текст : непосредственный.
87. Mówią wieki. Magazyn historyczny. Numer specjalny: kampania rosyjska Napoleona. – Warszawa : Świata, 2002. – 112 s. – Текст : непосредственный.
88. Nawrot, P. Litwa: Napoleon w 1812 roku / P. Nawrot. – Katowia : Wydawnictwo Uniw, Śląskiego, 2008. – 792 s. – Текст : непосредственный.
89. Nieuwazny, A. My z Napoleonem / A. Nieuwazny. – Wrocław : Wydawnictwo Dolnoslaskie, 1999. – 305 s. – Текст : непосредственный.

90. Ostrowski, A. *Żywot Tomasza Ostrowskiego, ministra Rzeczypospolitej / A. Ostrowski.* – Paryż : W Księgarni Polskiej, 1840. – V. 2. – 305 s. – Текст : непосредственный.
91. Pochodaj, A. *Legenda Napoleona I w kulturze polskiego romantyzmu / A. Pochodaj.* – Warszawa : Andrzej Pochodaj, 2002. – 784 s. – Текст : непосредственный
92. Przewa, S. *General Maciej Rybiński / S. Przewa.* – Wrocław : Wrocław. Tow. Nauk., 1949. – 271 s. – Текст : непосредственный.
93. Sokolnicki, M. *Generał Michał Sokolnicki / M. Sokolnicki.* – Warszawa : Viator, 1912. – 218 s. – Текст : непосредственный.
94. Zych, G. *Armia Księstwa Warszawskiego 1807-1812 / G. Zych.* – Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961. – 380 s. – Текст : непосредственный.
95. Ardant, L. *Histoire de Napoléon. Détails sur sa famille, sa naissance, son éducation / L. Ardant.* – Limoges : M. Ardant, 1833. – 436 p. – Текст : непосредственный.
96. Bainville, J. *Napoléon / J. Bainville.* – Paris : A. Fayard et Cie, 1931. – 590 p. – Текст : непосредственный.
97. Beaucour, F. *La Bérézina: une victoire militaire / F. Beaucour.* – Paris : Economica, 2004. – 220 p. – Текст : непосредственный.
98. Blond, G. *La Grande Armée / G. Blond.* – Paris : R. Laffont, 1979. – 585 p. – Текст : непосредственный.
99. Bregeon, J. J. *1812: la paix et la guerre / J. J. Bregeon.* – Paris : Perrin, 2012. – 426 p. – Текст : непосредственный.
100. Boudon, J. O. *Napoléon et l'Europe / J. O. Boudon.* – Paris : Armand Colin. 2006. – 343 p. – Текст : непосредственный.
101. Boudon, J. O. *Napoléon et la campagne de Russie 1812 / J. O. Boudon.* – Paris : Armand Colin, 2012. – 325 p. – Текст : непосредственный.
102. Chelminski, J. V. *L'Armée du Duché de Varsovie / J. V. Chelminski, A. Malibran.* – Paris : SKU, 1913. – 358 p. – Текст : непосредственный.

103. Chambray, G. Histoire de l'expédition de Russie / G. Chambray. – Paris : Imprimeur libraire. 1838. – V. 3. – 518 p. – Текст : непосредственный.
104. Chambray, G. Sur les opérations du neuvième corps en 1812, particulièrement à l'époque du passage de la Bérézina / G. Chambray. – Paris : Imprimeur libraire, 1829. – 15 p. – Текст : непосредственный.
105. Chapuis, F. C. Campagne de 1812 en Russie / F. C. Chapuis. – Paris : Corréard, 1857. – 291 p. – Текст : непосредственный.
106. Chlapowski, D. Lettre du général Chlapowski sur les événements militaires en Pologne / D..Chlapowski. – Paris : Nakładem synów, 1889. – 165 p.. – Текст : непосредственный.
107. Collette, P. Storia del reame di Napoli / P. Collette. – Parigi : Tip. e libreria Elvetica, 1835. – V. 2. – 150 p. – Текст : непосредственный.
108. Corbet, Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe / Ch. Corbet. – Paris : Didier.1967. – 146 p. – Текст : непосредственный.
109. Denniée, P. P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812 / P. P Denniée. – Paris : Paulin, 1842. – 212 p. – Текст : непосредственный.
110. Dufour, B. P. Mémoires de Napoléon / B. P. Dufour. – Paris : Chevalier de la Legion d'Honneur, 1830. – V. 8. – 330 p. – Текст : непосредственный.
111. Dufraisse, R. Napoléon / R. Dufraisse. – Paris.: PUF, 1987. – 125 p. – Текст : непосредственный.
112. Fain, J. F. Manuscrit de 1812 / J. F. Fain. – Paris : Libraire de son altesse royale madame la duchesse d'Orleans, 1827. – 496 p. – Текст : непосредственный.
113. Fillion, A. La Bérézina racontée par ceux qui l'ont vécue / A. Fillion. – Paris : France-Empire, 2005. – 184 p. – Текст : непосредственный.
114. Grünwald, C. La campagne de Russie / C. Grünwald. – Paris : Julliard, 1963. – 380 p. – Текст : непосредственный.

115. Guillaume Vaudoncourt, F. de. Mémoires pour servir a l'Histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812; avec un atlas militaire / F. Guillaume de Vaudoncourt. – Paris : Chez Barrois l'ainé, 1817. – 359 p. – Текст : непосредственный.
116. Gourgaud, G. Napoléon et la Grand-Armée en Russie, ou examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur / G. Gourgaud. – Stuttgart : Chez les frères Franck, 1827. – 702 p. – Текст : непосредственный.
117. Houssaye, H. Napoléon, homme de guerre / H. Houssaye. – Paris : H. Daragnon, 1904. – 340 p. – Текст : непосредственный.
118. Hourtoulle, F. G. La Moskowa – Borodino. La Bataille des Redoutes / F. G. Hourtoulle. – Paris : Histoire & Collections, 2000. – 144 p. – Текст : непосредственный.
119. Jomini, A. H. Vie politique et militaire de Napoléon / A. H. Jomini. – Paris : Anselin et Pouchard, 1827. – 712 p. – Текст : непосредственный.
120. Las Cases, A. D. Mémorial de St.-Hélène / A. D. Las Cases. – Paris : l'Autheur, 1823. – 428 p. – Текст : непосредственный.
121. Larcq, A. Napoléon jugé par le general de Caulle / A. Larcq. – Текст : непосредственный // Napoléon et l'Europe. – Paris : Sorbonne Nouvelle, 2004. – pp. 445-471.
122. Les Européens dans les guerres napoléoniennes. – Toulouse : Privat, 2012. – 286 p. – Текст : непосредственный
123. Madelin, L. Histoire de Consulat et de l'Empire / L. Madelin. – Paris : Tallandier, 1949. V. 12. – 700 p. – Текст : непосредственный
124. Mémoires pour server a l'histoire de France. – Paris : Imprimerie de H. Fournier. 1830. – 560 p. – Текст : непосредственный
125. Mortonval, M. Histoire de la Guerre de Russie en 1812 / M. Mortonv. – Paris : Ambroise Dupont, libraries, 1831. – 466 p. – Текст : непосредственный
126. Norvins, J. Histoire de Napoléon / J. Norvins. – Bruxelles : Au bureau des publications illustrées, 1841. – 528 p. – Текст : непосредственный.

127. Olivier, D. L'incendie de Moscou / D. Olivier. – Paris : R. Laffont, 1964. – 268 p. – Текст : непосредственный.
128. Pingaud, L. Les français en Russie et les russes en France / L. Pingaud. – Paris : Perrin, 1886. – 482 p. – Текст : непосредственный.
129. Rabou, Ch. La Grand Armée / Ch. Rabou. – Paris : Levy, 1860. – 238 p. – Текст : непосредственный
130. Rey, M. P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie / M. P. Rey. – Paris : Flammarion, 2012. – 390 p. – Текст : непосредственный.
131. Regnault, É. Histoire de Napoléon: ornée de gravures sur acier dessinées par Raffet et De Rudder / É. Regnault. – Paris : Perrotin, 1846. – 430 p. – Текст : непосредственный.
132. Roy, J. J. Histoire de Napoléon / J. J. Roy. – Lille : Hachette, 1846. – 306 p. – Текст : непосредственный.
133. Shaller, H. Histoire des troupes suisses au service de France / H. Shaller. – Lausanne : Imer & Payot, 1883. – 336 p. – Текст : непосредственный.
134. Soltyk, R. Napoléon en 1812 / R. Soltyk. – Paris : Arthus Bertrand, 1836. – 464 p. – Текст : непосредственный.
135. Thiry, J. La campagne de Russie / J. Thiry. – Paris : Berger-Levrault, 1969. – 371 p. – Текст : непосредственный.
136. Thiers, A. Histoire du Consulat et de L'Empire / A. Thiers. – Bruxelles : Paulin, libraire – éditeur. 1856.. – V. 14. – 686 p. – Текст : непосредственный.
137. Tranie, J. La campagne de Russie. Napoléon – 1812 / J. Tranie, J. C. Carmigniani. – Paris : Lavauzelle, 1981. – 288 p. – Текст : непосредственный.
138. Tulard, J. Dictionnaire Napoléon / J. Tulard. – Paris : Fayard, 1999. – V. 1-2. – 1120 p. – Текст : непосредственный.
139. Vallotton, G. Les suisses à la Bérézina / G. Vallotton. – Lausanne : Helvétique, 1942. – 290 p. – Текст : непосредственный.

III. Изобразительные источники

1. Буассард Буасденье, Ж. Ф. де. Сюжет отступления из Москвы, 1835 : холст, масло / Ж. Ф. Буассард де Буасденье. – URL: <https://alca31.com/1812-la-retraite-de-russie-un-effroyable-carnage/> (дата обращения: 12.07.2019). – Изображение : электронное.
2. Ланглуа, Ж. Ш. Битва при Москве-реке, 1835 : холст, масло / Ж. Ш, Ланглуа (1789-1870). – Изображение : электронное // Catherine-catty : [сайт]. – URL: <https://catherine-catty.livejournal.com/380944.html?view=comments> (дата обращения: 16.04.2019).
3. Ланглуа, Ж. Ш. Переправа через Березину, 1827 : холст, масло / Ж. Ш, Ланглуа (1789-1870). – Изображение : электронное // Artefact : [сайт]. – URL: <https://artefact.culture.ru/ru/subject/srazhenie-pri-berezine> (дата обращения: 16.04.2019).
4. Жерико, Т. Россия, 1818 : холст, масло / Т. Жерико (1791-1824). – Изображение : электронное // Meisterdrucke : [сайт]. – URL: <https://www.meisterdrucke.ru/reproduksii/Theodore-Gericault/29927/Раненые-солдаты-отступают-из-России.html> (дата обращения: 16.04.2019).
5. Faber du Fauver, H. With Napoleon in Russia / H. Faber du Fauver. – London : Mechanicsburg, 2001. – 350 p. – Текст : непосредственный.
6. The murmur of the French Grand Armee in their Retreat through Russia, 1814 г. : estampe. – Изображение : электронное // Gallica : [сайт]. – URL: gallica.bnf.fr/images&q=Berezina. (дата обращения: 22.09.2019).
7. Adam, A. Voyage pittoresque et militaire de Willenberg en Prusse jusqu' à Moscou fait en 1812, pris sur le terrain même, et lithographié par Albert Adam / A. Adam. – Munich : Chez Hermann et Barth, 1828. – 95 p. – Текст : непосредственный.

8. Bataille de la Bérésina 1812 : estampe. – Изображение : электронное // Gallica : [сайт]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6953884m.r=Bataille%20de%20la%20Bérésina?rk=42918;4> (дата обращения: 25.07.2019).
9. GeorGIN, F. Passage de la Bérésina 1835 : woodcut / F. GeorGIN. – Изображение : электронное // Gallica : [сайт]. – URL: <http://gallica.bnf.fr/Search?ArianeWireIndex=images&q=Berezina> (дата обращения: 16.08.2019).
10. La Gardemeurt et nese rend pas, mais Buonaparte serend et nemeurt pas : : estampe. – Изображение : электронное // Gallica : [сайт]. – URL : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6954862b.r=La+Garde+meurt%2C+mais+ne+se+rend+pas.langEN> (дата обращения: 17.08.2019).

VI. Художественные произведения

1. Бальзак, О. де. Луи Ламбер / О. де Бальзак. – Москва : Правда, 1960. – 250 с. – Текст : непосредственный.
2. Бальзак, О. де. Сельский врач / О. де Бальзак. – Москва : Худож. лит., 1986. – 47 с. – Текст : непосредственный.
3. Байрон, Д. Бронзовый век / Д. Байрон. – URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/Byron-334/bronzovuj-vek-491.htm> (дата обращения: 12.04.2019). – Текст : электронный.
4. Байрон, Д. Вальс / Д. Байрон. – Текст : электронный // Литмир : [сайт]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=48453&p=1> (дата обращения: 12.08.2019).
5. Байрон, Д. Ода к Наполеону Бонапарту / Д. Байрон. – Текст : электронный // РуСтих : [сайт]. – URL: <https://rustih.ru/dzhordzh-bajron-oda-k-napoleonu-bonapartu/> (дата обращения: 12.08.2019).
6. Мюссе, А. де. Исповедь сына века / А. де Мюссе. – Санкт-Петербург : Азбука, 2012. – 320 с. – Текст : непосредственный.

7. Шелли, П. Б. Строки, написанные при известии о смерти Наполеона / П. Б. Шелли. – Текст : электронный // Викитека : [сайт]. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Строки,_написанные_при_известии_о_смерти_Наполеона_\(Шелли;_Бальмонт\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Строки,_написанные_при_известии_о_смерти_Наполеона_(Шелли;_Бальмонт)) (дата обращения: 17.06.2019).
8. Balzak, O. Verezhina / O. Balzak. – Paris : Libraire Germer Baillière, 1830. – 40 p. – Текст : непосредственный.
9. Barton, B. Napoleon and Other Poems / B. Barton. – London : Printed for T. Boys, 1822. – 284 p. – Текст : непосредственный.
10. Bonaparte's Journey to Moscow. – London : Stationer's Hall, 1814. – 16 p. – Текст : непосредственный.
11. Combe, W. Life of Napoleon / W. Combe, G. Cruikshank. – London : T. Tegg, Wm. Allason and J. Dick, 1815. – 260 p. – Текст : непосредственный.
12. Doyle, A. C. Adventures of Gerard. Tales of the Napoleonic Soldier / A. C. Doyle. – London : G. Newnes, 1904. – 195 p. – Текст : непосредственный.
13. Henty, G. A. Through Russian Snows. A Story of Napoleon's Retreat from Moscow / G. A. Henty. – London : Book Society & Bazaar, 1896. – 172 p. – Текст : непосредственный.
14. Hutchinson, H. D. The story of 1812 / H. D. Hutchinson. – London : William Durell, 1897. – 158 p. – Текст : непосредственный.
15. Lee, A. The Emperor's Trumpeter / A. Lee. – London : Oliphant, 1907. – 205 p. – Текст : непосредственный.
16. McCrae, C. A Set of Lies / C. McCrae. – London : Troubadour, 2015. – 180 p. – Текст : непосредственный.
17. Montorgueil, G. Napoléon / G. Montorgueil. – Paris : Boivin, 1921. – 96 p. – Текст : непосредственный.
18. North, J. The Napoleon Options: Alternate Decisions of the Napoleonic Wars / J. North. – London : Casemate Publishers, 2000. – 304 p. – Текст : непосредственный.

19. O'Connor, T. P. Napoleon / T. P. O'Connor. – London : H. S. Nichols, 1896. – 250 p. – Текст : непосредственный.
20. Pemberton, M. The great white Army / M. Pemberton. – London : S. W. Partridge, 1915. – 220 p. – Текст : непосредственный.
21. Pollard, E. F. For the Emperor / E. F. Pollard. – London : J. Nisbet, 1909. – 235 p.. – Текст : непосредственный.
22. Rosebery, A. Ph. Napoleon: the last phase / A. Ph. Rosebery. – London : Kessinger Publishing, 1900. – 288 p. – Текст : непосредственный.
23. Southey, R. The Triumphal Song / R. Southey. – Текст : непосредственный // The poetical works / R Southey. – London : Longman, 1837. – pp. 140-156.
24. Scott, W. The Betrothed / W. Scott. – Текст : электронный // Gutenberg : [сайт]. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6490> (дата обращения: 15.09.2019).
25. Scott, W. The life of Napoleon Buonaparte / W. Scott. – London : Cadell, 1834. – V. 2. – 623 p. – Текст : непосредственный.
26. Stowell, S. H. Barlasch of the Guard / S. H. Stowell. – London : Constable, 1903. – 360 p. – Текст : непосредственный.
27. The Journal of Sir Walter Scott. – New York : Harper, 1891. – V. I. – 438 p. – Текст : непосредственный.
28. The Vision of Napoleon : a Poem. – Edinburgh : George Goldie, 1813. – 62 p. – Текст : непосредственный.
29. Teegan, T. H. With the Grand Army to Moscow. An historical Novel / T. H. Teegan. – London : Cassell & Co, 1900. – 345 p. – Текст : непосредственный.
30. Townsend, B. C. The Sword Hand of Napoleon : A Romance of Russia and the Great Retreat / B. C. Townsend. – New York : J. Nisbet & Co, 1915. – 360 p. – Текст : непосредственный.

31. Tsouras, P. *Napoleon Victorious : An Alternative History of the Battle of Waterloo* / P. Tsouras. – London : Greenhill books, 2018. – 288 p. – Текст : непосредственный.
32. Whishaw, F. J. *Moscow . A Story of the French Invasion 1812* / F. J. Whishaw. – London : Blackie & Son, 1905. – 420 p. – Текст : непосредственный.
33. Aniéla, ou Les prisonniers en Russie: épisode historique, dialogué et mêlé de chants, en trois époques, de la guerre de 1812. – Paris : Tresse, 1840. – 28 p. – Текст : непосредственный.
34. Boulabert, J. *La femme bandit* / J. Boulabert. – Paris : A. Degorce-Cadot, 1875. – 156 p. – Текст : непосредственный.
35. Bourgoing, P. *Le prisonnier en Russie* / P. Bourgoing. – Paris : Maradan, 1815. – 275 p. – Текст : непосредственный.
36. Caillot, A. *Campagne de Moscou, contenant des récits extraordinaires sur les armées françaises ; précédée de l'Histoire de Russie* / A. Caillot. – Paris : Hachette, 1817. – 262 p. – Текст : непосредственный.
37. Damamme, J. C. *Les aigles en hiver Russie 1812* / J. C. Damamme. – Paris : Plon, 2009. – 817 p. – Текст : непосредственный.
38. Désaugiers, M. A. *Chansons et poésies diverses* / M. A. Désaugiers. – Paris : Bechet, 1812. – 206 p. – Текст : непосредственный.
39. Emile, L. *La gloire qui chante: chants de soldats suisses à travers les ages: poème dramatique* / L. Emile, G. Reynold. – Lausanne : [s. é.], 1918. – 120 p. – Текст : непосредственный.
40. Giscard d'Estaing, V. *La victoire de la Grande Armée* / V. Giscard d'Estaing – Paris : Editions 84, 2010. – 388 p. – Текст : непосредственный.
41. Hugo, V. *Anniversaire de la Révolution de 1848* / V. Hugo. – Paris : J. Hetzel, A. Quantin. 1855. – 12 p. – Текст : непосредственный.
42. *La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérézina.* – Paris : Gardenty, 1840. – 68 p. – Текст : непосредственный.

43. Le Tellier, H. Je m'attache très facilement / H. Le Tellier. – Paris : Nuits, 2007. – 80 p. – Текст : непосредственный.
44. Massè, P. Au drapeau / P. Massè. – Текст : непосредственный // Carnet de la sabretache. – Paris : Berger-Levrault, 1937. – pp. 150 -158.
45. Michon, P. Le plus beau détail est dans Stendhal / P. Michon. – Текст : непосредственный // L'histoire. Mars. – 2012. – № 343. – pp. 24-30.
46. Nerval, G. La Russie / G. Nerval. – Текст : электронный // Poesie-francaise.fr : [сайт]. – URL: <https://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php> (дата обращения: 12.04.2019).
47. Ponson Terrail, A. du. Le Trompette de la Bérézina / A. Ponson du Terrail. – Paris : Libraire, 1946. – 150 p. – Текст : непосредственный.
48. Quaynat, M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou / M. Quaynat. – Paris : Chez tous les libraires, 1812. – 10 p. – Текст : непосредственный.
49. Rambaud, P. Il neigeait / P. Rambaud. – Paris : Grasset, 2000. – 346 p. – Текст : непосредственный.
50. Rocques, J. G. Seconde guerre de Pologne / J. G. Rocques. – Paris : Good Press, 1812. – 354 p. – Текст : непосредственный.

V. Фильмы

1. Березина, или Последние дни Швейцарии : худож. фильм / реж.-постановщик Д. Шмит ; в ролях: Е. Панова, Д. Чаплин, У. Нойтен, М. Бенрат ; киностудия «Pandora Filmproduktion GmbH». – Фильм вышел в 1999 г. – Изображение : видео // Мой мир@Mail.ru : социал. сеть : сайт. – URL: <https://my.mail.ru/mail/kryuk.luka/video/-121/19601.html> (дата обращения: 23.11.2019).

2. Война и мир : худож. фильм / реж.-постановщик К. Видор ; в ролях: Г. Фонда, О. Хепбёрн, М. Феррер [и др.] ; киностудия «Paramount Pictures». – Фильм вышел в 1956 г. – Изображение : видео // Мой мир@Mail.ru : социал. сеть : сайт. – URL: <https://my.mail.ru/mail/valera.valerd01/video/2/14423.html> (дата обращения: 23.11.2019).
3. Наполеон: зима в России : док. фильм / реж. К. Гормли ; киностудия «Кромвель Продакшенс», – Фильм вышел в 2001 г. – Изображение : видео // YouTube : видеохостинг. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tRuIBRJjRDI> (дата обращения: 23.11.2019).
4. Пан Тадеуш : худож. фильм / реж.-постановщик А. Вайда ; в ролях: Б. Линда, Д. Ольбрыхский, Г. Шаполовска, М. Кондрат ; киностудия «Apollo Film Canal+ Polska Canal+». – Фильм вышел в 1999 г. – Изображение : видео // Мой мир@Mail.ru : социал. сеть : сайт. – URL: <https://my.mail.ru/bk/garuss/video/188218/188262.html> (дата обращения: 23.11.2019).
5. Пепел : худож. фильм / реж.-постановщик А. Вайда ; в ролях: А. Вайда, Б. Тышкевич, Д. Ольбрыхский, Б. Керц ; киностудия «Ритм». – Фильм вышел в 1965 г. – Изображение : видео // Yandex : интернет-портал. – URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=«Пепел»%20А.%20Вайда%20С%20Польша&path=wizard&parent-reqid=1635244571885620-6767540395483921899-vla1-4108-vla-17-balancer-8080-BAL-532&wiz_type=vital&filmId=13380025928363484776 (дата обращения: 23.11.2019).
6. Napoleon Bonaparte: road to Moscow : док. фильм / реж. Н. Маслин ; киностудия «Diverse». – Фильм вышел в 2010 г. – Изображение : видео // YouTube : видеохостинг, – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HIAHMLtGDC8&list=PLEA909E85531C5F64> (дата обращения: 23.11.2019).

VI. Печать

1. Die Neutralitaet der Schweiz. – Текст : электронный // Cosmopolis : [сайт]. – URL: http://www.cosmopolis.ch/cosmo34/schweiz_uno.htm (дата обращения: 24.10.2019).
2. Grzegorz, Ł. Rzeka bez powrotu / Ł. Grzegorz. – Текст : электронный // Rp.pl : [сайт]. – URL: www.rp.pl (дата обращения: 12.06.2019).
3. Małkowska, M. Berezyna oficjalnie i prywatnie / M. Małkowska. – Текст : электронный // Rp.pl : [сайт]. – URL: www.rp.pl (дата обращения: 15.06.2019).
4. Napoleon a sprawa polska. – Текст : электронный // Histurion.pl : [сайт]. – URL: http://www.histurion.pl/historia/xix_wiek/czasy_napoleona/-napoleon_a_sprawa_polska.html (дата обращения: 19.09.2019).
5. Wielkie słowa w polskim Sejmie. – Текст : электронный // Rp.pl : [сайт]. – URL: www.rp.pl (дата обращения: 18.04.2019).
6. Beresina. Die Schweizer in Napoleons Russlandfeldzug 1812. – Текст : электронный // Navigation : [сайт]. – URL: http://www.historischesmuseum.lu.ch/index/sonderausstellung/aktuelle_sonderausstellung.htm (дата обращения: 12.06.2019).
7. Bicentenaire de 1812: une reconstitution d'envergure de la bataille de Borodino. – Текст : электронный // Sputnik : [сайт]. – URL: <http://fr.ria.ru/video/20120903/195942523.html> (дата обращения: 18.04.2020).
8. Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny. – Текст : электронный // Figaro : [сайт]. – URL: <https://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions-sur-le-sc.html> (дата обращения: 15.03.2019).

9. Cérémonies Napoléon à Ajaccio. – URL: <http://www.ina.fr/video/CAF94060529> (дата обращения: 22.09.2019). – Текст : электронный.
10. Foch, F. Eloge de Napoléon prononcé le 5 mai 1921 devant le tombeau de l'empereur / F. Foch. – Paris : Berger-Levrault, 1921. – 216 p. – Текст : непосредственный.
11. France militaire: histoire des armées francaises / éd. A. Hugo. – Paris : Société de militaires et de gens de lettres, 1838. – 953 p. – Текст : непосредственный.
12. Holland bientôt la «Bérézina». – Текст : электронный // Gaullisme : [сайт]. – URL: <http://www.gaullisme.biz/article-hollande-bientot-la-berezina> (дата обращения: 24.01.2019).
13. Hollande et la Bérézina des Mistral. – Текст : электронный // Quenelplus.com : [сайт]. – URL: [http:// quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html](http://quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html) (дата обращения: 11.07.2019).
14. Journal de L'Empire / éd. Ch. G. Étienne. – Paris : Imprimerie de Lenormant, 1812-1813. – Текст : электронный // Gallica : [сайт]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32797692j/date> (дата обращения: 11.07.2019).
15. Journal général de la littérature de France. – Paris : Treuttel et Würtz, 1815-1816. – Текст : непосредственный.
16. La Gazette de France : un quotidien françaisé. – Paris : Impr, 1815 - . – Текст : непосредственный.
17. La Presse : un quotidien françaisé. – Paris, 1864 - . – Текст : электронный // Gallica : [сайт]. – URL <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34448033b/date>. (дата обращения: 11.07.2019).

18. Le Monde : un quotidien français. – Paris, 1946-2020. – Текст : электронный // lemonde.fr : [сайт]. – URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 11.03.2019).
19. Le Monde : Traktat Lizboński zwycięstwem obowiązku nad demokracją. – Текст : электронный // Rp.pl : [сайт]. – URL: www.rp.pl (дата обращения: 12.04.2019).
20. L'école ? La «Bérézina» de Sarkozy selon Christine Boutin. – Текст : электронный // Le parisien.fr : [сайт]. – URL: <http://you.leparisien.fr>. (дата обращения: 12.04.2019).
21. Le Pays : journal des volontés. – Paris, 1896-1901. – Текст : электронный // Gallica : [сайт]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4678689g> (дата обращения: 12.10.2019).
22. Le Temps : un quotidien français. – Paris, 1887-1912. – Текст : электронный // Gallica : [сайт]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34431794k/date> (дата обращения: 12.10.2019).
23. Les leçons de Bérézina. – Текст : электронный // Sputnik : [сайт]. – URL: <https://fr.sputniknews.com/20101204/les-lecons-de-berezina-1022166426.html>. (дата обращения: 22.09.2019).
24. Napoléon, future mascotte d'un parc d'attraction? – Текст : электронный // lemonde.fr : [сайт]. – URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2012/02/16/napoleon-future-mascotte-d-un-parc-d-attraction_1644311_3224.html (дата обращения: 12.06.2019).
25. Sarkozy et Napoléon le petit. – Текст : электронный // Turquie Europeenne.eu : [сайт]. – URL: <http://www.turquieeuropeenne.eu/sarkozy-et-napoleon-le-petit.html>. (дата обращения: 22.10.2019).
26. Tschärner, B. Le chant de la Bérézina / B. Tschärner. – Текст : электронный // Lettre de Penthes. – 2011. – № 17. – URL: <https://www.penthes.ch/wp-content/uploads/lettres/ldp017.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).

27. Ueli Maurer compare l'Union européenne à Napoléon. – Текст : электронный // Le Nouvelliste : [сайт]. – URL: <https://www.lenouvelliste.ch/articles/suisse/ueli-maurer-compare-l-union-europeenne-a-napoleon-229178> (дата обращения: 12.10.2019).

VII. Литература

1. Ададулов, В. Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона / В. Ададулов. – Киев : Laurus, 2017. – 393 с. – Текст : непосредственный.
2. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – Москва : Новое лит. обозрение, 2019. – 552 с. – Текст : непосредственный.
3. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014. – 223 с. – Текст : непосредственный.
4. Ассман, Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с. – Текст : непосредственный.
5. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт ; пер с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.
6. Барт, Р. Система моды : ст. по семиотике культуры / Р. Барт ; пер. с фр. С. Зенкина. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 525 с. – Текст : непосредственный.
7. Безотосный, В. М. Россия в наполеоновских войнах, 1805-1815 гг. / В. М. Безотосный. – Москва : РОССПЭН, 2014. – 629 с. – Текст : непосредственный.

8. Бессонов, В. Л. Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг. / В. Л. Бессонов. – Текст : электронный // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы Всерос. науч. конф., Бородино, 4-6 сент. 2000 г., Бородино / отв. ред. А. В. Горбунов. – Москва : Калита, 2000. – URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2000/Bessonov.pdf (дата обращения: 18.09.2019).
9. Болдина, Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г.: (по документам Центрального исторического архива Москвы) / Е. Г. Болдина. – Текст : непосредственный // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы . материалы IV и V Всерос. науч. конф., 1995-1996 гг. – Бородино : [б. и.], 1997. – С. 190-197.
10. Военнопленные армии Наполеона в России. 1806-1814 : мемуары, исслед. / сост. Б. П. Миловидов. – Санкт-Петербург : Крига, 2012. – 604 с. – Текст : непосредственный.
11. Военно-историческая антропология : ежегодник / под. ред. Е. С. Сенявской. – Москва : РОССПЕН, 2002. – 2010. – 400 с. – Текст : непосредственный.
12. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев : монография / Н. Н. Баранов, Ю. М. Галкина, А. И. Голотина [и др.] ; под ред. О. С. Поршневой [и др.]. – Москва : РОСПЭН, 2020. – 551 с. – Текст : непосредственный.
13. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 580 с. – Текст : непосредственный.
14. Гладышев, А. В. Страдания француза в России: По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену 1812-1814 гг. / А. В. Гладышев, В. П. Тотфалушин. – Текст : непосредственный // Россия и Франция XVIII - XX века. – 2006. – Вып. 7. – С. 115-137.

15. Гладышев, А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов : монография / А. В. Гладышев ; Сарат. нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 405 с. – Текст : непосредственный.
16. Головиню, Н. Н. Наука о войне : избр. соч. / Н. Н. Головин. – Москва : Астрель, 2008. – 1006 с. – Текст : непосредственный.
17. Голубев, А. В. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн / А. В. Голубев, О. С. Поршнева. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 392 с. – Текст : непосредственный.
18. Гринев-Гриневиц, С. В. Основы семиотики : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2000. – 254 с. – Текст : непосредственный.
19. Земцов, В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении / В. Н. Земцов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2001. – 572 с. – Текст : непосредственный.
20. Земцов, В. Н. Наполеон в России. Социокультурная история войны и оккупации / В. Н. Земцов. – Москва : РОСПЭН, 2018. – 431 с. – Текст : непосредственный.
21. Земцов, В. Н. 1812 год. Пожар Москвы / В. Н. Земцов. – Москва : Книга, 2010. – 138 с. – Текст : непосредственный.
22. Ивченко, Л. Л. Кутузов / Л. Л. Ивченко. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 494 с. – Текст : непосредственный.
23. Ивченко, Л. Л. Бородинское сражение: история русской версии событий / Л. Л. Ивченко. – Москва : Квадрига, 2009. – 382 с. – Текст : непосредственный.
24. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – 767 с. – Текст : непосредственный.

25. Миллер, А. Националистическая платформа, или Либеральные версии истории?: историографические развилки последних десятилетий / А. Миллер. – Текст : электронный // Карта памяти: герои и антигерои : [сайт]. – URL: <http://gefter.ru/archive/20967> (дата обращения: 12.04.2020).
26. Орлов, А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн / А. А. Орлов. – Москва : Прогресс - Традиция, 2009. – 367 с. – Текст : непосредственный.
27. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России : к 200-летию победы России в Отеч. войне 1812 года / Л. В. Мельникова, С. С. Секиринский, А. А. Подмазо [и др.]. – Москва : Кучково поле, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.
28. Попов, А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом / А. И. Попов ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара : НТЦ, 2002. – 439 с. – Текст : непосредственный.
29. После грозы. 1812 год в исторической памяти России и Европы / под ред. Д. А. Сдвижкова. – Москва : Кучково поле, 2015. – 384 с. – Текст : непосредственный.
30. Промыслов, Н. В. Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода / Н. В. Промыслов. – Текст : электронный // История. – 2020. – Т. 11, № 4 (90). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43092837> (дата обращения: 12.06.2020).
31. Промыслов, Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года / Н. В. Промыслов. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 251 с. – Текст : непосредственный.
32. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 1993. – 402 с. – Текст : непосредственный.

33. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикёр ; пер. с фр. И. И. Блауберга. – Москва : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с. – Текст : непосредственный.
34. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 369 с. – Текст : непосредственный.
35. Таньшина, Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой / Н. П. Таньшина. – Москва : Евразия, 2020. – 220 с. – Текст : непосредственный.
36. Тартаковский, А. Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковед. изучения / А. Г. Тартаковский. – Москва : Наука, 1980. – 312 с. – Текст : непосредственный.
37. Человек и война. Война как явление культуры / Челяб. гос. ун-т ; под ред. И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой. – Москва : АИРО-XX, 2001. – 478 с. – Текст : непосредственный.
38. Чудинов, А. В. 200-летие Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации / А. В. Чудинов. – Текст : электронный // История. – 2018. – № 10 (74). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37056569>. (дата обращения: 12.08.2019).
39. Чудинов, А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании / А. В. Чудинов. – Текст : электронный // Французский ежегодник. – 2012. – Т. 2012. – С. 336-365. – URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Tchoudinov.pdf> (дата обращения: 13.06.2019).
40. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / К. Шарль ; пер. с фр. Г. Галкина. – Москва : Новое изд-во, 2005. – 328 с. – Текст : непосредственный.

41. Шартье, Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? / Р. Шартье. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). – С. 10-16.
42. Шеин, И. А. Война 1812 года в отечественной историографии / И. А. Шеин. – Москва : Науч.-полит. кн., 2013. – 462 с. – Текст : непосредственный.
43. Эко, У. Отсутствующая структура : введ. в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 650 с. – Текст : непосредственный.
44. Commemorating War: The Politics of Memory. – London : Transaction Publishers, 2004. – 282 p. – Текст : непосредственный.
45. Czisnik, M. Horatio Nelson: A controversial Hero / M. Czisnik. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – 240 p. – Текст : непосредственный.
46. Dawson, G. Making Peace with the Past? Memories, Trauma and the Irish Troubles / G. Dawson. – London : Manchester University Press, 2007. – 392 p. – Текст : непосредственный.
47. Fitzpatrick, T. The Long Shadow of Waterloo. Myths, Memories and Debates / T. Fitzpatrick. – Oxford : Casemate, 2019. – 240 p. – Текст : непосредственный.
48. Forrest, A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire / A. Forrest. – New York : Gardners Books, 1989. – 320 p. – Текст : непосредственный.
49. Forrest, A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire./ A. Forrest. – London : Hambledon and London Ltd, 2006. – 268 p. – Текст : непосредственный.
50. Hartley, J. The patriotism of the Russian army in the «patriotic» or «fatherland» war of 1812 / J. Hartley. – Текст : непосредственный // Popular Resistance in the French Wars: Patriots, Partisans and Land Pirates / ed. J. Charles. – New York : Palgrave Macmillan, 2005. – pp. 181-200.

51. Koselleck, R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society / R. Koselleck. – Cambridge : MIT press, 1988. – 204 p. – Текст : непосредственный.
52. Le Goff, J. History and memory / J. Le Goff. – New York : Columbia University Press, 1992. – 265 p. – Текст : непосредственный.
53. Malksoo, M. Memory must be defended: Beyond the politics of mnemonical security / M. Malksoo. – Текст : непосредственный // Security dialogue. – 2015. – № 46 (3). – pp. 221-237.
54. Norris, S. M. A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812-1945 / S. M. Norris. – London : DeKalb, 2005. – 305 p. – Текст : непосредственный.
55. Rogers, K. Trauma: Life Stories of Survivors / K. Rogers, S. Leydesdorff, G. Dawson. – London : Routledge, 2004. – 262 p. – Текст : непосредственный.
56. Schivelbusch, W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery / W. Schivelbusch. – New York : Metropolitan books, 2013. – 403 p. – Текст : непосредственный.
57. Shaw, P. Waterloo and the Romantic Imagination / P. Shaw. – Basingstoke : Springer, 2002. – 260 p. – Текст : непосредственный.
58. Winter, J. Remembering War / J. Winter. – London : Yale University Press, 2006. – 352 p. – Текст : непосредственный.
59. Winter, J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European cultural history / J. Winter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 310 p. – Текст : непосредственный.
60. War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / ed. by A. Forrest, É. François. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2012. – 440 p. – Текст : непосредственный.
61. Duchhardt, H. Jahrbuch fur Europäische Geschichte / H. Duchhardt. – Berlin : Gruyter, 2013. – 174 s. – Текст : непосредственный.

62. Klausing, C. Die Napoleonischen Kriege in der europäischen Erinnerung / C. Klausing. – Berlin : Bielefeld, 2017. – 334 s. – Текст : непосредственный.
63. Thamer, H. U. Die Völkerschlacht bei Leipzig / H. U. Thamer. – Berlin : C. H. Beck, 2013. – 126 s. – Текст : непосредственный.
64. Augé, M. Pour une anthropologie des mondes contemporains / M. Augé. – Paris : Flammarion, 1997. – 195 p. – Текст : непосредственный.
65. Bonnet, J. C. L'Empire des Muses. Napoléon, les Arts et les Lettres / J. C. Bonnet. – Paris : Belin, 2004. – 485 p. – Текст : непосредственный.
66. Boudon, J. O. Les habits neufs de Napoléon / J. O. Boudon. – Paris : Bourin Editeur, 2009. – 180 p. – Текст : непосредственный.
67. Cardini, F. La Culture de la guerre / F. Cardini. – Paris : Gallimard, 1992. – 492 p. – Текст : непосредственный.
68. Chaillou, D. Napoléon et l'Opéra. La politique sur scène, 1810-1815 / D. Chaillou. – Paris : Fayard, 2004. – 542 p. – Текст : непосредственный.
69. Duby, G. Le Dimanche de Bouvines / G. Duby. – Paris : Gallimard, 1973. – 373 p. – Текст : непосредственный.
70. Goubina, M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812-1827 / M. Goubina. – Paris : PUPS, 2007. – 192 p. – Текст : непосредственный.
71. Jourdan, A. Mythes et légendes de Napoléon / A. Jourdan – Toulouse : Privat, 2004. – 229 p. – Текст : непосредственный.
72. Martinien, A. Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815 / A. Martinien. – Paris : Charles-Lavauzelle, 1895. – 336 p. – Текст : непосредственный.
73. Hazareesingh, S. La légende de Napoléon / S. Hazareesingh. – Paris : Tallandier, 2005. – 414 p. – Текст : непосредственный.
74. Largeaud, J. M. Napoléon et Waterloo: La défaite glorieuse de 1815 à nos jours / J. M. Largeaud. – Paris : La Boutique de l'Histoire, 2015. – 462 p.; – Текст : непосредственный.

75. La bataille de Waterloo: symbole de victoire, de défait et lieu de mémoire. – Paris : Editions de la Belle Alliance, 2015. – 144 p. – Текст : непосредственный.
76. Nora, P. Les lieux de mémoire / P. Nora. – Paris : Gallimard, 1984-1992. – Текст : непосредственный.
77. Nora, P. «L'Autre bataille de Bouvines» / P. Nora. – Paris : Gallimard, 2005. – 262 p. – Текст : непосредственный.
78. Nora, P. Rethinking France: les lieux de mémoire / P. Nora. – Loncon : Universite of Chichago, 2010. – 239 p. – Текст : непосредственный.
79. Peudon, J. L. La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire: Le jugement de Clausewitz / J. L. Peudon. – Paris : BOD, 2014. – 350 p. – Текст : непосредственный.
80. Petiteau, N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire / N. Petiteau. – Paris : Editions du Seuil, 1999. – 432 p. – Текст : непосредственный.
81. Petiteau, N. Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire / N. Petiteau. – Paris : Les Indes Savantes, 2012. – 312 p. – Текст : непосредственный.
82. Vovelle, M. L'image de la Révolution / M. Vovelle. – Paris : Gallimard, 1989. – 289 p. – Текст : непосредственный.